Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

ШТЕБА Алексей Андреевич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИФФУЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ В РАЗНОЖАНРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Н.А. Красавский

Волгоград 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ЭМОТИВНОСТЬ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ АСПЕКТЕ: ОТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ К ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 21

1.1. Эмоции как объект лингвистических исследований 21

1.2. От эмотивно-субъективной оценки к лингвистике эмоций 31

1.3. Энергийность семантики 42

1.4. Семантические приращения 52

1.5. Эмотивная тенсиональность семантики 60

Выводы по главе 1 68

ГЛАВА 2. ДИФФУЗНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОТИВНОСТИ 71

2.1. Диффузная эмотивность как нечеткое множество 71

2.2. Потенциальное сознание и диффузная эмотивность 87

2.3. Эмоционально-смысловое варьирование семантики 96

2.3.1. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции нелюбви 101

2.3.2. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции скуки 108

2.3.3. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции обиды 112

2.3.4. Лингвокультурное измерение диффузной эмотивности 120

2.4. Коммуникативная репрезентация кластерности эмоций 128

2.5. Поливалентность нейтральной оценки 137

2.6. Эвентуальность оценки 153

Выводы по главе 2 158

ГЛАВА 3. ЭКСПЛИЦИТНАЯ ДИФФУЗНАЯ ЭМОТИВНОСТЬ 162

3.1. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций 162

3.2. Сложность коммуникативной репрезентации смешанных эмоций 180

3.3. Оценочный полюс имен смешанных эмоций 187

3.4. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций и перевод их вербализаций 202

3.5. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций и лингвоэкология 221

Выводы по главе 3 234

ГЛАВА 4. ИМПЛИЦИТНАЯ ДИФФУЗНАЯ ЭМОТИВНОСТЬ 236
4.1. Диффузная эмотивность в аспекте невыраженной эмоциональности 236
4.1.1. Коммуникативная репрезентация партисипативных эмоций 237
4.1.2. Коммуникативная репрезентация невыразимых эмоций 248
4.1.2.1. Предварительные наблюдения 249
4.1.2.2. Девербализация и деэмотивизация в аспекте невыразимых эмоций 259
4.1.2.3. «Неточные слова» и дискурс невыразимого 268
4.1.3. Коммуникативная репрезентация симулируемых эмоций 280
4.1.4. Коммуникативная репрезентация редуцированных эмоций 297
4.2. Диффузная эмотивность в аспекте невыраженной оценочности 310
Выводы по главе 4 316
ГЛАВА 5. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДИФФУЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ 319
5.1. Диффузная эмотивность в художественной коммуникации 321
5.1.1. Дескрипция диффузной эмотивности в художественной коммуникации 321
5.1.1.1. Диффузная эмотивность в поэтическом тексте 322
5.1.1.2. Диффузная эмотивность в прозаическом тексте 327
5.1.2. Экспликация диффузной эмотивности в художественной коммуникации 330
5.1.2.1. Диффузная эмотивность в жанре драмы 331
5.1.2.2. Диффузная эмотивность в жанре пьесы 336
5.2. Диффузная эмотивность в интернет-коммуникации 343
5.2.1. Дескрипция диффузной эмотивности в интернет-коммуникации 344
5.2.2. Экспликация диффузной эмотивности в интернет-коммуникации 349
5.2.2.1. Диффузная эмотивность в речевом жанре комментария 350
5.2.2.2. Диффузная эмотивность в речевом жанре обзора 357
5.3. Диффузная эмотивность в повседневной коммуникации 361
Выводы по главе 5 367
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 369
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 375
Список лексикографических источников 414

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции сопровождают и каузируют любую деятельность человека. Их особенность заключается в том, что сфера эмоциональных переживаний функционирует как внутри, так и за пределами языковой способности. Доказанным является в настоящее время тезис о том, что мышление возможно вне языковой реализации [например, Bisiach, 1988; Laplane, 1997; Whorf, 1956]. Так и переживание эмоций только частично может быть выражено языком.

Смысловое (в том числе эмоционально-смысловое) содержание знаков «кристаллизуется» языком, но значимые и существенные смысловые элементы этой «огранки» теряются. Человек стремится приблизиться к гармонии внутренних переживаний/ощущений и их языковой репрезентации, что приводит к появлению новых измерений эмотивности.

Проблема изучения репрезентации эмоций в языке и коммуникации превратилась из спорного объекта исследований в самостоятельное лингвистическое направление, становление которого являет собой последовательный этап развития научного знания. Проблематика эмотивной лингвистики рассматривается не только в парадигме, к примеру, семасиологии, ономасиологии, но и через применение терминоаппарата, методов и методологии психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, дискурсивной и коммуникативной лингвистики. Данный многоплановый и полинаправленный подход к изучению особенностей актуализации эмоций в языке и коммуникации позволяет объединить в единое целое множественную природу сферы эмоционального, принципиальную неданность организации смысла и диффузность семантики языковых знаков в их коммуникативном преломлении.

Когнитивная сложность любой деятельности человека предполагает ее несводимость к элементарным принципам, вычленение которых может только очертить общий контур деятельности без объяснения сущностных свойств.

Поэтому эмотивная лингвистика оформляется изначально через понятие категоризации, определение категориальных сущностных свойств эмоций в их языковом воплощении. Такой подход показал, что неопределенный, амбивалентный, множественный характер эмоций способен отразиться в языке только частично. По аналогии с хаосом смысла, фиксация фрагментов которого определяет содержание слова, эмотивная лексика может запечатлеть только одну из условных точек потенциального эмоционально-смыслового пространства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить понятие эмотивности и охарактеризовать такое ее свойство, как диффузность. Диффузная эмотивность вбирает в себя «исключения» из конвенциональной системы эмотивности, постулирует тезис о том, что любая, даже актуализованная эмотивная семантика, по умолчанию множественна и неопределенна. Средством преодоления диффузности является контекст, понимаемый в широком смысле этого термина – как среда, в которой функционирует эмотивное слово, поскольку автономная система порождает значение из фона. Предсказуемой становится ситуация, когда в эмотиологии наблюдается «стихийное терминотворчество» для номинации нетипичной (неконвенциональной) эмотивности, а частные исследования такой «ненормативной» с точки зрения языковой конвенции эмотивности становятся более рекуррентными. Однако выбор родового термина, вбирающего в себя подобные «эмотивные отклонения» от нормы, исследователи не осуществляют.

Вслед за яркими западными и отечественными представителями лингвофилософских школ лингвистика исходит из принятия безграничности смысловой составляющей семантики, где содержание являет собой только попытку зафиксировать смысл для достижения коммуникативных целей. Пространство диффузности вбирает в себя исключения, которые в действительности представляют собой эталонные свойства знаков. Диффузность является облигаторным свойством эмотивности, что отражается

в принципиальной способности слова выражать эмоции, варьировать свой эмоционально-оценочный потенциал, «приглушать» конвенциональную оценку, вытеснять ее и помещать на передний план ситуативную эмотивность, одновременно эксплицировать несколько эмоционально-оценочных векторов.

Усложнение когнитивной деятельности и окружающей действительности приводит к укрупнению эмотивов, а также созданию новых форм экспликации эмоций, становящихся более или менее популярными, коммуникативно значимыми и достаточными. Перечень частных способов репрезентации диффузной эмотивности не исчерпывается представленными в настоящем исследовании разновидностями, в частности, имплицитной диффузной эмотивности.

Степень разработанности проблемы. Совмещение концепции нечетких множеств (Л. Заде) с широкой проблематикой аппроксимации текста (С.В. Ионова), когда любой текст всегда вторичен относительно «текста» актуального чувственного восприятия, только приближается к экспликации актуального восприятия субъектом окружающей действительности, комбинируется с лингвофилософскими концепциями (Г.И. Богин, Э. Гуссерль, З.Я. Карманова, М.К. Мамардашвили, Е.Ю. Ильинова, А.А. Потебня, Л.Н. Синельникова Г.Г. Шпет), постулирующими речь как акт выражения невыразимого.

Общая тенденция социо-гуманитарных наук к антропоцентризму приводит к тому, что сущностные психологические особенности человека начинают исследоваться в аспекте их языкового преломления. Эмотивная лингвистика (В.И. Шаховский), фокусирующая основное внимание на анализе характеристик вербальной объективации эмоций, становится полноценным и равноправным направлением лингвистических исследований. Помимо таких предметов изучения внутри эмотиологии, как соотношение понятий эмоциональность и экспрессивность (Л.Г. Бабенко, Н.О. Линке, Н.А. Лукьянова, Ю.П. Нечай, М.А. Олейник, В.Н. Телия), коннотативный аспект семантики (И.В. Арнольд, В.И. Говердовский), особенности оценочной

семантики (Е.М. Вольф, Г.Н. Скляревская), содержательные границы имен эмоций (В.Ю. Апресян, А. Вежбицкая, В.Н. Гридин), эмотивная лингвистика создает собственные метаязык и методы (Л.Г. Бабенко, Я.А. Волкова, С.В. Ионова, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский), постулирует фундаментальные теоретические тезисы, имеющие универсальный характер (В.И. Шаховский), применяет свой терминоаппарат в разнообразных дискурсах и коммуникативных практиках (З.З. Исхакова, Е.Ю. Кислякова, Т.Г. Ренц, С.С. Тахтарова, Т.И. Толкачева), выходит за пределы собственно лингвистических исследований в пространство межпарадигмальности (П.С. Волкова, Е.Ю. Ильинова, А.В. Пузырев, А.А. Романов, Е.Н. Сердобинцева А.П. Сковородников).

Эмотивность рассматривается как семантическая категория, к которой должны быть применимы сущностные особенности семантики. Одним из таких имманентных свойств семантики выступает диффузность, предполагающая множественность и неопределенность смыслового содержания, варьирующегося в зависимости от контекста (Б.Т. Ганеев, Н.В. Зимина, Л.А. Киселева (Калимуллина), И.И. Квасюк, О.М. Лысенко, Н.Д. Матарыкиной, Т.А. Трипольская, О.Г. Хабарова, Н.В. Черникова, А.В. Чернов). В парадигме «классической» эмотивной лингвистики подобная «диффузность» затрагивается, например, через проблему соотношения эмотива-стимула и эмотива-реакции или выделение потенциатива как отдельного вида эмотивов.

Вербализация смешанных эмоций как эксплицитной формы выражения диффузной эмотивности становится объектом изучения в литературоведческой плоскости (М.А. Варзаева), в теоретическом языкознании встречаются исследования, предлагающие рассматривать эмотивы внутри эмотивных комплексов (М.Б. Мркаич). Проблема диффузности семантики (в том числе эмотивной) затрагивается в исследованиях дискурса невыразимого (М.Ю. Михайлова, А.В. Нагорная.

Н.Н. Немич, Г.С. Сырица), а диминутивные эмоции в их вербализации упоминаются в социолингвистических работах (М.Н. Эпштейн).

Объектом исследования выступает языковое отражение эмоций в его коммуникативной реализации. **Предметом** изучения является разножанровое воплощение эксплицитной (выраженной) и имплицитной (невыраженной) эмотивной диффузности.

В основу выполненного исследования положена следующая **гипотеза**: усложнение чувственного восприятия действительности приводит к укрупнению языковых средств категоризации эмоций, которые пребывают в постоянном действенном и созидательном «конфликте» с языковой нормой.

Парадоксальность диффузной эмотивности состоит в том, что диффузные эмотивы являются сравнительно более точными, чем конвенциональные способы номинации и экспликации эмоций. Такая точность объясняется аппроксимативным характером диффузной эмотивности, поскольку отсутствие закрепленной («четкой») и итеративной формы выражения предполагает свободу функционирования и не имеет прескриптивного ограничивающего давления на субъекта в выборе способа объективации своего эмоционального переживания, т.е. это свобода, обусловленная отсутствием нормативного предписания.

Систематизация способов репрезентации и особенностей функционирования диффузной эмотивности, а именно экстериоризованных и интериоризованных языковых единиц коммуникативного пространства диффузной эмотивности, имплицитной и эксплицитной форм выражения диффузной эмотивности, когда доступ к сущностным особенностям диффузной эмотивности осуществляется через анализ формы выражения эмотивной семантики, составляет **цель** настоящего исследования. Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи:**

1. Уточнить актуальный статус эмотивной лингвистики в ряду смежных направлений гуманитарных исследований в целом и филологии в частности;

2. Охарактеризовать диффузность как имманентное свойство эмотивности, уточнив её соотношение с категориями нечеткости, неопределённости и амбивалентности;

3. Обосновать интерпретацию семантического варьирования эмотивных значений как следствия энергийности семантики;

4. Выявить категориальные признаки диффузной эмотивности;

5. Установить специфику коммуникативной репрезентации эксплицитной и имплицитной диффузной эмотивности;

6. Определить жанровую специфику репрезентации диффузной эмотивности в художественной, повседневной и интернет-коммуникации;

7. Проанализировать семантические, коммуникативные и дискурсивные особенности функционирования диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации.

Материалом исследования служит картотека примеров из художественной коммуникации (в том числе взятых из Национального корпуса русского языка), повседневного общения и интернет-коммуникации. Примеры фиксируют фрагменты ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых актуализируется диффузная эмотивность двух типов: выраженная (включающая словосочетания, содержащие номинацию ‘смешанная эмоция’ или словосочетания, состоящих из двух и более номинаций эмоций) и невыраженная (например, номинация эмоций, сопровождающаяся атрибутами с неопределенной семантикой), а также контексты, в которых конвенциональный оценочный знак эмотивов меняется или нейтральное слово преобразуется в эмотив; отобранный объем текстового материала примеров составляет более 5000 страниц.

В ходе проведения исследования использовались следующие лингвистические **методы и приемы**:

- компонентный анализ, позволяющий определять ядерные и периферийные семы слов;

- дистрибутивный и контекстуальный анализ, предоставляющие возможность наблюдать за функционированием отдельных слов как на линейном уровне предложения, так и внутри целого текстового произведения, а также учитывать коллокации искомого слова для определения регулярных сочетаемостных связей;

- элементы конверсационного анализа, когда высказывание внутри диалогического единства должно быть рассмотрено в комплексе с реактивными и стимульными репликами партнеров по интеракции, а не в отрыве от нее.

Опрос респондентов использовался как прием верификации отдельных формулируемых гипотез исследования.

Количественный аспект исследования обеспечивался приёмами статистических подсчётов, направленных на установление частотности и распределения анализируемых лексических единиц. В отдельных случаях использовались данные Google Ngram Viewer для выявления динамики употребления отдельных эмотивных единиц и словосочетаний в диахроническом аспекте.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют данные таких (не)собственно лингвистических направлений исследования, как феноменология, синергетика (Р. Барт, Г.И. Богин, Н.Н. Болдырев, В.В. Буданов, И.А. Герман, А.Ф. Лосев, З.Я. Карманова, Е.Н. Князева, М.К. Мамардашвили, Г.Г. Москальчук, А.С. Нилогов, Б.Ф. Поршнев, Г. Хакен, С.С. Хоружий, Г.Г. Шпет), эмотивная лингвистика (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, С.Б. Берлизон, Л.Ю. Буянова, П.С. Волкова, В.Г. Гак, К.А. Долинин, С.В. Ионова, М.М. Кадар, Г.В. Колшанский, Н.А. Красавский, Н.А. Лукьянова, О.Е. Филимонова, Е.Б. Харисов, В.И. Шаховский), лексическая семантика и семная семасиология (В.Г. Гак, Е.А. Маклакова, М.В. Никитин, А.И. Новиков, И.А. Стернин), психолингвистика (А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Е.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова):

- эмоционально-смысловые валентности знаков бесконечны, что обусловливает постоянные преобразования семантики (А.Ф. Лосев);

- энергийная природа рефлексии заключается в том, что мышление следует рассматривать как потенциал смыслообразования и смысломодулирования, который суть основной фактор развития языковой системы (М.К. Мамардашвили, Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий);

- любая деятельность человека корпореальна, опосредована телом и ограничена им; культура и социум представляются дополнительными ограничивающими восприятие человеком действительности факторами (Ф. Варела, У. Матурана);

- семантика личностна, индивидуальна, психологична; смысловое содержание знака выходит за пределы данности и предзаданности словарей в сферу контекстуальной вариативности, где человек как знак взаимодействует с окружающей его средой как семиотическим образованием (А.А. Залевская);

- эмотивность есть имманентное свойство языковой семантики; реализация эмотивности в речи и коммуникации обнаруживает следующие скрытые, но облигаторные свойства эмотивности – дискурсивность, пластичность, гибкость, флуктуативность; морфология эмотивности удерживается языком, но не огранивается его рамками (В.И. Шаховский);

- эмотивность стремится к укрупнению, как и мышление – к когнитивному усложнению; язык пытается опредмечивать это укрупнение через создание новых эмотивов или преобразование уже в нем имеющихся (С.В. Ионова, В.И. Шаховский).

Научная новизна исследования объясняется тем, что:

- семантическая категория эмотивности рассматривается в ее коммуникативной реализации;

- диффузность впервые выделяется как облигаторное свойство эмотивности языковых знаков, функционирующих в коммуникации;

- диффузная эмотивность рассматривается как более точный способ выражения эмоций по сравнению с конвенциональной (системной)

эмотивностью лексических единиц, когда диффузные эмотивы сближаются с понятием эмоционально-смыслового наполнения слов по параметрам множественности, неопределенности, многомерности, поливалентности, пластичности;

- эмотив интерпретируется как энергийное образование, отражающее понятие сложного мышления, которое не может быть ограничено условными рамками арбитрарного языка;

- неопределенность и неданность способов объективации эмоций позволяет наблюдать за особенностями создания и функционирования эмотивной лексики.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории эмотивности и представлений о природе эмотивных языковых единиц:

- уточнена типология эмотивности с выделением двух типов диффузной эмотивности (эксплицитной и имплицитной), что позволяет систематизировать проявления нечеткой и вариативной эмоционально-оценочной семантики в языке;

- представлена типология имен смешанных эмоций, что позволяет упорядочить выраженную диффузную эмотивность;

- обоснована возможность применения принципов тема-рематической организации текста для определения эмоциональной доминанты имен смешанных эмоций;

- предложено рассматривать имплицитную диффузную эмотивность как семантическое пространство, содержательные границы которого не имеют фиксированных ограничений;

- проанализирована жанровая специфика репрезентации диффузной эмотивности в аспекте обязательной симулятивности/имитативности;

- исследование вносит вклад в разработку теории оценки, предлагая интерпретацию нейтральной оценки как потенциально многовекторного семантического образования, способного актуализировать скрытые

положительные и отрицательные оценочные смыслы в зависимости от контекста.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в теории и практике вузовского преподавания: при разработке и чтении лекционных курсов по общему языкознанию, психолингвистике, спецкурсов по лексической семантике, семасиологии, лингвистике эмоций. Определенную практическую ценность имеет подход к интерпретации эмотивной семантики как переменной, при котором словарная эмотивность знаков только прескриптивна, что значимо для уточнения алгоритмов автоматического эмотивного анализа текстов. Определенную коммуникативную значимость для повседневного общения представляет акцент на определении функциональной релевантности выражения эмоций.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Диффузность – имманентное свойство эмотивности, характеризующее семантику языковых знаков и выражающее семантический потенциал слова к безграничному преобразованию, приращению. Диффузный компонент эмотивности слова обнаруживает принципиальную недостаточность языковой нормы и узуальных коммуникативных способов экспликации эмоциональных переживаний для полного и всестороннего вербального отражения сферы эмоций человека. Экспликация диффузных эмотивов в коммуникации определяет дальнейшее направление кодификации эмоций языком и первична относительно конвенциональных средств обозначения эмоциональных переживаний.

2. Любой знак обладает явным или скрытым амбивалентным потенциалом, что применимо к понятию нейтральной оценки, которая аналогично имеет два оценочных вектора. Способом объективации амбивалентности нуля выступает добавление конвенционально положительно- или отрицательно-оценочных элементов на данную оценочную шкалу, в сравнении с которыми нейтральная оценка преобразуется

либо в отрицательную при сопоставлении с положительным элементом пары, либо в положительную относительно отрицательного элемента.

3. Языковая экспликация смешанной эмоции, под которой понимается линейная симультанная вербализация двух и более номинаций эмоциональных переживаний, является суммативным понятием, где целое больше суммы его частей. Несводимость эмоционально-смысловой специфики имени смешанной эмоции к сумме составляющих его компонентов позволяет выделять в нем эмоциональную доминанту, т.е. основное (ядерное) эмоциональное состояние, через последовательность линейного развертывания экспликанта смешанной эмоции в тексте. Постпозитивная часть словосочетания, номинирующего смешанную эмоцию, по принципу тема-рематического развертывания определяется как ядро, а препозитивная как периферия.

4. При переводе номинаций смешанных эмоций сохраняется оценочная доминанта. Это сопровождается последующим «размыванием» эмоциональной составляющей через варьирование номинаций эмоциональных переживаний в языке перевода. Подобные преобразования, обнаруживаемые при переводе, обусловлены не только семантическим потенциалом языковых знаков к развитию, изменению, уточнению, но и имманентным диффузным характером эмотивности.

5. Диффузная эмотивность менее аппроксимативна по сравнению с конвенциональными средствами экспликации эмоций. «Языковая норма» обозначения эмоциональных переживаний – внешняя навязываемая говорящему форма, которую он привыкает использовать для передачи своих эмоций. Эмотивы, содержание которых нечеткое, неопределенное, вариативное, наделяют экспликацию эмоций бóльшей индивидуальностью и позволяют говорящему приблизиться к репрезентации актуально переживаемой эмоции.

6. Формы экспликации диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации указывают на то, что вербализация эмоций человеком может

быть либо имитативной, либо симулятивной. В речевых жанрах беседы, разговора, спора в рамках устной коммуникации говорящий прикладывает усилия для того, чтобы приблизиться к передаче актуального эмоционального переживания, а язык дает возможность неинтенционально имитировать эмоции. Жанры драмы и пьесы в рамках художественной коммуникации предполагают продуманную и прагматически ориентированную репрезентацию эмоций. Читающий убеждается в реальности происходящего, т.е. имитация эмоций носит интенциональный характер. Рассмотренные жанры обзора и комментария Интернет-коммуникации обнаруживают высокую частоту использования речевых приемов манипуляции и актуализацию эмоций для успеха воздействующего на адресата общения, когда диффузный характер эмотивности симулируется, на что указывают неестественность, гиперболизация, избыточность экспликации эмоциональных переживаний.

7. Экспликация партисипативных, симулятивных, редуцированных эмоций внутри коммуникативного пространства диффузной эмотивности позволяет выделить при наличии одного плана выражения двух планов содержания: внешний – для стороннего наблюдателя, адресата и внутренний – как форма отражения говорящим/пишущим собственных эмоциональных переживаний, которые подавляются социальной нормой актуальной среды общения.

8. Художественная коммуникация представляет собой продуктивную среду, с которой взаимодействует автор и безграничные элементы которой он использует для репрезентации своих эмоциональных переживаний. Внешние требования к стилевой, эстетической, экспрессивной составляющим художественной коммуникации направляют усилия автора на поиск новых и нарушающих рамки конвенции форм выражения эмоций. Наблюдение за поэтическими произведениями показало высокую представленность уникальных эмотивных формообразований в жанре поэзии. Внутри прозаических произведений в жанре драмы используются эмоции как

ключевые опорные пункты повествования; в современных пьесах эмоции персонажей упрощены, часто смещены на оценочной шкале к кластеру отрицательных.

9. Интернет-коммуникацию характеризует избыточная эмотивизация общения, следствием чего становится деэмоционализация интерактивного взаимодействия. Формы дескрипции эмоций в виртуальном общении упрощены; в жанре комментария значимую роль играют либо искусственные положительные комментарии для привлечения внимания к автору публикации и собственной странице комментатора в социальной сети, либо исключительно отрицательные, направленные на побуждение адресата продолжить деструктивную коммуникацию. В жанре обзора эмоции выполняют фундирующую функцию: выражение эмоций и эмоциональная окраска речи особо значимы для успешной реализации говорящим коммуникативной цели.

Достоверность результатов исследования обеспечивается представительной выборкой научных источников по теме диссертации, а также репрезентативным практическим материалом исследования как из личной картотеки примеров, так и Национального корпуса (устного и письменного) русского языка; корректным определением цели, выбором методов и приемов исследования применительно к поставленным задачам; широким использованием теоретических данных из смежных с лингвистикой наук; логикой изложения материала, организованного в систему.

Личный вклад соискателя состоит во введении в научный обиход понятия «диффузная эмотивность», аргументировании целесообразности рассматривать диффузность как имманентное свойство эмотивности, создании классификации диффузных эмотивов и анализе их характерных особенностей, описании функциональности линейного развертывания диффузного эмотива для определения его эмоциональной доминанты, выявлении значимой специфицирующей особенности вербализации смешанных эмоций, для которых конвенциональная номинация превращается

в дескрипцию, анализе жанровых особенностей репрезентации диффузной эмотивности, рассмотрении диффузной эмотивности сквозь призму намеренной или вынужденной имитативности, выделении аспектов невыраженной оценочности и эмоциональности внутри имплицитной диффузной эмотивности.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Содержание исследования отражено в 50 публикациях (32 п.л.), в т.ч. 20 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедр романской филологии и языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2020-2026), на международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях (Ростов-на-Дону, 2016; Волгоград, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025; Орел, 2017; Москва, 2017, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026; Ереван, 2018; Краснодар, 2019; Тверь, 2024), в том числе XIII Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, 2017), «Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония» (Москва, 2018); научно-теоретический онлайн-семинар «Человек в коммуникации: проблемы эмотивной лингвистики», посвященного 50-летию лингвистики эмоций в России и юбилею ее основателя – заслуженного деятеля науки РФ, проф. В.И. Шаховского (Волгоград, 2019); научно-практическая конференция «Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации» (Краснодар, 2019); III Международная научно-практическая конференция «Диалог культур и культура диалога: цифровые коммуникации» (Москва, 2022); Международная научно-практическая конференция, посвящённая 95-летней годовщине со дня рождения А. А. Залевской и Г. И. Богина «Слово и текст: поиски смысла» (Тверь, 2024). По материалам исследования опубликована монография «Коммуникативное пространство диффузной эмотивности» (15,9 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и лексикографических источников.

Во *введении* представлены объект и предмет исследования, обозначены актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы цель и задачи изучения диффузной эмотивности, изложены основные положения исследования.

В первой главе «*Эмотивность в ретроспективном аспекте: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике*» намечены основные предпосылки к созданию такого самостоятельного направления лингвистических исследований, как эмотивная лингвистика. Осуществляется попытка поиска «первоисточника», стимулировавшего последующее создание эмотиологии. Отдельное внимание обращено на проблему эмоционально-смысловой динамики семантики как ее имманентной характерной особенности. Подобный потенциал значим для экспликации эмоций, поскольку указывает на возможность «прорыва» энергийной, т.е. пластичной, поливалентной, безграничной, потенции в сферу ситуативной контекстуальной коммуникативной реализации.

Вторая глава «*Диффузность как имманентная характеристика эмотивности*» задает межпарадигмальную связь исследования с концепцией нечетких множеств (*fuzzy sets*), становится важной теоретико-методологической опорой для объяснения возможности объективации эмоционально-смыслового потенциала слова. На примере трех эмотивов-реакций, выбранных, скорее, в соответствии с предпочтениями автора, демонстрируется реализация эмоционального и смыслового варьирования семантики в художественной коммуникации, а также описываются особенности репрезентации «необычных» для рекуррентной конвенции эмоциональные переживания в разносистемных языках. Постулируется интуитивно воспринимаемое положение, которое не нашло прямого выражения в проанализированных автором теоретических работах о том, что

нейтральная оценка вбирает в себя два полюса оценки и обнаруживает такой амбивалентный потенциал при сопоставлении с более или менее положительным/отрицательным элементом пары.

Третья глава «*Эксплицитная диффузная эмотивность*» представляет собой попытку описать особенности диффузности как имманентного свойства эмотивности на примере узуального словосочетания *смешанные эмоции/смешанные чувства*, широко используемого в языке. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций ставит ряд практических вопросов (оценочная доминанта, типология, функциональный потенциал), на решение которых направлены усилия. Сопоставительный анализ репрезентации смешанных эмоций на языке источнике и их (экспликаций смешанных эмоций) перевод позволяет проследить за неявным, но актуальным для коммуниканта пониманием, что для имен эмоций не может быть одного инвариантного способа передачи, т.е. практический переводческий аспект объективирует сущностную особенность эмотивности – ее диффузный характер.

В четвертой главе «*Имплицитная диффузная эмотивность*» создается инвентарь некоторых частных способов объективации диффузной эмотивности внутри двух парадигм: невыраженной эмоциональности и невыраженной оценочности. Выделенные аспекты имплицитной диффузной эмотивности (например, экспликация партисипативных, симулируемых, редуцированных эмоций) не исчерпывают актуальное пространство эмотивной диффузии, отвечающей на неудовлетворенность языкового пользователя данностью языковых возможностей, что приводит к конструктивному хаосу, выводя систему из равновесного состояния арбитрарности, тем самым развивая ее.

Пятая глава «*Жанровая специфика диффузной эмотивности*» на примере художественной, интернет и бытовой коммуникации демонстрирует диффузность эмотивности. Широкое понимание жанра (литературоведческое и генристическое) позволяет рассмотреть актуализацию диффузности в

поэтических и прозаических текстах, драме и пьесе, на базе речевых жанров комментария и обзора, в рамках повседневной коммуникации, недифференцированно для настоящего исследования вбирающей жанры разговора на улице, разговора по душам, беседы и пр. Реализация диффузной эмотивности в разножанровой коммуникации предоставила возможность сформулировать значимое теоретическое положение об облигаторной имитативности экспликации эмоций, когда «вторичный текст» языковой экспликации строится на основе «первичного текста» актуального эмоционального переживания.

В *заключении* подведены общие итоги исследования, намечены перспективы дальнейшего теоретико-практического изучения проблемы языковой репрезентации диффузной эмотивности.

ГЛАВА 1. ЭМОТИВНОСТЬ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ АСПЕКТЕ: ОТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ К ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Совмещение антропологического и феноменологического подходов в лингвистике предполагает изучение языка в его взаимосвязи с человеком, окружением, средой. Место эмоций в деятельности человека коммуницирующего первостепенно и выполняет как мотивационную, так и фундирующую функции. Пластичность, множественность, амби- и поливалентность эмоций соотносятся, к примеру, с возможностью гибкой подстройки человеком его коммуникативного поведения, безграничной потенцией реагирования в живой (или художественно моделируемой) коммуникации, актуализацией множества коммуникативных ролей. Оперирование словом одновременно ограничивает человека и дает ему неограниченные возможности для лингвокреативной деятельности, поскольку даже конвенциональное ограничение семантики не сдерживает ее эмоционально-смысловой потенциал. Уместно вспомнить суждение Г.Г. Шпета: «Само слово в его формах является предметом не только изучения, но и фантазирующего преобразования его форм» [Шпет, 2006, с. 209].

.

1.1. Эмоции как объект лингвистических исследований

Несмотря на утверждение В. фон Гумбольдта, что вся деятельность человека пронизана эмоциями, только со второй половины XX века лингвисты рассматривают эмотивность как общеязыковую лингвостилистическую категорию, представляющую собой способность языковых средств выражать эмоции. Проблема экспликации эмоционального компонента слов относилась до недавнего времени к одной из наименее изученных и наиболее проблематичных в лингвистике.

В исследовании С.Б. Берлизон [1973] указывается, что слова могут быть наделены эмоциональными свойствами и лишены их в языке. Лишенные эмоционального компонента лексические единицы в речи (тексте) приобретают окказиональную эмотивную маркированность. Это становится возможным по причине наличия в семантике слова эмоционально-чувственного компонента значения, который обязательно включает индивидуальную плоскость переживаний индивида [Мягкова, 2000], а создание слов для обозначения объектов окружающей действительности не способно исчерпать смысла вещи [Султанов, 2001, с. 285]. Вопреки конвенциональной эмоционально-оценочной составляющей, последняя может меняться и употребляться для экспликации противоположных эмоциональных переживаний [Берлизон, 1973, с. 90].

Вербализация эмоций рассматривалась в аспекте дихотомии языка и речи. Считалось, что окказиональная эмотивность слова, приобретаемая им в речи (тексте), синтагматична и отсутствует в парадигматике. К примеру, актуализаторами эмотивности слов могут выступить следующие условия: сочетание нейтрального слова с эмоциональным, использование нейтрального слова в качестве восклицания, прибавление уменьшительно-ласкательных суффиксов, вопросительное предложение и пр. [Берлизон, 1973, с. 91-93].

Эмоциональное связывается с беспорядком, нарушением нормальной мыслительной деятельности [Вольф, 2002, с. 215], т.е. речь идет о деструктивном влиянии эмоциональных переживаний на «нормативность» речевой деятельности. Эмоции приводят к дисбалансу эмотивности, когда погружение лексической единицы в контекст, к примеру, накладывает на слово не только облигаторные ограничения, но и сама оценка может преобразоваться (наложение факультативных элементов) [Там же, с. 11]. Также экспрессивные средства речи склонны устаревать [Балли, 1955, с. 26], но обновление данного фонда может происходить не только через создание новых приемов воплощения экспрессии, но и за счет преобразования внутренней нормативной структуры экспрессивной лексики. Экспрессивность

предложено понимать традиционно как совмещение в семантической структуре слова оценочного, эмоционального и образного компонентов.

Как указывал Ш. Балли, несмотря на четко прослеживаемую дихотомию между логическим восприятием и эмоциями, речь среднего человека, т.е. того, кто создает и изменяет язык, выражает в первую очередь чувства, поскольку человек всегда «примешивает» к своей деятельности чувственный компонент. Данный чувственный компонент может быть двух видов: индивидуальным и социальным, когда индивидуальные чувства предполагают эмоциональные побуждения, а социальные происходят из вне-индивидуального опыта человека. Восприятие эмоциональной окраски слова обусловлено внутренней операцией его сопоставления с другими [Балли, 2001, с. 22-23, 26, 39], на фоне которых обнаруживается степень эмоциональной маркированности семантики (ср.: личностный смысл является многомерным образованием, состоящим из социального и индивидуального компонентов [Леонтьев, 1983, с. 14]). В целом слова, которые могут быть использованы для выражения и понимания эмоций, принципиально не ограничиваются эмотивной лексикой, поскольку язык фиксирует только культурно значимую, социализированную эмоцию высшего порядка [Мягкова, 2023, с. 79, 85], а индивидуальный эмоциональный опыт, отражающийся в речи конкретным говорящим, распространяется на весь актуальный и потенциальный массив лексического состава.

Считается, что от степени освоенности субъектом некоторого объекта зависит роль эмоционального компонента в личностном смысле словесного знака [Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998, с. 59]. Здесь нужно обратить внимание на два противоположно направленных процесса: культурное освоение некоторого объекта наделяет его в языковом сознании дополнительным со-значением, а низкая степень освоения объекта связана с эффектом новизны, таинственности, непредсказуемости, поэтому она также может являться стимулом для переживания эмоций.

Эксплицированные языковыми средствами эмоции принято называть эмотивами. Эмотивность, будучи семантической категорией, представляет собой языковое отражение и выражение эмоциональности. Эмотивная лексика является доминирующим средством отображения эмоций в языке, с ее помощью отображается «анатомия чувств». Данный лексический пласт расщепляет мир эмоций человека на элементарные компоненты и называет их. Подобная кристаллизация эмоций человека условна, поскольку эмотивы, как считает Л.Г. Бабенко, могут быть и окказиональными или индивидуальными (нейтральными и образными, простыми и сложными) [Бабенко, 1989, с. 133].

Распространенным являлось мнение о существовании в языке слов, безразличных для оценки [Вольф, 2002, с. 16]. Данное понятие соотносится с внеэстетическим или эстетически безразличным, не вызывающим ни положительной, ни отрицательной эстетической реакции [Шпет, 1989, с. 432]. Действительно, некоторые лексические единицы на уровне конвенции лишены явной оценочной составляющей, поскольку узуально они не выступают объектом оценки. И.В. Арнольд соглашается с перечисленными положениями и выделяет два вида эмоциональности: узуальную и окказиональную [Арнольд, 2004, с. 154]. Непреодолимой границы (*une cloison étanche*) между объективной (дескриптивной) и субъективной (оценочной) сторонами прилагательного быть не должно, взаимодействие объективного и субъективного соответствует зонам, предполагающим последовательное пересечение, наложение, включение, чтобы вместить амбивалентное, неопределенное в свою парадигму [Jamrozik, 1988, p. 88].

Можно учитывать открытие новой валентности у слова в форме, к примеру, интенционального нарушения лексической сочетаемости (*бесцветные зеленые идеи спят яростно, омлет ушел не расплатившись, или круглый запах*), при котором преимущественно объективное прилагательное превращается в эмоционально-оценочное и задает потенцию для последующего развития актуализированной парадигмы по аналогии (*квадратный запах, треугольный запах, мягкий запах, твердый запах и под.*).

З.Я. Карманова указывает, что в рамках феноменологического подхода слово *яблоня* может иметь индивидуально-личностное и конкретное представление, т.е. представлять собой нейтральное переживание без смысловых наложений или становиться способом выражения отношения говорящего к объекту, переходить в разряд разомкнутых слов с относительно надындивидуальной семантикой [Карманова, 2022, с. 52]. Заметим, что феноменология внутренней формы слова вбирает в себя комплекс околометафорических сложных понятий, раскрывающих сущностные особенности слова (*энергия смысла и стихия смысловых энергий, мир смысловых отношений и многообразие внутренних отношений, внутренний смысловой потенциал, динамика смысла и живая энергия смысла, энергийно-подвижная инаковость мысли, рефлексивная связанность слова и сознания*) [Карманова, 2010, с. 44].

По мнению В.И. Жельвиса, онтологическим признаком эмоциональной лексики считается ее неформализованный и размытый характер, эмотивность континуальна, эмотивные значения бесконечно перетекают друг в друга [Жельвис, 1991, с. 54, 57]. С некоторыми объектами человек не вступает в прямое взаимодействие, поэтому оценивать их с позиции «хорошо-плохо» не представляется целесообразным. Однако с позиции нечетких множеств (подробнее см. далее) объекты распределяются на амбивалентной шкале + VS –, которая имеет множественные и потенциально не ограниченные деления. Формально последние можно обозначить с помощью оценочных прилагательных и наречий. Тогда даже нейтральные к оценке слова, номинирующие соответствующие им объекты, могут быть распределены на оценочной шкале. Также в зависимости от особенностей реализации элементов языка в речевой ситуации слова могут вбирать в себя оценочную и эмоциональную составляющие. Это соотносится со ставшей общепризнанной позицией о том, что деление словарного состава языка на эмоциональный и нейтральный ошибочно и нерезультативно, так как, по справедливому замечанию В.И. Шаховского. эмотивность дискурсивна, любое слово может превращаться в эмотивно заряженное [Шаховский, 2008, с. 184].

Добавим, что В.Н. Телия, рассуждая об эмотивно-оценочной шкале, использует понятие многомерной структуры, которая может отразить убывание/нарастание качественного или количественного признака применительно к стандарту, эталону (квазистереотипу), а также градацию по соотнесению эмоционального отношения реципиента к квазистереотипу, личностно-прагматическое измерение [Телия, 1986, с. 50-51]. Актуальный эмотивный смысл внутри контекста представляет собой, например, преобразование семантики слова, в том числе изменение системного эмотивного значения:

– Я твой отец, мальчуган! – И когда Дядёк выговорил эти слова, сердце у него всполошилось, как пожарный колокол.

Хроно и бровью не повел.

– И что с того? – сказал он с леденящим безразличием. <...> На Марсе это слово было эмоционально стерильным (К. Воннегут).

В данном примере положительно-оценочный коннотатив (*отец*), ассоциативно соотносимый с понятиями *семейство, родство, любовь,* теряет свою эмоционально-оценочную составляющую.

Личностный смысл, определяемый отношением мотива к цели [Леонтьев, 1983, с. 12], как восприятие субъективной значимости предмета [Маслова, 2011 с. 164] предполагает закрепление за определенным словом ассоциаций, которые задает не дистрибуция слова, а личностный эмоциональный опыт субъекта. Смысл и значение приобретаются только в том, в чем участвует некоторый субъект; смысл всегда личностно значим, поскольку придать смысл можно только тому, что человек испытал на себе. Полагание объекта вне себя наделяет его лишь значением, которое выступает продуктом чужого сознания и чужой воли [Мамардашвили, 2023, с. 94-95].

Экспрессивность как лексико-семантическая категория может быть внутренней и внешней, т.е. обладать системным и речевым статусом [Лукьянова, 1986]. Экспрессивность не дополняет значение слова, а является однопорядковым с предметным содержанием в аспекте своего статуса –

органичным, а не только приобретенным дополнительным компонентом значения [Лукьянова, 2009, с. 213]. Экспрессивность, которая состоит из образности, интенсивности и эмоционально-оценочной (эмотивная оценка) составляющей, является результатом одновременно логической (денотативное содержание) и эмоционально-психической (коннотативное содержание) деятельности сознания [Там же, с. 211]. По мнению В.Г. Гака, экспрессивность может быть двух видов: собственная или объективная и направленная или субъективная [Гак, 1966, с. 121], которая подразделяется на положительную или отрицательную, что зависит от коммуникативного намерения говорящего.

Эмотивность у́же экспрессивности, поскольку создание выразительного образа не обязательно сопровождает эмоционально-оценочное маркирование семантики слов. Интенсивность значима для эмотивности в аспекте, к примеру, наблюдений за динамикой превращения нейтрального слова в эмотив либо преобразования эмоционально-оценочной составляющей семантики вплоть до мены эталонного (конвенционального) оценочного знака. Интенсивность («*увеличительная экспрессивность*» по И.В. Арнольд) зависит от ощущения, производимого употреблением слова на адресата. Степень интенсивности обратно пропорциональна вызывающей образ из памяти ассоциации [Говердовский, 1989, с. 25].

Дополнительное к логико-предметному значение слова обозначается термином «коннотация». Коннотация рассматривается как надстроечный смысл, «окутывающий» денотативную семантику слова, задающий ее эмоциональную тональность [Бабенко, 1989, с. 55]. В.Н. Телия определяет коннотацию как смысловой компонент, узуально или окказионально входящий в семантику и выражающий эмотивно-оценочное и стилистически окрашенное отношение субъекта к действительности. Особенность коннотации как макрокомпонента семантики состоит в совмещении денотативного, категориально-грамматического и эмотивно-модального компонентов значения. Эмотивность может быть следующих видов:

эмоционально-экспрессивной, оценочно-экспрессивной, включающей квалификативно-оценочную и квантитативно-оценочную [Телия, 1986, с. 127]. Соответственно важнейшим компонентом коннотации считается оценка, но также содержание коннотации составляют эмотивный, эмоциональный, экспрессивный, ассоциативный, образный и стилистический компоненты [Кислицына, 2022, с. 86-87].

Интересный подход к коннотация предложен Н.Н. Кислицыной, которая указывает, что денотативный компонент значения оттесняется коннотативным, потому что последний позволяет определить те элементы значения, которые являются системным свойством слова, и те, которые им приобретаются в ходе коммуникативного функционирования; зафиксированное в словаре коннотативное значение слова дает возможность создать оппозицию с неконнотативными значениями, обнаружить их, сформировать их значимость [Кислицына, 2022, с. 84-85, 128]. Надстроечная структура коннотации имеет мотивирующее основание (внутренняя форма), эмоционально-оценочную модальность и стилистическую маркированность [Там же, с. 110]. Широкое понимание коннотации представляет собой окказиональную эмотивно-оценочную отмеченность слов. В этом случае коннотация сближается с подтекстом [Там же, с. 121], поскольку механизм эмоционально-смыслового приращения семантики идентичен и распространяется на возникновение как устойчивой, так и факультативной эмотивности.

В трудах В.И. Говердовского, который образно определял коннотацию слов как средство «*оживления речи*», «*колебание*», «*момент эстетического*», «*тень семантики*», отражено широкое понимание коннотации, включающее не только эмоционально-оценочные рамки, но и разного рода психические ассоциации, связанные со словом. Коннотация может быть исторической, культурной, социальной и пр. Одновременная принадлежность коннотации языку и речи объясняет ее динамичность [Говердовский, 1989, с. 52]. Можно разграничить понятия коннотации и коннотативного признака семантики,

который соответствует ассоциативному компоненту. Коннотация преимущественно статична, конвенциональна, имеет языковой характер, а коннотативный признак (т.е. потенциальная эмоционально-оценочная составляющая семантики) становится характеристикой реализации слова в речи, при которой слово насыщается дополнительными компонентами.

Живая эмоция всегда субъектна, является достоянием личности [Долинин, 1985, с. 270], поэтому и средства выражения эмоций всегда индивидуальны: даже при условии использования говорящим стандартной конвенциональной формы экспликации эмоций, частное эмоционально-смысловое наполнение выбранной формулы для выражения эмоций является специфичным. Незавершенность характеризует смысловое наполнение слова, поскольку субъектное слово вбирает в себя не столько социальный, а индивидуальный опыт человека, соотносится с внутренним миром языковой личности [Карманова, 2010, с. 38-39].

Речевые преобразования коннотации слова, являющейся эмотивно окрашенным элементом содержания высказывания [Кислицына, 2022, с. 63], обусловлены «вербальной сатиацией» (от лат. *satiate – вдоволь, достаточно*) как стиранием эмоционально-оценочной коннотации по причине частого использования слова в речи. В.И. Говердовский выделяет важный аспект коннотации – энантиоконнотемию, предполагающую объединение в целое противоположных по оценочному знаку коннотем. Под коннотемой предложено понимать морфемную реализацию коннотата. Объединение в единое целое в рамках слов противоположных коннотем приводит не только к преобладанию одной коннотации над другой, но и к созданию нового семантического качества. Отметим, что выделяются также коммуникемы-энантонимы [Острикова, 2013], к которым относится отдельная группа эмоционально-оценочной энантиосемии. Энантиосемичные коммуникемы в форме междометий могут в соответствии с коммуникативной ситуацией модифицировать свой эмоционально-оценочный вектор; последний подстраивается (эмоционально-смысловой тьюнинг) под коммуникантов, их

коммуникативные намерения и цели. Однако эмоционально-оценочные границы в данном случае являются обобщенными (к примеру, полюс ‘удовольствия-радости-счастье’ и полюс ‘огорчения-печали-несчастья’). Конкретизировать интерпретативное эмоционально-оценочное пространство станет контекст, в котором наряду с энантиосемичной коммуникемой эксплицированы дополнительные частные эмоциональные переживания, их симптомы. Подобная особенность энантиосемии приводит Г.Н. Острикову к выводу о том, что, с одной стороны, оценочная энантиосемия часто вбирает в себя одинаковые по объему и качеству наполнения симметричные противоположные значения, а, с другой стороны, неограниченное поле эмоциональной оценки становится причиной асимметрии энантиосемичных значений эмоционально-оценочных коммуникем [Там же, с. 35].

И.В. Арнольд включает в понятие коннотации эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения [Арнольд, 2004, с. 153]. К.А. Долинин определяет статус коннотации как имплицитный и вторичный по отношению к денотату, коннотативное содержание слова исследователь сводит к стилистическому [Долинин, 1985, с. 37]. Действительно, стилистический эффект слова проявляется всегда на фоне условно нейтральной нормы, когда отклонение притягивает внимание адресата и оказывает на него воздействующий эффект. Поскольку воздействие связано преимущественно со сферой эмоций, сведение коннотации к стилистической составляющей предполагает эмоционально-оценочно-образный компонент.

По мнению К.А. Долинина, потенциально эмоционально-оценочную маркированность может получать любая лексическая единица, поскольку личностная эмоция направлена на преодоления знаковости языка: «В речи экспрессивным может быть практически любое выражение, если оно неожиданно, непредсказуемо» [Долинин, 1978, с. 120], когда «непредсказуемость» может быть сюжетной и смысловой, т.е. индуцируемой реальным или виртуальным контекстом (под виртуальным контекстом

предполагается сочетание слова как знака с говорящим, представляющим также знаковое образование). Высказанное уточнение соотносится с понятиями речевого и культурного контекстов [Там же, с. 122] в аспекте проблемы слов-нарушителей конвенции. Эмоция не может быть адекватно выражена словом, поскольку ее переживание определенным субъектом индивидуально, неповторимо, а слова, используемые для экспликации сферы эмоций, остаются общими для членов языкового коллектива.

1.2. От эмотивно-субъективной оценки к лингвистике эмоций

В своей кандидатской диссертации, предметом исследования которой выступили понятия эмотивно-субъективной оценки, средства и способы языкового выражения субъективной эмоциональности в английском языке, В.И. Шаховский [1969] рассматривает частную проблему эмотивного аспекта семантики слов, но в то же время закладывает основы для дальнейших исследований в области эмотивной лингвистики. К задачам, которые исследователь ставит для разрешения, отнесены в числе прочих следующие – исследование объективности эмотивной семы в семантической структуре, изучение условий реализации данной семы, в том числе валентностного потенциала лексических единиц. Исследовательский фокус внимания смещен к дериватам имен существительных, образованных преимущественно суффиксальным способом. Ученый указывает, что ряд суффиксов имеет аффективное происхождение (к примеру, суффиксы ласкательности, уничижительности и пр.), что соответствует понятию эмотивно окрашенных дериватов.

Совмещение в семантической структуре диминутивных суффиксов предметно-логической и эмотивно-оценочной составляющих является признаком бифункциональности, предполагающей реализацию объективно-различительной и эмотивно-экспрессивной функций. Несмотря на сдержанность изложенного подхода к месту и значимости эмотивного компонента семантики, указывается на то, что эмотивно-оценочные оттенки

значения могут превращаться в основное содержание деривата [Шаховский, 1969, с. 9]. В аспекте анализа семной структуры эмоционально-оценочных дериватов показано, что эмотивная сема не зависит в них от индивидуального употребления, а, напротив, остается объективной для всех говорящих. При рассмотрении оценочных прилагательных как средства выражения эмотивно-субъективной оценки выделены узуально эмоциональные и узуально нейтральные прилагательные, которые отнесены к категории объективных информаторов, пустых в плане эмотивного содержания. Интересен осуществленный анализ дистрибутивных связей внутри трехкомпонентных словосочетаний (прилагательное + прилагательное + существительное) для экспликации эмотивно-субъективной оценки. Показано, что положительно-оценочное существительное предполагает сочетание с положительно-оценочным прилагательным и наоборот [Там же, с. 21]. Подобный структурный подход был необходим как начальный этап изучения сочетаемостного потенциала эмоционально-оценочных слов и установления его безграничного потенциала.

Ряд бегло обозначенных в кандидатской диссертации В.И. Шаховского проблем входит в дальнейшем в проблемное поле эмотивной лингвистики. К примеру, значимость валентностного потенциала слов как актуализатора эмотивной семантики трансформируется позднее в понятие эмотивной валентности, формальные границы которой будут расширены до положения о способности любых семиотических образований сочетаться на основе явных или скрытых эмосем, т.е. эмотивным валентностным потенциалом обладают не только слова, но и разнородные по своей природе знаковые образования. По В.А. Звегинцеву, значение всегда производно от коммуникативного намерения [Звегинцев, 1965, с. 41], поскольку в коммуникации речевой знак не может быть сведен к набору дискретных функций, за пределами которых остаются безграничные смысловые потенции слова, актуализируемые в речи, а также взаимосвязь синтагматических и парадигматических связей слова,

соотношение слова как знака с иными окружающими его актуально и потенциально семиотическими образованиями.

Коммуникация способствует реализации смысловых потенций слова, поскольку, среди прочих, она обладает такими характеристиками, как пластичность, уникальность и смежность [Логиновская, Черникова, 2022, с. 68], т.е. пластичность коммуникации заключается в предоставлении смыслу возможности вступать в неограниченное множество ассоциативных связей, уникальность – неповторимость коммуникативного потенциала на основе языкового опыта (уникальность языкового опыта для каждого отдельного «оператора» коммуникации), смежность – создание многослойных отношений одного и того же объекта с безграничным окружением. Положение о бесконечных смысловых валентностях становится основой при формулировании ключевых положений разработанного В.И. Жельвисом спецкурса [Жельвис, 1991], посвященного эмотивному аспекту речи. Ученый в числе прочих выделяет постулат об амби-, поливалентности эмоций и средств их выражения, когда сложный состав эмоций обусловливает неоднозначность эмотивной составляющей слов, эксплицирующих эмоциональные переживания/состояния. Основой указанного спецкурса выступила инвективная лексика, по причине чего особое внимание уделяется эмотивным модуляциям слов: потенциальные константно возникающие смыслы слова в контексте являются постоянным свойством семантики.

В.И. Жельвис отмечает, что представление эмоций в виде шкалы или «непрерывной ленты», на которой осуществляется плавный переход от эмоций одного знака к противоположно оценочным эмоциональным переживаниям, недостаточно. Беглый обзор активных эмоциональных состояний, к примеру, любви и ненависти подтверждает сомнения автора относительно возможности линейной организации сферы эмоционального, когда одно и то же состояние (любовь и ненависть) предполагает необходимость сближения с адресатом, но стремление к этой интимности

характеризуется противоположной оценочностью, а одно и то же эмоциональное состояние способно неограниченно преобразовываться, уточняться. Актуализация слова в широком контексте может приводить к «гашению» оценочной составляющей, т.е. у слова открывается новая валентность через сочетание с контекстом как знаком, а эмоции переливаются одна в другую. Наш опыт всегда меняется и постоянно зависит от конкретной ситуации, поскольку быть человеком предполагает перманентное нахождение в некоторой ситуации, некотором контексте, некотором мире. Взаимодействие объекта со средой представляет коэволюцию, при которой закономерности среды не предзаданы заранее, а энактируются (порождаются) в результате сопряжения (порождение смысла из фона понимания) [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 167, 283, 356].

Например, в прозе Ж. Батая невозможное выражается в том числе в смешении эмоциональных переживаний:

Ужас, вперемешку с несчастной любовью, ясностью (*Ж. Батай*).

Нейтральное превращается в коннотативное, где эмотивная семантика актуализируется, как правило, через противоречия, невозможное:

От страха, что Б. покинет меня, оставит одного и больного желанием сгинуть, как помойный отброс, у меня в конце концов сильно поднимается настроение.

<...>

Счастлив, словно метла, которой размахивают в воздухе.

<...>

я живу – погрязнув в тревоге, – и я боюсь смерти,

потому что недостаточно люблю жизнь (*Ж. Батай*).

В единое целое оформляются амбивалентные единицы, что создает, если не оксюморонимы, то амбивалентные композиты:

Я злосчастен, одинок, убог (*Ж. Батай*).

Конвенциональная оценочность, напротив, меняет свой знак, что обусловлено скоплением внутри текстовых фрагментов формально противоречивых понятий:

В тот миг желание (тревога, неизменный спутник дружбы) исполнялось настолько чудесно, что я приходил в отчаяние.

<...>

Как сладок страх! (*Ж. Батай*).

В исследовании З.Я. Кармановой анализируется понятие феноменологической валентности [Карманова, 2022, с. 196-199]. Данный тип валентностей предполагает особенности функционирования представления о слове в сознании, в рамках которого (представления) бесконечная смысловая заряженность слова суть следствие подлинной специфики языка: даже нарушение валентностного (сочетаемостного) потенциала выступает показателем не только неразвитости у человека чувства языка, но и обладает значимым прагматическим потенциалом как интенциональное нарушение нормы в стилистических целях.

При анализе эмотивной лексики значимым является понятие энантиосемии: важно учитывать аксиологическую установку, закрепленную за конвенциональной семантикой слова в языке, и проблему реализации слова в коммуникативной ситуации, взаимодействия континуальной эмоции с ее дискретной вербализацией [Жельвис, 1990, с. 50]. Интересно, что, по мнению В.И. Жельвиса, семантика слова всегда сохраняет эмотивные следы: слово способно приобретать в контексте новый смысл, но сохранять прежний, что выражается в смеси оценочных знаков [Там же, с. 35]. Нейтральной лексике по умолчанию свойственна непрерывная функция из положительной, отрицательной и нейтральной оценки, а контекст будет определять значение данной функции.

Широкое понимание валентности находим у Г.Г. Шпета, указывавшего, что слово «*ход*», равно как и слова «*пароход*», «*белыйпароход*», «*большойбелыйпароход*», «*явижубольшойбелыйпароход*», выступают

отдельными словами, поскольку синтаксическая связь слов суть тоже слово; «речь, книга, литература, язык всего мира, вся культура – слово» [Шпет, 1989, с. 381]. Организация словаря хаотична, а изолированные слова всегда представляют собой обрывки мыслей, только контекст может превратить смысл в органическое бытие [Там же, с. 416-417]. К примеру, при определении эмотивности некоторой языковой единицы значимым являются как ее минимальная дистрибуция, так и широкий вертикальный контекст, что дает возможность осуществлять комплексный анализ сочетания слова и условий экстралингвистической ситуации, слова и человека, использующего данную лексическую единицу, слова и эпохи, создавшей его, так как при увеличении степени абстракции языковых единиц смысловой компонент в их семантической сфере становится более значимым [Новиков, 1999, с. 133].

Необходимое для создания основы теоретического подхода редукционистское представление о сочетании оценочных прилагательных и существительного, отраженное в кандидатской диссертации В.И. Шаховского, приводит к появлению понятий «эмотив-стимул» и «эмотив-реакция». Однако анализ коммуникативной реализации эмотивов-стимулов и провоцируемых ими реакций показал, что, наряду с «нормативной» сочетаемостью (положительный эмотив-стимул – положительная эмотив-реакция и пр.), потенциал эмоционального реагирования на некоторый стимул является неограниченным. Подтверждением сказанному могут послужить эмотивные симулякры, распознавание которых адресатом приведет к нетипичной внутри условной схемы сочетания эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций модели эмоционального резонирования. Также доказано, что аффектонимы (обращения, используемые в ситуациях близкого знакомства) могут вызывать абсолютно противоположные реакции реципиента в зависимости от статуса коммуникантов, их взаимоотношений, особенностей коммуникативной ситуации в целом (слово *голубчик* в литературе XX в. характеризуется следующими оттенками: симпатия, снисходительность, фамильярность, ирония, агрессия, мягкий упрек) [Ефремов, 2021, с. 25].

Эмосема выделяется как облигаторный компонент семантики слов, а мнение о том, что эмосема может быть ингерентной и адгерентной (ср. с положением об узуально нейтральных и эмоциональных лексических единицах), видоизменяется, поскольку актуализация эмотивного потенциала слов возможна, например, не только с помощью сочетания с эмоционально-оценочным прилагательным, но и через эффект «молчаливого мышления» (по Г. Гийому) путем условного сопоставления с неактуализированным контекстом, на фоне которого нейтральное слово воспринимается как эмотивно маркированное. Вывод об облигаторном статусе эмотивных сем в семантике любого слова согласуется с проблемой взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов, в результате которого (взаимодействие) задается инвариантность смысла для говорящего и слушающего [Залевская, 2005, с. 307]. Можно говорить об инвариантной эмотивности (таксономический универсум эмотивности) любого (в том числе языкового) знака, вариации (эмотивные таксоны) которой принимают форму актуализации эмотивности, конкретизации эмотивной семантики.

Эмотивность рассматривается как имманентное свойство языка выражать эмоциональное отношение человека к окружающей действительности [Шаховский, 1988, с. 4]. Применение принципа бинарных оппозиций позволяет В.И. Шаховскому различить эксплицитную и имплицитную (скрытую), узуальную и окказиональную, коллективную и индивидуальную эмотивность [Шаховский, 1983, с.57-60], которые (узуальная и коллективная, окказиональная и индивидуальная) отличаются по признаку наличия/отсутствия идеологических, культурных и прочих со-значений. Уже при зарождении эмотивной лингвистики как самостоятельного лингвистического направления исследования акцент переводится с языка на речь, текст, коммуникацию (например, положение о коммуникативной важности эмотивной семантики, знание которой необходимо для владения «рулем прагматики») [Шаховский, 1988, с. 8]. Говоря о семантических статусах эмотивности, нужно выделить две разновидности потенциальной

эмотивности – ингерентную и адгерентную. Адгерентная эмотивность может быть описана через понятие феноменологической иррадиации (по З.Я. Кармановой [2010]), которая предполагает распространение энергии от одной нейросемы (внутреннего слова), имеющей выраженный эмоционально-смысловой заряд, к другой. Иррадиация объясняет, почему одно и то же слово может звучать по-разному (более или менее трагически, авторитетно, радостно) в зависимости от окружения. Отметим, что встречаемое здесь и далее по тексту понятие нейросемы значимо для исследования как одна из теоретизированных попыток опредметить скрытую от непосредственного наблюдения потенцию семантики к неограниченному росту (под ростом предложено понимать не столько увеличение, сколько изменение, преобразование, модуляцию).

Однако мнение о том, что адгерентная эмотивность «наводится» на нейтральное слово извне считаем корректным частично, поскольку подобная формулировка только имплицирует наличие в семантике любого слова скрытых эмосем. Эмотивность не может быть исключительно наведенной извне: эмотивные семы не привносятся в нейтральное слово; контекст актуализирует уже наличествующие в семантике скрытые эмосемы. Так называемая «прогрессирующая эмоционализация семантики» (по В.И. Шаховскому) допустима исключительно при указании на имманентность эмотивной семантики слова.

Развитие проблематики эмотивной лингвистики меняет фокус внимания с языка на речь, что создает ряд значимых исследовательских перспектив. В языковой категоризации эмоций эмотивная лексика делится на три типа: аффективы, коннотативы и потенциативы. Критерием данной классификации является степень выраженности эмотивного компонента в семантике слов. Укажем, что Л.Г. Бабенко выделены эмотивы-номинативы базовые (первичные и вторичные предикаты эмоций), эмотивы-номинативы дополнительные (имплицитные предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной лексической семантикой) и эмотивы-экспрессивы (междометия и

коннотативная лексика). Схожей позиции к типам эмотивных знаков придерживается Л.А. Калимуллина [2006]. Эмотивности в статусе потенциатива отдельное внимание не уделяется: эмотивное значение – «значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности», т.е. эмотивность должна быть проявлена вне зависимости от внешних условий коммуникации, интенциональных векторов субъекта эмоционального переживания; следовательно, такие смыслы, по мнению цитируемого автора, могут быть эквивалентны лексическому значению слова, коннотативны или могут входить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы) [Бабенко, 1989, с. 16]. Поэтому Л.Г. Бабенко не соглашается с мнением В.И. Шаховского о невозможности определения числа словарных эмотивов в языке

Выход в речь позволил уточнить данную типологию и привнести в нее дополнительные элементы в виде ситуативных аффективов или ситуативных коннотативов. В феноменологической перспективе слово заряжено энергийным потенциалом семантики. Эмоциональное слово наделено сравнительно бóльшим энергийно-смысловым потенциалом; повышение доли эмоционального в семантике подавляет смысловую компоненту, низводит ее до затмения, угасания или помрачения собственного смыслового плана слова [Карманова, 2022, с. 368]. Такая сверхэмоционализация семантики преобразует конвенционально нейтральные слова в эмотивы, статус эмотивной семантики которых близок к аффективному. Статус потенциатива внутри художественного произведения может преобразовываться в коннотатив, эмотивная семантика аффективов не является предопределенной и может варьироваться вплоть до противоположной.

По Г.Г. Шпету, истинный декаданс заключается в питании собственными тканями [Шпет, 1989, с. 361], когда субъективность поэтического слова исчерпывается им самим [Шпет 2006, с. 203]: «новое пробивает себе дорогу только путем борьбы» [Клаус, 1967, с. 167]. Любопытные размышления, перекликающиеся с подходом Р. Барта к смерти

автора, находим у Г.Г. Шпета, отмечавшего, что физическая смерть антропологического индивида не означает смерти социального субъекта, поскольку последний живет до того момента, пока свидетельства его творческой деятельности не исчезнут [Шпет, 2006, с. 196]. Сказанное применимо к проблеме эмотивных приращений и модуляций семантики, при которых достаточным условием изменений выступает само слово, его семантика предполагает потенциал преобразований. П.С. Волкова точно замечает, что потенциальная эмотивность, имеющая речевую природу, связана с актуализацией межчувственных связей, а не со слепым воспроизведением коннотативного (актуального) вне-личностного эмотивного значения. Намеренный отказ от изучения потенциальной эмотивности в пользу актуальной становится препятствием для человека, стремящегося проникнуть в пространство духа [Волкова, 2018, с. 16]. М.К. Мамардашвили предложено феноменологическое восприятие бесконечности – актуальная бесконечность, на которую влияет понимание себя [Мамардашвили, 2023, с. 314]: если человек понял себя, то он оказывается в пространстве абсолютных смыслов, наделенных потенциями к самопорождению и саморождению; создается пространство понимания, в котором человек строит себя, каждый раз порождая новую личностную грань. Общение с понимающим адресатом приведет к умножению собеседником личности и созданию новой совместной межличностной грани, а понимание данного общения реципиентом (понимание художественно смоделировано коммуникативной ситуацией взаимодействия) также приведет к росту актуальной бесконечности, порожденной из безграничных «молчаливых» потенций.

Распространение проблематики эмотивности на текст приводит к созданию понятий эмотивного текста и эмотивности текста, но данная классификация условна и любой текст, какой бы ни была его жанровая составляющая, не только содержит эмотивные компоненты, но и сам по себе является эмотивным. Можно вернуться к проблеме эмотивных валентностей: условно нейтральный текст, к примеру, текст инструкции лекарственных

средств [Антонова, 2019] как знак в сочетании с человеком, для которого содержание данной инструкции выступает стимулом к отрицательной или положительной реакции, является эмоциогенным и потенциально эмотивным.

В настоящее время одним из ведущих направлений нарратологии признается изучение эмоций в структуре нарративов (аффективная нарратология или нарратология эмоций), а процесс смыслообразования предполагает обязательное подключение к декодированию смысла эмоций, когда когниция и эмоция взаимообусловливают друг друга [Муравьева, 2021, с. 261-262]. Проблема соотношения познания и эмоций эволюционирует, поскольку тезис о том, что эмоции не рядоположены познанию, сфера эмоционального окрашивает познание, она вторична познанию (знание+отношение к содержанию) [Шаховский, 1988, с. 13], трансформируется в положение об эмоциях, выполняющих мотивационную для сознания функцию, т.е. эмоции первичны, они определяют последующую деятельность человека. Основная часть речевых сообщений должна рассматриваться как объективация говорящим его внутреннего мира, убеждений и средство передачи багажа субъективности [Jamrozik, 1988, p. 87]. В человеке наличествует комплекс индивидуального и социального, чувственного и рационального начал, а именование и понимание всегда коррелируют с эмоционально-оценочными переживаниями [Залевская, 2018, с. 10-11]. Понимающий человек не является человеком без чувств, напротив, сознание является не чем-то бесстрастным, а воспламененным [Мамардашвили, 2023, с. 286], поскольку эмоция воздействует на когницию, направляет ее конструктивное или деструктивное коммуникативное воплощение.

Не противоречит представленному положению Г. Клаус, который указывал на то, что субъективный аспект, связанный с эмоциями, порождает мысль и способствует ее объективации с помощью языковых средств [Клаус, 1967, с. 120]. Эмоции сопровождают человеческую деятельность (в том числе речевую), стимулируют ее, что приводит к понятию категориальной

эмоциональной ситуации. Понятие эмоциональной категориальной ситуации (конфликтной, интимной, ситуации обмана, признания вины и пр.) основано на положении о том, что определенные эмоции нормативно индуцируются определенными типовыми ситуациями, т.е. существует логика между типовой ситуацией и эмоцией; художественная литература рассматривается в качестве депозитария эмоций и отражает данные эмоциональные категориальные ситуации воплощения эмотивности [Шаховский, 2008, с. 181, 187], а примеры из художественных произведений представляют собой художественно реконструируемую практику коммуникативного поведения

Оперирование понятием «содержание слова» позволяет выявить следующие виды смыслов: непосредственно явленные (явные, очевидные), латентные (скрытые), меональные (смыслы, ожидающие своего оформления), метасмыслы (более абстрактные смыслы относительно уже актуализованных); предложена формула смысла, состоящая из двух основных планов (смысловое ядро и смысловая надстройка в виде рефлексивных векторов, обусловленных смысловым ядром) и одного дополнительного в форме метасмысловой надстройки [Карманова, 2022, с. 54-55].

Выраженность эмоционального компонента вариативна, но коммуникация невозможна без эмоциональной составляющей. Эмоции мотивируют сознание и направляют человека в осуществляемой им деятельности. Попытки классифицировать модели эмоционального реагирования внутри коммуникативных ситуаций разной тональности распространяются только на частотные коммуникативные шаги внутри ситуации общения. Эмотивный компонент гибок, флуктуативен, подвижен, эмоциональные реакции на идентичный стимул гетерогенны даже со стороны одного и того же агента.

1.3. Энергийность семантики

При рассмотрении основных тенденций западноевропейской философии указывалось на то, что всё основано на разуме, а то, что выходит

за границы данного представления, отбрасывается, считается вымыслом; мир становится механическим, обезличенным, поскольку богатство живой личности недоступно рационализму [Лосев, 1991, с. 73]. Учет субъективного компонента, проявляющегося во всех формах деятельности человека, в том числе коммуникативной, при восприятии и познании действительности является фактором, гарантирующим комплексный подход к объекту исследования.

Под энергийностью или энергийным аспектом семантики понимается, в широком толковании, смысловой эмоционально-оценочно-образный потенциал знаков к бесконечным преобразованиям. Последние являются следствием их сочетания с деятельным субъектом, который «вдействуется», «вчувствуется» в окружающую среду и ищет языковые средства для экспликации своего личностного смысла. Смысл будет ускользать от конвенциональной языковой формы, оставлять у субъекта ощущение незавершенности, нерезультативности усилий, актуализировать новый этап поиска.

А.Ф. Лосев писал, что любой языковой знак не ограничен в своем функционировании по причине безграничности мышления, а также способен варьировать систему отношений, устанавливаемых с иными знаками, бесконечными способами [Лосев, 1977, с. 5]. Ученый исходил из положения о том, что окружающая человека действительность бесконечна, а значит, мышление, отражающее действительность, не имеет объективных ограничений для своего развития. Соответственно «отдельные моменты мыслительного процесса» заряжены бесконечным стремлением к развитию, усложнению или упрощению, преобразованию, поэтому языковой знак «кишит бесконечными семантическими возможностями» [Там же, с. 6]. Подобная «заряженность» мыслительного процесса обусловлена столкновением миров абсолютного и субъективного смыслов, поскольку бытийная сфера абсолютных истоков распоряжается бесконечной полнотой доступных познаний [Гуссерль, 2005, с. 281]. Безграничность семантики

А.И. Новиков [Новиков, 1999] объясняет нетождественностью содержания языковых единиц простой сумме их значений, ситуативной обусловленностью смысла, участием разного рода неязыковых (экстралингвистических) структур, размывающих семантику.

Действительность и действенность мысли в языковых знаках всегда вызывается эмоциями, поскольку для слова характерно «жизненное наполнение»: языковые знаки функционируют стихийно, их законы не сводимы к законам чистой мысли; языковые знаки обладают вечной и творческой подвижностью. «Всякий языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев, 1976, с. 397], потому что любое слово отражает не вещь, а восприятие или интерпретацию данной вещи, определенным образом понятый фрагмент действительности.

Один и тот же фрагмент может интерпретироваться по-разному одним и тем же оператором интерпретативной деятельности в зависимости от сопровождающих интерпретацию факторов. Эмоциональные переживания/состояния будут особенно влиять на интерпретацию, что наделяет вещь дополнительным с разной степенью выраженности эмоциональным содержанием. Безгранично и содержание любого текста (речевого высказывания), поскольку оно существует в измерении автора и адресата, который создает контртекст или встречный текст, что выражается в индивидуальном реагировании на сообщение в рамках стратегии понимания; смысл всегда «многосмыслен» еще и потому, что наряду с содержательной вбирает в себя эмоциональный, субъектно-оценочный, прагматический и прочие компоненты [Кирсанова, 2007, с. 7]. А.Ф. Лосев приводил пример слова *столяр*, которое бесконечно по своему функционированию, но, будучи использованным в речи, внимание сосредотачивается только на одном типе свойств и действий столяра: контекст ограничивает бесконечность языковой семантики, но не по количеству бесконечных проявлений, а по типу этих проявлений [Там же, с. 400].

Ж.А. Вардзелашвили развивает идеи А.Ф. Лосева и предлагает в структуре значения слова выделять наносемы. Система значения представляет собой открытое множество с безграничным числом переменных, в которую вписано устойчивое значение («универсальный каркас значения слова»). Наносема не поддается классическому компонентному анализу, но соответствует мельчайшему элементу человеческой мысли – «носители мельчайших частиц смыслов» [Вардзелашвили, 2007] в коннотации слова проявляются при объективации в речи тех элементов значения, которые обычно не сопровождают актуализацию слова и обозначают собой выход за пределы конвенциональной семантики. Э. Гуссерль [2019] полагал, что «переживание чувства не нюансируется»: чувство нельзя разложить на составляющие компоненты с сохранением потенциальной возможности составить из данных элементов прежнее чувственное переживание – чувство абсолютно, у него нет сторон. Речь идет о ноэтическом слое переживания, который борется с формальными материальными наслоениями. Это психологическая структура значения слова, которая опирается на личностные переживания, индивидуально переработанные данные в результате восприятия действительности и контролируется социально признанными конвенциональными системами значений и оценок [Залевская, 2005, с. 232].

Точное замечание приводит Р. Илсон в одной из своих статей [Ilson, 2022]. Он указывает, что при цитате формулы эквивалентности массы и энергии ссылка на А. Эйнштейна не нужна, поскольку данное открытие получило всеобщее одобрение, но ссылаться на определения из словарей без соответствующих сносок будет расценено как недобросовестное заимствование. Последнее указывает на то, что конвенциональная семантика всегда условна, поскольку лингвистический взгляд на объект точнее математического или физического. Со сказанным соглашается К.И. Бринев, подчеркивающий, что факты определяют названия, когда названия суть сокращения для фактов [Бринев, 2023, с. 39]. Прав В.И. Шаховский, утверждавший, что лингвистика становится базовой наукой для всех

современных наук [Шаховский, 2013, с. 53]. Лингвистика исходит из множественности интерпретаций и принятие данного условия сближает лингвистический подход с естественной организацией вселенной: идеальный образ предмета многообразен, один и тот же предмет удовлетворяет разные потребности и может выступить мотивом различной деятельности, поэтому любой предмет многомерен [Леонтьев, 1983, с. 12]. Такое понимание значимости социогуманитарных наук и, в частности, лингвистики сравнимо с отношением научного сообщества к месту эмоций в языке: изначально эмоции считаются лишь фактуальным остатком, в необходимости отдельного изучения которого имелись сомнения, а затем важность эмоций в процессах деятельности человека (в том числе языковой, речевой, коммуникативной, дискурсивной) выводит сферу эмоционального в исследовательский авангард.

Феноменологический статус слова (про)(вы)(за)являет себя в речемыслительной деятельности [Карманова, 2022, с. 45]. Использованное З.Я. Кармановой графическое оформление слова позволяет эксплицировать скрытый смысловой потенциал семантики, объективировать рефлексивные векторы, которые могут получить физическое выражение при условии интенционального обращения внимания на внутреннюю форму слова: (про)(вы)(за)являет = проявление смысла слова, выявление смысловой наполненности, заявление слова о его смысловом потенциале, явление смысла словом. Н.Н. Кислицына использует метафору молекулы воды [Кислицына, 2022, с. 175] при объяснении особенностей семантической организации слова. Поскольку молекула воды может модифицироваться в разные объекты (снежинка, кусочек льда или озеро), слово может реализовать себя в неограниченных формах, а его значение сохраняет во внутренней форме донаучные представления людей об окружающей действительности, их опыт оперирования действительностью.

Энергийность смысла выражается в его динамике, но кажущееся спонтанное движение смысла лучше организовано, чем логическая фиксация значения, поскольку спонтанная динамика предполагает широкие границы

допустимого, а статичное значение слишком конкретизировано, его структура расшатывается, как только говорящий актуализирует слово в коммуникации. Неопределенность семантики можно считать более точной, чем ее предзаданность словарем. Зависимость семантики от контекста также указывает на определенность потенциальной смысловой неопределенности, так как контекст выполняет диагностическую функцию, а совокупность словарных значений слова не может покрыть всех ситуаций использования (только наиболее частотные), для нормативного расширения структуры значения дополнительным компонентом требуется значительное время и языковой опыт использования.

В понимании А.А. Потебни через объективацию мысли в слове, которое непременно образовано из субъективного восприятия, происходит расширение субъекта, поскольку личная мысль соединяется с человечеством. Слово отражает предмет в душе человека. Следовательно, и эмоционально смысловое наполнение максимально вариативно. Субъектное насыщение семантики слова принадлежит не только к сфере говорящего, но и слушающего, поскольку «понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе разногласие» [Потебня, 1999, с. 34]. Механизмом приращений семантики является сочетаемость, к примеру, тона и слова. А.А. Потебня приводит пример слова *вы*, которое можно произнести с тоном вопроса, радостного удивления, гневного укора и пр., и каждый раз местоимение второго лица множественного числа будет приобретать дополнительные оттенки.

И вдруг он вновь приходит на подмогу. Тотчас необычное в сущности существительное схлопыванье. Чуть позже подкрепленное если не ослабленное редким плилагательным сонливое. Сонливое схлопыванье (С. Беккет).

Сочетаемость может быть более абстрактной – сочетание человека и слова, а также человека в разные временные периоды и слова, при котором

смысл меняется в зависимости от состояния лица, а также актуальный смысл сегодня суммируется со смыслом вчера.

Эмоциональная составляющая семантики еще более сложна, так как «чувство не заключает в себе никаких частей» [Потебня, 1999, с. 82]: возможно лишь аппроксимативное разложение эмоции на компоненты, из которых нельзя «собрать» эмоциональное переживание, но только выделить доминанту, определить оценочный вектор. Истинный эффект можно достичь не от сложения компонентов, а от целостного объекта; расщепление эмоции на лексические средства выражения всегда будет приблизительным. Цитируемый ученый указывает на интересную проблему «ослабления чувства» по принципу лошади, привыкающей к тяжести всадника, выстрелам и пр. Ослабление эмоционального переживания обусловлено частотой актуализации и формально следствием этого становится появление однопорядковых обозначений производных эмоций и/или средств экспликации идентичного эмоционального переживания. Внутренняя форма слова, являющаяся сгущением мысли, включает не столько предметное содержание, сколько субъективный смысл. Поэтому смысл слова для говорящего и для слушающего может отличаться. Есть только направление мысли, становящееся стимулом для адресата, но пределов интерпретации не существует.

В понимании Г.Г. Шпета экспрессивность есть только украшение, лишенное мысли, указывающая на избыточность, тогда как для жизни идеи и мысли необходима недостаточность. Причем предложено разграничивать экспрессивную и импрессивную функции, где экспрессия предполагает эмоциональность, а импрессия – создание образа. Основными функциями слова являются семантическая и синсемантическая, а экспрессивная относится к разряду производных. Смысловая структура слова содержит развившиеся и «эмбриональные» или «дегенерировавшие» члены [Шпет, 1989, с. 382], что, по сути, применимо к ядерным («смысловое ядро») и периферийным («наросты вокруг слова», «поверхность слова», «субъективная оболочка»)

компонентам семантики. Поэтому одно и то же слово может быть воспринято множественно (к примеру, как проявление голоса человека в отличие от других природных звуков, как голос определенного человека – от голоса других людей, как знак особого состояния, как признак наличности культуры, как признак эмоционального тона. Однако ученый последовательно проводит границу между осмысленным выражением и чувственным впечатлением: «нужно различать предметную природу фундирующего грунта от фундируемых наслоений <...> объективный смысл от экспрессивной роли слова и субъективных реакций на объективный смысл» [Там же, с. 387]. Но Г.Г. Шпет признает, что чувственно данное становится поводом для мысли, это способ перехода к «чистому предмету». Понимание всегда притягивает чувственное содержание в семантику слова. Поэтому Г.Г. Шпет непосредственно касается соотношения предметного и чувственного содержаний, вводит понятие «эмотивной возбужденности», которая сопровождает передачу сообщения.

Слово предоставляет доступ к единой перцептивной когнитивно-аффективной информационной базе человека и позволяет отображать фрагменты индивидуального образа мира во всем богатстве объектов, качеств, связей и отношений, включая выводные знания и эмоционально-оценочные переживания [Залевская, 2018, с. 15-16]. Энергийный потенциал становится общим основанием для осуществления сложными системами согласованных действий и взаимодействия, поэтому синергетический подход к слову позволяет познать слово во всей полноте его актуализации в речемыслительной деятельности. В контексте синергетики мир является безграничным полем возможностей, функцию актуализатора которых выполняет человеческое познание [Логиновская, Черникова, 2022, с. 62].

К основным положениям синергетики в числе прочих относят пять принципов становления, а именно нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность, наблюдаемость [Буданов, 2015, с. 39]. Каждый из указанных принципов успешно применим к

проблемному полю, сущностных особенностей диффузной эмотивности. Например, незамкнутость предполагает постоянное преобразование системы эмотивных знаков в коммуникации, язык превращает повторяющиеся случайности в конвенцию, но не способен зафиксировать всех возможных случаев интеракции человек-эмоция-язык. Принцип неустойчивости дает возможность наблюдать за изменениями оценочной и/или эмоциональной составляющих эмотивов, идущими вплоть до нейтрализации эмоционально-оценочного компонента или его инверсии; множественные изменения индуцируются валентностным потенциалом любых знаковых образований вступать в связи с абсолютно любыми знаками.

Динамическая иерархичность особо значима для диффузной эмотивности, поскольку такая иерархия предполагает отсутствие линейной организации, а некоторое пространство, центр и периферия которого наделены потенциалом ситуативных преобразований. Принцип наблюдаемости суть данность феномена непосредственному анализу. Наблюдение за диффузным эмотивным множеством всегда сопровождается искусственной необходимостью выбрать из неопределенной совокупности наиболее частотное и превратить это в «упорядоченный» элемент системы. Нелинейность есть подходящая модель визуализации эмоционально-смысловой составляющей слова, которая в отличие от значения всегда не сводима к горизонтальному представлению.

Данный подход (синергетический) к анализу смысловой энергии слова может объективироваться внутри следующих измерений: смысловая бифуркация, ветвление смыслов, смысловая энтропия и негэнтропия, смысловые флуктуации, смысловая турбулентность, смысловая иррадиация, рассеивание смыслов, смысловой хаос, смысловая аттрактивность и пр. [Карманова, 2022, с. 236-238]. Каждый из перечисленных аспектов успешно адаптируется к проблематике диффузной эмотивности: например, «эмотивное ветвление» в форме эмоционально-смысловых преобразований семантики слова в контексте, «эмотивная иррадиация» как переложение идеи наведения

эмосем в семантику нейтральных слов или открытия эмотивности валентности, «эмотивный хаос» (мнимое косноязычие хаоса обнаруживает себя в сопоставлении с условно сбалансированной и системной нормой, но настоящая интеллектуальная энергия слова заключается в «шуме», кажущейся бессвязности [Маслова, 2013, с. 295]) – внедрение в текстовое/коммуникативное пространство признаков нескольких эмоциональных переживаний с невозможностью определения эмотивной доминанты, «эмотивное рассеивание» в виде нейтрализации конвенциональной эмотивной семантики, закрепленной за языковым знаком.

Самоорганизация мысли и слова задает рефлексивность [Карманова, 2022, с. 248]; рефлексия полиструктурна и рефлексивные векторы происходят от фундаментальных предикатов сознания (эпифеноменальный, ретроспективный, проспективный, критический, аксиологический, воспроизводящий, коммуникативный и т.п.) [Карманова, 2010, с. 50-51]. Позднее З.Я. Карманова расширила парадигму рефлексивных векторов, характеризующих структурные оболочки личности, которая использует слово в коммуникации (генно-типический, гендерный, возрастной, темперамент, социальный, религиозный, профессиональный, морально-этический, идеологический, психологический, национально-этнический и др.) [Карманова, 2022, с. 261], а также предложила разветвленный и организованный в алфавитном порядке перечень векторов мысли, вбирающий в себя более 300 векторов (агрессивность, боязнь, горечь, жалость, категоричность, мягкость, недовольство, тоска, участливость, черствость, ярость и пр.) Развивая идеи А.Ф. Лосева, цитируемый ученый указывает, что при моделировании спектра «интенциональных решений» для фразы «*Уходи*» набор рефлексивных векторов имеет практически бесконечные конфигурации. Обращение внимания к ценностной составляющей, которую слово приобретает либо конвенционально, либо ситуативно, позволяет создать парадигму аксиологической рефлексии, характеризующей ценностную ориентацию слова Аксиологическая парадигма рефлексивных векторов

дополнительно вбирает в себя не менее тридцати пар (доброе-злое, хорошее-плохое, искреннее-неискреннее, важное-ничтожное и т.п.) [Там же, с. 132-140]. Бинарность являет собой редукционистский взгляд на действительность, поэтому дробление бинарных оппозиций на диффузные множества приведет к естественному увеличению рефлексивных векторов, что подтверждает безграничность эмоционально-смысловой составляющей семантики.

1.4. Семантические приращения

Проблема эмоционально-смысловых приращений семантики слов в коммуникативной ситуации неоднократно становилась объектом лингвистических исследований. В работе Е.Ю. Ильиновой высказано точное наблюдение о том, что «слова <…> повторяют смысловую неточность» представления человека об окружающей действительности [Ильинова, 2013, с. 42]. Разного рода смысловые приращения семантики лексических единиц, по мнению цитируемого автора, приводят к расширению и уточнению конвенциональной семантической составляющей. Среди наиболее частотных процессов смысловых модуляций выделены семантическая адаптация, делимитация и трансформация отдельных сем в контексте [Там же, с. 47]. К одному из основных внешних стимулов эмоционально-смысловых изменений семантики относят намерение произвести на адресата художественно-эстетический или стилистический эффект. В рамках реализации данной интенциональной составляющей В.Н. Манакин приводит две основные модуляции: семантические преобразования, обогащающие конвенциональную семантику (к примеру, перераспределение сем внутри лексемы, конкретизация сем в пределах семемы, нейтрализация прежних и приобретение новых сем) или полностью изменяющие ее [Манакин, 1984, с. 6], т.е. обладающие деструктивно-конструктивным потенциалом, являющие собой пример семантического развития и, как следствие, укрупнения, усложнения смыслового содержания.

С.В. Полева показала, что в одном из романов Ф.М. Достоевского одно и то же слово приобретает комплекс дополнительных значений. Лингвокреативная деятельность писателя, реализующего указанную выше направленность на осуществление эстетического воздействия на адресата, приводит к эмоционально-смысловым «сдвигам» слова в контексте. Среди примеров подобных смысловых приращений в цитируемом исследовании выделены следующие семы слова *идиот*: ‘*маска человека, который «себе на уме»’, ‘свойство / качество выгодного жениха’, ‘человек легковерный, доверчивый’; ‘интуитивно-чуткий’, ‘человек, умеющий быстро входить в доверие’, ‘человек, обладающий великодушием’, ‘более внимательный, чем другие’, ‘умеющий быстро и правильно оценить ситуацию’, ‘обладающий редкими качествами’, ‘человек сострадательный, гуманный’, ‘способный на переживания, чуждые окружающим’, ‘не такой, как все, непохожий на других’* [Полева, 2008, с. 261]. И.Ю. Третьякова не ограничивается исключительно влиянием контекста на смысловые приращения семантики. На материале окказиональной трансформации фразеологизмов автор отмечает, что наряду с контекстом значимым представляется трансформация компонентов фразеологизма, т.е. растяжение семантики (*semantic stretching*) происходит в результате действия следующих механизмов: двойной актуализации, буквализации значения, переосмысления фразеологических единиц [Третьякова, 2010, с. 140].

В исследовании В.-Ф. Эсме анализируемая проблема рассматривается через понятие контекстных переходов или *bridging contexts*. В контексте слово приобретает новый смысл, но сохраняет прежнюю семантику. Новое значение становится прагматическим (релевантным для данного контекста), что и создает «мост» между прежним и актуальным значением. Кроме того, это приводит к амбивалентности на уровне нового и старого значений, множественности интерпретаций, амбивалентности на уровне языкового значения и речевого – контекстуального [Esme, 2012, p. 251]:

Сам он обычно вкладывал в свои слова больше – а порой меньше, –чем они значили, и ему казалось, что другие тоже слышат не просто фразу, а скрытую за нею мысль. Он воображал, что и другие вкладывают в каждое слово второй, сокровенный смысл, – и редко понимал услышанное так же просто, как оно было сказано (Р. Олдингтон).

З.Я. Карманова в серии статей убедительно демонстрирует, что одно и то же предложение в безграничном пространстве интенциональных векторов (ср. с трактовкой смысла Г.П. Щедровицкого) может приобретать безграничные (энергийно-смысловые потенции слова по А.Ф. Лосеву) интенциональные смыслы. Автор приводит пример такого повествовательного предложения, как «*это будет очень скоро*», которое в зависимости от внешних и внутренних (индивидуально-личностных) условий может выражать нетерпеливость, пылкость, живость, энтузиазм, достоинство, доверительность, почтительность, радость, волнение, грубость, агрессивность, злобность, коварство, удивление, страх, жеманство, фамильярность, манерничанье, задумчивость, проникновенность, замешательство и пр. [Карманова, 2019 (а), с.12; Карманова, 2019 (б), с. 296-298].

В приводимом ниже примере семантика состояния (*быть укрытым*) приобретает новую эмоционально-смысловую окрашенность:

Но едва он очутился в постели, все вроде бы уже снова сделалось хорошо. Отец сам укрылся, а потом и с особой тщательностью укутал одеялом плечи. И на Георга теперь, снизу, смотрел вроде бы поласковее.

– Верно ведь, ты его уже припоминаешь? – спросил Георг и ободряюще кивнул отцу.

– Я хорошо укрыт? – спросил отец, будто не в силах сам взглянуть, не торчат ли из-под одеяла ноги.

– Видишь, тебе в кроватке уже нравится, – приговаривал Георг, аккуратнее подтыкая одеяло (Ф. Кафка).

В данном примере семантика используемых лексических единиц характеризуется конвенциональностью, определенностью, когда контекст

реализует нормативную семантику слов. Далее данное нейтральное слово в результате субъективной интерпретации адресата объективирует новую нейросему, что создает «мост» для новых сочетаемостей:

– Нет! – вскричал отец, мощью голоса разом перекрывая ответ Георга, и, отбросив одеяло с такой силой, что оно на миг развернулось в воздухе целиком, вскочил на кровати в полный рост и так воздвигся, лишь слегка придерживаясь за потолок рукой. – Ты хотел бы меня укрыть, навеки укрыть, я знаю, отродьице мое, но нет, пока что я еще не укрыт. Сил моих, пусть и последних, на тебя-то хватит, даже с лихвой! <…> По счастью, отцу, чтобы сына насквозь видеть, никакая наука не нужна. Ты-то, как я погляжу, уверился, будто родителя вконец скрутил, настолько подмял, что хоть на голову ему садись, а он и не пикнет (Ф. Кафка).

В приведенном выше примере укрывание одеялом становится символом погребения, а нежелание быть укрытым превращается в попытку персонажа воскреснуть (*навеки укрыть*), преодолеть грозящую ему опасность (*скрутил, подмял*), продемонстрировать силу (*сил на тебя хватит с лихвой*). Поэтому на уровне топоса видна отчетливая траектория движения вверх (*вскочил в полный рост, воздвигся*).

Любое слово (или знаковое образование) состоит из двух плоскостей – внутреннее и внешнее слово. Первое представляет энергийную сущность, второе – обладает физической реализацией [Карманова, 2017, с. 362]. Рассмотрим следующий пример:

Когда она огорошила меня этой новостью, я повел ее в ближайшее кафе, где мы могли посидеть. В кафе были высокие потолки, беспощадный свет и адский шум.

– Почему ты так поступила? – спросил я.

– Потому что я люблю тебя, – сказала она.

– Как ты можешь любить меня?

– Я всегда любила тебя, с самого детства, – сказала она.

Я обхватил голову руками.

– Это ужасно.

– Я… я думала, что это прекрасно.

– Что же дальше? – сказал я.

– Разве это не может продолжаться?

– О, господи, как все запутано, – сказал я,

– Выходит, я нашла слова, способные убить любовь, – сказала она, – любовь, которую убить невозможно?

– Не знаю, – сказал я. Я покачал головой. – Какое странное преступление я совершил (К. Воннегут).

В представленном примере показано, насколько подвижной является эмоционально-смысловая составляющая слова в зависимости от категориальных характеристик конкретной коммуникативной эмоциональной ситуации. Конвенционально положительная по своей эмоционально-смысловой составляющей номинация эмоционального переживания (*любовь*) становится ситуативным отрицательно-оценочным эмотивом, генерирующим соответствующее эмоциональное состояние у адресата. Энергийная эмоционально-смысловая составляющая слова объективируется не только контекстом, но и непосредственно участниками коммуникативного взаимодействия, «расшатывающими» нормативную семантику лексических единиц и раскрывающими внутреннее слово.

Данное внутреннее слово (слово-нейрон или нейросема) приводит к развитию семантики, ее усложнениям. Внутреннее слово характеризуется разной степенью выраженности энергетической напряженности, когда можно говорить об энергодефиците, энергоослаблении или энергонапряжении нейросем [Карманова, 2017, с. 368]. При рассмотрении проблемы определения внутренней формы слова Г.Г. Шпет отмечал, что творческая составляющая слова проявляется в новом и более углубленном раскрытии его новых сторон, отношений, действий. Данные стороны, отношения и действия суть проявление живого, понятого слова, которое «зацветает и расцветает в контексте» [Шпет, www]. К примеру, энергетическая напряженность «пустых

слов» или словоблудья является низкой по причине внутреннего дисбаланса между наличием формы и отсутствием (максимальной редукцией) содержания. Не исключением является нецензурная лексика, для которой характерна, как правило, выраженная эмоциональная доминанта, но отсутствие семантической наполненности [Карманова, 2017, с. 371]. Тем не менее даже пустота может быть рассмотрена как содержательно энергийная сущность. В качестве примера можно привести феномен пустоты или белого текста (в частности, протестных газет), где отсутствие формы, т.е. буквенности, сопровождается усложнением и упрочнением смысловой составляющей, которые декодируются каждым читателем по-своему [Шаховский, 2020, с. 15].

М.К. Мамардашвили рассматривал эффект приращения семантики дополнительными личностными смыслами, к примеру, словосочетание «любимая женщина» окружено большим смыслом, чем значение составляющих его слов, поскольку любовные чувства наделены двумя планами: завершенного бытия, где люди реализуют себя в полноте существования, и эмпирических обстоятельств, непременно сопровождающих эмоциональные переживания [Мамардашвили, 2023, с. 135]. Если номинациям эмоций практически невозможно дать прямое лексикографическое толкование [Апресян, Апресян, 1993, с. 27], то причина этого не только в сложной структуре эмоционального и затрудненной выразимости данной структуры посредством языковых знаков, но и в ингерентной поливалентности слов. Появление неопределенной эмоции становится результатом онтологического размыкания слова (по З.Я. Кармановой). Эмоция приоткрывается изнутри, что демонстрирует свою готовность быть понятой иначе, шире, глубже. Такая эмотивность способна «наводиться» на нейтральную лексему и актуализировать не столько скрытую (неконвенциональную) эмотивность семантики, сколько эмоционально-смысловую амбивалентность. На условном первом этапе происходит выбор лексической единицы для обозначения эмоционального состояние

(опредмечивание эмоциональности как объективация эмотивности). Затем следует постепенное «расшатывание» данной обнаруженной эмотивности и постепенный переход к поли- и амбивалентности. На следующем этапе у нейтральной лексической единицы, расположенной в одном микроконтексте с неопределенным эмотивом, открывается скрытая эмоционально-смысловая валентность и актуализируется скрытая эмотивность, а далее – скрытая амбивалентность. На заключительных этапах приобретенный эмотивный статус конвенционально нейтральных лексических единиц может преобразоваться в коннотативный или аффективный в рамках контекста (ср. с явлением энергетической напряженности слова). Однако вне зависимости от приобретенного контекстуального статуса за словом закрепляется потенциальная эмотивность. Для иллюстрации данного тезиса приведем несколько примеров:

*Впившись в Грина глазами, Карл, кажется, заметил, как на **лице** его стыд внезапного разоблачения борется с удовлетворенным злорадством (Э.М. Ремарк).*

*Коренастый солдат не ответил. По его лицу пробежала неуверенность, и он сверкнул на Акселя **взглядом**, в котором презрение смешивалось со страхом (К. Исигуро).*

*Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в **глазах** светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость (А. Моравиа).*

*Сидя рядом с Баттистой, еще не захлопнув дверцы, она глядит на меня, и я вижу в ее растерянном **взгляде** то было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвращением. Но тогда я не придал значения тому, что прочел в ее **глазах**, и решительным жестом, точно человек, закрывающий сейф, захлопнул тяжелую дверцу (А. Моравиа).*

Он досадовал, потому что не понимал, что означает этот ***взгляд****. Ему казалось – нечто среднее между бесчувственностью и отчаянием (Р. Арундати).*

Ослепительно яркие голубые ***глаза*** *Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт).*

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, ***лицо*** *его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).*

В представленных примерах показано, как нейтральные по своей эмоционально-оценочной (словарной) составляющей слова (*лицо, взгляд, глаза*) трансформируются в контекстуальные эмотивы. Эмотивность данных лексических единиц будет характеризоваться как амбивалентная через контаминирование их семантики расположенными в ближайшей дистрибуции словами. Частотно в данной выборке примеров используются лексико-грамматические маркеры одномоментности, быстроты (глаголы совершенного вида – *«заметил», «сверкнул», «прочел»*; прилагательные *«внезапный», «решительный»*), что может указывать на неконтролируемый характер «высвобождения» скрытого энергийного потенциала семантики конвенционально нейтральных слов.

Объективация амбивалентной эмотивности в коммуникативной ситуации становится стимулом не только к модуляциям эмотивной семантики нейтральных лексических единиц, что приводит к созданию поливалентных эмотивов, но и к появлению новых образов, нарушающих привычную лексическую сочетаемость, например:

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как ***злая пружина*** *(Р. Арундати).*

Словосочетание *злая пружина* передает эмотивную неопределенность, где совмещается поли- и/или амбивалентность, а также внутренняя напряженность объективируемого внутреннего слова.

Слово представляет собой энергийную сущность, характеризуемую неограниченными эмоционально-смысловыми валентностными зарядами. В

зависимости от контекста и конкретной коммуникативной ситуации данный скрытый потенциал может объективироваться и приводить к трансформации конвенциональной семантики, конкретизации интенсионала и экстенсионала лексических единиц.

1.5. Эмотивная тенсиональность семантики

Рост интереса самостоятельных лингвистических исследований к проблемам структуры значения слова сопровождается пересмотром ставших классическими представлений об ограниченности смысловых компонентов, более детальной фрагментацией семного состава лексических единиц.

Подобное исследовательское направление представляет собой как попытку конкретизации значения, так и систематизации смысловой наполненности слова, что предполагает ряд методологических трудностей в виду, в частности, неданности смыслового наполнения лексических единиц непосредственному наблюдению, преимущественно субъективной и узко субъектной ментально-опытной организации смысла.

Феноменологический подход к семантике слова предполагает наличие в ней безграничного числа смысловых компонентов (подробнее см. далее). Наряду со ставшим классическим отведением отдельного места в структуре семантики потенциальным семам внимание лингвистов всё активнее фокусируется именно на смысловом потенциале и его реализации в коммуникации. Понятие контекстуальной семы можно рассмотреть как смежное с потенциальной, поскольку данные понятия дополняют друг друга: потенциальная сема – возможность, контекстуальная сема – реализация данной возможности в коммуникативной ситуации. В структуре слова выделяется коннотативный (вбирающий такие микрокомпоненты, как эмоция и оценка) и лимитирующий (специализированные, альтернативные, вероятностные) макрокомпоненты [Михайлова, 1998]. Коннотация может быть системной и системно предусмотренной, которая наполняется контекстуально. Функциональный макрокомпонент семантики вбирает стилистические, темпоральные, частотные и территориальные семы

[Стернин, Маклакова, 2013, с. 43-44], а также коммуникативно-тональные, выражающие прагматическое намерение [Там же, с. 48-49].

Опорные семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ конкретизируются в зависимости от условий коммуникативной ситуации, в которой используется слово, но понятие «семного конкретизатора» необязательно должно эксплицировать признак; неопределенная эмотивность, как правило, сопровождается смешанной конкретизацией эмоционально-оценочной составляющей семантики; это намеренное выражение эмотивной невыразимости. Такая эмотивность представляет собой интересный вид несовместимой дизъюнкции [Стернин, Маклакова, 2013, с. 59], при которой речевая ситуация не актуализирует один из конкретизаторов, а, наоборот, подчеркивает симультанное проявление двух взаимоисключающих компонентов: плюс и минус изначально сосуществуют в эмоционально нагруженном слове [Жельвис, 1990, с. 57]. З.Я. Карманова отдельное исследовательское внимание уделяет нейросеме, представляющей самоорганизующуюся, неструктурированную мысленную субстанцию, которая индуцирует мысль [Карманова, 2022, с. 375]. Нейросема является открытой единицей сознания, что обусловливает пластичность смысловой сферы слова [Там же, с. 239].

Диспозициональные семы слова, фиксирующие свойственные некоторым объектам «истинностные» свойства, отражают коллективный опыт говорящих [Булыгина, Трипольская, 2022]. Пренебрежение данным представлением, отраженном в скрытой семантике слов, увеличивает воздействующий потенциал на адресата. Аналогично можно говорить о диспозициональных эмосемах, т.е. своеобразном эмотивном ореоле, сопровождающем употребление слова говорящими, но подобное «эмотивное предписание» не имеет облигаторного характера, выход за пределы условного социального дозволения всегда обладает прагматической направленностью.

Исследования в рамках семной семасиологии постулирует тезис о наличии в семантике слов скрытых сем, которые значительно расширяют

упрощенную модель смысловой структуры слова. Акцент ставится не столько на ядерных, сколько на периферийных компонентах семантики, актуализируемых в контексте. М.В. Никитин отдельное внимание уделяет потенциальным семам, которые актуализирует, но не обусловливает контекст [Никитин, 2007, с. 302], т.е. такие семантические компоненты являются данностью семантики слова, его интенсионала. Данное мнение сближается с позицией В.И. Шаховского [Шаховский, 2009, с. 306-316], относящего коннотацию (как, бесспорно, более семантически стабильное со-значение слова) к денотату. Индукция потенциальных сем слова происходит в речи, когда структура значения лексической единицы может изменяться. Таким образом нейтральное слово может превращаться в ситуативный коннотатив при условии, что языковое сообщество принимает использование данной лексической единицы для выражения определенного кластера эмоций.

Сказанное позволяет предположить, что трехчастная модель эмотивов с их разделением на аффективы, коннотативы и потенциативы может быть уточнена конкретизатором ‘ситуативный’. Аффективы и коннотативы обладают устойчивым (если не единственным) эмоциональным содержанием, т.е. речь идет об узуальной эмотивности. Наряду с узуальными аффективами и коннотативами можно выделить ситуативные аффективы и ситуативные коннотативы, в которых словарно нейтральная семантика либо вытесняется, либо дополняется устойчивым в рамках, к примеру, художественного текста или коммуникативной ситуации эмоциональным наполнением. В свою очередь, потенциативы всегда ситуативны, но актуализация эмотивной семантики потенциатива в контексте способна изменить его ситуативный статус в коннотатив или аффектив. Поскольку семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ универсальны, то они лишены сочетаемостного ограничения, что обусловливает возможность превращения нейтрального слова в эмотив.

Повторим, что в исследовании Е.М. Вольф указывается на безразличное для оценки. Исследователь пишет, что одним объектам свойственно становиться оценочно маркированными, а другим нет. Но условие

функциональной значимости безразличного к оценке предмета (слова *столб* или *планета*) переводит данный предмет в разряд оценочных. Цитируемый автор приходит к выводу о том, что оценочным может быть любой предмет или явление. Оценочный предикат выполняет роль конкретизатора скрытого, ингерентного признака оценки, заложенного в семантике любого слова. Данный конкретизатор может имплицироваться в той или иной коммуникативной ситуации. В таком случае мировосприятие, ассоциации, опыт субъекта-оператора лексическими единицами становятся определяющими для оценки безразличного, поскольку для активизации скрытых семантических компонентов в семантике слова (оценочной семы) необходимо взаимодействие субъекта оценки с ее объектом [Вольф, 2002, с. 16-27]. В таком случае происходит наделение конвенционально нейтрального слова оценочностью.

В семантику нейтрального слова оценочным предикатом наводится адгерентная (внешняя) эмотивность, когда семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ ингерентно присутствуют в семантике любого слова. С позиции субъекта оценки личностно значимое и эмоционально-оценочное нейтральное слово становится мощным энергийно наполненным эмотивом, статус которого варьируется от коннотатива до аффектива. Для говорящего в любой коммуникативной ситуации эта лексическая единица будет вызывать активную эмоциональную реакцию, провоцируемую ассоциацией.

Учет точки зрения субъекта позволяет увидеть обратное: конвенционально оценочная лексика может терять свою оценочность и становиться нейтральной единицей на шкале оценочности. Одновременно проявляется асимметрия положительной и отрицательной оценки, когда «*хорошо*» может соответствовать как зоне положительного, так и нулю, а «*плохо*» тяготеет только к полюсу отрицательного. Ярким примером процесса сдвига оценочности слов по шкале от *хорошо* до *плохо* является использование инвективной лексики в аффективной функции экспликации эмоций. Инвективная лексика строится на основе ограниченной корневой базы в

русском языке, но ряд потенциальных обсценных слов способен превращаться в средство трансляции говорящим своего отношения к происходящему. Эмоционально-оценочная составляющая подобных междометных от-инвективных слов характеризует не адресата, а отправителя сообщения. Также аффективы, имеющие форму бранной лексики, могут сохранять инвективную семантику, дискредитирующую оппонента, но функциональная доминанта трансформируется из оскорбительной в аттрактивную, превентивную, антиципирующую. Слушающий имеет коммуникативное право воспринять инвективную лексическую единицу как личное оскорбление, но на прагматическом уровне говорящий намерен привлечь внимание адресата, вызвав эмоциональный отклик, что тем самым упростит восприятие эмоциональных аргументов адресанта слушающим.

И.В. Арнольд [Арнольд, 1999] рассматривала скрытые или потенциальные семы, которые относятся к сфере действия импликационала и актуализируются в речи. Окказиональные семы наводятся контекстуальным окружением слова. Как правило, семантические осложнения вносятся стилистическим контекстом. Э.С. Азнаурова предложила выделять не только прагматический компонент значения слова, обнаруживающийся в речи, в процессе коммуникации, но и указала на сложный и неоднородный характер данного значения, т.е. его доступность дроблению на более мелкие единицы. Под такими элементами понимаются составляющие коммуникативно-прагматической ситуации: обстановка и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные, этнические и индивидуальные характеристики участников общения, к которым относят также биологические семы (возраст, пол, темперамент и т.д.), ролевые или статусные [Карасик, 1992; ван Дейк, 2015] и личностные отношения между коммуникантами [Азнаурова, 1988, с. 37-43]. Помимо прагматических сем значение слова имеет стилистические семы, являющиеся скрытыми показателями, к примеру, функционального коммуникативного стиля, регистра речи и под.

Рассматривая проблематику изучения прагматического компонента в структуре значения слова, Э.С. Азнаурова приводит уже ставший традиционным пример с приращением семантики слова *луддит* особого социального смысла. Исследователь отмечает, что слово может прибрести дополнительное значение в форме оценочно-прагматических сем, которые повторяются в однотипных коммуникативных ситуациях и получают узуальное закрепление [Азнаурова, 1988, с. 47].

В настоящее время интерес специалистов в области лексической семантики вновь стала привлекать проблема организации значения слов. Его структура получает сравнительно более дробное представление. Т.Д. Полуэктова отмечает, что в структуре значения слов, используемых в качестве номинации лица, взаимодействуют оценочная и статусная семы. Оценочная сема определяется как принадлежность горизонтальной шкалы оценки, с помощью которой определяют отношение говорящего к предмету речи. Исследователь указывает, что оценочная сема может быть нейтральной (потенциальной) [Полуэктова, 2016, с. 13-14].

Е.А. Маклакова, И.А. Стернин относят семы ‘эмоция’ и ‘оценка’ к коннотативному макрокомпоненту семантики, неэмоциональность и неоценочность также рассматриваются как проявление определенной эмоции и оценки (неэмоциональное, неоценочное) [Маклакова, Стернин, 2013, с. 39]. Функциональный макрокомпонент значения содержит стилистические, социальные, темпоральные, частотные и территориальные семы, а также институционально-нормативную и коммуникативно-тональную семы. Данные семы были объединены Е.А. Маклаковой в трафаретную модель описания лексического значения семемы, форма которой включает три элемента: семные составы денотативного (архисема, полуразличительная сема, доминирующая опорная дифференциальная сема, другие яркие дифференциальные семы, слабые (периферийные) дифференциальные семы), коннотативного (оценочная сема, эмоциональная сема) и функционального аспектов (стилистическая сема, социальная сема, темпоральная сема,

территориальная сема, частотная сема, институционально-нормативная сема, коммуникативно-тональная сема) [Там же].

Приращение оценочной семантики нейтрального слова сопоставимо с процессом ионизации, когда нейтральные атомы под влиянием химических процессов, активных излучений, высоких температур превращаются в положительно или отрицательно заряженные ионы. Анализ творчества М. Цветаевой позволил Е.Ю. Муратовой прийти к выводу о том, что поэтесса может «самый заурядный предмет быта “перевести” в художественную и даже философскую плоскость» [Муратова, 2016, с. 25]. Для подтверждения данного тезиса исследователь опирается на анализ слова *стол*, приобретающего в контексте поэтических произведений новый глубинный смысл (*письменный вьючный мул*; *стол, твердивший, что каждой строчке сегодня – последний срок*).

Эмотивный компонент семантики состоит из семантического признака ‘эмоция’ и семантического конкретизатора (‘любовь’, ‘ненависть’, ‘отвращение’ и пр.) [Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998]. В.И. Шаховский, обосновывая принципы формирования эмотивных словосочетаний (*балаган демократии, разгул демократии, скоропостижно женился*), указывает на следующий процесс: для создания подобных сочетаний необходимо соединение актуальной (в представленных примерах это эмосемы у слов *балаган*, *разгул*, *скоропостижно*) и потенциальной эмосем слов [Шаховский, 1987, с. 240]. Соглашается с описанной моделью И.А. Стернин, который подчеркивает, что в структуре значения каждой лексемы наличествуют автономные или актуальные признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ [см. Стернин, 1985, с. 76, 119]. Следует также указать на условность разграничения понятий ‘эмоция’ и ‘оценка’, но это разбиение эмосемы на данные компоненты обусловлено методологической задачей наглядного представления одного из облигаторных компонентов значения любой лексической единицы.

В произведении Г. Мюллер словарно нейтральное слово *лебеда* становится амбивалентным: оно оценивается положительно в контексте утоления голода и отрицательно – в ситуациях описания непригодной для употребления лебеды:

Знала ли лебеда сама, что больше не служит нам, утоляя голод, а служит Ангелу голода (Г. Мюллер).

Примечательно, что приращение семантики нейтрального слово сопровождается актуализацией стилистического приема персонификации, когда растение одушевляется, наделяется властью, силой, сознанием. Вероятно, данное явление можно объяснить цикличностью соотношения слова и текста, когда не только текст (контекст, коммуникативная ситуация) задает употребление определенных слов, но и сами слова организуют вокруг себя текстовое семиотическое пространство. Автор становится проводником между энергийными смысловыми потенциями слова и текста. Процесс конкретизации сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в семантике нейтрального слова *лебеда* многоэтапен: происходит актуализация потенциальной семы ‘употребление в пищу’, что сопровождается затем реализацией причинно-следственных связей (употребление в пищу – утоление голода); далее семы ‘утоление голода’ и ‘голод’ экстенсионала слова *лебеда* конкретизируют скрытую эмотивность данной лексической единицы.

Приведенный пример колеблет эмотивную норму, которая обусловливает нейтральность этой лексической единицы. Языковая эмотивная норма разрушается бессознательно, что является следствием реагирования на внешний стимул. Подобные неконтролируемые речевые действия «кристаллизуют» значение слова [Карасик, 2010].

Явные или скрытые семантические компоненты ‘эмоция’ и ‘оценка’, а также их конкретизация являются категорией говорящего, т.е. имеет субъективно-личностную значимость. Их актуализация реактивна на внешний активный стимул, в функции которого может выступать личностно значимая эмоциональная ситуация, в которой оказывается субъект речевого действия.

Другими словами, эмосема представляет собой эмотивную реакцию (в форме употребления некоторой лексической единицы) на внешний эмоциональный стимул. Подобный механизм актуализации скрытых эмоционально-оценочных сем у нейтрального слова и их конкретизации сопоставим с эффектом «шоковой терапии», когда для того, чтобы человек преодолел стрессовую ситуацию, для него искусственно создаются условия, на фоне которых предыдущее событие должно быть субъективно оценено как менее опасное, трудное.

Любое слово эмотивно, эмотивные смыслы составляют структуру психического склада личности, которая (структура) уже приобретает в ходе личностного становления множественные детализированные номинации [Кабановская, 2016, с. 97]. Однако степень эксплицитности эмотивной составляющей в семантике обладает сравнительно большей или меньшей явностью. Скрытая эмосема нейтрального слова реализуется в актуально стрессогенных ситуациях, не только вызывающих активные чувственные переживания субъекта, но и (по этой причине) связанных с базовыми потребностями человека. Изначально ассоциативный характер конкретизации эмотивности нейтрального слова свидетельствует о потенциале слова переходить из нейтрального в разряд эмотивов. Возможность подобного перехода объясняется актуальным членением семантики лексических единиц, которое позволяет выделить наряду с прочими компонентами экстенсионала такие семы, как ‘эмоция’ и ‘оценка’.

Выводы по главе 1

Феноменологический подход к семантике позволяет представить ее как энергийную сущность, а язык пытается «усмирить» природную хаотичность смысловых модуляций, происходящих из внутреннего слова (нейросемы). Любой объект многомерен, что, как минимум, обусловлено различиями в индивидуальном восприятии его разными людьми. Эмоционально-смысловое

наполнение слова вбирает в себя неограниченное количество рефлексивных векторов, моделирующих и модифицирующих семантику.

Антропологическое/антропоцентрическое направление в лингвистике привело к необходимости рассмотрения языка в тесной связи с его пользователем. Эмоции не только значимы, но они выполняют мотивационную функцию применительно к любой деятельности человека. Поэтому Ш. Балли подчеркивал, что чувственный компонент непременно примешивается человеком в его деятельность. Эмотивность, представляющая собой отражение эмоций средствами языка, изначально трактовалась исключительно как лингвостилистическая категория. Необходимость разграничения дихотомии языка и речи приводит к пониманию важных характеристик вербализованных эмоций – их множественность, безграничность реализации, неопределенность. Впоследствии были выделены узуальная и окказиональная эмотивность, эмотивность актуальная и потенциальная.

Отдельное внимание уделяется проблемам индивидуально-личностной семантики, эмоционального освоения слова человеком, личностно-прагматического измерения эмотивности.

В.И. Шаховскому удалось превратить изучение языковых средств выражения эмоций в самостоятельную сферу лингвистики – эмотиологию. Спектр теоретико-практических проблем лингвистики эмоций обширен (объективность эмотивной семы, структуры эмосемы, статусы и типы эмотивной семантики, эмотивно валентностный потенциал слов, особенности соотношений эмотива-стимула и эмотива-реакции, проблемы эмотивности текста и эмотивного текста и пр.). Облигаторным свойством семантики любого слова или знака постулируется эмотивность. Вне зависимости от вида эмотивности (явная или скрытая) слово остается максимально вариативным в парадигме эмотивных изменений, а конвенциональный знак эмотивов (эмотивное предписание слова) способен бесконечно модифицироваться в контексте. Трехчастная классификация эмотивов (аффективы, коннотативы,

потенциативы) имеет не линейную, а объемную структуру, поскольку нейтральные слова могут превращаться в ситуативные коннотативы, аффективы – терять эмоциональный компонент значения, коннотативы – менять свой оценочный знак и сохранять или не сохранять свой статус. Положение о том, что в эмотивную семантику можно навести с помощью контекста (адгерентная эмотивность) считаем необходимым уточнить, поскольку наведение эмосемы невозможно без наличия в семантической структуре сем 'эмоция' и 'оценка', поэтому контекст может не столько наводить, т.е. привносить, сколько обнаруживать, актуализировать скрытую эмотивность.

ГЛАВА 2. ДИФФУЗНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОТИВНОСТИ

Когнитивная сложность (*cognitive complexity*) позволяет по-новому взглянуть на язык и коммуникацию, поскольку усложнение мышления заключается в принципиальной множественности интерпретаций, стремлении к неравновесности. Потенция становится более значимой, чем актуальная реализация; конвенциональность превращается только лишь в условную почву для последующего развития системы, а хаос воспринимается исключительно конструктивно. Диффузность характеризует эмоциональное и его вербализацию, в первую очередь, потому что рациональные критерии для попытки «обуздать» эмоции являются недостаточными. Коммуникативная репрезентация эмотивности обнаруживает диффузность на уровнях формы выражения и содержания, что может быть охарактеризовано как имманентное свойство эмотивности.

2.1. Диффузная эмотивность как нечеткое множество

Язык представляет собой нелинейную систему, поэтому использовать для его описания двухполюсную логику кажется недопустимым на современном этапе развития социогуманитарных наук. Множественность интерпретации и содержательная неопределенность проявляются на уровне семантики. Теория нечетких множеств позволила выйти за пределы бинарных логических оппозиций [Альбеков, 2016], два полюса которых не определяют сущностных особенностей некоторого объекта.

Неточность и приблизительность построения и понимания текстов становятся отдельной областью лингвистических исследований – лингвистической аппроксимации [Ионова, 2006]. Под последней предложено понимать функционально-семантическую категорию, которая реализует

семантику приблизительности средствами языка и речи (текста). Аппроксимация для текста рассматривается как конститутивное свойство, поскольку она (аппроксимация) позволяет транслировать представления «о многомерном пространстве жизни в многомерную плоскость текстового пространства» [Там же, с. 6]. С.В. Ионова указывает, что основу семантического подхода к аппроксимации составляют исследования Лотфи Заде о нечетких понятиях и размытых множествах, выделяет основные термины для оперирования категорией аппроксимативности: инвариант (генерализация всех проявлений единицы языка) и прототип (конкретизация отличительных, значимых особенностей) [Там же].

Л.А. Заде [1976] предложил использовать понятие лингвистической переменной, которой соответствует любое слово, для решения практических целей, связанных преимущественно с созданием искусственного языка (машинного моделирования естественных языков). Тогда, к примеру, лингвистическая переменная *возраст* может принимать такие лингвистические значения, как *молодой, не молодой, вполне молодой, старый* и пр. Набор лингвистических значений для переменной является нечетким. Для данного набора можно задать крайние полюсы (термы), но включение в него качественных прилагательных и наречий, соединительных и противительных союзов (*и не молодой, и не старый*) переводит линейную организацию множества (шкала с полюсами) в нелинейную структуру. Лингвистическая переменная изначально ориентирована на попытку аппроксимативного описания количественно не измеряемых явлений (например, *истинность*). Значения лингвистической переменной графически изображаются как площадки с нечетко очерченными границами, где инициальная диффузность отображения гарантирует четкость схематичного представления. Применительно к диффузности эмоционально-смысловой составляющей семантики можно использовать мнение Г.Г. Шпета, писавшего, что не существует критериев для принципиального разграничения личных, индивидуальных, коллективных особенностей эмоционального

словоупотребления, а потенциальные носители эмоционального впечатления могут быть только стилистически или эстетически скорректированы [Шпет, 2006, с. 152-153].

В концепции нечетких множеств значимо понятие взаимозависимого возникновения, при котором каждое звено цепи обусловлено остальными звеньями, а модель человеческой жизни можно представить как «непрекращающееся, циклически повторяющееся стремление закрепить опыт в фиксированном и постоянном «я» [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 233]. Используя образное сравнение Л.А. Заде, лингвистическая переменная представляет собой «саквояж с жесткими стенками и прикрепленным к нему ярлыком» [Заде, 1976, с. 18]: при помещении объекта в переменную он приобретает определенное значение, множество предметов, допустимых для помещения внутрь переменной подмножеств – значение переменной. Применение к эмотивности понятия нечетких множеств позволяет выделить два подвида: «четкая» и диффузная эмотивность при условии, что эти переменные являются не сепарабельными (по Л.А. Заде), а взаимодействующими и пересекающимися, что нетрудно подтвердить примерами мены конвенциональными эмотивами их оценочной и узуальной эмоционально-смысловой составляющих.

Естественный язык трудно свести к формальным основаниям (см.: [Максименко, 2011]). Усложняет проблему превращения языка в формализованную систему его рассмотрение как средства коммуникации: язык в его актуальной реализации, когда возможно найденные основания (постоянные) для формализации превратятся в переменные. Принцип аналогии, основанный на нечетких множествах, применяется для автоматического определения морфологических свойств слов [Гашков, 2014], действенность которого эффективна при анализе отдельных элементов сложного эмотивного целого и закрепляет данное образование среди аналогий на определенном отдельном месте, что указывает на несводимость получаемого целого к совокупности его частей. Диффузные множества с

позиции теории прототипов позволяют исходить из положения, что границы категорий являются условными и неопределенными, поэтому категории открыты. Это дает возможность отражать средствами родного языка те реалии, которые в культуре данного языка отсутствуют [Ли Ин, 2019], или анализировать особенности поэтического творчества автора, разграничивая типичные (ядерные) и периферийные (отклоняющиеся от канона) характеристики стихотворных произведений в различные творческие периоды [Андреев, Борисов, Коршунова, 2018].

Метод семантического дифференциала [Osgood, 1957] близок к концепции нечетких множеств. Данный метод, призванный качественно и количественно индексировать значение, позволяет построить семантическое пространство, координатами которого становятся градуированные оценочные шкалы. В результате, становится возможным учитывать не только конвенциональное, но и субъективное смысловое наполнение объекта, который условно помещается в многомерном семантическом пространстве [Бовина, 2006].

В исследовании [Diaz, 2003] указывается, что в коммуникации применяется аппроксимативный способ построения высказываний, в сообщении всегда присутствует шум, происходящий из теневых зон (*des zones d'ombres*), намеренного отсутствия точности. Неточное (*le flou*) сближается с приблизительным, которое может быть выводным (*inféré*) или имплицитным и выраженным (эксплицитным). Значимость приблизительного обусловлена тем, что в коммуникации упрощается сложность и многосоставность мира, но эта поликомпонентность способна быть активированной, она выводима из семантики коммуникативных знаков. В качестве родового термина для неточного и приблизительного предложено использовать неопределенное (*le vague*), в котором границы означаемого расплываются (либо означающее слишком обобщено – намеренная приблизительность, либо означающее характеризует одну из особенностей означаемого – ненамеренная приблизительность).

Краткий обзор собственно лингвистических исследований проблемы семантической диффузности показал достаточно активный интерес специалистов к данному вопросу смыслового содержания словесных знаков. В работе Н.В. Зиминой диффузность как характеристика семантики используется в ситуациях, когда вещественное значение слова уступает место оценочному, а знак оценки конкретизируется в ситуации [Зимина, 2001, с. 166]. Н.В. Черникова отмечает, что семантика характеризуется диффузной, если денотат остается неопределенным [Черникова, 1998]. О.М. Лысенко конкретизирует, что диффузные высказывания имеют референтную неопределенность, коммуникативную разноплановость и зависят от контекста [Лысенко, 1987]. В исследовании Н.Д. Матарыкиной вводится понятие «диффуза», под которым понимается прилагательное или наречие, наводящее в семантику абстрактное понятие, вытесняющее конкретную сему [Матарыкина, 2005, с. 14]. Как указывает Б.Т. Ганеев, диффузность может происходить из латентных значений слов (внутренней формы. - Прим. наше: А.Ш.), которые предопределяют природную диффузность таких слов, пребывающих носителями разного рода качеств [Ганеев, 2004, с. 8].

В исследовании И.И. Квасюк [1983], в котором отрицательная эмотивная лексика делится на эмоны (семантический признал облигаторно сопряжен с эмотивностью) и эмонаты (эмотивность имеет двоякий статус), выделяются семь основных участков поля отрицательной эмотивности, а также участок смешанных и диффузных эмоциональных состояний; также предложено разграничивать дискретные и диффузные эмоциональные состояния, где последние являют собой особый уровень в общей иерархии дескрипторов поля Н.А. Красавский подтверждает мнение о том, что диффузная семантика свойственна словам, обозначающим эмоции, по причине природной сложности денотата [Красавский, 2001, с. 166], а в контексте рассмотрения диффузности эмоций приводится пример смешанности номинаций эмоций [Красавский, 2001, с. 37]. В работе А.В. Чернова диффузность характеризует семантические особенности междометий

[Чернов, 1998, с. 53]. В работе О.Г. Хабаровой указывается на то, что вектор диффузной оценочной семантики контекстуален и вариативен [Хабарова, 2004, с. 116]. Т.А. Трипольская использует термин диффузной эмотивно-оценочной семантики применительно к изучению эмотивно-оценочного пласта лексики [Трипольская, 1999]. По мнению Л.А. Калимуллиной, семантическая диффузность представляет собой важнейшее свойство эмотивных единиц [Калимуллина, 2006, с. 142]. Права Т.В. Маркелова, утверждающая, что диффузность средств экспликации субъективной оценки неадекватна значимости оценочного компонента, поскольку ценностное видение действительности пронизывает всю языковую систему [Маркелова, 2013, с. 6].

Точность аппроксимативна, т.е. неточна, поскольку данная категория определяется внутри условных координат; чем выше абстрактность объекта, который необходимо определить в категории точности, тем труднее это осуществить. Примером может послужить оппозиция добра и зла: точное отнесение объекта к определенному месту на такой условной шкале имеет множество ограничений, зависит от количества и качества диагностических признаков, которые выбраны наблюдателем. Для количественно измеряемых объектов точность менее приблизительна, но низкий уровень аппроксимации точного превращает объект в неточный. Если объектом становятся эмоции, языковые средства их репрезентации, установление точного эмотивного пространства невозможно. Идиоматические выражения могут описывать одну эмоцию или использоваться для выражения нескольких моно- или поливалентных эмоциональных переживаний. К примеру, волосы могут вставать дыбом от страха или ужаса, а дух захватывает или перехватывает от радости, изумления, гордости, страха и обиды [Козеренко, 2019, с. 49]. Значимые отличия в физиологических особенностях состояния, языковой реализации, коммуникативной ситуации актуализации, лингвокультурного опыта перцепции и т.п. имеются не только между радостью и обидой, но очевидны при сопоставлении ужаса и страха.

М.К. Мамардашвили указывал, что намерение справедливости есть одно, а справедливость – другое [Мамардашвили, 2023, с. 24]. Транспонирование данного утверждения в сферу эмотивной лингвистики позволяет с уверенностью заявлять о том, что любая попытка вербальной систематизации некоторого материала приблизительна и онтологически не может являться истинностной. Проблема нечетких множеств соответствует сложности, через которую понимаются природа, человек, общество, мир, коммуникация. Человек – событие сложного мира, он коэволюционирует совместно с природой [Терентьева, 2015]. Сложность может быть представлена как индивидуальный субъект, а появление уникальных Я-черт ведет к неинтерсубъективированному языку, поскольку индивидуально-субъектный смысл не обязательно должен быть выражен в значении [Калинин, Черновицкая, 2013, с. 124]. Усложнение общества ведет к усложнению его социальной организации, а также кодов, используемых членами общества. Поэтому коммуникация как средство взаимодействия между представителями усложненного общества становится более сложной (увеличение альтернативных форм и каналов общения, включение в привычные коды общения дополнительных семиотических образований, наделение привычных знаков новыми функциями, рост доли имплицитного как фактора успешной коммуникации и пр.), скорость общения растет, что также требует затраты больших усилий. Данные факторы указывают на нелинейность мира, в котором растет вероятность наступления маловероятных событий [Князева, 2016, с. 6].

Конвенция и нормативность случайны, поскольку случайность есть имманентное свойство бытия: норма суть повторяемая случайность, где повторение можно рассматривать не столько как неоднократную фиксацию объекта разными наблюдателями, воспроизведение ими замеченных свойств, а заражение, итерацию случайности в сознании, аутосуггестию в тождественности восприятия объекта. Тогда ненормативные свойства

идентичны по своим сущностным характеристикам с нормативными. Отличие состоит только в степени коллективного одобрения.

Создание нового в результате усложнения бытия (к признакам сложной системы относят множество элементов и их сложное взаимодействие, внутреннее разнообразие, многоуровневость при условии функционально-статусного паритета, открытость, нелинейность (упорядоченный беспорядок), эмерджентность как неконтролируемое создание нового, самоорганизация как ответ на энтропию и борьба с хаосом, создание порядка из беспорядка) становится объектом теории инноваций – инноватики. Выделяется ряд аспектов сложного, к которым относятся рождение не выводимого из наличного нового, новое как возобновление старых смыслов (актуализация и воскрешение внутренней формы), новое как реализация потенциально заложенного [Князева, 2016, с. 7-8] (поскольку потенциально в семантику заложена бесконечность эмоционально-смысловых векторов, сложность семантической организации заключается в ее актуальной недосягаемости и неисчерпаемости по причине потенциальной неограниченности).

Интересные наблюдения находим у К. Майнцера, рассмотревшего особенности развития и функционирования систем с положительной обратной связью. В качестве примера автор выбрал секторы экономики, которые зависят от высоких технологий. Данные секторы предполагают высокие затраты на разработку и создание высокотехнологичных товаров, особые человеческие ресурсы, способные производить подобные товары, высокие затраты на дизайн и продвижение товара. Как только данные продукты выходят на рынок, увеличение объема производства стоит дешевле, времени затрачивается меньше, но прибыль продолжает увеличиваться. Такие системы с положительной обратной связью имеют несколько состояний равновесия [Майнцер, 2009, с. 355].

Эмотивность, сущностной чертой которой предложено считать диффузность, имеет не одну, а множество точек потенциального баланса. К примеру, в ситуации конфликта положительная реакция на отрицательный

стимул может как усилить конфликтность взаимодействия, так и смягчить ее; модус современного общения всё отчетливее отказывается от формы и содержания, а понимание достигается на уровне декодирования коммуникативного намерения; эмоциональная доминанта текста может быть выраженной вербально в текстовом пространстве и соответствовать пониманию среднестатистического читателя, а может остаться непонятой, понятой неверно, быть извлеченной не из эксплицитной, а имплицитной составляющей семантики текстовых единиц, оказаться доступной ограниченному числу читателей, что также является точкой равновесия системы. В целом несколько состояний равновесия системы удобно показывать на примере эмоционально-смысловой наполненности слова в коммуникации, которое не может иметь объективной точки баланса, для которой любое препятствие для неравновесности приведет к упорядочиванию хаоса: «Стоит возвести в правило культивировать разнообразие, лелеять случайность, специально поддерживать хаос и неопределенность, потому что забота о случайности – это забота о нашей креативности» [Князева, 2019, с. 119].

В нечетких множествах нет входа или выхода, это элементарные частицы, объединенные в кольцевой массив, где анализу доступны внутренние действия [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 206]. Поэтому диффузность, как имманентное свойство эмотивности, проецируется на конвенциональную (условно четкую) эмотивность и корректирует ее. Одной из существенных характеристик эмоций является размытость их содержательного контура. Л.А. Калимуллина в своем исследовании, посвященном наблюдению за исторической динамикой эмотивов, показала, что эмотивная лексика и эмотивность имеет тенденцию к диффузности, размытости внешних и внутренних границ [Калимуллина, 2006, с. 6].

Можно подтвердить сказанное с помощью применения конверсационного анализа в эмотивной плоскости. Анализ реплик участников диалогического общения позволяет наблюдать за взаимодействием

эмотивного стимула и эмотивных реакций. Известны несколько стандартных (нормативных) формул эмотивной реакции на эмотивный стимул, когда положительно окрашенный коммуникативный посыл каузирует положительную реакцию и наоборот. Однако подобная формализация условна. К примеру, доминантное эмоциональное переживание может окрашивать все действия человека, когда реакции индивида на (не)эмоциональные стимулы сохраняют устойчивый эмоциональный знак:

- Да вот, говорят, у тебя появился новый знакомый. Кто он? Почему ты мне ничего о нем не рассказала? Это знакомство к добру не приведет.

- Перестань, Джим! Не смей дурно говорить о нем! Я его люблю.

- Господи, да тебе даже имя его неизвестно! – возразил Джеймс. Кто он такой? Я, кажется, имею право это знать.

- Его зовут Прекрасный Принц.

- Он хочет сделать тебя своей рабой.

- А я дрожу при мысли о свободе.

- Остерегайся его, Сибила!

- Кто его увидел, боготворит его, а кто узнал – верит ему.

- Сибила, да он тебя совсем с ума свел!

Сибила рассмеялась и взяла брата под руку.

- Джим, милый мой, ты рассуждаешь, как столетний старик. Когда-нибудь сам влюбишься, тогда поймешь, что это такое (О. Уайлд).

Представленный пример наглядно демонстрирует влияние процесса эмоциональной иррадиации на поведение и реакции человека, а также опровергает положение о нормативной отрицательной эмотивной реакции на отрицательный эмотивный стимул.

Диффузность является «универсальной реальностью человеческого существования», это следствие от способности человеческого мозга думать и делать заключения в неточных, неколичественных терминах [Заде, 1982, с. 6-7]. Аналогично любая линейность применительно к проблеме категоризации

эмоций в языке и речи является стратегически допустимой, но, в сущности, ошибочной.

Устойчивая эмоционально-оценочная составляющая некоторых слов может подвергаться ситуативному варьированию в результате актуализации содержащегося в семантике любой лексической единицы безграничного эмоционально-смыслового потенциала, внутренней энергетики слова, семасиологически объясняемой наличием в семантике, как минимум, потенциальных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’. Эмотивный сочетаемостный потенциал слов неограничен, а открытие у слова эмотивной валентности может привнести или «оживить» стирающуюся эмоциональную составляющую слова. Подобная эмоционально-смысловая нестабильность слова обусловлена тем, что в семантике аккумулируется «контекстное бытие предыдущего опыта понимания» [Голубева, 2016, с. 6], которое расширяет внутреннюю форму психологического значения (по В.А. Пищальниковой):

Любое слово может иметь сотню значений. И какое из них выбрать, решает только автор. Читателю остается лишь гадать, что описывает тот или иной образ или символ. А вдруг это метафора, в которой содержится скрытый смысл? (Дж. Эшер).

Любая эмоция амби- и поливалентна, равно как и отсутствие эмоций. Например, нейтральность в зависимости от ситуации может оцениваться как отрицательно, так и положительно:

Правую ногу от левой деревянные ботинки не отличали, а размеров было всего три: малый, огромный и – довольно редко – средний

(Г. Мюллер).

Прилагательное *средний*, т.е. характеристика объекта как стандартного, наиболее распространенного и привычного, окрашивается положительно и становится эмоциональным стимулом, вызывающим реакцию с аналогичным эмоциональным знаком.

Отдельное внимание нужно обратить на репрезентацию смешанных эмоций (одновременная вербализация двух и более номинаций

эмоциональных переживаний), которым не отведено определенного места в известных лингвистических подходах к классификации эмоций. Одна из проблем заключается в том, что форма языковой репрезентации смешанных эмоций нарушает формальные критерии, к примеру, разделения эмоций на номинативы и дескриптивы. Аксиоматично положение о том, что эмоция, названная прямым словом, является осознанной, а не непосредственно переживаемой [Долинин, 1978]. Собственно лексика, называющая эмоции, эмоциональной не является. Однако в случае со смешанными эмоциями именно имена эмоциональных переживаний становятся инструментом описания эмоционального состояния человека:

Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение (А. Моравиа).

Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение и, что чрезвычайно меня удивило, некоторый ужас (Дж. Уиндем).

Применительно к смешанным эмоциям выражение *испытывать эмоции* и *испытывать радость и грусть* отличаются по степени определенности, поскольку номинации эмоциональных переживаний делают структуру средств выражения эмоций более четкой. Однако результат данного смешения (*радость и грусть*) становится переменной, включающей ряд значений (*радость; грусть; не грусть, а радость; не радость, а грусть; грусть и радость; не радость и не грусть* и пр.). Само же понятие смешанных эмоций также является лингвистической переменной, включающей неограниченное количество переменных более низкого порядка. В.И. Шаховским использовано словосочетание «эмоциональное месиво», которое ярко реализуется в межличностной коммуникации [Шаховский, 2008, с. 79]: актуализация нескольких эмоциональных переживаний создаст формально гетерогенное, содержательно гомогенное образование – нечеткое множество.

Конвенция представляет довольно ограниченный инвентарь средств для выражения эмоций, когда любой способ их описания/выражения есть лишь аппроксимация эмоционального, непременно сопровождающаяся упрощением и огрублением. Если субъект сталкивается с проблемой несоответствия нормативных форм для экспликации переживаемых эмоций, он прибегает к неконвенциональным способам вербализации эмоционального опыта. Однако восприятие смешанных эмоций затруднено по причине особенностей самого процесса восприятия: оно пластично и адаптировано к новой информации, но стабильно, т.к. не разрушает памяти о старых образах. Подобное соединение нескольких эмоциональных переживаний в кластер нарушает нормативные, одобренные языковым сообществом границы эмоций, смешивает их. Ситуация вербализации смешанных эмоций создает эффект нечеткого множества, когда объединение в целое некоторого числа вариантов приводит к преобразованию инварианта. В результате имеющий свои границы список имен эмоций преобразовывается и становится динамичным в значительно более широком поле сочетаемости.

Укажем, что простое сложение составляющих смешанных эмоций с выделением интегральных и дифференциальных компонентов не позволяет определять специфику нового эмоционального состояния, поскольку речь идет о появлении суммативного понятия. Создание эстетизированной эмоции как суммативного целого из номинаций эмоциональных переживаний возможно благодаря интегративной функции мышления, которая способствует объединению в смысловое целое гетерогенных конвенциональных единиц языка [Роговская, 2004, с. 8].

Интересным аспектом при рассмотрении смешанных эмоций может стать парность как свойственный фольклору и бытовой речи принцип использования идиоматических парных сочетаний (*кожа да кости, хлеб-соль, чуть-чуть, грусть-тоска*). Особенность парных сочетаний в том, что по причине рекуррентных повторений элементы сочетания сливаются в одно слово, семантически уподобляются друг другу, а непостоянство признака в

паре следует рассматривать как «сильный» фактор [Найдич, Павлова, 2019, с. 123-124, 131]. Таким образом, экспликант смешанных эмоций является экономичным (отсутствует необходимость в создании принципиально нового слова для экспликации эмоций), но семантически неопределенным средством выражения эмоций с нечетким содержательным контуром.

Симптоматичным признаком современного информационного общества является эмоциональная энтропия, когда границы субъективной объективации действительности размываются или исчезают. Как пишет Ф.И. Гиренок, чувство стало цитатой, т.е. перестало быть чувством: «дело не в том, что ты чувствуешь, а в том, что ты говоришь о чувстве» [Гиренок, 2012, с. 10]. Клиповость сознания отразилась и на стереотипности выражения эмоций. Это представляет собой «регрессивный прогресс» в форме экспликации эмоциональных переживаний без непосредственного переживания последних, что становится показателем бесчувственности говорящего. О последнем свидетельствует, к примеру, обильное использование разного рода аффективов в опосредованном сетью Интернет-общении.

К примеру, инвективная лексика теряет свой деструктивный вектор, а практически любое событие получает однотипную аффективную оценку, исходя из типологии язык-речевых (по В.И. Болотову) средств выражения эмоций В.И. Шаховского. Распространенными междометиями среди молодежи становились слова *пипец* и *капец*. Такая популярность обусловлена рядом факторов, одним из которых является стремление «играть» на грани дозволенного, провоцировать окружающих. Последнее само собой представляет исследовательский интерес, особенно с проекцией на коммуникативные интенции говорящего в момент выбора из парадигмы возможных аффективных единиц для характеристики ситуации ту, которая формально не является табуированной, но ассонирует с нею и несет с собой шлейф запрещенного, порицаемого социальной нормой. Примечательно, что как и любой аффектив эмоционально-смысловые валентности указанных слов

бесконечны и вбирают в себя оба противоположно-оценочных края шкалы оценки (*Я ржал Капец ржака смотреть всем; Это конечно капец! Но я ржал!!!; Я дико ржал. Капец!; Мой позор(((ужас(((капец полный; Капец я в шоке !!! Офигеть*). Любая ситуация (бытовая, экономическая, общественно-политическая) оценивается тождественно:

Метро ужас (капец); Всё капец! Но как то почему то всё вполне нормально.

Синий экран. Компьютеру капец?

Капец какой он классный.

Укажем, что и эмотиконы лишаются своей функции экспликации той или иной эмоции в момент опосредованной коммуникации, став эмоционально-индифферентным коррелятом текстового сообщения.

С другой стороны, идет процесс поиска новой формы выражения эмоций, когда «означаемое есть, а означающего во мне нет», что подобно процессу формирования порядка из хаоса. Ф.И. Гиренок предупреждает: «Главное, чтобы такое поисковое сознание не было раздавлено глыбой культуры» [Гиренок, 2012, с. 32], то есть нормы и конвенции. Следовательно, подобное неравновесное состояние системы эмоций, хаос в сфере их выражения имеет свои положительные последствия. Например, интуитивно осознается синкретичность объективации действительности, в том числе в форме ее языковой категоризации:

Запах был круглым и белым, как шарики антимоля дома в одежном шкафу (Г. Мюллер).

Если речь идет об эмоциях, то принимается во внимание их полиоценочность. Показательным является оксюморон, выражающий прямо противоположные эмоции (например, *Ils se sont déchirés, tiraillés, rudoyés et stigmatisés des mois durant avant de finir par avoir le béguin : les deux grosses têtes de la scène politique locale se sont dit «je te* ***haime»*** (Ennahdha-Nidaa Tounes: les amants qui se cachent. http://www.businessnews.com.tn) – *На протяжении нескольких месяцев они ругались, ссорились, грызлись и бичевали друг друга*

вплоть до момента, когда поняли, что влюблены: два видных представителя местной политической сцены признались: «Я тебя ***ненавилюблю****».* – (Здесь и далее перевод наш. – *А.Ш.*) Данное энтропийное слово характеризуется смысловой неравновесностью и неустойчивостью, предполагает неопределенный исход рефлексивных векторов при его восприятии и понимании. По аналогии с энтропией энтропийное слово – слово-показатель беспорядка, слово, обнаруживающее его неравновесное, нестабильное состояние применительно к границам языковой нормы; энтропийное слово это ляпсус, обмолвка, оговорка, непроизвольное допущение системой скрываемого потенциала.

Нечетко очерченные области (к которым следует относить эмотивность) обладают структурой постоянно уменьшающихся уровней детализации, сливающихся с фоном; бытовые знания, в том числе оязыковление эмоций, трудно оформить как эксплицитное пропозициональное «знание о чем-то», поскольку нужно ставить вопрос о «знании о том, как», основанном на накоплении опыта в результате большого количества случаев [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 280-281]. Энтропия является мерой неравновесности и неустойчивости, а также возмущения состояний рефлексии и языкового сознания. Она связана с разотождествлением идей, мыслей, представлений. Поэтому ее примерами выступают абсурд и оксиморонные словосочетания. Важно, что энтропия может оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на коммуникацию. Конструктивно она является фактором развития интеллекта человека, заставляя его анализировать, связывать и системно организовывать новую и старую информацию.

Создание единиц номинации эмоций может быть вызвано либо неадекватностью имеющихся форм, либо прагматической нейтральностью известных способов выражения эмоциональных переживаний. Вне зависимости от причины всё чаще языковым сознанием сознательно и/или интуитивно категоризуются смешанные эмоции.

2.2. Потенциальное сознание и диффузная эмотивность

Г. Гийом указывал, что «в языке записаны не только потребности мышления в непосредственный момент выражения, но и те, которые можно было бы назвать потребностями молчаливого мышления, занятого вне акта речетворчества самосозерцанием и определением лучших способов перехвата того, что в нем происходит» [Гийом, 1992, с. 68]. Языковое мышление, опосредуемое речью, находится в постоянной речетворческой активности, в частности, семасиологической и ономасиологической. Результатом данной деятельности становится поиск либо формы выражения мысли, либо преобразование уже имеющейся формы для обозначения с ее помощью бóльшего содержания.

Э. Гуссерль ввел понятие нейтрального или неслучившегося сознания (сознание в его потенции, которое противопоставлено актуализованному сознанию (по Г. Гийому), случившееся и неслучившееся сознание (по М.К. Мамардашвили), когда векторы рефлексии могут быть как фактически осуществленными, так и потенциальными. Также М.К. Мамардашвили использовал понятие ясного сознания [Мамардашвили, 2023, с. 46], которое невозможно выразить (высказать), поскольку в момент выражения ясность будет потеряна. В рамках феноменологического подхода к анализу слова, при котором описывается содержательная структура слова во всех ее разнообразных проявлениях [Гуссерль, 1987, с. 59], рефлексия представляет собой энергийно-смысловый и подвижный конструкт. Это приводит к необходимости выделения в содержании слова особого смыслового компонента – нейросемы, являющейся рефлексивным вектором, реализующим смысл. Направление и количество данных векторов принципиально не ограничено, поскольку динамика рефлексивных векторов обусловлена различными представлениями относительно мыслимого объекта [Карманова, 2016, с. 60].

В процессе речетворческой деятельности происходит взаимодействие представляемого (слово как потенция) и воображаемого (речь) [Карманова, 2010, с. 91-92]. Таким образом, любое слово суть потенция, которая получает реализацию, в том числе смысловую, только в речи. Язык представляет собой совокупность реализаций слов и ограничивает потенции слов, сводя их к наиболее рекуррентному минимуму реализаций. Бесспорно, подобная кодифицирующая деятельность языка необходима для целей коммуникации. С другой стороны, современная лексикографическая практика показывает, что актуальные словари направлены не на нормализацию частотного, а на максимально подробную фиксацию потенций слова в речи. Подобные попытки обрекал на неудачу уже процитированный ранее Г. Гийом: «Можно создать словарь слов, входящих в состав языка; нельзя создать словарь предложений, ставших возможными благодаря выбору и употреблению этих слов» [Гийом, 1992, с. 92].

По мнению И.И. Мещанинова, семантика слова зависит от говорящего, уточняется им и изменяется в процессе использования (актуализации) данного слова в речи [Мещанинов, 1978, с. 102], подобные семантические изменения слова являются следствием употребления слова в речи и реализации говорящим своей коммуникативной задачи, т.е. слово, как семиотический знак, дважды актуализирует свои смысловые валентности: сочетания слова и контекста, слова и внутреннего мира говорящего. По этой причине М.В. Никитин [Никитин, 1988, с. 81] понимал под многозначностью слова естественное и вероятностное свойство последнего.

Семантические изменения – это типичные изменения, частотные преобразования, происходящие во времени и языках. В данных модуляциях нет никакой исключительности. К причинам семантических изменений можно отнести а) внутренние лингвистические факторы (процессы расширения и сужения семантики, метафоризацию и метонимизацию, приобретение словом мелиоративной или пейоративной окраски и пр.); б) историко-культурные факторы; в) социальные; г) психологические. Семантическая модуляция суть

процесс перегруппировки разноуровневых признаков в семантической структуре слова при сохранении категориальной семы [Лопушанская, 1988, с. 6-8; Ильинова, 2013, с. 42].

В следующем примере показано, как нейтральная по своей нормативной форме представления и фиксации в словарях лексическая единица превращается в эмотив, вызывающий кластер отрицательных эмоций субъекта рефлексии:

Потому что теперь Хуан мог восстановить тот миг, когда услышал заказ толстяка, и был убежден, что голос этот раздался как раз в один из тех моментов тишины, какие обычно возникают среди коллективного гула и народным воображением, не без смутной тревоги, приписываются вмешательству высших сил, ныне десакрализованному и сведенному к принятой в обществе шутке «тихий ангел пролетел». Но ангелы являются не всем присутствующим, и порой кто-то брякнет свое слово, попросит свой «кровавый замок» как раз в середине паузы, дыры, образовавшейся от полета ангела в звучащем воздухе, и это слово вдруг обретает нестерпимые гало и резонанс, которые надо немедля погасить – смехом, и избитыми фразами, и возобновленным хором голосов, – не считая другой возможности, открывшейся Хуану сразу же,- той, что дыра в звучащем воздухе была пробита для него одного, а прочих посетителей ресторана «Полидор», похоже, мало интересовало, что кто-то заказал «кровавый замок», поскольку для всех них это было лишь блюдо ресторанного меню (Х. Кортасар).

Субъект речи деконвенционализирует семантику представленного в примере номена, что сопровождается погашением денотативной доминанты и акцентированием эмоционально-оценочного экстенсионала, потенциально сопровождающего употребление любой лексической единицы. Отраженная авторским сознанием смысловая валентность слова («*тихий ангел пролетел*») представляет собой эвристическое озарение, благодаря которому объективируются скрытые потенции слова *за́мок*. Как следствие, номинация

блюда (*кровавый за́мок*), где слово *за́мок* уже используется в переносном значении, дополняется дифференциальной семой, одновременно становящейся точкой семантической опоры для новых словосочетаний и выражения новых смыслов, а также вытесняющей словарное и узуальное в данном контексте значение. Бесконечность подобных рефлексивных семантических сдвигов обусловлена еще и тем, что подобные эмоционально-смысловые модуляции индивидуальны, когда сознание большинства носителей языка на данный нейтральный стимул отреагирует нейтрально, «молчаливо».

По мнению О.В. Голубевой, маркеры-ассоциаты слова составляют его ассоциативно-смысловое поле и формируют сеть потенциальных причинно-смысловых связей. В основе данного процесса лежит принцип субъективной причинности, когда человек выступает активным участником процессов познания и коммуникации [Голубева, 2016, с. 6]. Основополагающей категорией прагматической семантики является категория смысла, под которым принято понимать дополнительное (прагматическое) содержание, приобретаемое словом в процессе его актуализации в коммуникации [Азнаурова, 1973, с. 12].

Согласно семантическому закону организации языка, все элементарные смыслы, участвующие в выражении какой-либо идеи с помощью языка, настолько связаны между собой, что их сепаратное и изолированное существование невозможно [Колшанский, 2020, с. 42]. Соответственно значение фиксирует только часть элементарных (категориальных) смыслов, необходимых для выражения представления говорящего, когда иные элементарные (факультативные) смысла остаются на уровне экстенсионала значения слова.

Рассмотрим следующий пример, в котором показано, как эмоционально-оценочная составляющая слова зависит от отсутствия/наличия национально-культурной маркированности:

Внезапно французские СМИ – радио, телевидение, газеты – запестрели словом «Solidarité», а через несколько месяцев практически все сменили его на хрустяще-шипящее труднопроизносимое польское слово «Solidarność». Потому что это последнее значило гораздо больше, чем просто солидарность. Переведенное на французский слово «солидарность» переставало передавать сущность и значение невиданного до сей поры явления, которое стояло за ним. Перевод лишал слово силы, а явление – свойственной ему символики. Некоторые вещи остаются в памяти и вызывают соответствующие ассоциации лишь тогда, когда они правильно названы. Одни эмоции вызывает слово «поцелуй» и совершенно другие – «французский поцелуй» (Я. Вишневский).

В примере показано, как в результате перевода слово теряет свою эмоционально-оценочную составляющую, национально-культурный опыт, фиксируемый в семантике лексической единицы, не сохраняется при замене слова его эквивалентом в языке перевода. Это подтверждает и положение о принципиальной невозможности эквивалентного перевода, когда передача коннотативного значения приводит к потере ассоциативного потенциала слова.

В романе Р. Олдингтона «Смерть героя» находим следующий пример:

И потом, у них была «ах, любовь»! Они «ах, любили» друг друга. Любовь – это главное, она возместит всю глупость невежества, она будет кормить и поить их, усеет их путь розами и фиалками. Ах-любовь и бог. Потерпит неудачу любовь – останется бог, не преуспеет бог – останется ах-любовь. По всем правилам, я полагаю, бог должен бы стоять на первом месте, но в 1890 году брак состоял сплошь из ах-любви и бога, так что было уже не до здравого смысла, не до азбучных истин и сведений о том, что такое пол, и не до каких-либо иных сведений, которые мы, мерзкие современные декаденты, считаем обязательными для всех мужчин и женщин. <…> Разве не вышла она счастливо замуж за человека, который ее ах-полюбил, – ах, брак по любви! – да еще за богача? (Р. Олдингтон).

Представленный пример демонстрирует специфику эмоционально-смысловой составляющей слова, когда план выражения подвергается незначительным изменениям, но на уровне содержания номинация эмоции (в данном случае *любовь*) претерпевает модуляции. Как следствие, данное нечеткое эмоциональное состояние размывает эмотивные и интерпретативные границы слова, когда а) положительное эмоциональное переживание становится отрицательным или наоборот; б) положительное эмоциональное переживания становится более/менее интенсивным по сравнению с эталоном. В русском языке междометие *ах* используется для выражения кластера амбивалентных эмоций (***ах*** *– выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение; восклицание, сожаление, печаль, радость, горе, испуг; оценочная характеристика кого-либо или чего-либо как очень привлекательного, необычного*). Эмоционально-смысловые рамки положительно-оценочной доминанты в форме любви становятся нечеткими по причине совмещения любви одновременно с положительно-оценочными (восхищение, радость) и отрицательно-оценочными (испуг, сожаление, возмущение, горе, печаль) эмоциональными переживаниями.

Т.М. Дридзе рассматривала схожую проблему смысловых приращений слова через эффект смысловых ножниц. Данное явление, по мнению цитируемого исследователя, предполагает появление семиотического вакуума, вызванное неконгруэнтностью смысловых фокусов речи в процессе общения. Также автор приводит перечень типовых ситуаций, которые сопровождаются эффектом смысловых ножниц. Среди данных ситуаций выделим некоторые:

- неизвестные и лишенные необходимых ассоциаций имена собственные;

- недоступные адекватному пониманию адресата (неясные) слова и выражения;

- слова и выражения, отличающиеся по окрашенности в данном конкретном тексте от привычного спектра окраски [Дридзе, 1980, с. 181-182].

А.П. Савина рассматривает семантическую трансформацию слова *власть*, изначально положительное значение которого по причине использования в отрицательных контекстах вытесняется [Савина, 2017, с. 12]. Цитируемый автор указывает, что контекст может актуализировать или гасить оценочный потенциал слов [Там же, с. 13]. А.П. Савина затрагивает также и вопрос внутрисловной антонимии прагмем как единиц оценочной лексики, в семантической структуре которых совмещены предметное значение и оценка обозначаемого словом явления. Энантиосемия прагмемы *гордый* обусловлена совмещением в ее семантической структуре значения самоуважения, чувства собственного достоинства и чувства собственного превосходства в чем-либо. В прагмеме *хитрый* совмещены значения сокрытия намерения и чего-то искусно, затейливо сделанного [Там же, с. 17].

Считается, что неэмоциональность и неоценочнотсть слова также может быть рассмотрена как проявление эмоции и оценки [Маклакова, 2013, с. 39]. Место эмоциональности и оценочности в семантике слова является как согласованным, так и несогласованным (по терминологии И.А. Стернина). Коннотативная составляющая в семантике слова также гибка и динамична, может меняться в связи с социально-идеологическими процессами в обществе, профессией, возрастном, полом субъекта. Предел членения семемы на семы задается мерой человеческого знания о предмете обозначения [Там же, с. 43-52], когда предельность сем есть понятие относительное, поскольку «неделимость характеризует сему только применительно к принятому уровню семного анализа.

Направления мены эмоционально-смысловой составляющей слов многообразны и непредсказуемы:

Уже в первые недели между Карелом и Маркетой было договорено, что Карл будет неверен, и Маркета с этим смирится, но зато Маркета получит право быть лучшей, а Карл будет чувствовать себя перед ней виноватым. Никто не знал так хорошо, как Маркета, до чего печально быть лучшей. Она была лучшей только потому, что ничего лучшего ей не было дано (М. Кундера).

Прилагательное в превосходной степени, нормативно являющееся показателем высшей степени признака, превращается в отрицательный эмотив. Соответственно социальная норма противоречит индивидуальной, которая маркирована субъектным опытом носителя языка. Здесь следует вернуться к понятию ориентации на Другого в процессе коммуникации и указать на то, что коммуникацию невозможно свести к ограниченному непротиворечивому перечню принципов (законов). Речь следует вести о некой срединной модели эффективной коммуникации, когда в зависимости от коммуникативного партнера данная модель обязательно будет претерпевать изменения.

Семантические изменения могут являться как результатом варьирования денотативного значения слова, так и выходить за пределы денотата. В последнем случае семантические изменения (*semantinc shift*) включают разнообразные изменения эмоционального аспекта значения, среди которых выделяются два основных типа трансформации слов:

а) сдвиг семантики к отрицательному аспекту значения;

б) сдвиг семантики к положительному аспекту значения.

Денотативное значение слов, которые подверглись эмоциональному семантическому сдвигу, может исчезать. Семантика слова предстает одновременно как система и хаос, когда последний может проявляться с большей или меньшей степенью отчетливости. Попытка говорящего привести слушающего в состояние интеллектуального шока, выбить его из привычных схем рассуждений, заставить его мыслить по новым рефлексивным схемам составляет созидающий потенциал хаоса. З.Я. Карманова предлагает выделять следующие аспекты хаосных параметров дискурса:

- провоцирование контекстуально и ситуативно не мотивированных рефлексивных сдвигов;

- ложная ориентация или дезориентация рефлексии;

- блокирование рефлексии;

- рефлексивные помехи и шумы;

- смещение рефлексивных акцентов;

- открытие ложных рефлексивных горизонтов;

- предельная «дерефлексилизация» дискурсных ситуаций;

- актуализация непредсказуемых и деструктивных схем рефлексивного действования [Карманова, 2010, с. 286].

«Неслучившееся» или потенциальное сознание, актуализирующее скрытые рефлексивные векторы слова, приводит к разного рода модуляциям смысловой и эмоциональной составляющих лексической единицы. Оценочные вариации семантики могут быть следующих видов: преобразование отрицательной составляющей в положительную, положительной – в отрицательную, эмоционализация нейтральной оценки, интенсификация или деинтенсификация оценочного знака:

Как мне хотелось услышать голос Генриэтты! Пусть бы она сказала хоть что-нибудь: «ничего» или даже «дерьмо». В ее устах это слово не прозвучало бы грубо, ничуть. Раньше стоило только Шницлеру завести речь о «мистическом трансе», в который она впадает, как Генриэтта сразу же выпаливала: «дерьмо», и это слово было такое же милое, как слово «дерево» (Г. Белль).

В представленном примере конвенционально отрицательно-оценочное слово окрашивается положительно, когда говорящий включает его в контекст своего предшествующего опыта [Залевская, 2013, с. 90]. Напротив, данное слово становится своеобразным кодом доступа к идентификации с собеседником, показателем глубины понимания Другого.

Язык как явление социальное превращается в явление ситуативно индивидуальное. Данная потенция по принципу «спирали» может превратиться в эталон для «нового» языка, где планом выражения остается конвенциональный язык, а план содержания изменяется частично или полностью. Сказанное согласуется с положениями З.Я. Кармановой, указывающей, что вся речемыследеятельности человека балансирует на грани порядок/энтропия, энтропия/хаос и хаос/порядок [Карманова, 2010, с. 284].

Хаос – явление не столько сугубо деструктивное, но и конструктивное, когда на цитируемом выше этапе «порядок VS хаос» последний элемент представляет собой создание «иного» порядка. Его конструирование обеспечивает многомерная сущность человека говорящего, в котором концентрируется безграничная множественность коммуникативных Я-образов.

2.3. Эмоционально-смысловое варьирование семантики

Возможность применения синергетических конструктов к проблеме поиска путей декодирования смыслового пространства слова представлена в исследованиях З.Я. Кармановой. К подобным моделям относится процесс бифуркации, которая возникает в момент преодоления системой порога устойчивости, а «раскачивание» системы приводит к ее развитию [Карманова, 2010, с. 259-260]. Эмоции выступают тем условием, которое дестабилизирует семантику слова (его значение), приводит внутреннюю системность содержания в неравновесное состояние, поскольку «смысл паразитирует на организованностях материала» [Щедровицкий, 2005, с. 67].

Система не терпит пустоты, нарушение внутреннего семантического баланса приводит к необходимости реагирования на него путем заполнения открывшейся семантической «ниши». Знаки не просто несут ту или иную информацию; с их помощью можно оказывать определенное воздействие на собеседника, производить какое-либо впечатление, создавать и вызывать в памяти яркие образы, апеллировать к чувствам, желаниям, интересам [Новиков, 2001, с. 191]. Наличие в семантике слов, как минимум, скрытых потенциальных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ является аксиоматичным на настоящем этапе исследования. Контекст может только актуализировать эту скрытую семантику, что не отрицает эмоциональный потенциал любой лексической единицы, становящейся в определенной коммуникативной ситуации средством экспликации эмоционального переживания/отношения

говорящего. Не противоречит сказанному Г.И. Богин, в работе которого указывается на то, что без ситуации нет смысла, поскольку смысл – это смысл ситуации, смысл есть не что иное как рефлектируемый образ ситуации [Богин, 2001].

Возникает вопрос о пределах расширения семантики словесного знака, ответить на который определенно не представляется возможным. Однако анализ теоретико-практических исследований по обозначенной проблематике указывает, что данные границы отсутствуют, поскольку смысл принципиально недосягаем. Смысл трансцендентен, т.е. слово способно выходить за пределы сказанного, «инициировать новые мысли и смысловые картины» [Карманова, 2010, с. 287].

Аналогией расширения семантического наполнения слова может выступить физиологический закон возбуждения и торможения. Как на это указывает М. Фуко, данные термины нуждаются друг в друге, когда активность характеризуется только с учетом целостности и единства противоположных механизмов торможения и возбуждения [Фуко, 2009, с. 195]. Язык выступает в функции ингибитора, тормозящего развитие семантики, а усилия говорящего, его опыт пользования языка и творческий характер этого становятся факторами возбуждения, активизирующими «застывшую» семантику знака. Далее действует процесс «взаимной индукции» (по И.П. Павлову), когда язык и языковое сообщество может либо принять (об этом пишет Ю.М. Лотман, анализируя новаторскую метафору, которая оценивается носителями языка как «незаконная и оскорбляющая их чувства; эта шокирующая метафора всегда результат творческого акта, что не мешает ей в дальнейшем превратиться в общераспространенную и даже тривиальную» [Лотман, 1999, с. 26]), либо отвергнуть новую смысловую плоскость знака. В последнем случае данный актуализированный смысловой компонент закрепится только в индивидуальном тезаурусе, для которого данная экстенсивная или интендированная (по Г.И. Богину), т.е. растянутая, семантика становится

нормой, уже она превращается в точку отсчета для последующих смысловых приращений слова.

Приращение новых смысловых компонентов в семантику слова, под которым мы понимаем только актуализацию эмоционально-смыслового потенциала слова, является фактором, определяющим развитие языка, его эволюцию. Аналогично и стимуляция светом, не подкрепленная пищей как безусловным возбуждением, приведет к угасанию рефлекса [Фуко, 2009, с. 194]. Возникновение «неожиданных» (амбивалентных и поэтому патологических) реакций на определенные стимулы М. Фуко объясняет ультрапарадоксальной фазой, при которой нарушается количественная пропорциональность ответа и стимула: «слабые стимуляции вызывают значительный эффект, а сильные – почти незаметные ответы [Там же, с. 200-202]. Таким образом значение слова перестает быть достаточным для экспликации намерения говорящего, что ведет к расшатыванию семантики в результате индивидуально-авторского «рефлексивного сдвига», распредмечиванию содержания и обнаружению дополнительных смысловых нюансов.

Индивид оперирует словом и от его волевых, интеллектуальных и лингвокреативных усилий зависит семантическое развитие слова. Множественность и поливалентность эмоционально-смысловой составляющей слова соотносятся с аналогичными характеристиками языковой (речевой, коммуникативной) личности. Шизофреник «живет в амбивалентности», острое ощущение противоречивости которой побуждает его к поиску особенных способов выражения [Фуко, 2009, с. 203]. Интересное наблюдение о множественности личности находим у Г. Гессе:

<...> Ибо ни один человек <...> не бывает так приятно прост, чтобы его натуру можно было объяснить как сумму двух или трех основных элементов <...>. Гарри состоит не из двух натур, а из сотен, из тысяч. Его жизнь (как жизнь каждого человека) вершится не между двумя только полюсами,

такими, как инстинкт и Дух или святой и развратник, она вершится между несметными тысячами полярных противоположностей (Г. Гессе).

Слово является одновременно инструментом и реализации множественной природы личности, оно испытывает на себе последствия поливалентной рефлективной деятельности.

Наблюдения за современным состоянием медийного и интернет-дискурсов показывают ряд негативных тенденций, судить о которых позволяет доминантная отрицательная тональность, окрашивающая информацию [Шаховский, 2016, с. 326]. Действительность задается употреблениями знаковых средств в отношениях замещения [Щедровицкий, 2005, с. 69], и от того, какое средство выбирается для обозначения объектов действительности, зависят последующие семантические преобразования слова. Несмотря на актуальный рефлексивный сдвиг сознания, к примеру, пользователей Интернет в сторону негативизации коммуникативного пространства, считается, что вращивание смысла в сознание осуществляется через позитивизацию: нужно «перевести описываемую ситуацию в более спокойное и приемлемое русло и обеспечить менее болезненное «вращивание» смыслов в умы людей» [Карманова, 2010, с. 280].

Непонимание представляет собой фактор развития языка, в целом, его совершенствования и обретения им идеальной структуры в себе и для себя. Обусловлен данный процесс рефлексивной деятельностью человека. Эмоциональная окраска может быть как отрицательной, так и положительной. Любой вектор семантического развития становится своеобразным катализатором обратных процессов дополнения: так, если у слова конкретизируется отрицательная эмоционально-смысловая составляющая, его положительный валентностный потенциал также будет реализован. По Г.И. Богину [2001], процесс появления смысла (точнее, его объективации и опредмечивания в форме словоупотреблений) проходит несколько этапов:

1) преобразование содержания в определенной модальности;

2) преобразование содержания в ситуации;

3) рефлективные акты, непременно сопровождающие данные преобразования;

4) интендирование как процесс растяжения, напряжения семантики слова в результате рефлексивной деятельности;

5) преобразование минимальных единиц смысла (ноэм) в семы при условии получения одобрения от языкового сообщества.

Г.И. Богин указывает, что текст является инструментом идентификации ноэм. Так как число граней понимаемого бесконечно, любая онтологическая картина трансцендентна, т.е. ее актуальное состояние всегда меньше потенциального масштаба. Плюрализм граней понимаемого при интендировании усугубляется и в силу различия людей, занятых пониманием. Это столкновение в одном слове многоголосия пользователей языка. В условиях этой многосложности было бы странно требовать от всех реципиентов, чтобы они понимали всё вообще из того, что может быть понято. Согласуется со сказанным положение Н.А. Рубакина, который говорит о слове как «возбудителе реакций», когда количественные и качественные стороны возбужденных реакций являются характеристикой реагирующего. Интроспективные знания индивида остаются известными только тому, кто их переживает [Рубакин, 2006, с. 42-43].

Значимость субъекта слова при изучении проблемы смысла и попыток построения моделей декодирования смыслового пространства вербальных знаков подчеркивает О.В. Голубева в своей теории эвиденциальности. Цитируемый ученый отмечает, что процесс естественного смыслообразования обусловлен способностью человека аккумулировать опыт в форме свидетельств (*evidences*) прямой или косвенной причастности, т.е. опыта говорящего использования слова. Делается вывод о необходимости рассмотрения смыслообразования индивидом с помощью полилучевой модели опоры на выводное знание в процессе понимания слова [Голубева, 2016, с. 7].

Далее в качестве примеров эмоционально-смыслового преобразования семантики выбраны такие имена эмотивных реакций, как *нелюбовь*, *обида* и *скука*. Эти лексические единицы выступают экспликантами сложных многокомпонентных эмоциональных переживаний, наблюдение за текстовой реализацией которых позволит лучше понять механизм функционирования диффузной эмотивности. Широкая представленность случаев актуализации в различных коммуникативных ситуациях указанных имен эмоциональных переживаний подчеркивает социальную значимость данных явлений. Называемые через представленные номинации эмоциональные переживания отражают также актуальные состояния современного человека в его общественной деятельности. Не только коммуникативная ситуация общения приводит к актуализации данного эмоционально-смыслового потенциала. Лингвокультурная специфика также индуцирует опредмечивание говорящим значимых аспектов эмоциональных переживаний в форме создания имен особых эмоций.

2.3.1. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции нелюбви

Понятие *нелюбовь* представляет особый интерес, поскольку семантика слов со значением эмоциональных свойств и состояний всё еще остается недостаточно изученной. В работе Ю.Д. Апресяна [1995, с. 285-316] приводится ряд значимых для понимания феномена смешанных эмоций положений. Морфологически слово *нелюбовь* образовано префиксальным способом путем присоединения приставки *не* к основе слова. Соответственно создана оппозиция *любовь-нелюбовь*, которая имеет следующие особенности:

а) данные антонимы семантически несимметричны. При сравнении двух оппозиций (*любовь* VS *ненависть*; *любовь* VS *нелюбовь*) обнаруживается то, что они различаются по разным основаниям. Это значимо для последующего

анализа: любовь и ненависть являют собой активные, синхронные или асинхронные некоторому стимулу реакции, деятелем которых является субъект, переживающий и реализующий их. Нелюбовь есть пассивная, как правило, асинхронная реакция; она переживается, но не становится стимулом для осуществления субъектом значимых для хода коммуникации действий;

б) несимметричность *любви* и *нелюбви* объясняется тем, что антонимы с компонентом ‘больше’ семантически проще антонимов с компонентом ‘меньше’, т.е. конденсация смысла в слове *любовь* шире заключенного в семантически неопределенном слове *нелюбовь* содержания. Безграничные эмоционально-смысловые валентности слова *любовь* постоянно обогащаются и модифицируются, семантика этой лексической единицы насыщается разного рода историческими, культурными, этническими коннотациями [Говердовский, 1989]. Сказанное несопоставимо с актуально ограниченными валентностями слова *нелюбовь*, у которого еще отсутствует четкое определение, функционально-семантический аспект которого не изучен. Однако нужно учитывать, что в процессе словообразования производная основа изменяется не только формально путем присоединения к первообразной основе словообразовательного элемента, но и в смысловом отношении посредством сложения смысла первообразной основы и словообразовательного элемента [Мельчук, 1967, с. 354]. Эта формально-смысловая осложненность производного слова интересна у высоко объемных средств выражения эмоциональных переживаний, каким является *любовь*, когда становится непонятно, для чего отрицается наличие любви, если есть диаметрально противоположная ей эмоция ненависти; а в случае, когда она не соответствует переживаниям говорящего (собственно ситуация выражения нелюбви), отсутствует прямое указание на то, какая именно составляющая любви отрицается и каков будет остаток;

в) в оппозиции *любовь* VS *нелюбовь* отрицанием является констатация оценки степени наличия составляющих идеальной любви сообразно с социальной нормой и индивидуальным восприятием. Рассуждая на тему

практически исключительного написания в русском языке приставки *не* с глаголами раздельно, М.Н. Эпштейн приходит к выводу о необходимости реформирования данной грамматико-орфографической нормы в тех случаях, когда нужно выделить положительный смысл отрицательного глагола [Эпштейн, www]. В то же время слитное написание существительного *нелюбовь*, что предполагает утверждение, на самом деле, однозначно выражает только часть смыслового содержания этой лексической единицы – сему 'отторжение', когда собственно то, что кажется говорящему отклоняющимся от нормы не получает прямого обозначения, а также само эмоциональное переживание не конкретизируется в прагматических и/или эстетических целях;

г) срединным или нулевым членом между полюсами признака, т.е. нормой, на основе которой противопоставляются *нелюбовь* и *любовь* является положительное эмоциональное переживание и степень отклонения от него, а не просто нейтральность и отклонение от нее как у любви и ненависти.

Слово *нелюбовь* не обладает аналогичным *любви* сочетаемостным потенциалом, наиболее ярким показателем чего выступает отсутствие глагола *нелюбить* в лексической парадигме русского языка, а также принципиальная орфографическая невозможность появления подобного слова. На наш взгляд, это объясняется сравнительно меньшей частотностью и инновативностью понятия *нелюбовь*, его эмоционально-смысловой флуктуативностью, а также возможностью использования его в конструкции V+N (*испытывать/переживать* + *нелюбовь*). В функциональном аспекте отсутствие глагола *нелюбить* в русском языке указывает на начальный этап закрепления слова *нелюбовь* в обиходе и постепенное определение его интерпретативно-смысловых рамок. *Нелюбовь* объективируется как данность, но говорящий пока не производит действий с данной эмоцией – цель заключается в категоризации, а не преобразовании сферы эмоционального. М.Н. Эпштейн [Эпштейн, www], разграничивая функционально-семантическое содержание понятий *не любить* и *нелюбить*, указывает, что в

первом случае просто отрицается факт любви, а во втором – утверждается переживание отличных по оценочному знаку эмоций к собеседнику (неприязнь, нерасположение). Далее исследователь развивает свою мысль, и заключает, что отсутствие любви есть нечто иное, чем наличие нелюбви. Нелюбовь характеризуется цитируемым автором как весьма острое, сильное, активное чувство, отличающееся от ненависти.

Мы полагаем, что, напротив, именно по признаку ‘активность / пассивность’ *ненависть* и *нелюбовь* различаются семантически. Подобные представленным выше выводам находим у Л.А. Новикова, анализировавшего случаи слитного написания *не* с глаголами. Исследователь приходит к выводу, что оно выражает не простое отрицание, а утверждает самостоятельное содержание [Новиков, 2001, с. 651]. Этим положительным значением становится появление новой номинации эмоционального переживания (*нелюбовь*). Содержание понятия и его объем четко не определены, но декларируется его отличие, к примеру, от отвращения, неприязни, ненависти. Можно предположить, что дифференциальным элементом, различающим *нелюбовь* от указанных эмоциональных переживаний, выступает последовательный, эволюционный, прогрессивный и отсроченный характер образования данной эмоции.

Анализ примеров из Национального корпуса русского языка показывает, что *нелюбовь* употребляется для обозначения недовольства (*Или, ближе к нашей теме, спросим: откуда такие претензии к Чехову, такая нелюбовь? / А. Кушнер*), отвращения (*С чего началась его нелюбовь к людям, трудно сказать / А. Слаповский*), неприятия (*Зная его агрессивную нелюбовь к посещениям магазинов, Ольга поступила просто / Д. Донцова*), отсутствия симпатии (*Вот такая рокировка: он ко мне – я от него. Любовь – нелюбовь. – Варенька! / В. Синицына*); она отличается по степени интенсивности, варьируясь от легкой (*Во-первых, нелюбовь к Москве должна быть «легкой» / И. Белозерцева*) до горячей (*Так что поначалу было не ясно, чем была вызвана столь горячая его нелюбовь ко мне / Н. Воронель*), злобной (*Только злобную*

нелюбовь к враждебному племени жизнь из него выкорчёвывала иначе, куда более жестоко… / М. Семенова).

‘Не любви’ противопоставляются как положительно-, так и отрицательно-оценочные эмоциональные переживания: интерес (*В объятиях нежной Эмилии он наслаждался тем счастием, которое многим кажется химерою, счастием, неизвестным для людей, которых союзом был интерес, а не любовь / Н. Брусилов*), симпатия (*Надо завоевать если не любовь, то хотя бы симпатию Америки / И. Порошин*), страсть (*Неужели вам не совестно заставлять оправдываться женщину, к которой вы испытываете если не любовь, то страсть / А. Слаповский*), обожание (*Это даже не любовь была – обожание / И. Грекова*), страх (*И не любовь, не жалость зашевелились в душе Дуль-Дуля при одной мысли, что он может лишиться Ивана, а просто боязнь потерять доброго, верного и нужного слугу / Л. Чарская*), отчаяние (*Мой роман не оставил мне тех кротких, сладких воспоминаний счастья, упоений, как у других: в нём всё лихорадочно, безумно; в нём не любовь, а отчаяние, безвыходность / А. Герцен*).

В результате, путь формирования эмоции *нелюбви* и оформления ее эмотивной семантики проходит ряд этапов: (1) ‘любовь’ – положительное эмоциональное переживание; (2) ‘не любовь’ – смешанное эмоциональное переживание с вариативной положительной или отрицательной доминантой; (3) ‘нелюбовь’ – отрицательное эмоциональное переживание.

‘Нелюбовь’ в форме утверждения декларирует отторжение, что приводит к полному отрицанию положительной семантики корневой основы, т.е. любви. ‘*Не любовь’* представляет собой отрицание любви, а именно какой-то из ее составляющих, когда оценочный знак может оставаться положительным, но изменяется степень интенсивности, активности, насыщенности эмоционального переживания. Аналогично обстоит дело с разницей между *недругом* и *не другом*: в первом случае речь идет о *враге*, а аналогом *не друга* может выступать как *враг*, так и *товарищ*, *соратник*. В таком случае знак пробела являет собой метафизическую паузу,

заключающую в себе выбор между противоположными полюсами шкалы оценки – это предоставление адресату возможности исправить ситуацию посредством предпринятых говорящим усилий по регуляции эмоциональной доминанты общения.

Обратимся подробнее к функциональному аспекту пунктуационных норм и грамматических правил, ограничивающих интерпретативные рамки толкования текста. Краткий экскурс в проблему слитного и раздельного написания текста [Кротов, www] показывает, что изначально элитарным считалось именно сплошное письмо (*scriptio continua*). Это становилось одной из значимых проблем перевода библейских текстов на европейские языки (два варианта написания: без пробелов, но с сохранением полных форм слов, или с пробелами, но с элиминированием гласных букв). Сплошной текст приводит к созданию эффекта «туннельного зрения», поскольку количество букв, которые способен воспринять и понять человеческий мозг, ограничено несколькими десятками. Однако данная манера написания наиболее полно и адекватно соответствует разговорной речи: тем ситуациям, когда человеку важен процесс коммуникации, а не ее результат в форме, скажем, воздействия на собеседника путем сознательного интонационного выделения некоторых слов или частей высказывания, замедления темпа речи и под. Таким образом, наличие пробела означает движение к индивидуальному чтению через упрощение формы подачи материала. Но за грамматическим упрощением кроются и семантические ограничения, накладываемые на текст. Этим интересна последовательная категоризация эмоции *нелюбви*: (1) от моновалентной положительно-оценочной ‘*любви’* до (2) осознания оценочной амбивалентности ‘*любви’*; (3) от отрицания ‘*любви’*, не соответствующей коллективным нормам, т.е. не любви, (4) к утверждению моновалентной отрицательной ‘*нелюбви’*. Однако *нелюбовь* являет собой нечеткое эмоциональное переживание – это уже не любовь, но еще и не ненависть, а некое менее интенсивное переживание. Как следствие, наблюдения только за спецификой написания отрицательной частицы *не* и слова *любовь*

демонстрируют «пульс мышления» [Кольцова, 2003, с. 286], последовательную объективацию нового элемента эмоциональной картины мира – от непонимания и разделения к осознанию и конвенционализации. Доступная индивидуальному обыденному пониманию *не любовь* превращается в элитарную *нелюбовь*, знаменуя собой появление ранее не существующего (отсутствие номинации свидетельствует о «неприрученности» эмоции) в языковой реальности смешанного эмоционального переживания.

Отрицание доверия, уважения в *не любви* указывает на деструктивные процессы, происходящие внутри эмоционального состояния. Подобно глыбам древних материков, данные «эмоциональные бреши» смыкаются или, исходя из принципа нетерпимости системы к пустоте, заполняются недоверием, неуважением, инфицируя эмоциональное переживание. Как любой вирус, антитела отрицательных эмоций постепенно трансформируют любовь в нелюбовь. Важно отметить, что на первый план выступает не появление противоположной эмоции – ненависти, а исчезновение любви. Поэтому нелюбовь является эмоциональным следом любви, не столько моментальной, сколько отсроченной реакцией на определенный стимул.

‘Не любовь’ не отрицает *любовь*, в ней исключается только лишь одна из составляющих любви. Пробел символизирует в данном случае хрупкую грань «от любви до ненависти». Данное условие может привести либо к позитивизации общения посредством устранения отрицательной частицы, либо к негативизации через объединение частицы с основой, что будет уже не отрицать положительный, а утверждать отрицательный кластер эмоций с неопределенным содержанием.

Проанализированный фактический материал позволил на нескольких примерах (*любовь-не любовь-нелюбовь*) рассмотреть процесс последовательной категоризации диффузного эмотива. Подобные *нелюбви* лексические единицы являются, скорее, исключениями, когда диффузность

должна рассматриваться как имманентная характеристика семантики любого знака.

2.3.2. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции скуки

Распредмечивание скрытого эмоционально-смыслового пространства слова *скука* происходит в одноименном романе А. Моравиа. Данная лексическая единицы имеет значение тягостного душевного состояния, вызываемого отсутствием дела, интереса к окружающему; она вызывается однообразием обстановки. С учетом представленного выше положения о возможности развития системы лексического значения слова путем искусственного выведения ее из состояния равновесности в контексте эмоционально-смысловая составляющая вербального знака способна преобразовываться. Главный герой произведения представляет свое личностное эвиденциальное восприятие скуки, эмотивная окраска которой варьируется от конвенционально отрицательной до положительной. Скука рассматривается как

а) ощущение неудовлетворенности:

Скука для меня – это ощущение неполноты, недостаточности окружающей меня реальности, ее скудости, ее несоответствия собственным возможностям;

б) ощущение бессмысленности:

Скука настигает меня в те мгновения, когда я ощущаю абсурдность окружающего меня мира, то есть тогда, когда он становится, как я уже говорил, каким-то неполноценным, не способным убедить меня в реальности своего существования;

Дело в том, что я с болезненной остротой чувствовал, что не в силах установить какую-либо связь между собой и всей этой кашей из афинских царей и римских императоров, рек Южной Америки и гор Азии, одиннадцатисложного стиха Данте и гекзаметра Вергилия, алгебраических

действий и химических формул. Одним словом, вся эта уйма сведений из разных областей знания совершенно меня не затрагивала, а если иной раз и затрагивала, то в результате я лишь еще сильнее ощущал их изначальную бессмысленность;

в) невыразимость:

Но больше всего я страдал от чего-то вроде паралича, поразившего меня в те дни и сделавшего немым, апатичным, упрямым; мне казалось, что я заживо замурован внутри самого себя, как внутри наглухо запертой душной тюрьмы;

Стоит ему показаться вещью совершенно бессмысленной, как из ощущения этой бессмысленности рождается скука, которая есть, в сущности (пора это сказать), выражение некоммуникабельности и полной невозможности ее преодолеть;

г) безысходность:

Скука - потеря связи с окружающим миром;

д) разрозненность:

Итак, в начале была скука, вульгарно именуемая хаосом;

е) развлечение:

Для меня же, напротив, скука вовсе не противоположна ощущению, испытываемому при развлечении, я бы даже сказал, что в каком-то, хотя и очень специфическом смысле, она даже схожа с развлечением;

ж) спасение:

И именно скука, и только скука, то есть внутренняя невозможность уловить какую-либо связь между мною и этим приказом, мною и военной формой, мною и фашистами, скука, от которой я мучился двадцать лет, ибо она делала в моих глазах просто-напросто несуществующими обе великие империи – и империю ликторского пучка, и империю свастики, -эта скука на этот раз меня спасла. Не послушавшись уговоров матери, я укрылся в деревне, на вилле одного моего приятеля, и просидел там всю гражданскую войну, занимаясь живописью, –способ убивать время не хуже всякого другого;

з) стимул к творчеству:

Я действительно испытал поначалу некоторое облегчение, вызванное энтузиазмом, с которым я приступил к работе, и даже почти убедил себя в том, что моя скука была скукой художника, который просто не догадывался о том, что он художник;

и) препятствие для творчества:

Но так как речь шла – как я уже говорил – всего лишь о подозрении, я не решился прямо сказать матери то единственное, что, в сущности, должен был сказать: я не хочу жить у тебя, потому что ты богата, а богатство нагоняет на меня скуку, а скука мешает мне рисовать.

Бифуркации содержания слова позволяют осуществлять радикальное изменение хода рефлектирования. Корпус представленных примеров указывает на бифуркации (скорее, полифуркации по С.П. Курдюмову) как мягкого (конкретизация доминантной отрицательной эмотивной тональности слова), так и взрывного типов, при котором эмотивность лексической единицы меняется на нейтральную и положительную.

Полифуркационное древо слова *тоска*, построенное на основе выделения словарных дефиниций и словоупотреблений в анализируемом романе А. Моравиа, показало «прорыв из инерции естественного хода мысли к трансценденциям свободного (авторского. – Прим. наше. – А.Ш.) действия со словом» [Карманова, 2010, с. 262]. Интересен также проявившийся процесс давления языковой системы на текстуальное распредмечивание и ситуативную объективацию безграничных смысловых валентностей (по А.Ф. Лосеву), поскольку количество выявленных облигаторных и факультативных отрицательно эмоционально-оценочных сем превышает положительно-оценочные. Однако здесь важно взаимодействие не только актуальных «слотов» семантического наполнения слова (тех, которые получили языковую/речевую реализацию), но и потенциальных семантических ниш в форме возможных положительно- и отрицательно-оценочных сем на уже заполненные слоты.

Модель полифуркационного древа семантики слова *скука* позволяет представить результат распредмечивания скрытого эмоционально-смыслового потенциала вербального знака. Новые эмоционально-смысловые компоненты семантики способны закрепляться в семантике слов в случае получения одобрения языковым сообществом. Контекст, интеллектуальные, волевые и лингвокреативные способности говорящего приводят к изменению внутренней организации значения слова и к его развитию, расширению.

Слово задает контекст своего употребления и организует содержание текста, в котором будет употреблено. В романе Г. Мюллер «Качели дыхания» описано состояние скучающего персонажа, когда его скука переходит в форму болезненно протекающей депрессии и наделяет своими ключевыми характеристиками (скука – томление, уныние, тоска от безделья или отсутствие интереса к окружающему) те объекты, с которыми прямо или косвенно контактирует герой произведения: *скука луны; скука колючей проволоки; скука охранников на вышках; скука начищенных до блеска башмаков Тура Прикулича; скука порванных галош; скука белых простыней, прикрывающих хлеб; скука волнистых листов асбеста; скука испарений смолы и старых масляных луж; скука солнца; скука свежевыпавшего снега с угольной пылью; скука старого снега с угольной пылью; скука старого снега с картофельными очистками; скука снега с морщинами цемента и со смоляными пятнами, с мучнистой шерстью сторожевых псов и с их гортанно-жестяным или сопранно-высоким лаем; скука капающих труб; скука плюшевого снега на ступенях в подвал; скука снега с мертвецом; скука брошенной мертвецом лопаты… (Г. Мюллер).*

Данные примеры показывают, что слово создает текст вокруг себя, его эмоционально-смысловую тональность. Слово *скука* эмотивно, но оно конкретизирует скрытую потенциальную эмотивность нейтральных слов, когда вступает с ними в лексико-грамматические связи. Сема ‘грусть’ таких слов и словосочетаний, как *простынь*, *лист асбеста*, *снег*, *масляная лужа*, является адгерентной, т.е. наведенной извне. Это становится возможным,

поскольку в импликационале указанных лексических единиц есть семы ‘обыденность’ и ‘вещественность’. Слово *скука* актуализирует в их семантике данные вещественные смысловые компоненты, что становится семантической основой для их объединения.

2.3.3. Репрезентация эмоционально-смыслового варьирования семантики эмотива-реакции обиды

В психологии проблематике эмоционального состояния обиды уделено особое внимание. В.К. Вилюнас рассматривал обиду как ситуативную эмоцию [Вилюнас, 1984, с. 14]. Е.П. Ильин под обидой понимал эмоциональную реакцию на несправедливое отношение к себе, несправедливо причиненное огорчение, оскорбление [Ильин, 2011, с. 165; 468]. Во-первых, обида ситуативна, когда она выступает реакцией на некий раздражитель-стимул, а, во-вторых – обида суть реактивное поведение на то, что субъективно оценивается как несправедливое, не соответствующее установленным нормам. Установленная норма условна, варьируется от конвенциональной (узуальной), к примеру, социальной нормы до индивидуальной, смысловое поле которой потенциально безгранично. Обидчивость представляет собой свойство личности, которое находится в непосредственной зависимости от других свойств личности, к которым следует относить гордость, тщеславие, самолюбие и пр. Интересно, что Е.П. Ильин также выделяет понятие «чувствительных пунктов обидчивости», когда активная эмоциональная реакция индивида наблюдается в момент нарушения лицом Х условного поля собственного достоинства. Следует отметить, что обидчивость характеризует, в первую очередь, детей с завышенной самооценкой и уровнем притязаний. На уровне реализации обида может сопровождаться либо пассивным (переживание, горечь, душевная боль и пр.), либо активным поведением (месть, гнев). Сообразно со сказанным О.С. Никабадзе выделяет четыре аспекта обиды: 1) акт нанесения обиды; 2) обида как реакция; 3) возвращение

обиды или активное поведение субъекта обиды; 4) обиженное негодование (пассивная реакция) [Никабадзе, 2015].

На основе психологических подходов к изучению обиды становится возможным выделить перечень характеристик лиц, которым свойственна обидчивость, к примеру, эмоциональная незрелость, социальная неустойчивость, высокое самомнение, отсутствие самокритики, эмоциональная ранимость и незащищенность, эгоцентризм, неустойчивая самооценка, гордыня, комплекс неполноценности, установка на самооправдание, невротичность, низкий уровень развития эмоционального интеллекта, а также нетерпимость, которая, по мнению В.И. Шаховского, вызывает чувство обиды, униженности и оскорбленности [Шаховский, 2016, с. 251]. Проблему частотного коммуникативного проявления обиды цитируемый ученый рассматривает с позиций теории кажимости, когда говорящий отрицательно реагирует не столько на объективную окружающую его действительность, сколько на свое представление о ней. Последнее, как правило, не соответствует реальному положению дел и зависит от эмоционального дейксиса или эмоциональной точки опоры адресанта. Эмоциональному состоянию обиды характерны соответствующие параметры, к примеру, она отличается различной амплитудой и интенсивностью, что проявляется на уровне индивидуальных экстраполяций [Гарькавец, Яковенко, 2016; Гарькавец, Яковенко, 2015].

Реактивное состояние обиды преимущественно индивидуально, поэтому прогнозирование поведения субъекта обиды является трудным и противоречивым. Но считается, что женские обиды связаны с эмоциональными переживания, являются причинно-следственными, а мужские связаны с некорректной когнитивной перцепцией действительности.

Противоречивый характер обиды заключается в том, что она характеризуется наличием эмоционального плана как удовольствия от скрытой агрессивности [Фельдман, 2015, с. 40] с последующей контаминацией окружающих данным эмоциональным состоянием. Субъект

обиды превращается в агента, проецирующего свою обиду на других, а также обижающего окружающих. Здесь мы можем наблюдать эффект эмоционального заражения. Поэтому Анна А. Зализняк указала, что обида совмещает как жалость к себе, так и претензию к другому (ср.: обида за что-то и обида на кого-то) [Зализняк, 2005].

Обида предполагает эффект обманутого ожидания, когда субъект транспонирует собственную (дезиративную) модель поведения на адресата и ожидает соблюдения последним этой модели. Стимулом обиды частотно выступает отсутствие реакции собеседника, когда адресант ощущает полное отсутствие или недостаточную сквозь личностную призму собственную значимость для адресата. Также обида может стимулироваться предвосхищением возможной реакции адресата, т.е. стимулом обиды выступает не только объективно состоявшиеся значимые (без)действия (в том числе, речевые), но и незначимое отсутствие реакции.

В филологических исследованиях проблема обиды рассматривалась преимущественно с описательных позиций в аспекте наблюдений за спецификой языковой категоризации и фиксации данного эмоционального состояния [см.: Шмульская, 2012; Малахова, 2012; Малахова, 2013; Душенкова, 2013]. По мнению Анны А. Зализняк, эмоция обиды является специфической для русского языка. В семантическом аспекте обида возникает как реакция на поступок другого лица, когда на себя обидеться невозможно (можно, к примеру, рассердиться на себя). Обида представляет собой жалость к себе, к которой добавляется претензия к другому. В результате, обида суть скрытая смешанная эмоция, комплексный характер которой обнаруживается через компонентный и контекстуальный анализ данной лексической номинации эмоции. Анна А. Залязняк отмечает, что обида есть эгоцентрическое чувство, поскольку для данного эмоционального состояния, в первую очередь, значим не объективный, а субъективный (или, скорее, субъектный) стимул, выраженный интерпретацией поступка коммуникативного партнера. А. Вежбицкая указывала, что эмоциональная

реакция в форме обиды стимулируется «свидетельством безразличия», т.е. актом несправедливости, что также выводится субъектом обиды самостоятельно. На метаязыковом уровне выделены ключевые компоненты обиды:

а) другой человек сделал нечто;

б) этим он сделал нечто плохое;

в) я считаю, что он не должен был этого делать;

г) поэтому мне плохо;

д) поэтому я чувствую нечто плохое по отношению к этому человеку [Зализняк, 2005, с. 386].

Особо значимо то, что обида является реакцией на задетое чувство, соответственно, как уже отмечалось выше, на передний план выходит индивидуальный характер обиды, в отличие, к примеру, от оскорбления [Зализняк, 2005, с. 388].

Кажущаяся «безобидность обиды» в виду ее узуального характера в настоящее время может сопровождаться более серьезными, чем морально-этическими, последствиями. В частности, сказанное относится к появлению таких принципиально новых статей административного и уголовного кодексов, как статья 148 УК РФ («Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих»), ст. 20.1 КоАП РФ (часть 3. Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации). С лингвистической точки зрения понятно, что в данных текстах законов смешиваются понятия, к примеру, оскорбление (сопровождающее его понятие неприличной формы), неуважение (в том числе, явное), критика.

Масштабы коммуникативного пространства обиды охватывают как институциональные, так и неинституциональные дискурсы, когда критерии обидного размываются, предметное поле данного эмоционального состояния расширяется. Для подтверждения сказанного обратимся к текстам рекламного дискурса, которые через наивно-бытовую рефлексию перемещаются в сферу дискурса юридического. К примеру, один из гипермаркетов разместил баннер, содержащий следующий текст: «*Господин назначил меня любимой женой и ведёт в Мармелад*». Аудитория неоднозначно восприняла данный текст, построенный на явной интертекстуальной отсылке к высказыванию персонажа советского фильма, поскольку в социальных сетях некоторые пользователи отреагировали на данный текст негативно, расценили их оскорбительными для женского пола, покушающимися на равноправие. Подобный потенциально обидный подтекст определили жители Санкт-Петербурга в рекламе Единой карты петербуржца за текст: «*Я мудрая, сексуальная, смешная. А еще я не выношу мозг, а, наоборот, делаю твою жизнь легкой. Я возьму все заботы на себя*». Также жители Санкт-Петербурга посчитали оскорбительной рекламу кваса, содержащую текст: «*Быть русским – по приколу!*» В частности, против данной рекламы высказалась депутат Законодательного собрания, указав на то, что слово *прикол* имеет негативный оттенок, может означать розыгрыш. Как следствие, по мнению депутата, данный рекламный слоган может интерпретироваться как «*быть русским смешно и нелепо*». Расистской посчитали в Китае рекламу Dolce&Gabbana, в которой китаянку учат есть палочками итальянские блюда. Отсылки к культуре 90-х годов также оцениваются отрицательно. К примеру, в Свердловске признана незаконной реклама, текст которой гласил: «*Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном*». Жители Уфы отрицательно отреагировали на следующую рекламу торгового центра, расположенного в криминальном районе города: «*Мы тебя обуем. Приезжай в Инорс*», «*Чешутся кулаки? Почеши их в «Атлетик», «Мы знаем, что положить тебе в рот*».

Чувствительными пунктами обидчивости являются темы сексизма, расизма, национальной и культурной идентичности, морали, нравственности. Однако коммуникативное пространство обиды гораздо шире. Жители Магнитогорска обиделись на сотрудников южноуральского провайдера за то, что последние зафиксировали на придомовом ограждении рекламный баннер, тем самым повредив целостность забора.

Данные приложения Google Ngramm, которое позволяет визуально отображать частотность использования тех или иных слов в корпусе печатной продукции, показывает, что с 1970-х годов рекуррентность слов «обида», «обидно» уверенно растет:

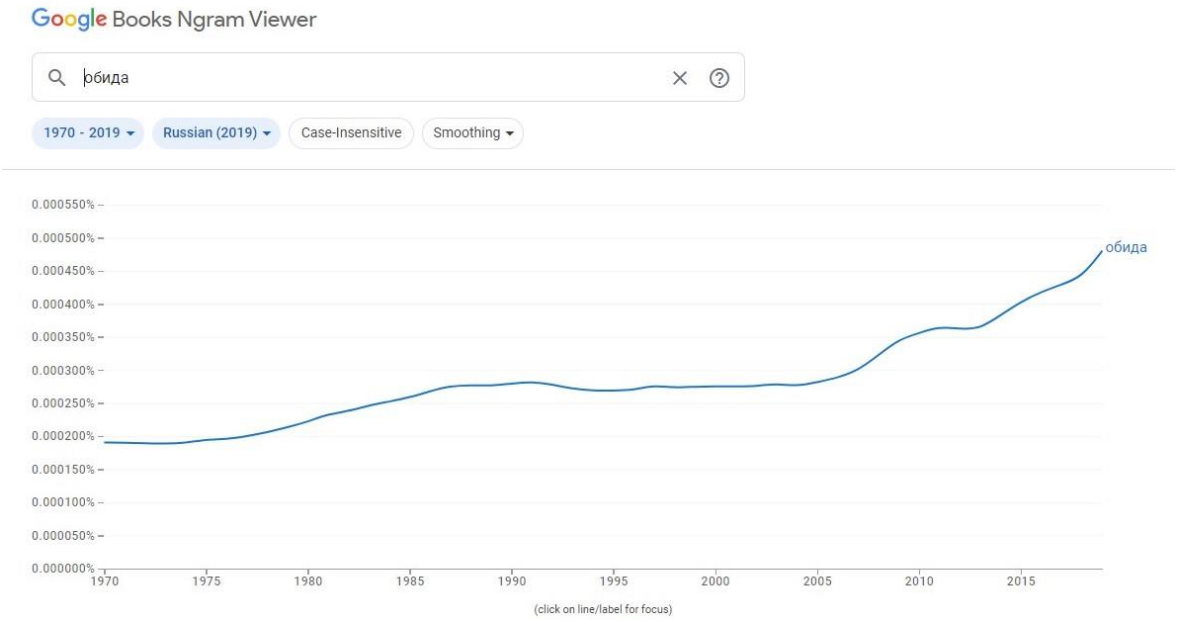

Схема 1. Рост частотности слова *обида* на массиве печатных источников Google Ngramm

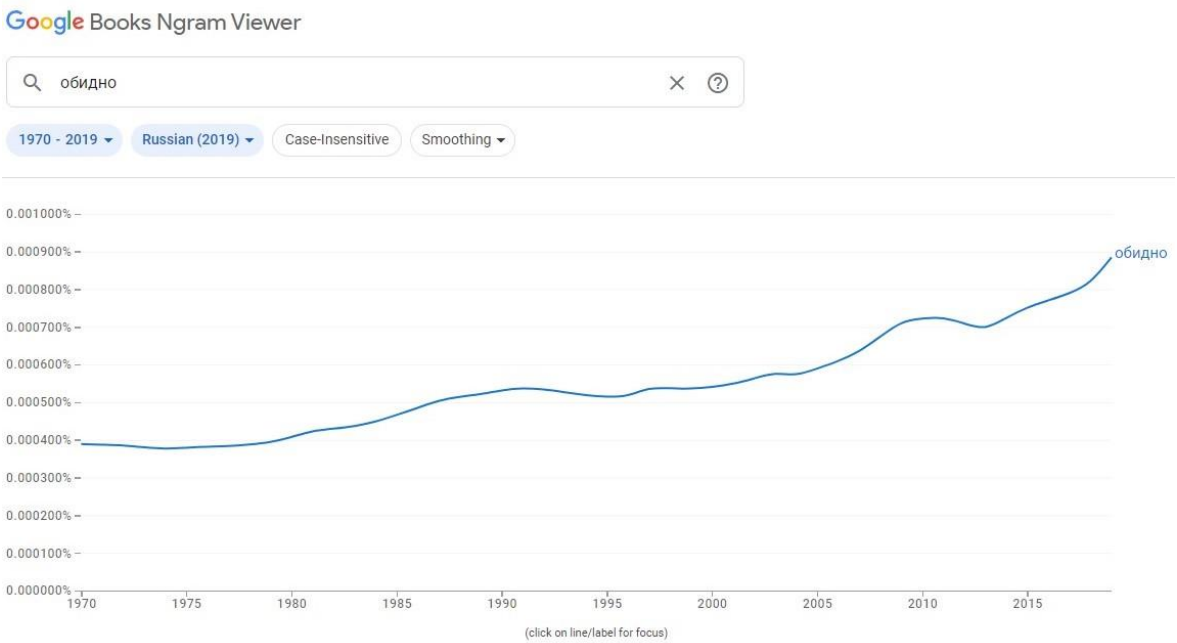

Схема 2. Рост частотности слова *обидно* на массиве печатных источников Google Ngramm

Примеры из Национального корпуса русского языка позволяют подтвердить положение о субъектности и потенциальной безграничности стимулов обиды:

-Может, ему варенья жалко? – тихо сказал мышонок и отодвинул от себя чашку. – Конечно, жалко! - обиделся ежонок. – Хозяин называется! Гости пришли, а он прыг на потолок и молчок! (Г. Юдин).

Он не хотел, потому что до меня был корреспондент из другой газеты, который написал статью о потомках Ивана Сусанина, рассказав в ней исключительно о том, как потомки пьют. Зонтиков очень обиделся на эту статью. «Ну да, пьют, – возмущался он. – Но не больше, чем все остальные» (Д. Соколов).

– А ты, часом, не сочиняешь? – осторожно поинтересовался я. – Да ну тебя, Вовка! – он обиделся чуть ли не до слёз. – Ничего я не сочиняю! Как сказал, так всё и было (В. Белоусова).

Источником обиды является именно рефлексивная деятельность субъекта обиды, поэтому обида аутогенна, когда внешний стимул не столько индуцирует эмоциональное состояние, сколько становится поводом, почвой

для развития эмоции. В зависимости от коммуникативных условий реакции на потенциально обидный стимул может не быть. Один и тот же стимул может обрадовать, разочаровать, вызвать отвращение, восторг или обидеть. Существуют объективные маркёры радости, отвращения, восторга и определенное понятие социальной нормы для переживания данных эмоций. Однако в случае обиды, в первую очередь, данное состояние зависит от индивидуальных особенностей личности субъекта, а не от внешнего стимула.

На коммуникативную значимость обиды указывают и активно используемые дериваты от данной лексической единицы, приобретающие не столько негативный (уничижительный), сколько иронический оттенок (к примеру, *обидка, обидочка, обижулька, обижака*).

В словаре сочетаемости русского языка приводится ряд конкретизаторов семантики слова *обида*, среди которых выделены следующие атрибутивы: *большая, тяжёлая, глубокая, горькая, сильная, серьёзная страшная, ужасная, кровная, личная, [не]заслуженная, напрасная, (преимущественно во мн. ч.) мелкая, мелочная, прошлая*. Обида может быть *детской, глупой, мальчишеской, свежей, некоторой, какой-то*, что указывает на проходящий и субъектно значимый характер обиды.

Почему мне не дают? — голос переполняла детская обида. Комиссар снова закашлялся и обмяк. Теодор зажмурился (Д. Колодан).

Литвинов подмигнул чуть заметно, и Бауман понял. Секундная глупая обида рассеялась (С.Д. Мстиславский).

Данная субъектная значимость объясняет, по какой причине обида преимущественно оценивается через такие атрибуты, как жгучая, старая, непроходящая, горькая, накопленная, способная переполнять, жечь, обжигать, вскипать и пр. Можно сделать предположение о том, что в отличие от конвенциональных эмоций обида имеет сравнительно более выраженный индивидуальный или субъектный характер.

Границы коммуникативного пространства обиды являются нечеткими и флуктуативными. К ядерной составляющей данного поля относится

субъектная оценка некоторого стимула как несправедливого. Ближняя и дальняя периферия данного поля формируется индивидуально-личностными представлениями о понятии нормы и соответствии/несоответствии стимула ситуации. Диффузность границ данного поля обусловлена тем, что обида, как сложное эмоциональное переживание, может трансформироваться в более активные состояния, к которым относят мстительность, зависть, гнев, озлобленность. Причиной возникновения обиды могут выступить неограниченные по своей тематике стимулы, которые индивид с помощью эмоциональных дейктиков условно располагает на рациональной шкале оценки.

2.3.4. Лингвокультурное измерение диффузной эмотивности

Эмотивная диффузность обнаруживается при сопоставлении особенностей языковой фиксации эмоционального опыта людей, поскольку эмотивность всегда культурно маркирована. Это проблемы стереотипов и моделей коммуникативного поведения представителей разных этносов в аспекте выражения ими эмоций, более или менее детальной экспликации разными языками отдельных фрагментов эмоциональной картины миры, семасиологической и ономасиологической асимметрии имен эмоций, наличия в языках специфичных номинаций для эмоций, выделения центральных национальных эмоций [Апресян, 2010], характерных для определенной лингвокультуры, национально-культурное представление об эмоциях у представителей разных этнических сообществ. и пр. К примеру, при сопоставлении слов-номинаций эмоций в английском, французском и русском языках Р. Илсон показал, что в русском и английском языках гнев имеет характеристику сильного чувства, а во французском – резкого (*violent*); ненависть – интенсивна и сильна в английском, резка и глубока во французском, сильна в русском [Ilson, 2022].

Интересно также определение возможной связи между строем языка и появлением в данном языке особенных «имен эмоций», ярким примером чего служит немецкий язык, характеризующийся достаточно гибкой словообразовательной системой, что приводит к появлению особых номинаций эмоций, для экспликации которых в других языках требуются менее экономичные приемы. Актуальной в рассматриваемом ключе представляется проблема коннотативной диасемии, предполагающей семантические расхождения, которые обусловлены различием коннотативных значений у денотативно тождественных слов в разных языках [Кислицына, 2022, с. 242-243].

Язык – явление культуры, которое существует в виде знаковой системы, а развитие языка обусловлено потребностью в коммуникации [Карасик, 2022, с. 38]. Культура суть механизм, который конкретизирует до узости реальных достижений широту врожденных способностей [Гирц, 2004, с. 56]. Языковое выражение эмоций условно и зависит от внешних факторов актуализации эмотива (к примеру, условия коммуникативной ситуации, культурный фон, коммуникативное намерение говорящего и пр.). В результате, эмоции недискретны, изменчивы: язык аппроксимативно выражает эмоциональные переживания при условии, что за пределами получившегося средства языковой экспликации эмоций остаются значимые для эмоционального переживания компоненты, поскольку «язык огрубляет эмоции человека» [Шаховский, 2009, с. 75]. Попытка «захватить» эмоциональное состояние и облечь его в языковую форму возможно метафорически представить в виде россыпи предметов, которые человек пытается одновременно собрать одной рукой: те элементы, которые остаются в ладони, будут соответствовать ключевым характеристикам эмоции, т.е. из кластера эмоций, как правило, выделяется ядро и ближайшая периферия, но дополнительные эмоциональные со-значения отходят на второй план в пространство дальней периферии. Аналогично человеку чувствующему (homo sentiens), выбирающему языковую форму для актуального эмоционального

переживания, культура преломляет эмоциональное. В данном случае стоит говорить о лингвокультурных эмоциях или, точнее о лингвокультурном аспекте выражения эмоций.

Не противоречит сказанному подход К.А. Долинина к языковой объективации эмоции, внутри которого цитируемый автор предложил разграничивать дифференцированную и недифференцированную эмоциональность. Примером недифференцированной эмоциональности могут служить эмоции без оценки (удивление или интерес), а в качестве дифференцированной эмоциональности, к примеру, выступают эмоции с определенной доминантой и неопределенным кластером [Долинин, 1978, 265-266]. Вместе с конвенциональной дифференцированной эмоциональностью нужно выделять личностную эмоциональную оценку, выходящую за пределы нормы. Прав Л.С. Бархударов, который указывал следующее: «дело не в том, что тот или иной язык не в состоянии что-либо выразить (в принципе любой язык может выразить что угодно), а в том, что один язык не может выразить то, что другой может оставить невыраженным» [Бархударов, 1969].

Культурные нормы эволюционируют из социализации, упрощающей потребности членов группы, гарантирующей выживание, поэтому географическая близость предполагает схожесть культур в том числе в сфере понимания эмоций по сравнению с географически удаленными культурами. Доказано, что, реагируя на идентичный стимул, представители Восточной Азии склонны больше ориентироваться на чувства Другого, а представители западных культур проявляют активность тех зон мозга, которые связаны с «Я» [Pugh et all., 2022, p. 207]. Аналогичная тенденция наблюдается в аспекте реакции на успех [Tsai, 1998], когда представители Восточной Азии сравнительно более склонны не столько демонстрировать радость за себя, но проявлять обеспокоенность за средний результат группы (коллектива, поскольку наличие победителя предполагает проигравшего(-их)) и сдерживать эмоциональные импульсы, чтобы не ранить окружающих, не испытывающих аналогичной радости.

Значения слов кругообразны (*la circularité*), замкнуты, когда для дефиниции разных слов используются схожие определения. А. Вежбицкая [Wierzbicka, 1988] приводит пример любви (*amour*), которая определяется через привязанность (*affection*), последняя, в свою очередь, через привязанность, преданность (attachement), далее в эту цепочку определений добавлялись расположение, влечение, доброжелательность и пр. (*sympathie, penchant, inclination*). Во избежание подобных замкнутых определений предложено использовать семантические примитивы, которые позволяют описать культуроспецифичные эмоциональные состояния (например, русские хандра, тоска, надоело), микронезийские *song* (оправданный гнев), *fago* (комбинация сострадания, любви и грусти), *nguch* (скука и отвращение), т.е. метаязык описания семантики, поскольку «нельзя определять все на свете. Чтобы что-то определить (не попадая в явный или скрытый порочный круг), необходимы какие-то неопределяемые понятия» [Вежбицкая, 2009, с. 506].

При рассмотрении проблемы лингвокультурных эмоций значимым выступает понятие эмотивной лакуны, под которым понимается несовпадение при сопоставлении исходного текста и его перевода в сфере выражения эмоциональных переживаний/состояний: отсутствие в языке перевода эмотивного адеквата языка оригинала [Томашева, 1995, с. 57]. Поскольку эмотивность часто сопровождается образностью, внутри эмотивных лакун выделяются виды: образные, символические, этикетные лакуны. Отсутствие в языке «эмотивных адекватов» для передачи лакунарной лексики, маркированной эмоциями, указывает на эмотивную лакуну [Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998, с. 82-83]. Соответственно обязательным становится вопрос универсальности VS культурной специфичности [Огаркова, Сориано, Лер, 2010] обозначений эмоционального опыта, а также, как следствие, (не)переводимости имен эмоций. Последний аспект имеет ряд методологических препятствий, например, объективная невозможность сопоставить номинации эмоций во всех языках на планете, что приводит к необходимости значительного сокращения сопоставляемой

группы языков, неразграничение некоторыми языками эмоций, которые дифференцируются в других, имеющиеся данные о том, что в некоторых языках, обладающих достаточно представительным числом говорящих, существует абсолютно специфичные номинации эмоций (тоска в русском, amae в японском, Schadenfreude в немецком, saudade в португальском, przykro в польском).

В исследовании [Го Лицзюнь, Щетинина, 2023] рассматривается проблема культурных эмотивов – слов, которые актуальны в современную эпоху (газлайтер, вайбовый, эйджитский, буллить) и использование которых обязательно сопровождается эмоциональной оценкой объекта номинации. В китайском языке авторы цитируемой работы ссылаются на следующие примеры: абсо-абсолютно как показатель крайней признательности, танг пинг (лежать на месте ровно, плашмя), имеющего амбивалентную семантику – умиротворенность, счастья или лень и угрызения совести. Интерес к культурно маркированным эмотивам стал причиной попытки коллектива авторов систематизировать актуальные слова, активно используемые в молодежной языковой среде [см.: Аронсон, 2021].

Обозначаемые с помощью слов эмоции всегда имеют культурно специфичную маркированность, поскольку языковое сознание детерминирует эмотивные смыслы, которые отображаются в значениях языковых единиц [Кабановская, 2004, с. 19]. К примеру, биологические эмоции человека должны быть универсальны, но А. Вежбицкая фокусирует внимание на немецкой эмоции Angst, которой европейская эмоция страха соответствует только частично: когнитивный сценарий переживания эмоции сформирован историей, религией, культурой, а не биологией, где Angst предполагает экзистенциальный, глубинный, неясный, безымянный страх, не имеющий определенной причины, страх неизвестности, сближающийся с тревогой [Вежбицкая, 2009, с 523; 547-614].

Одно из перспективных направлений языковой категоризации эмоций заключается в описании лингвокультурно маркированных эмоциональных

переживаний, которые даны средствами одних языков и не имеют прямого обозначения в других. По мнению В.И. Шаховского, субъективный фактор в языке обусловливает множественность эмоциональной категоризации мира, когда «каждый этнос, каждая культура картируют мир по-разному» [Шаховский, 2020, с. 42]. С. Нгаи исследует проблему уродливых чувств (*ugly feelings*), которые рассматриваются как таковые в связи с обществом, стереотипами, проблемой гендерной идентичности, этнических противоречий и пр. К группе этих эмоций цитируемый автор относит, к примеру, зависть, тревогу, паранойю, отвращение, раздражение.

Считается, что имена эмоций лишены определенной заданной таксономии, что соответствует неустойчивости эмоций как одной из их ключевых характеристик. При аргументации тезиса о культурной относительности эмоций Дж. Эйчисон [Эйчисон, 1995] со ссылкой на [Lutz, 1988] приводит пример культурно значимой для ифалуков эмоции fago, которая соответствует кластеру таких эмоциональных переживаний, как сочувствие, любовь и печаль, также в языке ифалуков нет слов, соответствующих эмоции гнева.

В английском языке [Подлесова, 2013] эмоциональное пространство радости и ликования включает достаточно обширный перечень составляющих его компонентов (rejoicing, exultation, triumph, exhilaration, jubilation), при переводе которых на русский язык (радость, ликование) значимые семантические отличия пропадут. Базовые эмоции являются этнически и культурно обусловленным сложным ментальным образованием (например, в русском языке выделен положительный аспект печали в форме словосочетания *светлая печаль*) [Белая, 2006, с. 6, 21].

Дж. де Ривера [Rivera, 1977, p. 44] указывает, что немецкое *Schadenfreude* соответствует эмоциональному состоянию удовольствия от неудачи другого лица (злорадство), которое в английском и французском языках выражается только описательно (*malicious joy; joie (f) méchante*). В японском есть понятие «*amae*», которое означает ‘удовольствие от

зависимости от кого-то, потребность быть зависимо потакающим человеку’ (к примеру, супруги должны испытывать это чувство, так называемую, положительная зависимость); «*suneru»* – ‘быть откровенно потакающим’; «*hinekureru»* – ‘поведение, где человек имитирует безразличие, но чувствует «*amae»’*; «*uramu»* – ‘враждебность в случае, если «*amae* отвергается другим’. В эскимосском есть слово «*unga»*, означающее ‘желание находиться в присутствии любимого человека’, а также «*naklik»* – ‘желание защищать человека, находящегося в опасности, накормить голодного, согреть замерзающего’. У эксимосов нет номинации эмоции гнева [Tcherkassof, 2009, p. 42]. Гвинейское племя *Ganuku* является чрезмерно патриархальным, женщинам отводится вспомогательное зависимое от мужчин место, а в языке представителей племени нет слова *любовь*. Отмечается, что представители данного племени испытывают любовь, но выражают ее описательно (к примеру, через метафору *убивать изнутри* в значении ‘сильно дорожить кем-то’). Е.Е. Стефанский в результате анализа эмоционального концепта «ljutostь» показал его синкретичную сущность, поскольку данное эмоциональное переживание состоит из нерасчлененной эмоции *жестокости-жалости*, которая формировалась из обряда инициации воинов, предполагающего воспитание агрессивности к противнику и научение направлять активность агрессии в противоположное русло милосердия и жалости к соплеменникам в пределах культурного пространства [Стефанский, 2009, с. 7, 35].

В венгерском языке используются стилистически нейтральные слова *sajnos* и *kár* для выражения разочарования, сожаления, связанных с сообщением прискорбных известий, вежливого запрета, недопонимания, незнания, в адрес собеседника не будут выражены ни фамильярность, ни высокомерие [Шаров, 2018, с. 142-143]. В языке австралийских аборигенов гиджингали есть слово «*gurakadj»*, которое соответствует английским стыду и страху. В самоанском языке слово «*alofa»* вбирает в себя одновременно любовь, симпатию, жалость [Russel, 1991, p. 430]. В языке представителей

бушменского племени кунг слово *kua* может означать стыд, уважение, замешательство и трепет. М. Данези [Danesi, 2019, p. 59-60] рассматривает проблемы оттенков любви и отмечает, что в португальском языке имеется слово «*saudade»*, которое обозначает состояние, похожее на тоску (острая тоска, меланхолия); в филиппинском – «*gigil»* – непреодолимое желание прикоснуться к кому-то, кого Вы обожаете; в норвежском – «*forelsket»* – ощущение эйфории от романтической любви; в эскимосском – «*iktsuarpok»* – предвосхищение перед возвращением домой любимого человека. В английском языке используется слово «*chrysalism»* для обозначения состояния спокойствия от нахождения в доме во время грозы, номинация «*hanker sore»* используется для обозначения высокой степени восхищения человеком, которая граничит с неконтролируемым раздражением.

Т.У. Смит [2016] обращает внимание на эмоцию *abhiman*, состоящую из боли и гнева, вызываемые ситуацией, в которой близкий человек ранит нас. Эмоциональное состояние dismay представляет собой ужас с акцентом на физическом состоянии паралича. Для Кореи значимым является характеризующее коллективное бессознательное эмоциональное переживание han, которое состоит из надежды и грусти. В чешской лингвокультуре активная эмоция Litost вбирает в себя стыд, возмущение и ярость, первым этапом эмоционального переживания становится мучение, а затем желание отомстить. Жители Западной Австралии детализируют страх, когда *ngulu* представляет собой ужас, который испытывают, когда считают, что другой человек хочет отомстить; *kamarrarringu* – леденяющий ужас, как будто кто-то подстерегает за спиной; *kanarunvtju* – ужас, связанный с плохими духами, посещающими мир людей по ночам; *nginyiwarrarringu* – внезапный страх, сопровождающийся спазмом, заставляющий резко оборачиваться и искать источник опасности.

Таким образом, лингвокультурный аспект диффузной эмотивности проявляется в том числе в периферийных эмоциональных понятиях, для которых в других языках самостоятельные номинации отсутствуют. Остается

дискуссионной объективная значимость владения данным пластом периферийных эмоциональных понятий для межкультурного взаимодействия по причине их (этих понятий) узкой специфичности и, возможно, сравнительно более низкой частотности, но условный уровень успешности/неуспешности межкультурной коммуникации определенно понижается, если коммуниканты не учитывают лингвокультурное измерение эмотивности. Поскольку эмоции мотивируют познание и деятельность человека, то любые попытки применить культурный эмоциональный код родного языка в ситуации межкультурного взаимодействия, приведут к непременным коммуникативным сбоям.

2.4. Коммуникативная репрезентация кластерности эмоций

Базовое число эмоций является в большей или меньшей степени определенным и признанным специалистами в области социогуманитарного знания. Всё множество номинаций эмоционального мира человека образовано из смешения базовых эмоций, что приводит к созданию нового целого. Последнее может быть одобрено языковым коллективом и получить самостоятельное наименование. В таком случае образованное от базовых эмоций обозначение эмоционального переживания/состояния становится основой для последующего развития и усложнения эмоционального концепта

Тезисно описанный процесс образования сложных (производных) эмоций соотносится с таким известным в биологии способом бесполого размножения, как фрагментация. При фрагментации новые особи образуются из частей, на которые распадается материнская особь. Каждый фрагмент, в свою очередь, начинает регенерировать недостающие для существования органы, что, в итоге, приводит к появлению новой материнской особи. В.Ю. Апресян под сложными эмоциями понимает слова, которые обозначают смесь эмоций, к примеру, *horror* – состоящий из страха и отвращения, *apalled* – вмещающий удивление и ужас. Данные эмоциональные переживания

реактивны на сложный стимул. Также в цитируемой работе указано, что не бывает нежного ужаса, радости, смешанной с отвращением или грустной злобы [Апресян, 2011, с. 35], хотя подобные композиты широко представлены в художественной литературе и являют собой объективацию поливекторности эмоционального мира человека.

В одном из исследований В.Ю. Апресян [2010] были рассмотрены 14 типов (кустов)[1] эмоций: радость, грусть, гнев, жалость, стыд, гордость, удивление, страх, обида, отвращение, благодарность, ревность, зависть, презрение. Каждый из выделенных кластеров имеет от двух до десяти подтипов эмоций. Исследователь приходит к выводу, что увеличение средств языкового выражения эмоций указывает на приемлемость данной эмоции с точки зрения языка. В русском языке в качестве наиболее приемлемых выступают благодарность, гордость, радость, удивление, а наименее – стыд, ревность, отвращение. Внутри каждого из кустов эмоций имеется как минимум одна оправданная эмоция, выражение которой языковым сообществом расценивается как приемлемое (исключение составляют отвращение и ревность).

Проблема «нетипичности» эмоций затрагивалась в лингвистических исследованиях. К примеру, в работе М.В. Маркиной, объектом которой выступило изучение лингвокультурных характеристик эмоционального концепта *гнев*, показано, что, наряду с прототипическими сценариями вербализации данного эмоционального состояния, нужно обращать внимание на парапротипические. К последним, присутствующим в периферии сознания носителей языка, автор относит фрустрационный гнев (реакция на задачу, представляющую трудности для человека, т.е. гнев как способ решения проблемы), подавляемый гнев (на уровне плана выражения имеет форму менее интенсивного и/или противоположного по оценочному знаку эмоционального состояния), гнев – возмущение / негодование (когда эмоционально-смысловые

[1] Заметим, что в докторской диссертации В.И. Шаховский среди значимых параметров эмоций выделяет плотность, амбивалентность, совстречаемость и пучкообразность [Шаховский, 1988, с. 12].

рамки гнева размываются, эмоциональное состояние становится диффузным). К характерным для русской языковой картины мира исследователь относит праведный гнев (уровни плана выражения и плана содержания соответствуют прототипическому гневу, но план функционирования изменяется) [Маркина, 2003]. В контексте представленного выше перечня «непрототипического гнева» И.Ю. Никишина указывает, что для русской лингвокультуры гнев связан с милосердием. Обусловлено это активным, но ограниченным по времени воздействием данного эмоционального состояния на индивида, когда последний, испытав данную проходящую эмоцию, замещает отрицательное эмоциональное состояние положительным, наступает «желание простить того, кто вызвал гнев, оказать ему милость» [Никишина, 2008, с. 12].

Я.А. Волкова обращает внимание на то, что ненависть стимулируется эмоциями гнева/ярости, ненависть может быть горячей или холодной, что привносит сущностные особенности в данное эмоциональное состояние и сближает ненависть с яростью, презрением; ненависть может сопровождаться злобой, отвращением, а также пограничными (сложными!) эмоциональными переживаниями (например, раздражение-отвращение, раздражение-презрение) [Волкова, 2018, с. 26-27]. Поскольку кластер всегда доминирует над частными моделями [Бринев, 2023, с. 50], в исследовании Н.А. Красавского показан кластерный характер эмоций на основе описания эмоционального концепта «отвращение» в романе Р. Музиля. Это привело цитируемого исследователя к выводу, что гнев актуализируется совместно с иными эмоциональными концептами (страх, стыд, вина) [Красавский, 2015, с. 116]. В своей докторской диссертации Н.А. Красавский [2001] отдельное внимание обратил на дублетные эмоциональные концепты, такие как *грусть-тоска, тоска-печаль, тоска-кручина*.

Результаты проведенного Л.В. Русиновой анализа лексической репрезентации концепта «любовь» в современной российской прозе показал, что ядро и периферия данного ментального образование не только

взаимодействуют, но и конфликтуют между собой. Закрепленные в ассоциативном слое современные представления о любви, отраженные в художественных произведениях современных авторов, сводятся к следующим: «*интимное чувство*», «*половая любовь*», «*горячая сердечная склонность*», «*сила притяжения*» и пр., что как идет вразрез, так и соотносится со словарным значением лексической единицы. В образном слое концепта «любовь» предстает «не только как возвышенное чувство, обладающее духовным, божественным началом, но и как любовь реальная, порой греховная, без завуалирования ее плотского характера». Подтверждают сказанное эпитеты, характеризующие любовь: *безблагодатная, вспыхнувшая, греховная, массовая, невостребованная, осложненная, постельная, рвущаяся, унизительная* [Русинова, 2012]. Любое слово суть амбивалентно, полиоценочно, его эмоционально-смысловое пространство не является определенным, поскольку эмоциональная оценка того или иного слова зависит от эмоционального решения говорящего, которое может опережать интеллектуальное [Пищальникова, 2019, с. 145; Тогоева, 2019]. С.В. Ионова подчеркивает, что современное коммуникативное пространство предрасположено к амбивалентности эмоций при формировании содержания текстов и интенциональном изменении традиционных, транслируемых посредством культуры смыслов и ценностей общества [Ионова, 2010, с. 10-11].

На амбивалентность любви указывает И.А. Мощенко: на примере творчества Чжан Айлин показано, что при создании образа любви автор переходит от резкого отрицания романтической любви и привязанности, от постоянного, навязчивого употребления к описанию любви как ценностного и основополагающего чувства человеческих отношений. Главное в этих описаниях то, что любовь героев такая же несовершенная, как и они сами. Это любовь, спустившаяся с пьедестала «великой любви» и ставшая любовью земной и обыденной [Мощенко, 2021].

Способность одних эмоциональных переживаний сочетаться с другими выделена, к примеру, Т.А. Завьяловой [2014]. На материале анализа концепта «страх» цитируемому автору удалось показать, что страх рассматривается как материальное вещество (обладает глубиной, интенсивностью, способностью смешиваться, к примеру, с болью или надеждой). Е.Е. Стефанский описывает такие виды страха, как *конкретный*, *иррациональный, надвигающийся страх* [Стефанский, 2009, с. 15-16]. Эмоции радости, интереса и удовольствия сменяются эмоциональными состояниями тоски, страха, тревоги [Короткова, 2017]. Указывается на необходимость изучения «комбинации эмоций, чувств, реакций», что позволит проанализировать авторскую эмоциональную концептосферу.

Также Е.Е. Стефанский не соглашается с мнением К. Изарда о том, что экзистенциальный страх состоит из эмоций страха, обиды, злости, стыда и возбуждения, поскольку анализ художественного дискурса позволил включить в данный перечень эмоции жалости, печали, ярости и отвращения [Стефанский, 2007, с. 174]. Дискурсивный анализ позволяет выявлять еще бóльшую эмоционально-оценочную подвижность эмоций, когда, к примеру, избавление от страха приводит к радости, невозможность избавиться от страха становится причиной печали. Объединение же страха и печали приводит к возникновению тоски.

При описании семантической типологии эмоций предложено анализировать не отдельные слова, номинирующие, к примеру, базовые эмоциональные переживания, а семантические поля [Апресян, 2011, с. 21-22]. Необходимость укрупнения языковых способов объективации эмоций до кластеров, напротив, позволяет более точно представить особенности эмоциональных переживаний/состояний. В укрупненные кластеры входят не только базовые, но и периферийные номинации эмоций, а также случаи дескрипции эмоциональных переживаний, отдельное имя для которых языковым сообществом одобрено не было.

В русском языке для категоризации эмоциональных концептов частотно используются оценочные предикаты [Красавский, 2001, с. 220], которые и выступают, по нашему мнению, первым этапом на пути усложнения эмоционально-смыслового содержания вербализованных эмоций. Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что базовые эмоции наиболее частотно конкретизируются следующими предикатами:

РАДОСТЬ – огромная, нерастраченная, тихая, искренняя, особенная, большая, несказанная, неизмеримая, постоянная, жгучая, ликующая, особая, страшноватая, великая, плохая, нечаянная, спокойная, громадная, чистая, неистощимая, высшая, небольшая, надменная, бурная;

ГРУСТЬ – печальная, светлая, щемящая, постоянная, душевная, непонятная, ужасная, глубокая, покорная, невесомая, сладкая, напрасная, спокойная, небольшая, чудесная, неуловимая, удивительная, скрытая, великая, одинокая, мимолетная, горькая, тонкая,

СТРАХ – панический, внезапный, мучительный, безотчетный, дикий, отчетливый, жуткий, великий, подлый, животный, жалкий, ужасный, тайный, большой, неясный, неодолимый, постыдный;

ГНЕВ – страшный, черный, спокойный, легкий, бессильный, лютый, непередаваемый, праведный, благородный, глухой, сильный, высокий;

ОТВРАЩЕНИЕ – явное, стойкое, сильное, брезгливое, нескрываемое, глубокое, глубочайшее, подступившее, необъяснимое, наследственное, непреодолимое, непобедимое, бешеное, небольшое, жуткое, невнятное, мимолетное, страшное, грубое, полное;

ПРЕЗРЕНИЕ – глухое, холодное, святое, легкое, бешеное, глубокое, глубочайшее, глубинное, неистребимое, полное, безнравственное, неприкрытое, нарастающее, видимое, хладнокровное, слепое, звенящее, нескрываемое, разрушительное, отстраненное, инстинктивное, гулкое, сознательное.

Данные оценочные предикаты выступают в функции конкретизаторов эмотивной семантики имен эмоциональных концептов. В результате, у слов,

традиционно считающихся неэмотивными, поскольку названная прямым словом эмоция есть эмоция осознанная, а не непосредственно переживаемая) открывается эмотивная валентность. Последнее может осуществляться как на внутреннем (например, актуализация в семантике нейтрального слова эмотивного компонента), так и на внешнем уровнях (в данном случае использование оценочных предикатов), что приводит либо к усилению, либо к мене эмоционально-смысловой составляющей слова. Отметим, что В.С. Виноградова полагала, что дистрибуция слова не влияет на константный набор сем [Виноградова, 1981, с. 67]. Это положение верно, если в данный инвариантный комплекс смысловых компонентов слова отнести семы 'эмоция' и 'оценка'. Такое понимание константного набора сем лексических единиц позволяет превращение нейтральных слов в эмотивы. Тогда, в том числе, эмотивные употребления слова, даже в случае единичного авторского использования, накапливаются в семантике, что качественно меняет структуру значения [Харченко, 1989, с. 28]. Сказанное соотносится как с феноменом индивидуального тезауруса, так и с концепцией эвиденциальности семантики, согласно которой объекту приписывается социально принятый, обусловленный прошлым перцептивный, когнитивный, эмоционально-оценочный опыт признаков / характеристик, закрепляемых за словом [Голубева, 2016]. В перечисленных выше примерах эмоционально-оценочный знак словосочетаний сохраняется, но «гасится» эмоциональная доминанта [Шаховский, 2013]. И здесь мы видим два направления: на интенсификацию и деинтенсификацию превалирующей эмоциональной составляющей.

«Гашение» доминанты по направлению интенсификации эмоциональной составляющей наблюдается в случаях сочетания имени эмоции с лексемой-интенсификатором эмоционально-оценочного признака, например, *бурная радость*, *великая* или *горькая грусть*, *черный* или *лютый гнев*, *сильное отвращение*, *бешеное презрение*. Примерами деинтенсификации и «размывания» контура эталонной эмоциональной доминанты могут выступить такие примеры, как *надменная радость*, *сладкая грусть*, *праведный*

или *высокий гнев*, *невнятное отвращение*, *святое презрение*. Основной вопрос, который можно задать себе в данном ключе, перестают ли надменная радость или невнятное отвращение быть собственно радостью и отвращением, или они превращаются в когнитивно более сложные явления, нуждающиеся в отдельной самостоятельной номинации. Вероятно, ошибочно отрицать правомерность вывода о том, что эмоциональная доминанта сохраняется, варьируется только степень признака.

Аналогично описываемому явлению фрагментации с последующей регенерацией обозначений эмоций в языке происходит накопление и увеличение разнообразия молекул, поскольку атомы углерода имеют способность образовывать неограниченное число цепей любой длины и состава. Атомы углерода могут создавать данные цепи не только в сочетании с атомами других элементов, но и самостоятельно [Матурана, Варела, 2001, с. 33]. Скрытый конструктивный потенциал элемента реализуется либо через связь с другими элементами, либо вне данного взаимодействия. Для обнаружения и продуктивного (креативного) функционирования данного потенциала необходимо соблюдение условий. Применительно к рассматриваемой проблеме таким условием выступает контекст, активизирующий фрагментацию эмоций. Соответственно, речь можно вести об аутопоэзной вербализации эмоций, которая «вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики, но продолжает составлять с ней единой целое» [Там же, с. 41].

Образование имен смешанных эмоций (подробнее см. далее) как от базовых, так и от производных, является дополнительным способом фрагментации эмоций. Объективируются смешанные эмоции в виде моно-, поли-, амбивалентных кластеров. К экспликантам смешанных эмоций моновалентного кластирования относятся случаи вербализации эмоциональных переживаний/состояний, при которых доминантой выступает общая (положительная или отрицательная) оценка:

Видно, лицо моё выразило испуг или отвращение (Ф. Искандер).

За ту секунду или две, что смотрела на меня, она успела выразить все, что чувствовала по отношению ко мне: ненависть, презрение, брезгливость (Судьба-злодейка // «Истории из жизни»).

Поливалентное или амбивалентное кластирование характеризуется разнооценочной составляющей, но амбивалентность предполагает объединение в единое целое, как минимум, двух противоположных контрарных понятия:

Какие в нём бурлят чувства: любовь, раскаяние, гнев (И. Грекова).

Но блеснувшая на миг радость смешалась с печалью и утонула в печали (В. Гроссман).

Показанный процесс фрагментации эмоций, как самоорганизующейся системы, стремится к регенерации. В немецком языке микрополя *Liebe* и *Hass* имеют зону пересечения, что приводит к созданию и языковой кодификации контаминированного поля *Hassliebe*. Общим семантическим компонентом, наличие которого в семантике обоих слов и позволило образовать указанный оксюморон, является семантический компонент *Leidenschaft* (*страсть*). Но, несмотря на эксплицируемое с помощью данного слова-композита сложное амбивалентное эмоциональное переживание (последнему свойственны высокая экспрессивность, одновременность эмоциональных переживаний, удвоенная интенсивность и взаимонаправленность), в нем можно определить доминанту – любовь как непосредственная предпосылка возникновения ненависти [Борисова, 2003, с. 19-21]. Подобные случаи номинализации нетипичных эмоций становятся всё более частотными (к примеру, *haimer* во французском языке, образованное от глаголов *aimer* – *любить* и *haïr* – *ненавидеть*, или окказиональные оксюмороны в русском – *нелюб*, *неналюбить* и пр.).

Таким образом, «нетипичные» эмоциональные состояния/переживания могут объективироваться в языке/речи через усложненные формы выражения в соответствии со сложностью когнитивной матрицы эмоционального мира

человека, в целом. Комбинирование ограниченного числа базовых эмоций лежит в основе всего многообразия эмоций. Описание происходящих и отражающихся в языке процессов кодификации эмоций позволяет наблюдать за аутопоэзной организацией языка через речевую деятельность его пользователей.

2.5. Поливалентность нейтральной оценки

В эмотивной лингвистике [Шаховский, 2008] постулируется ряд тезисов относительно потенциальной эмотивной семантики лексических единиц, которая обладает двумя статусами: адгерентным и ингерентным. Если в первом случае речь идет о том, что контекст привносит в семантику конвенционально нейтрального слова эмотивность, то в рамках ингерентного подхода к вопросу потенциальной эмотивной семантики любое слово обладает не только явными, но и скрытыми эмосемами. Таким образом, контекст ничего не привносит извне, а лишь актуализирует скрытые эмоционально-смысловые потенции слова.

Особую значимость принимает проблема разграничения содержания и смысла. Г.П. Щедровицкий [2005] в одном из своих образных сравнений указывал на то, что слова плавают в море смыслов. Извлечение слова из данного условного смыслового резервуара в форме употребления лексической единицы в том или ином контексте, в определенной коммуникативной ситуации, с конкретной коммуникативной целью, варьируемой в зависимости от коммуникативных намерений говорящего и, в целом, личности последнего приводит к тому, что зафиксировать становится возможным только часть смыслов, тогда как основная (безграничная по А.Ф. Лосеву) смысловая наполненность семантики ускользает от пользователя языка. Соглашается с представленным положением А.А. Залевская, которая пишет, что идентификация слова есть его включение в контекст многогранного предшествующего опыта говорящего [Залевская, 1991, с. 75-77], когда

этнокультурная актуализация слова в коммуникативной ситуации непременно сопровождается активизацией перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта [Масленникова, 2022, с. 47]. Семантика слова заранее не задана и безгранична, тогда как выводное знание с опорой на маркеры-ассоциаты существует на оси «для меня – здесь – сейчас» как причинно-смысловая связь между лексической единицей и прошлым опытом индивида [Голубева, 2016, с. 5].

Рассмотрим следующий пример:

От дороги вдаль простиралась обширная пашня. Меня отделял от нее забор из двух ниток колючей проволоки, и я видела, что этот забор да три-четыре дерева надо мной – единственные препятствия для ветра на мили вокруг. По всей длине забора, особенно вдоль нижней проволоки, застрял всевозможный летучий мусор. Похоже было на обломки, которые волны выбрасывают на морской берег; ветер, видимо, гнал все это очень долго, пока на пути не встретились эти деревья и две нитки проволоки. (...) Я думала про мусор, про хлопающие пакеты на ветках, про «береговую линию» из всякой всячины, застрявшей в колючей проволоке, и, прикрыв глаза, представила себе, что сюда выброшено все потерянное мной начиная с детства и теперь я стою как раз там, где нужно, и если терпеливо подождать, то на горизонте над полем появится крохотная фигурка, начнет постепенно расти, пока не окажется, что это Томми, и тогда он помашет мне, может быть, даже прокричит что-нибудь. Дальше фантазия не пошла, потому что я ей не позволила, и хотя по моим щекам катились слезы, я не рыдала и, в общем, держала себя в руках (К. Исигуро).

В примере артефакты повседневной жизни, обозначения которых в языке лишены эмотивной составляющей (*проволока, забор, мусор*), становятся эмотивами-потенциативами, индивидуальная эмоционально-смысловая составляющая которых отличается от конвенциональной бытовой. Сама пашня, которую отделял забор из натянутой проволоки, превращается в нечто сакральное, ритуальное, становится святилищем (местом Силы),

сопоставимым с местом паломничества и по этой причине обладающим мощным эмоционально-смысловым энергийным потенциалом, актуальным только для одного конкретного человека по причине вызванных в нем ассоциаций.

Механизмом актуализации потенциальной эмотивной семантики слова является открытие у него эмотивной валентности, понимаемой как способность любых семиотических образований (лингвистического и экстралингвистического характера) вступать в эмотивные связи на основе внешнего и внутреннего уровней согласования эмосем, когда дополнительное сочетание эмосем на внутреннем уровне может либо усиливать, либо менять эмоционально-смысловую составляющую эмотивной валентности слова, либо привносить данную эмотивность в семантику лексической единицы. В результате, скрытый эмотивный потенциал нейтральных слов реализуется в тексте и превращается в устойчивое эмоциональное созначение семантики:

- Рейнгольд! повторил я так же резко и звонко. Но я почувствовал, что теперь в моем голосе звучит не столько негодование, сколько глубокая скорбь. Это «Рейнгольд» заключало в себе скорее мольбу, чем гнев оскорбленного человека, который может перейти от угроз к действию (А. Моравиа).

Интересный аспект преобразований эмотивной семантики узуально нейтральных слов рассматривает О.И. Федосов сквозь призму «эмоциональных отдушин», т.е. фразеологизированных эмоциональных возгласов, заменяющих обсценную лексику. В качестве примеров для русского языка приводятся названия городов *Экибастуз*, *Урюпинск*, *Бобруйск*, а для венгерского – *басовый ключ, творог* или *мебельный склад* (*bútorraktár*), актуализация эмоционального заряда у которого основана на фоносемантике, поскольку произносить данное слово необходимо «грызя/рыча» [Федосов, 2019].

Классическая схема структуры семантики слова представляет собой сферу с ядром и зонами периферий (ближайшей и дальнейшей). Ядерная зона остается, как правило, неизменной, а периферия может подвергаться

эмоционально-смысловым модуляциям. Возникающая в процессе познавательного поиска эмотивизация семантики нейтрального слова, проходящая этапы активизации интуиции, удивления, воображения и эмоционального реагирования/переживания [Залевская, 2013, с. 91], приводит не только к актуализации потенциальной семы, но и к переводу эмосемы из разряда факультативной (Состояние А) в семантический статус облигаторной (Состояние Б) применительно к конкретной коммуникативной ситуации в проекции опыта конкретного индивида:

- Ты же знаешь, какие это золотые ребята! - восклицает Жоан де Адан. - А уж о Педро и говорить нечего! Он - настоящий товарищ.

Товарищ... Товарищ... Педро кажется, что нет на свете слова прекрасней (Ж. Амаду).

Интересно, что эмотив-потенциатив применительно к тексту культуры того или иного языка является одновременно коннотативом в рамках анализируемой коммуникативной ситуации для автора содержащего данный эмотив высказывания. В таком случае уже потенциальная эмосема станет облигаторной и, кроме того, производной для последующих смысловых и эмоционально-смысловых приращений семантики. Подобная модель сопоставима с ризомой, в которой, в отличие от порядка древа, любая точка может быть присоединена к любой другой. Ризома лишена стержня, ризоморфность предполагает появление кажущихся корнями стеблей и волокон, когда любая линия может в любой момент быть связана с другой и данное объединение предугадать невозможно [Синельникова, 2017, с. 807]:

Вообще, слово «умная» по отношению ко мне в нашей семье могло применяться как в смысле разумности, так и не совсем одобрительно: «Ох, ну уж больно ты умная!» А производные от того же слова могли означать и прямое порицание за нахальство и вызывающую развязность. Хватит умничать! (Э. Манро).

Ризоморфная организация семантики слова, в которой любая производная составляющая может стать производящей, сопоставима с хаосом.

Хаос, как первичное состоянии материи, диалектичен, поскольку в нем действуют несогласованные (противоречивые) силы, разнонаправлен, стихиен и динамичен, безмерен, непрерывен; хаос стремится к самоорганизации, а космос, как упорядоченный, структурный абсолют – к деструкции [Арутюнова, 2003, с. 7]. В результате, система хаоса, при всей противоречивости данного суждения, более организована и успешна, чем система космоса, а положение о допустимости колебаний эмотивного статуса лексических единиц, когда ситуативный коннотатив является эмотивом-потенциативом для языкового сообщества, развивает представления о языковой категоризации эмоций. В.Г. Гак указывал, что любое высказывание неизменно сопровождается эмоциями, степень выраженности которых различается в зависимости от ситуации общения. Особую значимость имеет дистрибуция слова, поскольку выразительность слова часто зависит от выразительности соседней лексической единицы [Гак, 1966, с. 120, 129]. В исследовании В.И. Шаховского [1998] показано, что слово «она» может открывать эмотивную валентность, которая не просто переводит нейтральное эмоционально-оценочное местоимение в разряд эмотивов, но и превращает нейтральное слово в контекстуальный аффектив: происходит процесс иррадиации семантики слова эмотивностью, поскольку присутствие хотя бы одного эмоционального слова эмоционально маркирует целое высказывание [Арнольд, 2004, с. 154].

Художественная литература «вскрывает» эмотивный потенциал нейтральных слов:

Toujours les mêmes histoires, les mêmes objets, les mêmes photos – c'était ça qui était agréable (V. d'Urso).

В данном примере автор использует слово *même* с семантикой подобия, похожести, аналогичности, повторяемости. Но для героини романа становится тем, что особенно ценно, тем, чем она дорожит. Таким образом обнаруживается эмотивная семантика конвенционально нейтрального слова. Дополнительно эмоционально-смысловая составляющая интенсифицируется

элементами анафоры для дополнительного увеличения экспрессии и «извлечения» слова из условного разряда нейтральных.

К.А. Долинин [Долинин, 1978, с. 122] писал о запретных или неожиданных (по причине своей запретности) словах, экспрессивность которых обусловлена не столько ингерентным конвенциональным эмоционально-оценочным компонентом семантики, сколько неприемлемостью использования слова внутри определенной коммуникативной ситуации или внутри культуры. Примерами сказанного может выступить как неоднократно обоснованное положение о наличии у любого текста эмотивной плоскости, которая актуализируется либо через внешне воспринимаемую нейтральность текста (отсутствие эмотивов внутри юридического текста тоже является показателем эмотивности: внешняя нейтральность провоцирует некоторое эмоциональное переживания у адресата), либо через вкрапление оценочных слов в конвенционально нейтральный текст, так и приемлемость/неприемлемость выражения определенных кластеров эмоций представителями разных лингвокультур.

Все, что мы испытываем, имеет определенный чувственный тон, и все ощущения можно классифицировать как приятные, неприятные или нейтральные. Наши чувства и ощущения имеют отношение к нашему «я», и в моменты сильных переживаний мы воспринимаем их как себя [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 177]. Однако эмоция является мотивационной основой сознания [Шаховский, 2006], индивидуальные эмоциональные переживания порождают новые смыслы, становятся источником общечеловеческого опыта [Ионова, 2010, с. 10]. Любая деятельность, в том числе речевая, является эмоционально маркированной. Соответственно каждый конститутивный элемент речевой деятельности потенциально эмотивен, но оценочный знак, активность эмоции, стоящей за формой ее языковой номинации, дескрипции, экспликации, является неопределенной. Одна и та же деятельность может стимулироваться различными мотивами, одни и те же мотивы могут иметь отличное эмоциональное основание.

Поэтому и нейтральная оценка на условной шкале эмотивности потенциально поливалентна, когда скрытая эмотивность нейтральной оценки может актуализироваться через валентностные связи нуля с узким и широким, к примеру, историческим, культурным, контекстом, коммуникативной ситуацией, говорящим и пр.

Постулирование безграничной эмоционально-смысловой природы любого знака соответствует актуальным представлениям о лексической семантике. Психолингвистический подход к объекту исследования подтверждает гипотетические положения лексической семантики о том, что смысловое содержание слова безгранично, эмоционально-смысловой потенциал лексической единицы неопределенен и подвижен, поскольку любая ассоциативная связь вероятностна. Последнее обусловливает динамику лексического значения слова [Пищальникова 2020, с. 21]. Интерперсональная (конвенциональная) семантика может быть нескольких видов: к примеру, это словарное значение слова, доступное носителю/пользователю языка, контекстуальное значение слова, актуализируемое в коммуникативной ситуации. Постулируется тезис о том, что интерперсональная языковая форма используется индивидом для обозначения его субъективного актуального смысла [Герман, Пищальникова 1999, с. 7]. Использование интерперсональных средств коммуникации актуализирует интраперсональную семантику слова. Л.С. Выготский подчеркивал, что отношения между людьми суть сфера интерпсихического, а отношение внутри психики – интрапсихическое. Интрапсихическое формируется в ходе интериоризации системы интерпсихических отношений, при которой (интериоризации) человек «приручает» предмет, приспосабливает его к своей собственной деятельности, соотносит с той или иной категорией [Цит. по: Журавлев, 2021, с. 131].

Смысловое развитие слова не имеет ограничений как по причине континуальности смыслопорождения [Герман, Пищальникова, 1999, с. 10], так и постоянного взаимодействия человека (актуализатора смысла) с

внешней средой и средой, конструируемой самим человеком, частью которой выступают участники коммуникативной интеракции [Карданова-Бирюкова, 2021, с. 11]. Человек – долгое существо, совмещенное с бесконечностью, выходящее своим назначением за рамки хронологического пробега своей жизни [Мамардашвили, 2023, с. 250].

Указывается на неинтенциональный характер возможных смысловых приращений слова, т.к. система смыслов не является абсолютно осознанной для говорящего; последнее обнаруживает такое свойство системы, как ее неопределенность, что допускает случайность развития системы [Герман, Пищальникова, 1999, с. 36]. Со сказанным соглашается Н.И. Степыкин, который указывает на динамичность смысла, благодаря которому в ассоциативном поле слова появляются новые смыслы, не зафиксированные в лексическом инварианте [Степыкин, 2021, с. 27], способные «растягивать» значение слова. Такие приращения семантики часто управляются механизмом последовательного ступенчатого абстрагирования, когда первичное (денотативное) означаемое слова может становиться означающим для культурного содержания (ценностей, смыслов) [Алексеев, 2022, с. 9], что ведет к появлению вторичного означаемого. В ходе речевого общения реципиент не столько получает информацию от отправителя, сколько конструирует ее заново из имеющихся у него собственных знаний, когда используемые в общении знаки выступают в функции импульса. Последнее обстоятельство приводит к тому, что адресат одновременно оперирует двумя смыслами: смысл для себя и смысл для говорящего [Тарасов, Головина, 2019, с. 15]. Сказанное соотносится с высказанным В.А. Масловой положением о том, что любое слово представляет собой генетическую программу, которая влияет как на жизнь одного человека, так и потомков – феномен «памяти слова» [Маслова, 2021, с. 132].

Каждая лексическая единица (характеризующаяся наличием генетической программа, связанной с ритмами Космоса по В.А. Масловой)

должна рассматриваться как носитель безграничного эмоционально-смыслового потенциала, потенциально амбивалентная, полиоценочная сущность. Соответственно нейтральное слово способно актуализировать ингерентную эмотивность в контексте:

Он напряженно вслушивался. Ни звука. В жизни своей не слыхал он такого жуткого, гнетущего, гробового молчания. Никогда не думал, что смерть так убийственна (Р. Олдингтон).

В приведенном выше примере конвенционально нейтральная лексическая единица трансформируется в эмотив через сочетание с качественными прилагательными, что дополняется восходящей градацией. Интересно, что молчание выполняет широкий спектр функций, а субъектом агрессивной коммуникации оно может использоваться для демонстрации обиды, обвинения, игнорирования (собеседника), лишения права речи, вычеркивания из коммуникации, прекращения коммуникации, умаления значимости адресата вплоть до социального нуля, акцента на собственной значимости и значимости выполняемой работы и др. [Копылова, 2022, с. 28]. Цитируемый автор указывает, что рассмотрение молчания как нулевого знака ошибочно, поскольку любой знак, в том числе нулевой, является текстом, важным остается условие адекватной интерпретации адресатом [Там же, с. 32].

В романе «Ближайший родственник» П. Нилина представлен такой фрагмент:

Поговорить с сыном о работе он долго не решался. Да и занят был сын все время. Разговаривал Матвей Кузьмич чаще с Ольгой Михайловной. Он простил ей тот случай, когда она высказала свое нелестное мнение о его ведрах. Он приходил к ней на кухню, иногда помогал мыть посуду и, присев на табуретку, говорил, вздыхая: Вот, значит, какая тригонометрия! Нахожусь я, как тот суслик, в неволе. И ни дома, и ни в солдатах... (П. Нилин).

Нейтрально-оценочное слово *тригонометрия* в восклицательном предложении создает эффект недосказанности, но указывает на значимость

данного слова для выражения эмоций. Последующее пояснение в виде сравнения состояния персонажа с поведением «*суслика в неволе*» становится идентификатором выражаемых словом *тригонометрия* кластера эмоций (замешательство, растерянность).

В.Н. Гридин приводит пример со словами *нога* и *голова* в ситуации взаимодействия между матерью и ребенком, где положительная эмоциональная тональность общения побуждает использовать диминутивные формы слов *нога* и *голова* (*ножка* и *головка*), отрицательная тональность индуцирует употребление матерью полных форм указанных слов без уменьшительно-ласкательных суффиксов. Соответственно слова *нога* и *голова* внутри представленной коммуникативной ситуации с обозначенными участниками превращается в отрицательно-оценочный эмотив: «*нога* – нейтральное слово в своем синонимическом ряду, но на фоне предшествующих (из опыта общения. – Прим. наше. - А.Ш.) ласкательных слов оно имеет четкий пейоративный оттенок» [Гридин, 1983, с. 117]. Другими словами, единицей выражения эмоциональной экспрессии в речевой деятельности могут становиться любые элементы (в том числе нулевые знаки), способ экспликации зависит от особенностей общей системы деятельности человека [Там же, с. 119].

Использованный М. Прустом прием реализации ассоциативного стиля письма, когда отдельное слово стимулирует реактивное описание воспоминаний (пример с печеньем мадлен), повторяет в одном из своих романов Д. Фонкинос:

– Она вынула из кармана ПЕЦ, и ее волнение сразу передалось отцу. Эта штучка вернула их в одно и то же лето. Его дочери вдруг стало восемь лет. Она подошла к отцу и тихо, деликатно положила голову ему на плечо. ПЕЦ – это была вся нежность прошлого и все то, что они растеряли с годами, не разом, а постепенно, незаметно. ПЕЦ – это время до несчастья, время, когда ее слабость сводилась к разбитой коленке. ПЕЦ – это ее мысль об отце, человеке, к которому она в детстве так любила бежать и, прыгнув к нему на

шею, всем телом прижавшись к нему, могла думать о будущем с бешеной уверенностью. Оба в изумлении рассматривали ПЕЦ, вобравший в себя все оттенки их жизни, ничтожную, смехотворную, но такую трогательную вещичку (Д. Фонкинос).

Нейтральная лексическая единица («*ПЕЦ*») превращается в эмотив, вбирает в себя впечатления, индуцирует разнооценочные переживания. К обозначенной проблеме также можно отнести наделение пунктуационных знаков дополнительным прагматическим потенциалом, которым сам знак нормативно не располагает. Например, точка (феномен «агрессивной точки») внутри опосредованного сетью Интернет-общения становится имплицитным средством реализации речевой агрессии [Ягодкина, 2021].

Следует отметить, что аффективы, которые в соответствии с лингвистической типологией эмотивов (см.: [Шаховский, 1987]) характеризуются только наличием в семантике эмоционального компонента, также обладают контекстуально вариативным оценочным знаком. Интересной представляется проблема использования нецензурной лексики в публичной речи, а именно запрет на ее употребление и способы кодирования обсценной лексики. В постсоветскую эпоху распространение получила замена всех или второй и последующих букв на звездочки в письменном виде и «запикивание» в аудиовещании электронных СМИ [Усольцева, 2017, с. 152]. В письменной речи купюра обозначается понятием обсценикон или гроуликс (*grawlixe*), предложенным М. Уолкером и представляющим собой словостяжение от слов *draw* и *graphic* [Walker, 1980; Bustillos, 2013]. На уровне устной речи существует возможность использования мата в фильмах, представляемых на кинофестивалях [Копченко, 2017, с. 57]. На радио, телевидении, кино для замены бранной речи «запикивание» (*bleep censor*) представляет собой тоновый сигнал с частотой примерно 1000 Гц (средняя частота голосов мужчин и женщин колеблется в пределах от 80 до 260 Гц). Дополнительно звуковой сигнал может сопровождаться частичным размыванием

изображения лица говорящего, чтобы затруднить считывание кодированного слова по губам.

Стремительный рост популярности «альтернативных» источников информации, использующих аудиовизуальный канал передачи, привел к тому, что любой человек, в том числе не имеющий специального образования, может стать популярным и, как следствие, транслировать свой языковой стиль в массы. Изначально, аффектив становится запретным и заменяется тоновым сигналом – знаком. Далее знак превращается в показатель аффектива и приравнивается к последнему, синонимизируется с аффективом (звуковой сигнал есть обобщение для любой обсценной лексики в конкретной коммуникативной ситуации). Маскировочная функция остается только формальной, но план содержания остается ясным. Интерпретация звукового сигнала становится направленной, что приводит к последующей игре с маскировкой по принципу звукового парафраза, когда заменяется не лексический, а акустический состав текста. Однако принцип парафраза – замена должна быть незаметной – нарушается, где парафраза превращается в травестирование [Москвин, 2007, с. 527, 768]. Последнее привело к тому, что к распространенным и популяризированным тоновым сигналам, заменяющим обсценную лексику, добавился широкий спектр приемов, позволяющих избежать или снизить ответственность за произнесенное слово. В частности, современные блогеры используют точечное понижение громкости сигнала (затухание звука), звуки голосов животных, ускоренное воспроизведение, которое приводит к неразборчивости сигнала и пр. Частотно сохраняется первая буква/слог и/или последний звук бранного слова, что упрощает процесс декодирования.

Сказанное иллюстрирует мену оценочного знака аффективов, когда исключительно отрицательная конвенциональная оценочность инвективной лексики нейтрализуется с помощью звукового сигнала, который впоследствии сам превращается в отрицательно-оценочный аффектив. Иные способы выражения купюр в звучащей речи имеют эффект новизны и приобретают

положительную оценочность, например, мяуканье кота как средство «запикивания» мата.

Такая двойственность (формальная забота об адресате и на уровне содержания – иронизация, травестирование) указывает на имитационный потенциал тоновых сигналов. Подобным имитативно-деструктивным потенциалом обладает, к примеру, вежливость, которая в зависимости от частных коммуникативных условий может приобретать иной иллокутивный потенциал. Реализация коммуникативной категории вежливости в ситуации конфликтного деструктивного общения может приводить к интенсификации конфликта, а не его митигации, поскольку вежливые речевые формулы рассматриваются внутри отрицательно-оценочной коммуникации как показатель над-становления говорящего относительно адресата, его ситуативное превосходство (использование внутри конфликтного дискурса элементов, соответствующих данной эмоциональной тональности, создает ситуативный паритет, а реализация элементов вежливого общения создает искусственный коммуникативный дисбаланс (см.: [Карасик, 2018; Саакян, Северская, 2019; Третьякова, 2021]).

Взаимоотношение условных схем эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций в различных коммуникативных эмоциональных ситуациях является принципиально неопределенным, множественным (к примеру, отрицательно-оценочный стимул может как привести к отрицательно-оценочной реакции, так и индуцировать реакцию с оценочным знаком ‘+’). Оценочная трансформация аффективов показана в следующих примерах, когда ненависть рассматривается как нечто ценное, значимое, индуцирует положительно-оценочные состояния:

Он ненавидит этот город, эту жизнь, этих людей. Он любит свою ненависть - она придает ему отваги и сил, заставляет забыть об увечье (Ж. Амаду).

– Это заставило меня ненавидеть вас еще больше. Счастью нет места на войне.

– Очень жаль, – сказал я.

– Я вас так ненавидел, что стал вас изучать. Я слушал все, что вы говорили. Я никогда не пропускал ваших радиопередач, – сказал он (К. Воннегут).

Подобная внутренняя эмоционально-смысловая амбивалентность выражается в оксюморонимах, объективирующих ингерентные свойства семантики:

Зарублю я твоего нелюба, тьфу, петуха. <…> Чего так неналюбишь их породу? Когда бы невлюбе просватана была, а то сама его нашла где-ко там (Н. Горланова).

Увидел ли он ее? Он и вправду сумасшедший? Понял ли он, кто это?

Они никогда не испытывали друг перед другом телесного стыда, но ведь они до сих пор не видели друг друга в возрасте, когда людям знаком стыд.

Теперь они видели друг друга. В возрасте.

В возрасте.

В жизнесмертном.

Забавно само по себе звучит: в возрасте, подумала Рахель и повторила мысленно: в возрасте (А. Рой).

Бен клял свою победу-поражение (Р. де Са Морейра).

Норма может быть конвенциональной или надгрупповой, групповой и индивидуальной.

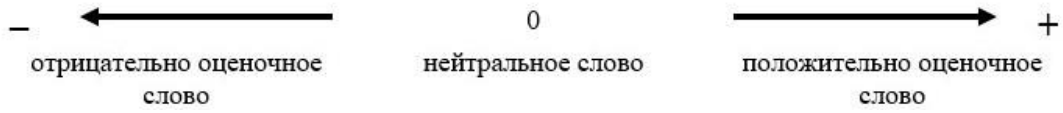

Схема 3. Отношение нейтрального слова к положительно- и отрицательно-оценочным

Слово *за́мок* помещается на положительный полюс шкалы оценочности (направление от центра вправо), а *хибара* – на отрицательный полюс (от центра влево) относительно нейтральной лексической единицы *дом*. Данный

подход является редукционистским по причине своей однонаправленности, поскольку нейтральное слово в сопоставление с отрицательно-оценочной лексической единицей воспринимается как положительно-оценочное и наоборот (ср.: *за́мок > дом; дом > хибара*).

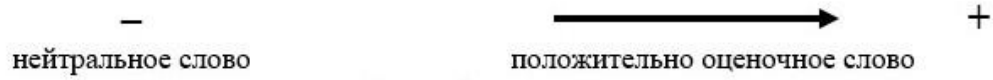

Схема 4. Приобретение нейтральным словом отрицательной оценки при сравнении с положительно-оценочным

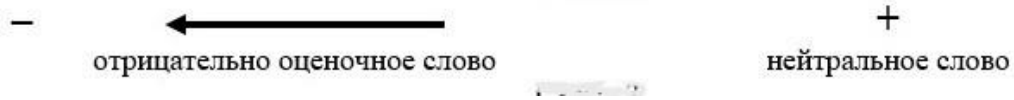

Схема 5. Приобретение нейтральным словом положительной оценки при сравнении с отрицательно-оценочным

Вслед за Ю.С. Степановым нейтральная оценка должна рассматриваться не как безразличная к оценке, а, напротив, ингерентно амбивалентная сущность, которая служит как для обнаружения эмоционально-оценочной составляющей окрашенных слов, так и вбирать в себя оба полюса оценки. Дихотомия «стилистически окрашенное слово – нейтральное слово» условна, поскольку нейтральные слова не только создают норму для восприятия отклонения на ее (нормы) фоне [Степанова, 2002, с. 22], но и являются нейтральными только условно на уровне сигнификата. Распространенным является видение нейтральной оценки как инструмента объективации оценочности слов.

Подход к нейтрально оценочной лексике как к амбивалентной предполагает не статичное нахождение нейтральных слов на срединной отметке нуля условной шкалы оценочности, а подвижность нуля в сторону положительной оценки при сопоставлении с отрицательно-оценочным словом, и наоборот.

С.Б. Берлизон указано, что любое нейтральное слово может приобрести эмоциональные свойства в зависимости от речевого намерения, условий ситуации общения и пр. [Берлизон, 1973, с. 91]. Оценочность нуля можно

исследовать в различных функционально-стилистических и дискурсивных формациях, когда нейтральная оценка может объясняться жанровой принадлежностью текста и является положительно-оценочной, поскольку любое отклонение от данной нормы вызывает отрицательные эмоции. В ситуации, к примеру, коммуникативного конфликта отсутствие ответной эмоционально-отрицательной реакции может оцениваться отрицательно – это соотношение формы и содержания – когда формальная позитивизация общения приводит к интенсификации конфликта.

Рассмотрим следующий пример:

Я позволил ему отнести меня в мою комнату. У меня не было другого выхода. Он взял меня на руки, и впервые в жизни я не испытал удовольствия от его прикосновений, его пряного запаха, округлой ясности его лба. В эти мгновения мне передалась закрытость матери, ее особое умение держать дистанцию. Я много раз пародировал ее и в тот момент на ходу просто не мог придумать ничего другого. Если бы отец погладил мои усталые плечи, я бы сжался, если бы он вошел в дом, деловито обивая снег с ботинок, я бы в панике вспомнил о пригоревшем суфле из шпината.

Он уложил меня в постель, укрыл и довольно ласково попросил закрыть глаза. Ничего плохого он не делал. Но я не помня себя от ярости соскочил на пол и бросился к коробке с игрушками. У меня ломило в затылке и звенело в ушах, новые, неведомые чувства нахлынули на меня (М. Канингем).

Интерес привлекает поливалентная эмотивная плотность данного текстового фрагмента. Здесь реализуется достаточно редкая схема соотношения эмотива-стимула и эмотива-реакции, а именно положительно-оценочный стимул в форме выражаемой отцом доброты и снисходительности провоцирует отрицательно-оценочную реакцию сына. Вызвано это тем, что ребенок, став свидетелем ссоры отца с матерью, решил проявить заботу по отношению к отцу и пришел к нему в спальню, чтобы его успокоить. Однако данное коммуникативное намерение не было адекватно декодировано отцом, что и стало причиной конфликта. В ситуациях конфликтного общения

положительная или нейтральная реакция (которая ситуативно также является положительно-оценочной) на отрицательный стимул в форме прямого оскорбления может способствовать интенсификации отрицательной тональности общения. Подобный эффект от отсутствия адекватной (то есть ответного оскорбления) реакции расценивается, на наш взгляд, оппонентом как неприятие всерьез, неуважение и недооценка силы соперника, что и служит цели увеличения негативной плотности, а не митигации конфликта.

В ситуации конфликтного общения между влюбленными использование положительно-оценочного эмотива-реакции на эмотив-стимул с отрицательной оценкой может рассматриваться как прием регуляции эмотивной тональности общения. В той же ситуации такого рода коммуникативное поведение может расцениваться собеседником как неуважение, нежелание соглашаться с претензиями оппонента и обращать на них внимание, что приведет не к регуляции тональности общения, то есть ее мене на положительную или снижение отрицательной, а к интенсификации конфликта. Здесь проблема соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций получает новое развитие и значительное расширение комбинационных вариантов.

Любое слово обладает бесконечной эмоционально-смысловой составляющей. Расположение лексической единицы на шкале оценочности является условным, поскольку данный скрытый (ингерентный) потенциал актуализируется в зависимости от коммуникативной ситуации, намерений говорящего.

2.6. Эвентуальность оценки

Сущность заявленной в названии параграфа проблемы происходит из нестандартных (небинарных) оценочных шкал. Крайние полюса построения оценочных шкал имеют условно предзаданный антонимический характер, но строгие ограничения отсутствуют. Подобные небинарные оценочные шкалы обусловлены безграничным смысловым потенциалом слов, когда любая

лексическая единица, актуализируемая в определенном контексте, может становиться синонимом или антонимом относительно некоторой «точки отсчета». Гадание на ромашке в русской культуре имеет либо два полюса (любит – не любит), либо преобразуется в более детальную оценочную шкалу, когда оценочные полюсы остаются неизменными. Во французском языке данная оппозиция любви-не любви более развернута: *je t'aime (я тебя люблю) – un peu (немного) – beaucoup (сильно) – à la folie (безумно) – pas du tout (вообще нет)*. Интересно также, что нейтральная оценка является амбивалентной, поскольку оценочный потенциал нуля активизирует сокращение двух полюсов оценочной шкалы до одного, к примеру, нейтральное поведение относительно вежливого и нейтральное поведение применительно к пренебрежительному.

Небинарные оценочные шкалы создают эффект обманутого ожидания, поскольку реципиент должен вытеснить устойчивую конвенциональную пару и заменить ее на авторский подход к оппозиции. Субъект оценки выходит за пределы «оценочного стереотипа» (по Е.М. Вольф), что каузирует удивление реципиента и сопровождается эффектом новизны. Структура оценочной шкалы включает в себя объективную и субъективную стороны оценки, т.е. отношение субъекта к объекту оценки и оцениваемые свойства объекта [Вольф, 2002, с. 47-48]. Цитируемый ученый указывает на сложную структуру оценочной шкалы, признаки которой могут двигаться по направлению интенсификации или деинтенсификации, аффективности. Кроме того, оценочная шкала может обладать крайними точками для признака или быть их лишена [Там же, с. 49]. Феномен невыраженной оценочности заключается в том, что конкретизация только одного направления шкалы оценок (плохо-очень плохо-отвратительно и пр.) приводит к убыванию противоположного направления на шкале оценки. Между полюсами хорошо и плохо находится нейтральная позиция (тяготеющая к минусу), но и этот условный нуль может оказаться в оценочной зоне в одном из «возможных миров» (!).

Категориальным признаком оценочной шкалы выступает ее недискретность и континуальность, поскольку степень признака всегда может повышаться или снижаться. В данном аспекте значимым является понятие размытой или нечеткой переменной (*fuzzy variable*), поскольку расположение некоторого объекта на оценочной шкале всегда более или менее условно в зависимости от субъекта оценки

Эффект обманутого ожидания применяется при создании названий фильмов, вероятно, для повышения аттрактивной функции конечного продукта. К примеру, в названии художественного фильма «*Между светом и тенью*» (2002, реж. А. Будённый) оппозиция задается противопоставлением света и тени, что нарушает появление ожидаемого члена для пары, а именно темнота для света. В семантике слова *тень* имеется смысловой компонент *темный*, плохо освещенный, что позволяет создать оппозицию по признаку ‘свет и темнота’ с преобразованием ожидаемой антонимической к свету лексической единицы. Аналогичным образом земля заменяется на тайгу и песок в названиях следующих фильмов: «*Между небом и тайгой*» (2021, реж. Я. Юровицкий), «*Между небом и песком*» (2017, реж. В. Кондаков), а утро – на день («*Между ночью и днем*» (1975, реж. Хорст Э. Брандт):

ЗЕМЛЯ - Верхний слой земной коры; почва, грунт.

ТАЙГА – Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки.

ПЕСОК – обширные пространства, покрытые песком.

УТРО – название времени суток от окончания ночи до наступления дня; начало дня, первые часы дня.

ДЕНЬ – часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера

В данных небинарных оппозициях появление второго элемента является неожиданным. Обратная форма построения также возможна, к примеру, «*Между субботой и воскресеньем*» (1991, реж. А. Салбиев), где оппозиция к субботе невозможна, а воскресенье как показатель завершения недели может контрастировать с понедельником – началом недели.

Названия фильмов, в которых небинарные оппозиция оформлены через номинации эмоций, являются крайне редкими. Примером последних является художественный фильм «*Between Love & Goodbye*» (2008, реж. К. Андреас), в названии которого ненависть (hatred) вытесняется и заменяется на неконвенциональное в ситуации оппозиции к любви прощание. Имплицируемое противопоставление любви как сближения и ненависти как отторжения (форма прощания) сохраняется. Слово *ненависть*, являющееся мощным эмоциогенным элементом, вытесняется на нормативную для фатической коммуникации форму прощания, что может указывать на внутреннее стремление к митигации, позитивизации общения (в духе Ст. Пинкера, настаивающего на том, что насилия в мире стало меньше).

Принципиальных ограничений на сочетаемость для создания небинарных оценочных шкал не имеется, но наличие в семантике слов антонимических компонентов прослеживается в большинстве рассмотренных примеров.

Эффект обманутого ожидания возникает по причине того, что актуализация в речи одного из элементов пары полных антонимов предполагает второй элемент пары (см.: [Львов, 1999]). Последнее подтверждается данными ассоциативных словарей, в которых, к примеру, среди наиболее частотных реакций на стимул «любовь» выступает ненависть. Для неполных антонимов характерны такие особенности, как отличия в смысловых и эмоциональных оттенках, разница в сферах употребления [Лихачева, 2015, с. 24]. Неполные антонимы рассматриваются как контекстуальные. Им свойственна меньшая конвенциональность, они основаны на индивидуальном употреблении слов, более выразительны и экспрессивны [Эрцикова, 2019, с. 23].

В контексте обозначенной проблемы значимым является метод семантического дифференциала, который направлен на выявление дополнительных эмоционально-смысловых созначений (*connotative meaning*) слов, эмоциональные и смысловые компоненты размещаются респондентами

на многомерной шкале. Преимущественно этот метод определяет ассоциации, мотивацию, эмоции, отношение, сопровождаемые актуализацией некоторого понятия. Изначально применяемый в психологии данный метод значительно расширил сферу использования. К примеру, проблеме определения отношения к русскому языку у иностранных студентов с использованием метода семантического дифференциала посвящена работа [Новиков, Новикова, 2021]; исследование [Dalton, Maute, et all., 2008] направлено на выявление отношения потенциального потребителя к запаху. Конвенциональная шкала семантического дифференциала включает 7 точек (−3; 0; +3), расположенных между двумя полюсами противоположных по семантике прилагательных и нейтральную точку на шкале [Ploder, 2015, p. 569]. С помощью данного метода формулируется психологическое значение через установление степени соответствия/несоответствия между различными понятиями [Aros M. Narváez, 2009, p. 427].

Извлеченные приемом направленной выборки из Национального корпуса русского языка примеры показывают, что в художественной литературе квазиантонимия используется для создания стилистического эффекта, к примеру:

Выбор между любовью и равнодушием всегда будет сделан в пользу равнодушия, так диктует инстинкт самосохранения (Н.Б. Черных).

Если нужно выбирать между любовью и сытной трапезой, то Хуч предпочтет гастрономические удовольствия (Д. Донцова).

Но ведь ты согласишься, любезный читатель, не правда ли, что между любовью и предательством существует определенная иерархия (И.А. Бродский).

При категоризации смешанной эмоции особую функционально-прагматическую значимость имеет позиция второго элемента пары (в смешанной эмоции любви и ненависти фокус внимания ориентирован на отрицательное эмоциональное переживание, в смешанной эмоции ненависти

и любви – на преодоление отрицательного эмоционального переживания). Неслучайным кажется расположение во всех трех выше указанных примерах в постпозицию к любви небинарных антонимов: равнодушие, предательство и трапеза, два элемента из которых относятся к тематической группе эмоциональных состояний. Оппозиция любви и трапезы ситуативно модифицирует любовь из номинации эмоционального переживания в гипероним нематериального, духовного, которому противостоит материальное, плотское.

Вынесенное в заглавие понятие эвентуальности можно понимать как ситуацию выхода говорящего за пределы конвенции в один из «возможных миров», что накладывает ограничения на коммуникативное поведение и предопределяет использование определенных не только речевых, но и языковых средств. Поэтому «возможный мир» есть не искусственный конструкт, а коммуникативная действительность, которая предоставляет субъекту арсенал безграничных возможностей для оформления актуального коммуникативного намерения. Кажущийся хаос, в качестве примера которого рассмотрено функционирование небинарных оценочных шкал, конструктивен и расширяет деятельностное пространство коммуникации.

Выводы по главе 2

Положение о сложности мышления является одним из значимых достижений современной науки, поскольку позволяет описать особенности организации природы, человека, общества, мира, коммуникации. Когнитивная сложность вписывается в концепцию нечетких множеств Лотфи Заде, которая позволила преодолеть бинарные оппозиции логических операций. В результате, система обретает объемную форму, элементы данной системы находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Определенным преимуществом теории нечетких множеств является то, что набор выбираемых лингвистических переменных для описания некоторого объекта

остается нечетким, а подобная множественность соответствует феноменологической природе семантики.

Смежными с теорией нечетких множеств понятиями выступают лингвистическая аппроксимация и семантический дифференциал, позволяющий качественно и количественно индексировать значение, выстраивать семантическое пространство сообразно с избираемыми оценочными шкалами. Нечеткие множества применительно к эмотивному аспекту семантики обнаруживают особый вид эмотивов – диффузные эмотивы. Граница между четкими (объективированными) и диффузными эмотивами условна. Например, аффектив, теряющий в коммуникативной ситуации свое эмоциональное содержание из определенного, т.е. четкого, переходит в сферу диффузной эмотивности. Поэтому такая характеристика, как диффузность, представляет собой потенциал, имманентно свойственный эмотивности как многомерному эмоционально-смысловому пространству.

Норма определяется как повторяемая случайность, где конвенциональность суть неоднократно воспроизводимый аспект/компонент содержания. Нейтральная оценка, являющаяся условно «равнодушной» к оценочному знаку, содержит в себе амбивалентный оценочный потенциал. Ноль на шкале оценки от отрицательной к положительной может восприниматься как характеристика со знаком + или - в зависимости от контекста. Значение фиксирует только часть категориальных смыслов, а иные смысловые составляющие семантики остаются на уровне экстенсионала. При определенных коммуникативных условиях (например, актуализация интраперсональной семантики) компоненты экстенсионала занимают место интенсионала. Поэтому эмоционально-смысловая организация семантики соответствует системе с несколькими равновесными состояниями.

Сущностные особенности эмоций стимулируют эмоционально-смысловое варьирование семантики. К таким характеристикам сферы эмоций относятся амбивалентность, подвижность, изменяемость, кластерность. Понятие молчаливого мышления или «неслучившегося» (потенциального)

сознания есть когнитивная предпосылка к эмоционально-смысловым модуляциям, так как рефлексия подвижна и конструктивна; актуализация сознания через выбор слова и наделения его определенным семантическим ореолом выводит конвенциональную языковую систему из состояния равновесия, что становится показателем развития, эволюции.

В соответствии с принципом обязательной культурной маркированности эмотивов диффузная эмотивность проявляет себя в лингвокультурном аспекте: наличие в языках специфичных номинаций для эмоций, национально-культурное представление об эмоциях. Перспективным остается изучение лакунарных эмоций и средств их передачи, попытка объяснения специфики подобных эмоциональных переживаний, разложение таких нечетких лингвокультурных эмотивных образований на элементарные компоненты.

Широкое понимание валентности как способности любых знаков сочетаться друг с другом благоприятствует семантическим изменениям, поскольку содержание слова представляет собой подвижное образование, на которое оказывают взаимное влияние ситуация, условия общения, человек. На примере трех эмотивов-реакций (*нелюбовь, обида, скука*) показана реализация эмоционально-смыслового потенциала слов. Выбор данных реакций обусловлен их сложной природой, широкой представленностью в корпусах письменных текстов.

Проблема кластерности эмоций рассмотрена через языковое опредмечивание кластерности в форме словосочетаний *радостные*, *печальные* и пр. эмоции. Физическая объективация кластерности в тексте подчеркивает необходимость разграничения номинаций базовых эмоций (например, *радость*) и кластерных экспликаций эмоциональных переживаний (например, *радостные эмоции*), когда качественные прилагательные задают оценочный полюс, но не определяют содержание эмоционального переживания.

Положение об амбивалентности нейтральной оценки при сопоставлении последней с элементами положительного и отрицательного полюсов условной

шкалы оценки направлено на акцентирование внимания к проблеме множественности и неопределенности семантики, ее диффузного характера, который конвенция пытается удержать, но творческое действенное сознание пользователя языком «прорывается» через условные нормативные рестрикты.

ГЛАВА 3. ЭКСПЛИЦИТНАЯ ДИФФУЗНАЯ ЭМОТИВНОСТЬ

К условному пространству эксплицитной диффузной эмотивности далее предложено отнести случаи языкового выражения смешанных эмоций, когда в линейное целое объединяются две и более номинации эмоциональных переживаний. В результате создается суммативное эмоциональное понятие, эмоционально-оценочные границы которого размываются, но формальное разделение получившегося финального эмоционального переживания на составляющего его компоненты не позволит определить специфику экспликанта транслируемой эмоции. Вербализация смешанных эмоций, эксплицируемых в коммуникации, характеризуется сложностью построения и функционально-прагматического наполнения, соответствует принципу когнитивной сложности и отражают природу эмоций.

3.1. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций

Считается, что развитие письменности и альтернативных форм коммуникации приводит к синестезии (смешении и синхронности) и синкретичности каналов восприятия [Привалова, 2020, с. 108], что выражается в изменении форм реагирования, экспликации данного типа восприятия, в том числе эмоциональной перцепции. Смешанные эмоции предполагают формальное объединение в единое целое (кластер) нескольких номинаций эмоциональных переживаний (к примеру, любовь и ненависть; радость и восхищение и пр.).

М.А. Варзаева отмечает, что феномен смешанных эмоций не получил подробного изучения в психологии. Понятие смешения сопровождается не только процессом объединения, но и представляет возможность взаимопроникновения эмоций в «неоднозначное бимодальное эмоциональное состояние» [Варзаева, 2010, с. 195]. Поскольку аналогичные смешанные эмоции могут отличаться интенсивностью [Варзаева, 2012, с. 221], можно

говорить о том, что любая номинация и/или дескрипция эмоции (т.е. любое слово как знак эмоции) потенциально характеризуется смешанным моно- или поливалентным характером.

В своем исследовании Д.А. Жгун выделяет признак актуализационной диффузии эмоционального состояния, когда лексическая номинация/дескрипция эмоции может перемещаться (флуктуировать) и переходить условную границу положительное/отрицательное [Жгун, 2022, с. 7]. При рассмотрении смешанных эмоций автор указывает на то, что первичная оценка может сопровождаться появлением вторичной, когда данный процесс переоценки принципиально не ограничен. Образуется смешанная эмоция, под которой понимается одновременное переживание нескольких одно- или разнопорядковых эмоциональных состояний. Отмечается множественность не только переживаемых эмоций, но и мотивов (эмоция – мотивационная основа сознания). Так, положительные эмоции, к примеру, любопытства и приятного возбуждения могут сопровождаться эмоциональным состоянием злости. Пересечение дальних периферий лексем любопытства, возбуждения и злости приводят к образованию новых эмоционально-оценочных обертонов (злость-любопытство, злость-волнение). Смешанная эмоция может быть не только амби-, но и моновалентной, что дополняется интенсификацией оценки (ужас-шок) [Там же, с. 10-18].

В работе О.Е. Филимоновой [2007] в контексте рассмотрения понятия «сложный эмотивный концепт» анализируются смешанные, амбивалентные и сложные чувства. К амбивалентным концептам ученый относит *love-hate*, *pain-pleasure, grief-joy*. Цитируемый автор также делает важные замечания о том, что противоречивые или амбивалентные эмоции, вызываемые некоторой ситуацией-стимулом, могут переживаться и не переживаться говорящим одновременно, а также, что ограниченная сочетаемость слова *love-hate* указывает на стадию формирования данного понятия, еще недостаточно закрепившегося в языковой системе. Синонимом амбивалентных эмоций выступают в этой работе смешанные эмоции: «Рассмотрим эмотивный

микротекст, отражающий и внутреннюю борьбу субъекта противоречивого состояния и большое разнообразие смешанных чувств» [Там же, с. 414]. Далее критерий явной/скрытой вербализации противоречивости эмоции становится основой для разграничения амбивалентных и смешанных эмоций (*awe*); под сложными эмоциями понимается «не объединение разнородных компонентов (эмотивов со знаком плюс или минус), но сочетание более или менее однородных или сопоставляемых, семантически различных, но логически связанных эмотивных понятий» (например, формальное, ритуализированное, этикетное и реальное, истинно переживаемое уважение) [Там же, с. 418].

Отражение смешанных эмоций в языке затрагивается в исследовании Л.Г. Бабенко, которая рассматривает проблему повторной номинации для усиления представления эмоций и их конкретизации в тексте. Данный тип номинации может строиться на основе максимальной (однокоренные лексические единицы) и минимальной семантической близости имен эмоций. Формулируется тезис, что данный тип номинации выполняет экспрессивную и интенсифицирующую функции, а укрупненные выражаемые эмоции становятся более рельефными, эмоциональное переживание удлиняется. Эмоциональное (чувственное) целое, компоненты которого связаны логическим отношением пересечения, становится средством экспликации сложного чувства, способного состоять из близких по тональности (оценке и активности) номинаций эмоций, или комплексного чувства, включающего полярные эмоции [Бабенко, 1989, с. 96-101]. Л.А. Калимуллина в своем исследовании, посвященном наблюдению за исторической динамикой эмотивов, показала, что эмотивная лексика и, шире, эмотивность имеет тенденцию к нечеткости, размытости внешних и внутренних границ [Калимуллина, 2006, с. 6]. Исследователем показано, что древнерусскому языку было свойственно наличие избыточных (параллельных) семантически тождественных форм, что вело к функциональной дублетности – прием «нанизывания» слов, приводящий к нейтрализации дифференциальных сем и унификацию семантики членов однородного ряда [Там же, с. 16].

Неопределенность эмоций в работе Н.В. Могутовой [2002] анализируется через понятия диффузности, амбивалентности, полифункциональности и стяжения. Дифференциальные признаки, лежащие в основе разграничения этих понятий, не становятся предметом исследования. Данные понятия, по всей видимости, действительно имеют общий смысловой компонент ‘неопределенность’, но находятся между собой в отличных или противоположных логико-смысловых отношениях: вероятно, стяжение представляет собой способ образования неопределенных эмоций и не является синонимом (даже родовым, обобщенным обозначением) исследуемого автором понятия. Амбивалентность представляет собой наиболее яркую особенность диффузной эмотивности. В исследовании Н.Н. Орловой предпочтение отдается также термину *амбивалентность эмоций*, под которой понимается их двойственность. Внимание ученого привлекает преимущественно причина появления подобного эмоционального переживания, когда некий сложный объект, в том числе диссонанс между нормой, узусом и конкретной ситуацией, вызывают «несогласованные» эмоции (автор приводит следующие примеры: уважение за работоспособность и одновременное осуждение за вспыльчивость, а также любовь и ненависть в ситуации переживания ревности) [Орлова, 2009, с. 5-7].

Фактический материал показывает, что внутри амбивалентных эмоций необходимо выделять как минимум две их разновидности – собственно амбивалентные (симметрично расположенные на противоположных полюсах шкалы оценки эмоций, т.е. имеющие схожую интенсивность, но противоположную оценочность) и квазиамбивалентные (несимметрично расположенные на полюсах шкалы оценки эмоций, т.е. имеющие отличную интенсивность, но противоположную оценочность). Диффузность эмоций, следуя терминологии Н.В. Могутовой, можно рассматривать как общее понятие для описываемого явления, отличающееся по определенным признакам от амбивалентности. Полифункциональность представляет собой, кажется, более абстрактное, но в то же время лингвистическое явление и

указывает на результат актуализации в речи эмоций. Однако данное понятие имеет широкие логико-смысловые рамки и объединяет множество функций эмотивного речевого акта в целом.

Описывая результаты мониторинга современной языковой среды, окружающей человека, С.В. Ионова и В.И. Шаховский предлагают интересный и новый подход к изучению амбивалентных эмоций: не ставя перед собой задачу отдельного рассмотрения понятия амбивалентной эмоциональности/эмотивности, исследователи указывают на возможность изучения амбивалентных эмоций не только как результата, т.е. реакции, вызвавшей неопределенный стимул в форме противоречивых эмоций, но и как процесса, т.е. взаимодействия стимула и реакции, а не их отдельного рассмотрения, когда, к примеру, отрицательно-оценочный стимул порождает положительно-оценочную реакцию: «Эмоциональная домината личности телезрителя смещается, и на месте естественных реакций на резко негативные стимулы возникают амбивалентные эмоции равнодушия, безразличия, затем интеллектуальные эмоции удивления, интереса, а от них один шаг до явно положительных эмоций удовольствия, наслаждения» [Ионова, Шаховский, 2012, с. 142]. Отметим, что нейтральность как нулевая точка на шкале оценки также амбивалентна, поскольку она вбирает в себя оба оценочных полюса и является положительной характеристикой при сопоставлении с отрицательным элементом или отрицательной характеристикой – при сравнении с положительным.

Ключевым понятием в исследовании В.Н. Карловской [2009] стали полярные (противоположные) эмоции, в ситуациях переживания которых в одном эмотивном микротексте совмещаются и противопоставляются положительные и отрицательные эмоции. При таком понимании встает вопрос о разграничении проблем смешанных эмоций и поливалентной эмотивной тональности коммуникативной ситуации. Основное внимание исследователя фокусируется на смешанных эмоциях, которые ступенчато или скачкообразно реализуются в эмотивном микроконтексте. Важно, что отдельно описывается

явление фальсификации эмоций, когда средствами эмотивной лексики маркируется отношение между истинной и ложной эмоциями.

В силу своей общеупотребительности понятию смешанные эмоции (смешанные чувства, которое в литературоведении используется нетерминологически, что предполагает отсутствие объективных теоретических отличий между смешанными чувствами и эмоциями) отдается предпочтение. Кроме того, данное понятие объективирует и механизм, и результат языковой категоризации подобного эмоционального переживания, когда в рамках словосочетания происходит объединение, как правило, разнооценочных и амбивалентных номинаций эмоциональных состояний, что сопровождается образованием некой суммативной смысловой единицы.

Смешанные эмоции предполагают не только объединение амбивалентных переживаний, но и фузию моновалентных эмоций с разной степенью интенсивности. Как следствие, использование термина *амбивалентные эмоции* становится редукционистским. Термин *смешанные эмоции* аналогично исключает из проблемного поля случаи, например, эмотивных приращений семантики, в том числе у способов номинации и дескрипции эмоций, дискурсивного варьирования оценочного знака и степени интенсивности эмоций, размывания эмотивной семантики слов и пр. Понятие *фузионных эмоций* (от лат. *fusio – литьё*) удобно в плане того, что оно указывает на процесс создания эмоциональных переживаний. Повторим, что речь идет о минимально двухэтапном механизме: объединения и синтеза в целом понятии эмоционального переживания с определенным содержанием и неопределенной смысловой составляющей.

Смешанные эмоции представляют собой соединение в целое либо разнооценочных переживаний, представляющих собой контрарные понятия (любовь и ненависть, радость и печаль и под.), либо разнооценочных, но не контрарных (любовь и грусть), либо однооценочных, но отличающихся интенсивностью эмоций (горе как отрицательное пассивное эмоциональное переживание и ярость как отрицательная активная эмоция).

Исследуемое эмоциональное переживание являет собой целое, которое больше суммы его частей, что и отличает его от обычных словосочетаний, объединяющих номинации эмоций. Однако это не объединение, а создание нового понятия. Если изобразить этот процесс с помощью кругов Л. Эйлера, то «смешанная» эмотивность имеет следующую структуру:

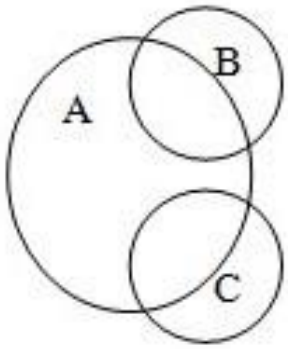

Схема 6. Пример моделирования отношений между компонентами внутри смешанной эмоции

Сферой А условно обозначено родовое понятие («*X испытывает смешанные эмоции*»), а сферы В и С, представляющие собой номинации эмоциональных переживаний (например, *любовь* и *ненависть*), соединяются с гиперонимом на основе семы ‘эмоция’; данная связь между видовыми понятиями опосредована родовым, что изображено в форме непересекающихся окружностей В и С. Однако это не исключает представление о подобном объединении как о целом, неделимом объекте.

По способу категоризации выделяются: **номинация** (*Sa mère, sous le choc d'émotions contradictoires, accourt à son chevet. – Его мать, испытывая смешанные эмоции, прибежала к изголовью //* Le monde. 09.09.2012), **дескрипция** (*J'éprouve à leur égard toutes sortes d'émotions: passion, déception, amour à nouveau. – К ним я испытываю различные эмоции: страсть, разочарование и снова любовь //* Le monde. 10.04.2013), **номинация и дескрипция** (*Реконструированные в Театре ОКОЛО, это время и это место вызывают смешанные чувства – стыда и гордости, сожаления и ностальгии,*

тоски и умиления // Театральная жизнь, 28.06.2004). Интересно, что в отличие от традиционного понимания названной эмоции как эмоции осознанной, а не актуально переживаемой, смешанные эмоции, представляющие собой отклонение от нормы уже в своей конститутивной основе, бросающие вызов конвенции, нарушают и традиционный подход к языковой категоризации эмоций. Так, для описания эмоционального состояния номинацией выступают не случаи именования эмоции (радость, печаль, ненависть и под.), а случаи использования словосочетания «*смешанные эмоции*». Дескрипция являет собой конкретизацию данного словосочетания посредством перечисления имен актуальных доминантных эмоций, испытываемых говорящим (а не описание эмоции, например, страха через бледность, тремор и под.). Таким образом, имена эмоций становятся при выражении «смешанных чувств» средством их описания.

По характеру эмоциональной оценки выделяются: **амбивалентные** (*Toutes se présentent comme un curieux mélange de grandes émotions contradictoires: joies intenses et angoisses existentielles, émerveillement et dégoût devant le corps féminin transformé. – Его эмоции принимают форму интересного сочетания противоречивых переживаний: сильная радость и экзистенциальная тоска, восхищение и отвращение, вызванные изменившимся женским телом* // Le monde. 19.06.2012), **полиоценочные** смешанные эмоции, при образовании которых объединяются разнооценочные эмоции, не представляющие собой контрарных понятий: *Без стука входит восхитительная женщина. Это она. Она мягко отстраняет руки, сжимающие ее в объятиях. Брюнетка ли, шатенка, я не помню. Молодая. Сияющие глаза, в которых слились вместе томность, отчаяние, утонченность, жестокость* (А. Бретон. Надя); *J'aurais été déçue. En colère. Triste. Mais je n'aurais rien fait . – Я могла бы быть разочарованной. Разгневанной. Печальной. Но при этом я бы ничего не сделала* (*A. Nothomb*), **монооценочные** смешанные эмоции, совмещающие однооценочные эмоциональные переживания с разной степенью интенсивности (*Chez*

certaines personnes, cela provoque des angoisses, de la peur ou de la colère, un mélange d'émotions que l'on nomme désormais éco-anxiété. – У некоторых людей это вызывает тревогу, страх и гнев, смесь эмоций, которую отныне именуют эко-тревожность (https://www.ladepeche.fr/2022/04/07/dereglement-climatique-leco-anxiete-une-angoisse-liee-au-futur-de-notre-planete-10220718.php).

Смешанные эмоции, представляющие объединение в единое целое полиоценочных и, зачастую, амбивалентных эмоциональных переживаний, являются мало изученным явлением, несомненно, характеризующим новый этап на пути познания человеком его внутреннего мира. Практически полное отсутствие работ, предметом которых выступили бы смешанные эмоции, повышает уровень актуальности проблемы. Исследователи ограничиваются положениями о том, что наряду с положительными и отрицательными эмоциями необходимо выделять в отдельный класс смешанные эмоции, или о том, что ограниченное число базовых эмоций (обычно варьируется от пяти до десяти) задает своеобразные оценочные рамки бесконечных сочетаемостей, порождающих как уже названные эмоциональные переживания, так и те, для которых специальные номинации еще не были выработаны, но которые не походят на известные, упорядоченные и категоризованные элементы аффективной жизни человека. Примером последних могут выступить неопределенные эмоции, когда эмоциональные триггеры в форме эмоциональных ситуаций являются незнакомыми, вызывают состояние волнения. В результате человек переживает удивление, недоумение, сомнение, интерес, любопытство. При столкновении с данной ситуацией ориентировочное состояние снимается изменением ситуации и трансформируется в эмоционально положительное или отрицательное отношение [Никандров, 2007, с. 46].

Теоретически значимым представляется ответ на вопрос, является ли синтаксически оформленное в рамки словосочетания объединение нескольких номинаций эмоций (к примеру, *радость* и *грусть*) указанием на новое

эмоциональное переживание, не имеющее в языке собственного обозначения, или в данном случае следует говорить об амби- или поликомпонентном комплексном эмоциональном переживании, состоящем из нескольких (около)синхронно испытываемых субъектом эмоций. Другими словами, является ли смешанная эмоция суммой ее компонентов или это суммативное понятие, которое содержательно и функционально больше составляющих ее элементов. Ф. Варела, отвечая на вопрос о том, что некоторая совокупность представляет последовательно возникающие компоненты, т.е. последовательное развитие по отдельности, или это возникновение одновременно от момента к моменту, а разложение на компоненты может быть только искусственным, логически выведенным, опирается на данные нейрофизиологии, которые показывают, что совокупности возникают в комплексе [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 193].

Кажется, что само определение 'смешанный' должно противопоставляться чему-то несмешанному, т.е. однородному. Однородность и гомогенность суть характеристики, свойственные не только языку: это характеристика сложности системы, упорядочивающая ее и тем самым обусловливающая функционирование некоего организованного (т.е. упорядоченного) образования. Однако феноменальность системы заключается не только в изначальной хаотичности и энтропийности ее элементов, но и в возможности упорядочить ее разрозненные составляющие. Для примера обратимся к голосу. Как известно, любой звук, в том числе голосовой, образуется путем звукового колебания (периодичные возбуждения и затухания) в резонансной полости (см.: [Златоустова, 1981]). К данному периодическому звуковому колебанию прибавляются дополнительные гармонические обертоны, накладывающиеся на основной тон или шум. Окрашивание основного («чистого») тона обертонами создает тембр речи [Зиндер, 1979, с. 13]. Интересно, что понятие «высшего» или «верхнего» тона (обертона) частотно используется нетерминологически в работах по поэтике, семантике, семиотике. Так, Ю.Н. Тынянов использовал понятие обертона для

характеристики второстепенных семантических признаков, происходящих из особенностей словоупотребления в определенном контексте [Тынянов, 1977, с. 75]. Вслед за Б.А. Лариным И.В. Арнольд указывала на разницу между словом в словарном значении и им же в художественном произведении, в котором происходит насыщение семантики добавочными обертонами смысла, индуцируемыми текстом [Арнольд, 2002, с. 42]. С.М. Эйзентштейн писал, что образ имеет доминантную тональность и обертоны, которые регулируют возможности образа согласовываться с другими образами и создавать метафору (Прив. по: [Зинченко, 2010, с. 152]). В.В. Дементьев [2006] использует понятие «личностного обертона», которым наполняется первоначальное значение «слова дискурса» (ср: [Карманова, 2010]). В исследовании Е.А. Гришиной понятие обертона применяется к анализу жестов, когда основной жест отличается от жестикуляционного обертона тем, что под последним понимается дополнительный, как правило, факультативный и вспомогательный жест, дублирующий базовую семантику основного жеста [Гришина, 2017, с. 92].

Понятие обертона, несмотря на свою кажущуюся факультативность относительно основного элемента некоего сочетания (будь то голос, жест или семантика слова), обладает ключевой значимостью. Только соединение основного и факультативного элементов индивидуализирует и конкретизирует объект наблюдения вне зависимости от того, идет ли речь о контекстуальном смысле слова или идентификации человека по тембру голоса.

Любой материальный и нематериальный объект действительности, как минимум, потенциально полифоничен. Полифония, как термин теории музыки, при ближайшем рассмотрении означает ансамблевое, хоровое, мультиинструментальное исполнение, совместное музицирование. В конечном итоге, в полифоническом музыкальном произведении все инструменты равноправны, их партии не зависят друг от друга, а каждая партия является самодостаточной и значимой для целостной структуры

произведения [Мюллер, 1988, с. 49]. Уже позднее данный термин был перенесен в лингвистику, а затем трансформировался в одну из основных текстовых категорий – категорию интертекстуальности.

Одним из наиболее простых в силу своей формальной выраженности способов объективации обертонов смысла являются валентности. Единицы разных уровней языка обладают валентностным потенциалом, который может быть явным или скрытым. Если рассмотреть отличие между лексической и семантической валентностями, то в первом случае нужно указать на явную, зафиксированную языком реализацию валентностного или сочетаемостного потенциала слова, тогда как понятие семантической валентности отсылает к постулированию А.Ф. Лосевым [1981] о безграничном смысловом (или логико-смысловом) потенциале слова и его реализация зависит только от внешних, не зависящих от слова, условий (место и время произнесения слова, коммуникативная ситуация, лингвокреативные способности говорящего, уровень развития коммуникативной компетенции слушающего, извлекающего свои личностные смыслы из адресуемых ему слов и пр.).

Слово имеет основное значение и производные от него; на более абстрактном и глубоком уровне в семантике слова наличествуют интегральные и дифференциальные признаки. В любом случае, есть то, что ингерентно присуще и доступно пониманию любого пользователя языка. А.А. Потебня говорил об особой значимости внутренней формы слова, которая зачастую скрыта от пользователя языка. Другими словами, тот самый ствол условного семантического древа слова составляет элемент, который доступен пониманию. Положение о ризоморфной организации семантики слова позволяет дифференциальные и потенциальные семы превращать в основные, становящиеся не производными, а производящими новые смыслы. Последние, в свою очередь, также становятся основными для последующих смысловых операций. Космос имеет древовидную организацию, а хаос – стремится к подобной системе. Однако хаос сам имеет ризоморфную структуру. Хаос, как первичное состоянии материи, диалектичен, поскольку в

нем действуют несогласованные (противоречивые) силы, разнонаправлен, стихиен и динамичен, безмерен, непрерывен; хаос стремится к самоорганизации, а космос, как упорядоченный, структурный абсолют – к деструкции [Арутюнова, 2003, с. 5].

Изложенные выше тезисы относительно неупорядоченной и самодостаточной организации лексической семантики слова соотносятся с понятием смешанных эмоций, которые дополняют привычное конвенциональное представление о языковой категоризации эмоций и конкретизируют предметно-содержательные границы вербальной репрезентации эмоций. М.Е. Конурбаев указывает, что новые когнитивные понятия образуются из объединения двух, трех и более элементов, приводя к созданию качественного нового восприятия – нового когнитивного целого [Konurbaev, 2017, с. 387]. Формально выраженное соединение нескольких элементов эмоционального мира имеет свои особенности и средства экспликации.

Картотека собранных примеров показывает, что смешанные эмоции группируются в моно-, амби- или поликомпонентные кластеры, центром которых выступают как базовые, так и производные эмоции. Под производными эмоциями, вслед за А. Плутчиком [Plutchik, 2001], понимаются эмоциональные формулы (например, *гордость* состоит из *гнева* и *радости*; *любопытство* из *удивления* и *принятия*; *скромность* из *страха* и *принятия*; *ненависть* из *гнева* и *удивления*; *вина* из *страха* и *радости* или *удовольствия*; *сентиментальность* из *принятия* и *горя*).

Анализ примеров смешения базовых эмоциональных переживаний, т.е. смешанные эмоции радости, страха, презрения, гнева, удивления, отвращения и печали, показал, что эмоционально-смысловой контур эмоциональных переживаний размывается и конкретизируется, когда происходит детализация содержания эмоциональных понятий:

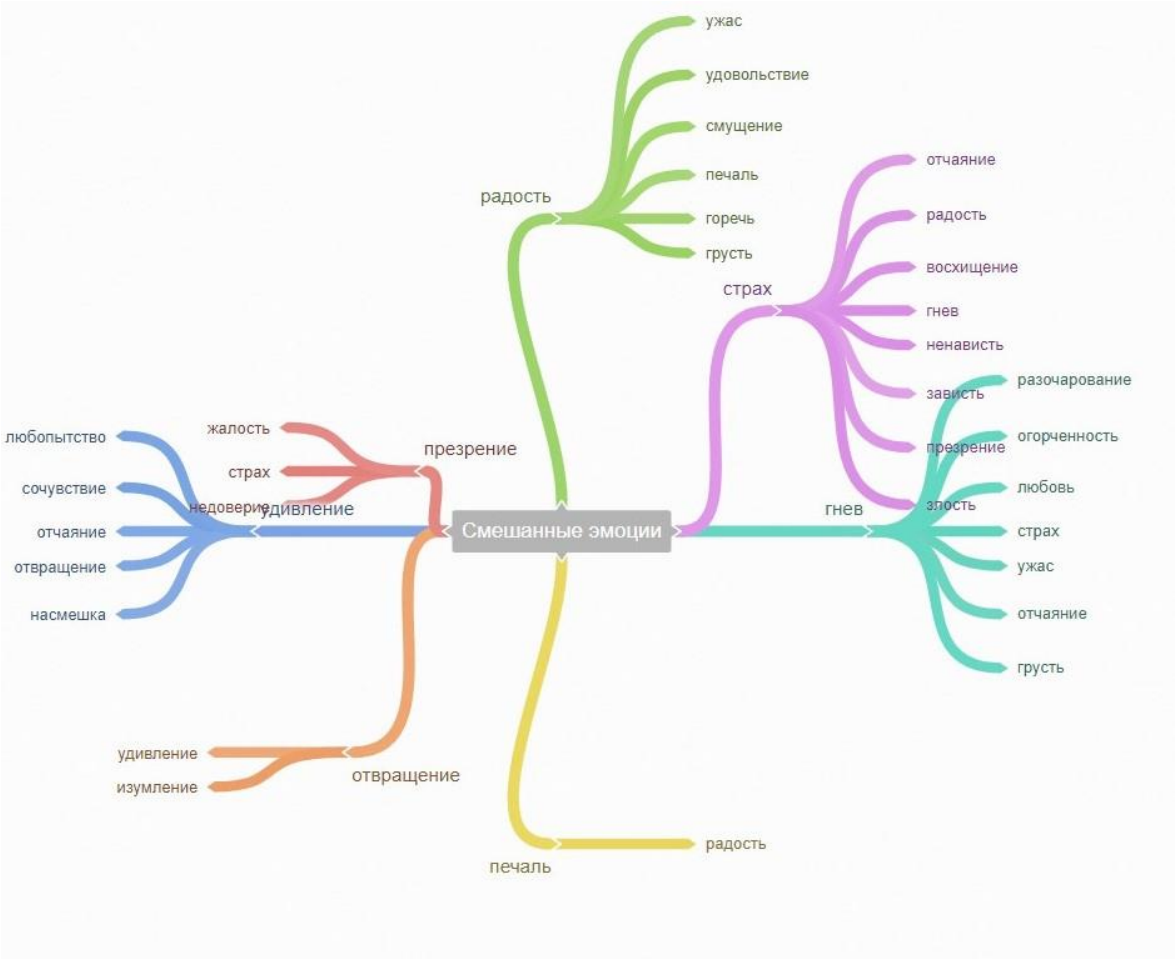

Схема 7. Производные от базовых эмоциональных переживаний номинации смешанных эмоций

Наиболее разветвленную структуру имеют смешанные эмоции *удивления*, *радости*, *страха* и *гнева*. Базовые эмоции могут объединяться в микрокластер с другими базовыми эмоциональными переживаниями (к примеру, смешанная эмоция *страха* и *радости*, *страха* и *презрения*, *страха* и *гнева*, *удивления* и *отвращения*, *печали* и *радости* и пр.). Естественно, что данные кластеры эмоций частотно вступают в логико-смысловые отношения перекрещивания, когда определенная эмоции может выступать как в функции доминанты, так и компонента кластера: смешанная эмоция *страха* и *гнева* VS смешанная эмоция *гнева* и *страха*; смешанная эмоция *презрения* и *страха* VS смешанная эмоция *страха* и *презрения*. Интересно, что кластеры смешанных эмоций, включающие номинации положительно-оценочных эмоций, характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру,

смешанные эмоции *радости*: ‘*радость + ужас, печаль, горечь, грусть*; смешанная эмоция удивления: ‘*удивление + отчаяние, отвращение, насмешка’*).

Смешанным эмоциям с номинациями отрицательно-оценочных эмоций свойственна интенсификация превалирующей оценки (к примеру, смешанная эмоция *страха*: ‘страх + *отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость*’; смешанная эмоция *гнева*: ‘*гнев + огорченность, страх, ужас, отчаяние, грусть*’). Выявленные примеры амби- и моновалентных смешанных эмоций подтверждают известную асимметрию языка в экспликации положительных и отрицательных оценок, когда лексика отрицательной оценки более разнообразна и богата, чем лексика положительной. Данная асимметрия проявляется и в случаях актуализации смешанных эмоций с положительным центром, моно- или поликластеры которых преимущественно отрицательно-оценочные. Аналогичная ситуация прослеживается с кластером смешанных эмоций *любви*: ‘*любовь + гнев, грусть, отчаяние, ревность, нетерпение, огорченность, ненависть*’ VS ‘*любовь + восхищение, доверие, признательность*’) и *ненависти*: ‘*ненависть + раздражение, страх, зависть, злость, ревность*’ VS *ненависть* + ‘*любовь, восхищение’*).

Эмоциональное состояние страха и производных от него, отличающихся более высокой степенью интенсивности, индуцируют смешанные эмоции, т.е. активные эмоциональные переживания провоцируют «смешение чувств», к примеру:

Страх (испуг, ужас) + восторг, брезгливость, нахальство, восхищение, любопытство, удовлетворение.

У Достоевского был (возник вдруг) мистический страх, смешанный с радостью художника: скажу – и будет, и сбудется! (Ю.Ф. Карякин).

Страх, смешанный с гадливостью и ненавистью (А.А. Тарковский).

Именно этот страх, смешанный с яростью, заставит его минутой позже произнести (С.А. Дангулов).

В черных глазах его виделся страх, смешанный с болью и отчаянием, тонкая верхняя губа вытянулась вперед (С.М. Голицын).

В глазах суеверный страх, смешанный с радостью: они уже зрители, а не объект (Р. Кармен).

Наша «чума» – это наглое вранье одних, лицемерие других, нежелание заглядывать в пропасть третьих; это страх, смешанный с надеждой («авось, пронесет»), это тревога, маскирующаяся в беспечность, это бессонницы до рассвета, но это еще – тут угадывается точный и подлый расчет – гибель одних уравновешивается орденами других, это стоны избиваемых сапогами тюремщиков в камерах с железными козырьками на окнах и беспримерное возвеличивание иных: звания, награды, новые квартиры, фото в половину газетной полосы (А.К. Гладков).

Он впервые увидел лицо Шалого, не по годам изношенное, измученное, с крупной трагической складкой поперек лба, и, чувствуя страх, смешанный с жалостью, к этому несчастному человеку, заговорил снисходительно (А.С. Новиков-Прибой).

Тогда ею постепенно стал овладевать страх, физический страх, смешанный с любопытством и дерзостью человека, испытывающего свою судьбу (Ю. Слёзкин).

Понятно, почему я вместе со всеми испытывал пред этим воображаемым «облачком» какой-то необъяснимый страх, смешанный с таким же необъяснимым уважением и изумлением (Н.Н. Златовратский).

Отрицательно-оценочные эмоции частотно вызывают смежные эмоциональные переживания:

На душе стало черно, внутри ворочалась горькая обида, смешанная с невероятным удивлением (Д. Донцова).

В глазах его было даже не презрение, а какая-то брезгливая жалость, смешанная с откровенным удивлением (А. Городницкий).

Отсюда всеобщая ненависть к Америке, ненависть, смешанная с презрением (А.Д. Шмеман).

И индуцирующее, и индуцируемое эмоциональное переживание характеризуются отрицательной оценкой (например, недоверие и страх, гнев и брезгливость) по принципу эмоционально-оценочной прогрессивной ассимиляции, заражения и интенсификации оценочного признака:

Щемящая жалость, смешанная с отвращением, сотрясала Терезу, в то время как дерево, как волосы, стоящие на голове умирающего, вдруг все повернулось к ней, отчаянно вытягиваясь в ее сторону, как будто звало и манило ее отчаянными жалкими жестами и корчами, и вновь кровь текла по нему и, казалось, кипела, ибо дерево сгорало от жажды и молило Терезу приблизиться (Б.Ю. Поплавский).

Старик смотрел на свою гостью, и в его суровую душу закрадывалась предательская жалость, смешанная с тяжелым мужицким презрением к бабе вообще (Д.Н. Мамин-Сибиряк).

Но гордый взор первого вызывал, казалось, на бой судьбу и природу – мрачная улыбка досады, смешанная с презрением, сжимала уста (А.А. Бестужев-Марлинский).

Неизъяснимая грусть, смешанная с какою-то радостью, что-то непонятное для меня изображалось на лице Антиоха (Н.А. Полевой).

Смешанные эмоции, первый компонент которых положительно оценочен, сравнительно менее частотны. Как правило, речь идет о радости, которая сопровождается отрицательно-оценочными эмоциями:

Но радость, смешанная с нетерпением, волновала тебя все больше и больше (И.А. Бунин).

Первое чувство, охватившее мою душу, была радость, смешанная с удивлением, но затем я не мог удержаться, чтобы не покатиться со смеху: до такой степени был комичен этот удалый, красивый, с простреленной грудью наездник, в широком бюргерском сюртуке и цилиндре (П.С. Николаев).

Первый встретивший колымагу и отворивший у ней двери был Фриц, на лице которого, при этом действии, выражалась необыкновенная радость, смешанная с каким-то страхом (И.И. Лажечников).

Минута, смешанная с радостию и ужасом (Д.И. Фонвизин).

На сочетание радости и интереса указывает К.Э. Изард, поясняя, что комбинация данных эмоциональных переживаний лежит в основе любовных отношений. Далее исследователь, со ссылкой на Ст. Шехтера, отмечает, что идентичное физиологическое возбуждение может вызывать и радость, и, к примеру, гнев или любую другую эмоцию [Изард, 2000]. Еще более интересным является взаимонаправленное влияние переживаемых разнополюсных эмоций (например, *слезы радости или горький смех*):

Блай принесла и пирожные для Лин, маленькие миндальные пирожные, покрытые яичным кремом. В руках она держала зеленые билеты, и когда он ей сказал, что Лин умерла, она сперва рассмеялась. Она смеялась, потому что не могла понять, с чего он вдруг вздумал так глупо шутить, она смеялась необычно – рассерженно и отрывисто (Г. Бёлль).

Собранная картотека примеров дополняет известные конвенциональные формы языковой фиксации комбинации *радости* с иными эмоциональными переживаниями (ср. с приведенным выше примером, когда слезы, как маркер преимущественно отрицательного психоэмоционального и/или физического состояния, становятся положительно-оценочными). Так, *радость* может быть *ужасающей*, *смущающей*, *печалящей*, *огорчающей* и пр. Обратное отношение кажется верным, поскольку союз *и* является, в первую очередь, средством образования сочетания, выражающего единое понятие. В то же время данный союз используется для усиления значения или выражения интенсивности проявления признака, качества, количества.

Описание механизмов создания смешанных эмоций позволяет выявить реализацию когнитивных процессов, а наблюдение за формой выражения смешанных эмоций в русском языке – установить скрытые указания на происходящие смысловые модуляции семантики и «расшатывание» конвенциональной категоризованной системы эмоций в языке. Значимым представляется дальнейшая характеристика смешанных эмоций в аспекте не только планов их выражения и содержания, но и в коммуникативной

плоскости с акцентом на прагматическом эффекте использования смешанных эмоций, коммуникативных намерениях говорящего и причинах экспликации именно смешанных эмоций.

3.2. Сложность коммуникативной репрезентации смешанных эмоций

Проблема языковой категоризации действительности соотносится с актуальными и фундаментальными процессами развития общества. Появление новых связей между элементами объективной и субъективной действительности приводит к усложнению упорядоченных систем отражения и преломления окружающих человека процессов. Усложнение и упрочнение межсистемных связей объектов происходит в контексте давления на систему хаоса. Актуализация хаоса (т.е. превращение потенциальной системы в упорядоченное единство) приводит к приобретению конвенциональной системой новых свойств и признаков, на которые система реагирует открытием слотов, заполняемых в зависимости от внешних и внутренних условий развития системы.

Дипластия (вслед за Б.Ф. Поршневым [Поршнев, 2007, с. 437]) представляет собой пример хаоса, когда на объект одновременно воздействует два разнонаправленных раздражителя, что нарушает «конвенциональную» модель поведения, реагирования на внешние раздражители. Принцип дипластии, выражающийся в бинарных сочетаниях, отражает специфику формального выражения и содержательного наполнения смешанных эмоций в аспекте их языковой категоризации.

Преобразование системы (как языковой, так и неязыковой) соответствуют понятию сложности. В психологии когнитивная сложность предполагает сложность структур и процессов организационной деятельности человека, процесса познания, формирования образов восприятия. В соответствии с положением Ф. Варелы, человек как живой организм вдействуется (энактивируется) в окружающий его мир [Матурана, Варела,

2000, с. 102], что приводит к созданию и/или модуляциям в том числе семантическим и эмоционально-смысловым слова в тексте/контексте. Сопряжение телесности человека с окружающим миром представляет путь эволюции, а человек всегда остается ограниченным проложенным им самим путем (например, восприятие через органы перцепции). Однако предельной точки опоры. предопределяющей направление, глубину, особенности взаимодействия со средой не существует: организм и среда окружают, проникают друг в друга и происходят друг из друга в замкнутом круге жизни [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 372, 375].

В социогуманитарных науках человек познающий давно рассматривается не как пациенс, а агенс, творящий свой мир [Князева, 2013, с. 85]. Согласно принципу ситуативности человек одновременно моделируется ситуацией и определяет ее. Взаимодействие человека с окружающей действительностью можно рассматривать в аспекте безграничной сочетаемостной потенции. Человек как знаковое образование контактирует с иными семиотическими единицами, что наделяет продукты данного взаимодействия новыми свойствами. Отмечается, что сознание имеет холистическую организацию, когда уровни эмоционального и рационального мышлений, логики и интуиции взаимосвязаны.

Основными принципами сложного считаются возможность объединения в целое и наличие противоречий. Последние диалектические характеристики обладают созидающим воздействием: противоречия не разрушают, а создают целое, т.е. преобразуют имеющуюся систему или генерируют новую.

Языковая категоризация эмоций человеком имеет линейную структуру, тогда как экспликация эмоций в речи нарушает горизонтальную упорядоченную организацию сферы эмоционального в языке, преобразует, усложняет ее. Изначально, работы отечественных и зарубежных эмотиологов были направлены на попытку инвентаризации средств фиксации эмоций в языке. Одновременно с попытками систематизации средств номинации,

экспликации и дескрипции эмоций появились положения о том, что эмоции дискурсивны, их категоризация характеризуется такими свойствами, как пластичность, объемность, противоречивость и пр. имена эмоций редко используются в абсолютных конструкциях (*Тоска! Какая радость!*) [Калимуллина, 2006, с. 39], где функциональная несамостоятельность номинаций эмоций обусловливает необходимость развернутого характера экспликации эмоционального. Одним из ярких примеров подобной нелинейности эмоций, дестабилизирующей систему их языковой категоризации, является репрезентация смешанных эмоций, несмотря на то, что смешанность – одна из категориальных психологических особенностей эмоционального.

Э. Морен [2005] выступает одним из создателей учения о сложности. Исследователь отмечает, что парадигма сложности не может существовать вне парадигмы простоты. Последняя включает разорванность и редукцию. Данная парадигма отвечает за упорядочивание мира и борьбу с хаосом. Философ указывает, что простота или сведéние безграничных потенций семиотических образований к общему целому не выражает реальности. В парадигме простоты функционирует слепое мышление (*l'intelligence aveugle*), которое разрушает единства и целостности, изолирует объекты от их окружения; подобное мышление лишено способности видеть связи между наблюдателем и наблюдаемым. Построение парадигмы сложности позволяет учитывать синергетические возможности системы, ее стремление к самоорганизации, в которой автономность, индивидуальность, сложность, неопределенность и противоречивость становятся неотъемлемыми характеристиками любого объекта. Сложное мышление состоит из холизма (системности), макро-концептов (созвездия понятий) и отсутствии целостности как неданной и нереализованной потенции. Современному человеку при этом нужно осуществлять мыслительную деятельность в «драматических обстоятельствах», в которых он приговорен к неопределенной мысли, мышлению, пронизанному пустотами, отсутствию уверенности. Только при

таких условиях мышление способно развиваться и развивать пользователя языка.

Эмоции представляют собой гетерогенное понятие, создать их связную классификацию невозможно, поэтому смешанность выступает облигаторным свойством эмоций [Johnson-Laird, Oatley, 1989, p. 101]. Смешанность можно понимать как неопределенность эмоционального спектра, кластерность эмоциональных переживаний, их многофакторность. Т.Н. Яблокова отмечает, что ядром понятия эмоциональной амбивалентности выступают оппозиция, сомнение ментального характера, колебание аффективного характера, замешательство и неясность [Яблокова, 2018, с. 185].

В.И. Шаховский затрагивает проблему смешанных эмоций через феномен ускоренной коммуникации, «когда никому не дано назвать конкретно ни свои переживания, ни переживания коммуникативного партнёра: степень их аппроксимации высока, переживания размыты и потому непонятны» [Шаховский, 2020, с. 42]. В западной традиции [Francis, Hong, et all., 2021] разграничивают смешанные и блендированные эмоции или эмоциональные бленды [Bharaj, Jeon, 2020]. Смешанные эмоции (*mixed emotions*) представляют собой со-переживание разнооценочных эмоциональных состояний, а эмоциональные бленды (*emotion blends* or *blended emotions*) являют собой более общую категорию, куда относится синхронное переживание как амби-, так и монооценочных эмоциональных (возбуждение и гордость, счастье и возбуждение) состояний. Отдельное внимание авторы [Johnson-Laird, Oatley, 1989, p. 92] обращают на сложные эмоции (*complex emotions*), которые, по сути, играют роль дополнительных эмоциональных реакций на эмоциональные переживания (*Если Вы чувствуете сожаление, значит Вы огорчены; Если Вы ревнуете, Вы испытываете ненависть к третьей стороне*). На сложные переживания указывал А.Ф. Лосев, когда рассматривал проблему выражения невыраженного, т.е. образа, содержащего отвлеченную идею; для примера автор ссылается на басню Крылова, где Стрекоза «удручена злой тоской», а при чтении басни у читателя создается

обратное впечатление и не возникает мысль о том, что стрекоза может испытывать сложные переживания [Лосев, 2021, с. 73-74].

Смешанные эмоции [Larsen, Coles, Jordan, 2017] определяются как синхронно или почти синхронно переживаемые относительно короткие положительные и отрицательные эмоциональные состояния. Причина появления смешанных эмоций заключается в амбивалентной ситуации (амбивалентных обстоятельствах), например, столкновение интересов, когда сотрудникам предложено посвящать больше времени работе, но полученную прибыль направлять на благотворительность. Аналогично смешанные эмоции могут быть вызваны осознаваемой взаимозависимостью между достижениями одного лица и неудачей другого. Впрочем, даже определенно отрицательный стимул может индуцировать смешанные эмоции. Это ситуации, когда человек сознательно смотрит трагический фильм, слушает трагическую музыку, где фрагменты, вызывающие сильную эмоциональную реакцию, являются наиболее интересными, т.е. заинтересованность субъекта ориентирована на переживание отрицательно-оценочных переживаний.

Отмечается [Larsen, McGraw, 2011, p. 1098], что смешанные эмоции индуцируются положительно эмоционально окрашенными воспоминаниями (это ситуации переживания радости и грусти о том, что приятные моменты прошлого не смогут повториться). Были выделены условные четыре группы смешанных эмоций радости и грусти: несмежные, смежные, частично совмещенные и полностью совмещенные. Основной вопрос, которым задавались исследователи: можно ли одновременно переживать смешанные эмоции. Постулируется тезис о том, что валентность, т.е. оценочность (в понимании западных психологов), отделима от эмоции (не отделим только сам признак наличия оценки), но при этом положительность и отрицательность - противоположны (т.е. смешанная эмоция может совмещать два знака, но иметь оценочную доминанту).

Среди наиболее часто рассматриваемых в психологических исследованиях смешанных эмоций следует выделить радость-грусть (*happy-*

sad), а также страх и счастье, отвращение и радость, надежду и страх [Berrios, 2015, p. 84]. Постулируется тезис о том, что система эмоций достаточно гибкая и позволяет испытывать и выражать многообразие эмоционального опыта, в том числе через актуализацию одновременной двуполюсности смешанных эмоций. В генетике постулируется тезис о том, что при наличии двух полярных возможностей, где геномная изменчивость связана с признаком X или нейтральна к данному признаку, существует огромный диапазон генов, влияющих в равной степени на фенотип [Таттерсол, де Салль, 2023, с. 70]. Редукционистский подход к эмоциональным переживаниям (их деление на отрицательные и положительные, а также выделение нейтральных единиц) упрощает модель эмоционального картирования действительности, не позволяет выделить всего многообразия эмотивных конструктов, создаваемых в процессе опытного взаимодействия человека с языковой объективацией эмоций.

Механизм построения смешанных эмоций соответствуют принципам линейности. Как правило, при номинации эмоционального переживания, характеризуемого свойством смешанности, прямое обозначение понятия смешанные эмоции сопровождается экспликацией данного эмоционального кластера:

X испытывает смешанные эмоции: эмоция1 + эмоция2(n)

В целое (понятие смешанная эмоция) могут объединяться как одноочеточные, так и амби-, полиоценочные эмоциональные переживания, которые человек пытается эксплицировать недостаточными для коммуникативной ситуации языковыми конвенциональными средствами.

*Столько в них было **обнаженной и безнадежной муки, любви и тоски** (Э.М. Ремарк).*

*И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и **испуг и радость** (Ж. Амаду)*

*Уже на рассвете, перевернув последнюю страницу, Рокфор осознал, что его глаза наполнены слезами **зависти и восхищения** (К. Сафон)*

Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались ***радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение*** *и, что чрезвычайно меня удивило,* ***некоторый ужас*** *(Дж. Уиндем)*

М.А. Вахрушева и С.В. Ионова проблему вербализации смешанных эмоций предлагают рассматривать через понятие осложненных эмоций [Вахрушева, Ионова 2021, с. 29], которые не сводимы к одному конкретному эмоциональному переживанию/состоянию, которые семантически усложнены, в которых составляющие компоненты оказываются на пересечении отличных семантических групп. Указывается, что фузия простых эмоций в одно вербализованное целое свидетельствует о возникновении качественно нового психологического объекта, языковые контуры которого заданы, но содержание данного состояния остается определенным лишь условно.

Проблематичность языковой категоризации смешанных эмоций обусловлена тем, что данная система обладает только внешней организованностью, тогда как на уровне содержания модуляции элементов описания мира эмоций являются безграничными. Когнитивная сложность выражения и описания смешанных эмоций заключается также в том, что данное сложное, зачастую, амби- или поливалентное эмоциональное переживание характеризуется осознанностью и переживаемостью. Выше было указано, что окружающая человека действительность нелинейна, хотя результат языкового отражения действительности имеет линейную структуру. Наблюдения за линейной синтаксической организацией язык-речевых средств выражения смешанных эмоций позволяют выдвинуть предположение о том, что часть смешанных эмоций относится к сфере когниции, а вторая часть – к сфере непосредственно переживаемых эмоций в данный момент времени (подробнее см. далее).

Понятие смешанных эмоций представляется когнитивной доминантой, от которой конструируется и структурируется языковое сознание

относительно области категоризации эмоций. За когнитивную точку отсчета, от которой формируется последующий смысл знания и представления человека о сфере эмоциональных переживаний [Болдырев, 2008, с. 39], следует принимать понятие смешанных эмоций.

3.3. Оценочный полюс имен смешанных эмоций

Смешанные эмоции как один из способов экспликации эмоциональных переживаний имеет достаточно разнообразные формы языкового воплощения. В первую очередь, сущностной характеристикой любой эмоции выступает ее потенциальная амбивалентность. Данная категориальная особенность эмоции совмещается с безграничным эмоционально-смысловым потенциалом любого слова.

В компонентном составе слова имеются облигаторные семы ‘эмоция’ и ‘оценка’, которые либо относятся к ядерной, либо к периферийной зонам. Расположение сем ‘эмоция’ и ‘оценка’ в ядерной зоне семантики слова (к примеру, когда речь идет об эмотивах в статусе аффектива или коннотатива) не исключает возможности актуализации у данного слова дополнительной скрытой эмотивности на основе аналогичных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’, относящихся к периферии. Данное положение обусловливает безграничные эмоционально-смысловые модуляции слова.

Известно, что аффективы (подробнее о классификации эмотивов см.: [Шаховский, 1988]), к которым относятся бранные слова и междометия могут терять свою воздействующую составляющую, что вынуждает говорящего использовать иные более экспрессивные способы выражения эмоционального состояния/переживания/отношения. А.А. Потебня указывал, что «междометие уничтожается обращенной на него мыслью» [Потебня, 1999, с. 83], реакцией на подобную привычность и осознанность использования междометия

становится появление новых междометий, расширяющих парадигму обозначения одной и той же эмоции.

Отличительной характеристикой смешанных эмоций является то, что данный способ выражения эмоционального переживания предполагает объединение в линейное целое двух и более номинаций эмоций.

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд).

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свернутые, как злая пружина (Р. Арундати).

Ослепительно яркие голубые глаза Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт).

Данные эмоции могут быть как моно-, так и поли-, а также амбивалентными.

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Обо всем этом вспоминал Тертулиано Максимо Афонсо, в душе которого боролись восхищение, неприязнь и опасная нежность (Ж. Сарамаго).

Еще совсем недавно, по ту сторону страха и отчаяния, они были тверды как скала, и это давало тупую силу их упорству (Э.М. Ремарк).

Я не имею в виду память об отце. Я имею в виду все остальное - страх, безнадежность, ненависть (Э.М. Ремарк).

По форме лексические средства выражения смешанных эмоций образуют сочиненные члены, которые располагаются контактно и не разделяются другими словами. Частотно смешанные эмоции оформляются в словосочетание с союзом *и*, близким по значению конъюнкции в логике. Конъюнкция, которая может быть бинарной, тернарной или n-арной, является логической операцией, образующей сложное высказывание из двух высказываний. Образованное сложное высказывание истинно тогда и только тогда, когда истинны все входящие в него высказывания, и ложно во всех остальных случаях. В некоторых случаях в естественных языках

сочинительная связь приобретает факультативные смыслы: не просто объединение двух элементов, но еще и последовательность, противительность, указание на то, что вторая часть выступает следствием второй [Санников, 2008, с. 45-46]. В.З. Санников указывает, что в конъюнктивных высказываниях элементы распределяются внутри некоторого множества, когда само распределение внутри этого множества вариативно и никак не задается [Там же, с. 46].

Во многих случаях порядок слов в сочиненных конструкциях является интенциональным, неслучайным и не подлежащим изменению. Это касается не только сочинительных союзов с семантикой равноценности или неравноценности (*не только... но и; но... да и; не то что... а и пр.*), но и «нейтральных» сочинительных союзов. В последнем случае последовательность компонентов определяется «имеющимся у говорящего представлением о “нормальном” порядке событий или объектов действительности» [Санников, 2008, с. 165-167]. Как следствие, порядок слов в сочинительной конструкции может либо отражать реальную последовательность событий (к примеру, статичные глаголы всегда предшествуют динамичным), либо иметь условный ситуативно обусловленный характер (порядок чисел натурального ряда, утверждаемое и отрицаемое, нормальное и ненормальное, этикетное расположение в препозиции обращений к женщинам, а затем – к мужчинам). Выявлено также, что первая позиция в сочинительной конструкции связана с чем-то более престижным, значимым, важным [Там же, с. 171].

В образуемом с помощью сочинительной связи экспликанте смешанной эмоции можно выделять препозицию эмоционального центра и постпозицию оттенков превалирующего эмоционального переживания. Поэтому последующие компоненты вербализации смешанной эмоции выступают в функции определения центра, а весь комплекс номинаций эмоциональных переживаний определяет характер смешанной эмоции. Объединение в сочинительной конструкции может указывать как на сумму, так и на

суммативность связываемых в единое целое элементов. К примеру, словосочетание *Паша и Маша* является примером суммы элементов, где, как показано выше, более значим первый элемент. В зависимости от контекста и подтекста данное словосочетание может подвергаться смысловым модуляциям: либо это два независимых лица, либо это, к примеру, семейная пара, в которой один элемент предполагает наличие второго, где один элемент после начала семейной жизни приобрел некоторые новые качества от взаимодействия с другим и, в результате, частично изменился. В случае объединения в целое номинаций двух и более эмоций происходит образование суммативного понятия с центром (пиком), смысловые границы которой размывают дополнительные элементы словосочетания.

Анализ собранной картотеки примеров показывает, что кластеры смешанных эмоций с номинациями положительно-оценочных эмоций в препозиции характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, ‘радость + ужас, печаль, горечь, грусть’; ‘удивление + отчаяние, отвращение, насмешка’). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной препозицией свойственна интенсификация превалирующей оценки (‘страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость’; ‘гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть’). Количественно отрицательные смешанные эмоции частотнее, чем положительные. Данные наблюдения подтверждают положение об асимметрии положительной и отрицательной оценки в языке [Ионова, Штеба, 2019].

На когнитивном уровне для человека более значимыми являются отрицательно-оценочные события, поскольку последние связаны со страхом, опасностью, тогда как положительные представляются менее стрессогенными (ассоциации с безопасностью, защищенностью). Соответственно, большее внимание уделяется отрицательным, а не положительным событиям [Liebrecht et all., 2019, p. 171-173]. Отрицательная оценочность воспринимается как более сильная по сравнению с положительной, интенсивность вследствие присоединения к положительно- или отрицательно-

оценочным лексическим единицам разного рода качественных атрибутов воспринимается как более активная у положительных, но не отрицательных слов [Idem, p. 181].

Согласно принципу Поллианны [Boucher, Osgood, 1969] отрицательно-оценочные высказывания воспринимаются как более сильные, экспрессивные, воздействующие, чем положительные. Данный принцип заключается в том, что человек на подсознательном уровне активнее реагирует на положительные события, однако на сознательном уровне - акцентирует внимание преимущественно на негативных событиях (вероятно, по причине уже указанной ранее связи отрицательно-оценочных ситуаций со страхом, незащищенностью, опасностью).

Интересно, что в смешанной эмоции также выделяется две составляющие. Линейно постпозитивная часть смешанной эмоции либо амбивалентна (со знаком ‘минус’), либо интенсивнее препозитивной (например, *любовь и ненависть, радость и грусть, страх и ужас*). Как следует из принципа Поллианны, на подсознательном уровне человек стремится к позитивизации, окружению себя положительно-оценочными событиями, но на сознательном – фокусируется на негативных событиях, поскольку подобная ориентация на отрицательные события позволит либо лучше к ним подготовиться, либо избежать их и, в итоге, остаться в комфортном пространстве положительного.

Полюс отрицательной оценки отдален от нуля на гораздо большее расстояние, чем положительной [Шаховский, 1983, с. 33]. В статье [Baumeister, et all., 2001] приводятся аргументы в доказательство гипотезы о превалировании отрицательно-оценочного на примере реакций на информацию, память, социальные отношения, развитие ребенка, учебу, эмоции и пр. У человека развита большая адаптивность к отрицательному, чем к положительному. Люди, которые ведут себя неприятно, вызывают активные отрицательные реакции окружающих, когда обратное положение не является верным. Поскольку отрицательные эмоции сильнее и важнее (в частности, для

выживания), они должны быть более репрезентативными в языке. Как следствие, в языке содержится больше слов для отрицательных эмоций, чем для положительных [Idem, p. 331]. Показано, что респонденты, которым предлагалось составить список наиболее частотных эмоций, включали в данный перечень преимущественно номинации отрицательных эмоций. В то же время скорость реакции на положительные слова выше, чем на отрицательные или нейтральные, что указывает на врожденную склонность людей быть более предрасположенным к положительным эмоциям, связанным с состоянием счастья, благополучия, процветания, а также способствующим улучшению социальных связей [Mergen, Kuruoglu, 2023].

Выше представленные наблюдения о природе отрицательной и положительной оценки отсылают к магической функции языка, которая опирается на веру человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [Киклевич, 2009, с. 8]. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, человек пытается избегать использования некоторых слов, руководствуясь принципом воздействия словом на предмет, т.е. активизацию данного предмета, но, с другой, используя синоним, увеличивает парадигму лексических единиц, включенных в лексико-семантическое поле с доминантой в форме табуированного элемента.

Как указывает С.В. Ионова, синтетический способ объективации эмоций принимает форму «укрупнения эмотива». Экспликация эмоций языковыми средствами не должна сводиться к «механическому исчислению знаков эмотивного кода» [Ионова, 2023, с. 22]. Подобный аналитический подход к вычислению эмоциональной направленности сложного эмотива затруднен еще и потому, что суммировать нужно разнопорядковые элементы, оценочные полюсы которых, как правило, противоположные. Смешанная эмоция – суммативное образование, в котором сумма больше его частей. Однако в случае, если говорящий характеризует свое состояние как

смешанную эмоцию любви и грусти, неопределенным является оценочный центр.

Эмотивные знаки объединяются в вербальные, авербальные и вербально-авербальные эмотивные комплексы. Среди эмотивных комплексов выделены согласованные и несогласованные, где первый тип эмотивных комплексов характеризует сочетание эмотивов одной группы эмоций, а второй (несогласованный) – эмотивов разных групп эмоций [Мркаич, 2022, с. 7], что может быть использовано как идентификационный признак симуляции говорящим эмоций. Также положение о (не)согласованных эмотивных комплексах соотносится с представлением о сложной комплементарной организации эмоциональных переживаний.

Интересен также и вопрос о ситуативном эмоционально-оценочном центре смешанных эмоций. В своем учении о доминанте А.А. Ухтомский писал, что на процесс создания доминанты как рабочего принципа нервной системы влияет накапливание возбуждения в определенной группе центров [Ухтомский, 2002, с. 48], что приводит к неравновесности нервной системы. Как следствие, конец доминанты представляет собой разрешающий акт, при котором порожденный доминантой цепной рефлекс дойдет до разрешения. В аспекте смешанных эмоций, представляющих собой способ выражения эмоционального переживания, доминанта выступает не одним (или несколькими) из названных эмоциональных состояний смешанных эмоций (к примеру, доминанта смешанной эмоции «любовь и **ненависть**» - ненависть), а собственно полученное смешанное эмоциональное переживание. Значимым для говорящего является не указание на доминирующее в смешанном переживании эмоциональное состояние, а нечеткий (смешанный) характер этого переживания. Как было отмечено ранее, препозитивный компонент смешанного эмоционального переживания является осознанным, а постпозитивный (дополнительный) – непосредственно переживаемым. Комплементарный компонент осознанной эмоции конкретизирует первый и

смещает его на условной шкале эмоций в иную плоскость – коммуникативное пространство диффузной эмотивности.

На интуитивном уровне писатели ощущают как процесс образования эмоций, так и необходимость номинации смешанных эмоций более экономичным и точным способом:

Кеша мог поклясться, что при виде голой Мэрилин на ее лице мелькнула ухмылка – в конце концов, сестричка отражала его эмоции, а презрение и есть перевернутое отражение стыда (В. Пелевин).

Приведенный пример соотносится с современными представлениями психологов, полагающих, что тысячи оттенков эмоциональных переживаний обусловлены смешением двух и более фундаментальных эмоций. Так, соединение радости и одобрения образует любовь, а отвращение и гнев – ненависть. Результат подобного смешения эмоций называют первичными диадами [Plutchik, 2001, с. 346].

Поскольку художественная речь моделирует естественное общение, а в устной коммуникации позиция ремы тяготеет к началу высказывания, то первый элемент смешанной эмоции может рассматриваться как центр или доминанта. Так, наблюдается одновременная активация сферы рационального и эмоционального. На прагматическом уровне говорящий получает возможность выразить свое отношение/состояние и предоставить рационализированную эмоцию, экспликация которой может служить обоснованием ощущения/переживания доминантного эмоционального состояния, превратиться в опору для совместного конструктивного выхода из возможного конфликта, если эмоциональный центр будет оценен адресатом отрицательно. В подтверждение сказанного относительно позиционного анализа при определении центра смешанных эмоций обратимся к следующему примеру:

Она ошеломленно смотрела на любовников со смесью изумления и отвращения, потом выдавила:

- Где Хасинта? (К.Р. Сафон).

Эмоциональное состояние изумления является соматическим препятствием для речевой коммуникации, тогда как отвращение (рациональная эмоция) и описываемый автором способ произнесения реплики (*выдавливать*) стимулирует речепорождение персонажа. Следовательно, в представленном примере доминантой смешанной эмоции является изумление, а отвращение выступает семантическим конкретизатором данного сложного эмоционального концепта.

Со смешанным чувством иронии и любопытства мы согласились на предложение Бобби поехать из Аризоны в Нью-Йорк на машине (М. Канингем).

Сейчас я испытываю калейдоскон эмоций. Боль и ярость, грусть и сожаление смешались и накрыли меня. И в этот момент я ощутил надежду (Дж. Эшер). Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение и, что чрезвычайно меня удивило, некоторый ужас (Дж. Уиндем).

Несмотря на комплексный характер выражения таких эмоциональных переживаний, понятие одновременности, синхронности, с которой человек испытывает эмоции, является условным (одна эмоция опережает другую). Отсроченность во времени, вербализуемая с помощью линейного развертывания высказывания, оформляемого, как правило, сочинительными союзом *и*, предполагает возможность рассмотрения данных словосочетаний как независимых эмотивных реплик. Внутри данных реплик можно выделить позицию известного и нового, коммуникативно значимого компонента. Постпозиция соответствует процессу рационализации эмоционального опыта говорящего. Вне зависимости же от центра и его лексико-семантических конкретизаторов смешанная эмоция представляет собой попытку не имеющей соответствий в языке категоризации эмоционального опыта индивида.

В теории актуального членения предложения особое значение имеет шкала коммуникативного динамизма (по Я. Фирбасу [Firbas, 1974; 1992]). Данная шкала включает в себя элемент с низкой коммуникативной

значимостью (тему), переход, остаток перехода, остаток ремы и непосредственно рему. Рассмотрим следующий пример:

Разумеется, воздух, что же еще! – сказал он, ***смешивая жалость с презрением*** *(Э.М. Ремарк).*

Постпозитивный элемент данного примера являет собой рему приведенного примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделен на подблоки, состоящие из темы («*смешивая»*), перехода темы («*жалость»*) и ремы («*презрение»*). Несмотря на то, то информативная важность членов предложения может быть различной даже при восприятии одного и того же члена предложения разными адресатами [Крылова, 2018, с. 16], к основным приемам выражения данной информативной значимости относят порядок слов, интонацию и лексико-морфологические средства. По причине того, что предложения развертываются линейно по принципу от общего к частному, первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй - как переход темы, т.е. на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность и несоотносимость с привычными средствами экспликации эмоций. Соответственно адресант выбирает рационализированный способ описания эмоционального переживания/отношения/состояния. Однако на этапе перехода темы в линейную форму выражения эмоции добавляется собственно эмоциональный компонент, который и является «передатчиком» и актуализатором хаоса в системе категоризации эмоциональной действительности. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости.

Рематическая часть предложения может расщепляться на подремы с контекстуально идентичной информативной значимостью:

Десять дней постоянных разговоров, душевных мук, неуверенности, обвинений, претензий, уговоров, издевок, смирения, цинизма, страха, крика, долгого невыносимого глухого молчания, истерик, вопросов без ответов, ответов без вопросов, внезапных прощений, новых обвинений, плача, смеха сквозь слезы, сжатых кулаков, бессилия, уходов с хлопаньем дверью и возвращений, упадка духа, эйфории, но прежде всего и главным образом – его усиленного поиска любых зацепок, позволяющих не расстаться с надеждой. <...> Весь этот водоворот противоположных эмоций, унижающих друг друга жестов, нелогичного поведения, противоречивых сигналов, где каждый последующий сигнал опровергал информацию предыдущего, был скорее средневековым орудием истязаний, чем попыткой выбраться из темного и холодного колодца (Я. Вишневский).

В представленном выше примере целое в виде кластера поливалентных эмоциональных переживаний организуется в формально линейную единицу, для которого не имеется системного и предзаданного нормой обозначения. Говорящий способен лишь частично дать когнитивную (рациональную) оценку своему эмоциональному переживанию, которое он конкретизирует с помощью номинаций эмоциональных состояний, синхронных моменту речепорождения.

Нами был проведен опрос респондентов (общее количество – 100 человек, возраст – от 20 до 50 лет, дифференциация по половому признаку не учитывалась), касающийся представления носителей языка о сущности и специфике феномена смешанных эмоций. Результаты опроса показали, что бóльшая часть опрошенных (более 80%) под смешанными эмоциями понимает объединение в рамки словосочетания номинаций противоположных эмоциональных переживаний (к примеру, любовь и ненависть, радость и печаль).

На вопрос о том, какая вторичная номинация эмоционального переживания может быть добавлена к названной (первичной), респонденты дали следующие ответы: эмоция радости сочетается с эмоциями печали или

горечи, эмоция отвращения с эмоцией изумления или удивления, эмоция страха с эмоцией восхищения. Интересно, что в последних двух случаях образуется сложное эмоциональное переживание с неопределенной доминантой, когда отвращение или страх задают устойчивую отрицательную эмоционально-оценочную составляющую, но данная коннотация погашается или нейтрализуется субъективной притягательностью объекта наблюдения (сочетание с эмоциями удивления или восхищения).

Преимущественно ответы респондентов показали, что на уровне плана выражения в постпозиции располагается номинация отрицательно-оценочных эмоций: смешанная эмоция радости и ужаса, любви и ненависти, удивления и страха. Также респондентам был задан вопрос относительно общей эмоциональной тональности (эмоциональной доминанты) смешанных эмоций страха и радости, удивления и отвращения, радости и отвращения, печали и радости, радости и ужаса, отчаяния и радости, отвращения и восхищения. Результаты опроса частично подтвердили выдвинутое нами предположение о том, что формальная структура образования и выражения смешанной эмоции отражает прагматическую характеристику данного эмоционального переживания, когда эмоциональную доминанту задает второй элемент (постпозиция) смешанной эмоции, а первый элемент представляет собой когнитивно воспринимаемый, а, значит, непосредственно не переживаемый эмоциональный фон. Поэтому в смешанных эмоциях страха и **радости**, печали и **радости** эмоциональная доминанта респондентами определена как положительная (64%). Формально подобный высказанному выше аргумент может объяснять определение респондентами отрицательной доминанта таких смешанных эмоций, как удивление и **отвращение**, радость и **отвращение**, радость и **ужас** (78%), т.е. в постпозиции располагается номинация отрицательной эмоции, что обусловливает отрицательную доминанту сложной смешанной эмоции. Однако как преимущественно отрицательную респонденты определили эмоциональную доминанту следующих сложных

смешанных эмоций: отчаяние и радость (отрицательная доминанта – 66%), отвращение и восхищение (отрицательная доминанта – 76%):

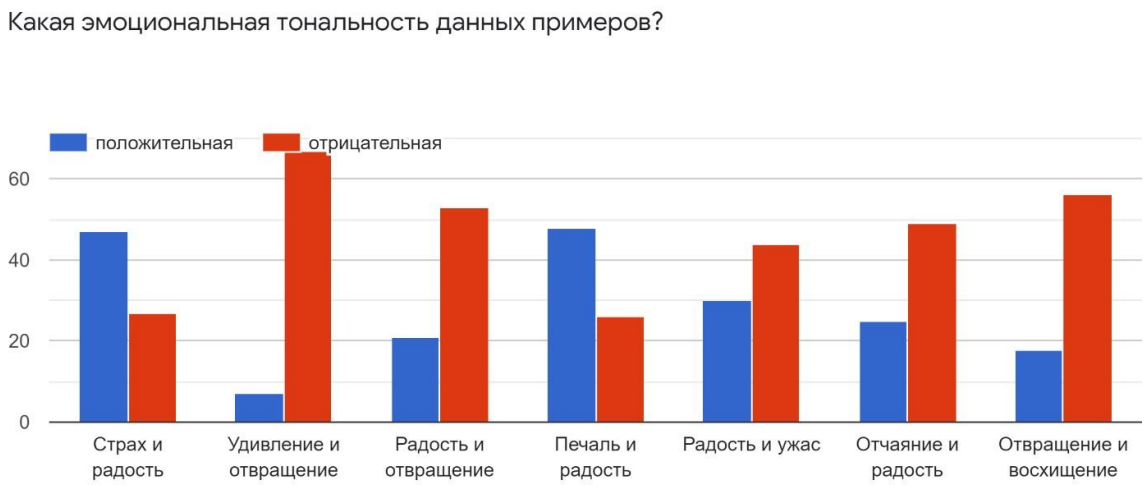

Схема 8. Результаты проведенного опроса

Данные результаты опроса показывают, что помимо структурного критерия определения эмоциональной доминанты той или иной смешанной эмоции необходимо учитывать содержательный уровень организации данного сложного эмоционального переживания. Так, эмоции отчаяния и отвращения сравнительно интенсивнее (активнее) радости и восхищения:

ОТЧАЯНИЕ – состояние ***крайней*** *безнадёжности, безвыходности.*

ОТВРАЩЕНИЕ – ***крайне*** *неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.;* ***Сильное*** *чувство неприязни, соединенное с брезгливостью; омерзение.*

РАДОСТЬ – чувство удовольствия, ощущение ***большого*** *душевного удовлетворения.*

ВОСХИЩЕНИЕ – ***высшая степень*** *удовлетворения, удовольствия от чего-л.; восторг.*

При дефиниции отчаяния и отвращения используются усилительные прилагательные и наречия (*крайне*, *крайняя*, *сильное*). Отвращение в своем словарном определении совмещает неприязнь и брезгливость. Следует также отметить, что среди смысловых компонентов радости и восхищения присутствуют интенсемы ‘*большой*’, ‘*высший*’. Однако наряду с универсальной дихотомией положительных и отрицательных эмоций в

эмотивной лингвистике и психологии существует положение о том, что отрицательных номинаций сравнительно больше положительных, когда язык подробно и детально, в первую очередь, категоризует те элементы объективной и субъективной действительности, которые обладают отрицательной оценкой [Шаховский, 2008; Муллагаянова, 2010 и др.]. Ф. Гиренок указывает, что всякое чувство амбивалентно, когда монотонное повторение одного и того же убивает чувство [Гиренок, 2012, с. 56]. Как следствие, интенсивная отрицательная эмоция оживляет известное эмоциональное переживание, активизирует его и задает эмоциональную тональность целой смешанной эмоции вне зависимости от формального расположения конститутивных элементов.

Поскольку среди базовых эмоций положительно-оценочные эмоциональные состояния являются гораздо менее частотными, была рассмотрена количественная представленность словосочетаний, одним из компонентов которых являлась номинация эмоции радости (и ее словоформы), а другим – имена отрицательно-оценочных эмоций. Учитывалось место расположения положительно- и отрицательно-оценочных эмоций в данных словосочетаниях. Анализ Национального корпуса русского языка (основной подкорпус) дает следующие результаты:

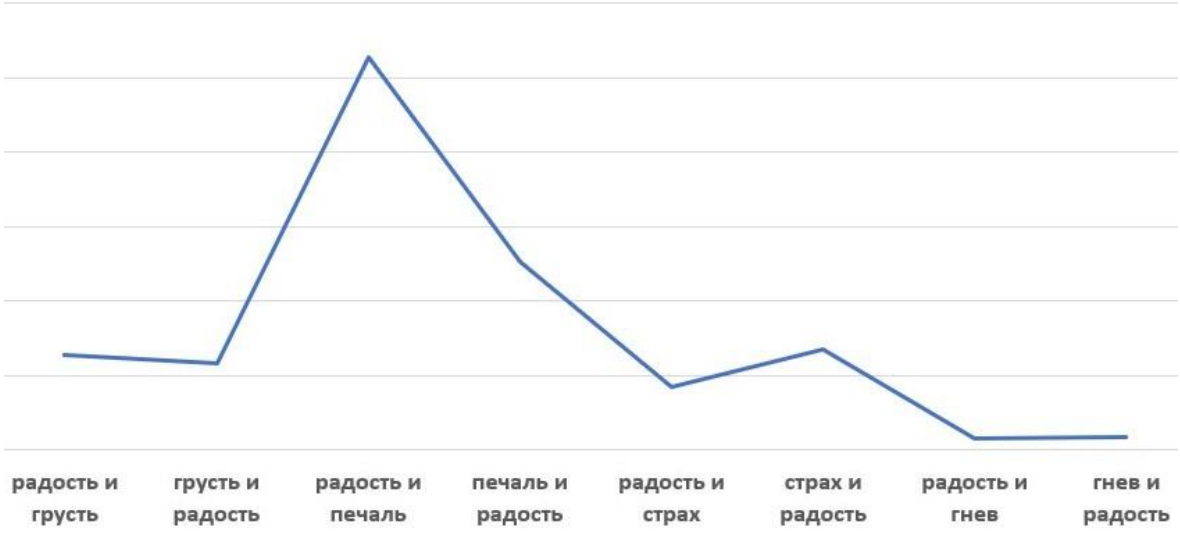

Схема 9. Количественная представленность словосочетаний с компонентом ‘радость’ (включая словоформы)

Отраженные на графике данные указывают, что более частотно радость располагается в постпозиции относительно номинаций отрицательных эмоций (страх и радость; гнев и радость). Исключениями являются смешанные эмоции радости и печали, радости и грусти. Однако расположение в данных словосочетаниях элементов носит, скорее, формализованный характер. Заметим, что по результатам НКРЯ словосочетание *любовь и ненависть* (и их словоформы) встречается в 141 примерах (*ненависть и любовь* – в 49), словосочетание *добро и зло* (включая словоформы) – в 2789 примерах относительно словосочетания *зло и добро* (270 примеров). Словосочетания *радость и грусть*, *радость и печаль* имеют форму фразеологического сочетания, конститутивные элементы которого занимают позиции внутри словосочетания не свободно, а по причине сложившейся условности. Такая частичная идиоматичность ограничивает свободные рамки сочетания элементов.

Как писал Г. Гийом, современная наука характеризуется редукционистским взглядом на языковые явления, когда основное внимание фокусируется на «чрезмерном углублении в сторону наблюдения физических средств экстериоризации языка» [Гийом, 1992, с. 73]. Значимым же является не только формальная сторона выражения, но и содержание, т.е. причина и цель происходящих языковых процессов. Другими словами, в ходе наблюдения за языковыми процессами нужно наблюдать переход от ментального к физическому и анализировать скрытые (интериоризованные) ментальные процессы, сопровождающие экстериоризацию. Выбранный для данной работы эпиграф отражает, на наш взгляд, природу и характер смешанных эмоций, поскольку они одновременно определяют и обозначают собой принципиально новый в силу своей формальной выраженности этап на пути языковой категоризации эмоций. Экспликация смешанных эмоций позволяет непосредственно наблюдать за внутренними, скрытыми процессами эмоционально-смысловых приращений и модуляций семантики слов, когда

сущностные особенности эмоций получают свое физическое отражение на уровне плана выражения.

На примере языковой категоризации смешанных эмоций можно показать, что в ее структуре совмещается эмоциональный и рациональный компоненты (собственно бессознательный и осознанный) с тяготением к полюсу отрицательных эмоций. Феномен смешанных эмоций и их языковой категоризации относится к парадигме когнитивной сложности по ряду таких факторов, как нелинейность, противоречивость, системность, данность восприятию, но неданность определенному языковому выражению. В смешанных эмоциях мы видим процесс усложнения отражения эмоций в языке, что сопровождается модуляциями конвенциональной системы экспликации эмоций.

3.4. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций и перевод их вербализаций

Размышляя о проблеме сохранения и передачи эмотивности в исходном языке и его переводе, В.И. Шаховский подчеркивает, что любой язык способен к трансляции любого семантического содержания, но это не гарантирует стопроцентных совпадений при выражении эмотивной составляющей [Шаховский, 1983, с. 72]. Последнее верно для эмоционально-смыслового содержания слова, где доступными для перевода являются аппроксимативные границы текста, но текст перевода всегда останется градуируемой по степени выраженности единицей, генерализацией относительно коммуникативного намерения автора текста на исходном языке.

Считается, что при переводе наибольшие затруднения вызывают случаи дескрипции и экспликации эмоций в тексте, поскольку косвенное описание эмоций предполагает более широкое пространство выбора переводческого решения по сравнению с номинацией эмоций [Гацура, 2020, с. 241]. К примеру, при передаче эмоционального содержания художественных текстов с английского языка на русский фразы на языке перевода становятся более

развернутыми, описание расширяется, детализированность увеличивается [Петрова, 2019, с. 246]. Сопоставительный анализ оригинала и перевода произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» в аспекте особенностей перевода кластера эмотивов с центром *радость* показал, что из выделенных 66 эмотивных средств выражения радости в тексте оригинале в переводе романа сохранено только 34 эмотива [Мезенцева, 2016, с. 79-80].

Выделены также критерии успешности перевода эмотивной лексики: учет не только эмоциональной, но и денотативной макрокомпоненты значения, создание контекстуальных границ, необходимых для выполнения необходимой прагматической функции, подбор средств компенсации потери в случае отсутствия эквивалентной лексики [Смирнова, Попова, 2023, с. 245]. При переводе эмотивной лексики важно сохранить прагматическую составляющую. Данное условие накладывает на переводчика особую ответственность на внимательное отношение к тексту на лексико-грамматическом уровне [Попова, Лебская, 2021, с. 75]. Представлена концепция эмоциональной составляющей текста как конструктивно-содержательно значимого компонента перевода, когда эмоциональная доминанта текста играет смыслообразующую роль в процессе переводческой деятельности: эмоциональная доминанта регулирует синергетические процессы, направляет континуум рефлексивных векторов сознания переводчика при воссоздании доминантного личностного смысла [Роговская, 2004, с. 3-4].

Проблема передачи эмотивной маркированности художественного текста в переводе рассмотрена на примере сопоставления романа Ж.-П. Сартра «Тошнота» с использованием понятия герменевтического «круга» [Морозкина и др., 2018]. Поскольку в процессе художественного перевода эмотивность является одной из важнейших функционально-семантических категорий, но актуализация эмоционально-смыслового пространства в тексте всегда подвижна и гибка, применение герменевтического «круга» позволяет

выявлять доминирующие типы для каждого значимого текстового эпизода. Высказывается тезис о том, что передача базовых эмоций в процессе перевода представляет меньше трудностей для переводчика, чем социализированные эмоции, для которых нужно учитывать этнокультурную специфику, которые культурно обусловлены. Герменевтический «круг» включает в себя четыре этапа: предпонимание эмоционально-смыслового содержания; выбор ключевых эмотивно маркированных текстовых эпизодов; выявление эмотивных средств и создание герменевтических «кругов» на основе эмоциональных доминант; формулирование герменевтической «сферы» эмотивности на основе выделенных эмоциональных доминант. В результате передачи эмотивного содержания доминанта сохраняется, средства ее объективации варьируются (к примеру, эмоциональное переживание разочарования и неприязни обобщается и редуцируется до генерализованного отрицательного эмоционального фона).

Значимость передачи эмоциональной составляющей в переводе важна, поскольку речь идет не только о выражении эмоций, а об индуцировании у реципиента планируемой эмоциональной реакции. В.В. Катермина указывает, что для художественного перевода значимо как сохранение стилистической окраски слова, так и передача нетрадиционности формы [Катермина, 2016, с. 90], форма становится семантичной и прагматичной, активирует скрытые рефлексивные векторы слова.

Такие особенности смешанных эмоций, как их суммативность, динамичность, амбивалентность, неопределенность, приводят к трудностям интерпретации и декодирования не только в аспекте повседневной коммуникации, но и на практическом уровне, к примеру, при переводе текстового фрагмента, содержащего смешанную эмоцию, с одного языка на другой.

Далее будут анализироваться фрагменты текстов на иностранном языке и их официальные версии переводов. Так, в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» смешанная эмоция *ужаса* и *утешения* (*Vergessen. Welch*

ein Wort. Voll von Grauen, Trost und Gespensterei!) на английский (*Forget. What a word, he thought. Full of horror, comfort, and apparitions!*) и русский язык (*Забыть… Какое слово! В нем и ужас, утешение, и обман!*) переведены аналогичным образом. В романе Ф. Кафки («Пропавший без вести») смешанная эмоция *бешенства* и *стыда* (*Katze, tolle Katze, konnte Karl gerade noch aus dem Durcheinander von Wut und Scham rufen, in dem er sich befand*) на английский язык переведена как смешанная эмоция *ярости* и *стыда* (*"Cat, wild cat," Karl was able to cry out in the muddle of rage and shame he found himself in. "You're crazy, you wild cat"*), а на русский – *бессилия*, *ярости* и *стыда* (*С ума сошла!? Вот бешеная! – только и смог выдавить Карл, испытывая бессилие, ярость, стыд – все вместе*). Смешанная эмоция гневного отчаяния (*Ihre Augen waren hell und groß in dem blassen Gesicht und wie erstarrt in einer zornigen Verzweiflung*) на русский язык переведена через смешанную эмоцию *гнева* и *отчаяния* (*на бледном лице ее светлые глаза казались огромными, гнев и отчаяние застыли в них),* а на английский – *яростного отчаяния* (*Her eyes were light and large in her pale face and as though fixed in a furious desperation*). В романе К. Исигуро «Погребенный великан» смешанная эмоция *ободрения, возбуждения и страха* (*Axl had felt, almost tangibly, the peculiar mix of comfort, excitement and fear such a movement could bring*) переведена на русский через смешанную эмоция *спокойствия, возбуждения и страха* (*Аксель почти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение*). В романе А. Моравиа «Презрение» смешанная эмоция *любви, восхищения, благодарности и влюбленности* (*Allora, guardando quel viso, mi colpi l'espressione degli occhi: amorosa, struggente mescolata di ammirazione soggetta, di gratitudine senza riserve, di invaghimento fisico e di una quasi*) переведена через смешанную эмоцию *восхищения, признательности, влечения и робости* (*Я взглянул на нее, и меня поразило выражение ее лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость*).

Каждая номинация эмоциональных переживаний внутри смешанной эмоции получает дополнительную качественную характеристику (*безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость*). В оригинале А. Моравиа также прибегает к использованию эпитетов к номинациям эмоций, но их содержание отличается от перевода (например, *пронзительная любовь, покоренное восхищение*). В другом примере смешанная эмоция *нерешительности, мольбы и отвращения* (*Ma, nuova sensazione che soltanto adesso, scrivendone, mi torna alla memoria, una volta seduta accanto a Battista, con lo sportello ancora aperto, ella mi guarda con occhi irresolute, mescolati di preghiera e di ripugnanza*) переводится на русский как смешанная эмоция *растерянности, мольбы, упрека и отвращения* (*Сидя рядом с Баттистой, еще не захлопнув дверцы, она глядит на меня, и я вижу в ее растерянном взгляде то, что было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрек, смешанные с отвращением*).

Из представленных примеров перевода смешанных эмоций на материале разноструктурных языков, когда эмоция является выражаемой, но не выразимой, следует, что в переводе сохраняются эмоционально-оценочные границы смешанного эмоционального переживания и эмоциональная доминанта, но внутри данных границ сами эмоции, как правило, варьируются, изменяют свою интенсивность и активность, что подтверждает как некодифицированный характер языковой категоризации смешанных эмоций, так и отсутствие эталонности восприятия и языкового выражения эмоций.

Материалы параллельного подкорпуса НКРЯ позволили выявить дополнительный фактический материал, необходимый для анализа особенностей перевода вербально объективированных смешанных эмоциональных переживаний. Неопределенная семантика оценочного прилагательного в исходном языке может становиться катализатором активизации диффузной эмотивности в переводе в форме смешанной эмоции, когда эмоциональное состояние получает дополнительную конкретизацию:

ИЯ	ПЯ
Even a year of confinement has not dulled my familiarity, and when my fingers close around a scalpel, it feels as comfortable as a handshake with an old friend.	*Даже после года тюрьмы я не утратил навыков, и, смыкая пальцы вокруг скальпеля, испытываю радость и трепет, как от теплого рукопожатия со старым другом* *(Tess Gerritsen. The Apprentice (2002) | Тесс Герритсен. Ученик (И.А. Литвинова, 2015)*

В случае представленности в тексте на исходном языке номинации эмоционального состояния, оценочные границы которого аппроксимативны, а эмоциональное содержание остается неопределенным, в переводе данное состояние также конкретизируется:

ИЯ	ПЯ
*«Sophie's voice caught, and Langdon heard a sudden **melancholy** there, a painful past, simmering just below the surface.*	*Тут Софи умолкла, и Лэнгдон уловил в ее голосе **печаль и сожаление** о прошлом.* *(Dan Brown. The Da Vinci Code (2003) | Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)*
*En su devoción a la Virgen se descubre un sentimiento de humillación dolorosa, un torcedor, una **melancolía** que influye en su mente el recuerdo de su matrimonio indigno y estéril.*	*В ее преданности деве Марии чувствуется болезненное унижение, печаль и **горечь воспоминаний** о ее недостойном бесплодном браке.* *Juan Valera. Pepita Jiménez (1874) | Хуан Валера. Пепита Хименес (А. Старостин, 1959)*

*And the stars down so close, and sadness and **pleasure** so close together, really the same thing.*	*Звезды совсем близко, и печаль и **радость** тоже так близко одна к другой, что и не отличишь.* *John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939) | Джон Стейнбек. Гроздья гнева (Н. Волжина, 1940)*
*Langdon had come too far to fail now. His heart was pounding. **Frustration** and **hatred** were starting to cripple his senses.*	*Лэнгдон продвинулся слишком далеко, чтобы сейчас потерпеть фиаско. Его сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди. **Бессилие отчаяния** и ненависть мешали ему мыслить четко.* *Dan Brown. Angels and Demons (2000) | Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)*
*His **malice** is great and gives him a strength hardly to be believed in one so lean and withered. He could work much mischief still, if he were free.*	***Отчаяние и ненависть**, горечь и страх сделали его неимоверно опасным, так что, если б он был на свободе, я не удивился бы любому злодейству, совершенному этим злосчастным существом.* *J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (1954) | Джон Рональд Руэл Толкин. Властелин колец: Братство кольца (В. Муравьев, А. Кистяковский, 1982)*

Возможен и обратный процесс преобразования уже получившей конкретизацию смешанной эмоции на исходном языке в семантически неопределенную лексическую единицу при переводе:

ИЯ	ПЯ
Воины знают, что, по законам «Ясы», три дня они могут грабить и жечь город, и никто не смеет ***остановить их радость и веселье.***	*The soldiers know that, by the law of the Dzasak, they may three days loot and burn, and make merry, and none dare* ***say them nay!*** *(Василий Ян. Батый (1942) | Vasili Yan. Batu-Khan (Lionel Erskine Britton, 1945)*

В целом, менее активное эмоциональное переживание рекуррентно заменяется на более интенсивное:

ИЯ	ПЯ
Bien que je sache, par les films sur la vie des plantes, que la sérénité de la nature est une fable, que seul son rythme, différent du nôtre, nous y fait croire, qu'un jardin est continuellement en proie à ***l'érotisme, au vice, à l'inquiétude, à l'angoisse, à la haine****, aux agitations de toutes sortes et qu'il vit sur ses nerfs, j'admets qu'il ne possède pas le rire.*	*Хотя из фильмов о жизни растений я знаю, что безмятежность природы не более чем сказка, что только ее ритм, отличный от нашего, заставляет нас так думать; что сад постоянно одолевают чувственные,* ***порочные желания, страх, ненависть и другие страсти,*** *что он живет на нервах, – смех, я полагаю, все же ему неведом Jean Cocteau. Difficulté d'être (1947) | Жан Кокто. Трудность бытия (М.Л. Аннинская, 2005)*

Сказанное показательно подтверждает перевод фрагмента романа «Гарри Поттер и Волшебный камень», где неполные эмоции (half joy, half sadness) не только теряют признак неполноты, но и получают более активный конкретизатор:

ИЯ	ПЯ
*He had a powerful kind of ache inside him, **half joy**, **half terrible sadn**ess.*	*Он испытывал ни на что не похожее пронзительное чувство, как будто кто-то смешал в единое целое и **великую радость, и великую печаль.*** *J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997) | Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)*

Тенденцию к сохранению оценочной доминанты отчетливо демонстрирует следующий пример:

ИЯ	ПЯ
À l'hébétude a succédé l'effroi, et à l'effroi, la rage.	*Оцепенение сменяется ужасом, ужас - неистовой злобой.* *J. de Verdière. La robe (2022) | Ж. де Вердьер. Платье (В. Липка, 2023).*

Номинация эмоция ярости (*la rage*) при переводе заменяется на имя менее интенсивного эмоционального переживания, что компенсируется оценочным прилагательным, ставящим акцент на увеличение активности эмоции.

Понижение интенсивности эмотивной маркированности текста встречается реже и является, скорее, исключением:

ИЯ	ПЯ
*[...]*** [...]*** And I felt the same. The most wild **rage** and hatred.*	*И я вижу – она вся белая от злости. И я вдруг почувствовала то же самое – дикую **злобу** и ненависть. И проснулась.*

	John Fowles. The Collector (1963) | Джон Фаулз. Коллекционер (И. Бессмертная, 1991)

Дополнительная коннотативная маркированность некоторых слов в языке перевода побуждает переводчика заменить номинации эмоций на те, которые не несут дополнительных эмоциональных созначений и относятся к одной тематической подгруппе:

ИЯ	ПЯ
But that barely registered by comparison with the relief, pleasure and exultation of acquiring the work	*Однако он сам того не заметил – столь велико было его облегчение, радость и восторг* *(Philip Hook. Breakfast at Sothebys An A-Z of the Art World (2013) | Филип Хук. Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я (В. Ахтырская, 2014))*

В английском языке *exultation* означает '*a feeling of triumphant elation or jubilation; rejoicing*' и сближается при переводе со словом *ликование*, которое в русском несет дополнительный смысл торжественности.

Сочинительная связь двух номинаций эмоций для выражения смешанной эмоции в переводе может заменяться на глагол с семантическим компонентом объединения (к примеру, *to steep – погружать, втягивать, вовлекать*), а отношения объединения модифицируются в преобразование одного в другое:

ИЯ	ПЯ
К утру выпал снег и, не тая, пролежал до полудня. Русские почувствовали ***радость и печаль****. Россия дохнула в их сторону, бросила под бедные, измученные ноги*	*Snow fell early in the morning and lay there till noon. The Russians felt* ***a joy that was steeped in sorrow****. Russia herself was breathing over them, spreading a mother's shawl beneath*

материнский платок, побелила крыши бараков, и они издали выглядели домашними, по-деревенски.	*their poor exhausted feet. The barracks, with their white roofs, looked like the huts in a Russian village.* *(Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 1 (Robert Chandler, 1985)*

Соединительный союз *и* соотносится с предлогом *with*, который аналогично указывает на совместность действия:

ИЯ	ПЯ
*Одно упоминание этих имен вызывало **содрогание и ненависть**.*	*The very mention of their names was enough to make people **tremble with hate*** *Д. Н. Медведев, М. Белахова. Это было под Ровно (1948) | Dmitry Medvedev. Stout hearts (David Skvirsky, 1961)*

Оценочные прилагательные с номинацией эмоций, линейное расположение которых приводит к актуализации, к примеру, оксюморон, на русский язык может переводиться словосочетанием с двумя номинациями разнооценочных эмоциональных переживаний:

ИЯ	ПЯ
*Mahlke mußte am Ziel sein und mit Konservendosen, ohne Büchsenöffner, mit oder ohne jenen Bonbon, dessen **Süße Bitternis** zum Zwilling hatte, die ehemalige, über dem Wasserspiegel liegende Funkerkabine des polnischen*	*Мальке уже должен был достичь цели, добраться – с консервными банками, но без открывалки, без железяки или с нею, дарующей **радость и разочарование**, – до лежащей под водой радиорубки бывшего польского тральщика «Рыбитва».*

Minensuchbootes» Rybitwa «bezogen haben. *Süße Bitternis – сладкая горечь*	*Günter Grass. Katz und Maus (1961)	Гюнтер Грасс. Кошки-мышки (Б.Н. Хлебников, 2010)*
*Wolfgang Buck aber: vorgebeugt auf seinem Stuhl, spähte er zu Diederich hinauf, gespannt, sachkundig und die Augen voll eines **feindlichen Entzückens**.* *feindlichen Entzückens – враждебный восторг, восхищение*	*А Вольфганг Бук, подавшись вперед, снизу вверх смотрел на Дидериха, он слушал его с интересом профессионала, и в глазах у него светились и **ненависть, и восхищение**.* *Heinrich Mann. Der Untertan (1914)	Генрих Манн. Верноподданный (И. Горкина, 1971)*

В случае с выражением *Der Hass beflügelte* переводчик также использует прием создания смешанной эмоции в переводе, чтобы намеренно объективировать высокую интенсивность эмоционального состояния героя:

ИЯ	ПЯ
*Alexander Silver stürmte über die Straße, fast mit der Schwungkraft von früher. **Der Hass beflügelte** ihn scheinbar (досл.: ненависть окрыляла)*	*Александр Силвер ринулся через улицу почти с прежней своей отвагой и сноровкой. Очевидно, его **окрыляли ненависть и праведный гнев**.* *Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970)	Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная (М.Л. Рудницкий, 2000)*

Частотно при переводе текстовых фрагментов, репрезентирующих нечеткую эмотивность в форме экспликации смешанных эмоций, переводчики

прибегают к интенсификации, которая не обусловлена минимальным контекстом:

ИЯ	ПЯ
*Пандион почувствовал одновременно радость и **опасение**, мышцы его напряглись, он невольно ощупал рукоятку отцовского меча.*	*Pandion's sensations were mingled joy and **fear**, his muscles tensed and he involuntarily grasped the hilt of his father's sword* *Иван Ефремов. На краю Ойкумены (1946) | Ivan Efremov. The Land of foam (George H. Hanna, 1957)*
*The three men turned back suddenly upon him, in their faces surprise, **delight**, and incredulity.*	*Все трое круто повернулись к нему; лица их выражали удивление, **радость** и недоверие.* *(Jack London. The Burning Daylight (1910) | Джек Лондон. Время-не-ждет (В. Топер, 1956)*

Переводчик редко ограничивается зеркальной передачей представленных на языке источнике имен эмоций. В следующем примере интенсивность текста на языке перевода увеличивается по причине добавления в текст глагола со значением ‘*вобрать, принять, заключить в себя’*:

ИЯ	ПЯ
Elle est navrée. Pire, elle est désespérée.	*Ей тоскливо. Но что еще хуже, ее поглотило отчаяние.* *J. de Verdière. La robe (2022) | Ж. де Вердьер. Платье (В. Липка, 2023).*

Синтагматическое расположение компонентов смешанной эмоции при переводе может варьироваться:

ИЯ	ПЯ

*Когда ты стоял под окном моего дома и звал меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росою!» — я узнала тебя, я вспомнила тебя, и **радость и страх** овладели моим сердцем.*	*When thou didst stand beneath the window and didst call to me:' My fair, come out, for my locks are filled with the drops of the night!' I knew thee, I remembered thee; and **fear and joy** possessed my heart.* *А. И. Куприн. Суламифь (1907) | Alexandre Kuprin. Sulamith (Bernard Guilbert Guerney, 1928)*
*Но происходившее сейчас, свою **печаль и радость**, они не могли скрыть друг от друга, и это влекло за собой неизбежные, переворачивающие изменения.*	*But they couldn't conceal what was happening now, they couldn't hide their present **joy and sorrow** – and this alone would have deep and inevitable consequences.* *Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 3 (Robert Chandler, 1985)*
*Но происходившее сейчас, свою **печаль и радость**, они не могли скрыть друг от друга, и это влекло за собой неизбежные, переворачивающие изменения.*	*Ils étaient incapables de dissimuler ce qui leur arrivait, leur **joie et leur peine**, et cela entraînait des changements inévitables, des bouleversements.* *Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960) | Vassili Grossman. Vie et Destin, partie 3 (Alexis Berelowitch, 1980)*
*Здесь недостаточно чувства самосохранения, здесь необходимо возбудить в населении **отвращение и ненависть.***	*And in this case it is not enough to rely merely on the instinct for self-preservation; it is necessary to stir up feelings of real **hatred and revulsion.***

	Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 1 (Robert Chandler, 1985)
***Презрение и ненависть**, тоска и любовь, гнев и смех, горький, как полынь, — вот чем до краев была налита поднесенная Мне чаша… нет, еще хуже, еще горче, еще смертельнее!*	***Hatred and contempt**, love and anguish, wrath and laughter, – these filled to the brim the cup presented to Me… no, still worse, still more bitter, still more deadly!* *Леонид Андреев. Дневник Сатаны (1918-1919) | Leonid Andreev. Satan's Diary (Herman Bernstein, 1920)*

Расположение в пре- или постпозиции номинаций положительно- или отрицательно-оценочных эмоций в исходном языке не предопределяет место номинации эмоции в переводящем языке. Интересными являются примеры с номинацией ненависти, которая в русском языке частотно помещается в постпозицию (отвращение и ненависть; презрение и ненависть), а при переводе оказывается в препозиции полученного словосочетания (*hatred and revulsion; hatred and contempt*).

При анализе особенностей перевода номинаций эмоций интерес представляют фильмонимы, прагматическая установка которых направлена не столько на достижение эквивалентного художественного эффекта, сколько на привлечение потенциального зрителя, вызов интереса и финальное получение прибыли производителем и дистрибьютором. Характерные черты перевода номинаций эмоций в фильмах подтверждают указанные выше наблюдения. Точные совпадения при переводе названий фильмов, содержащих номинации эмоций, являются низко частотными. К примеру, при переводе названия фильма «*Fear and Desire*» (1952 г.) в русском языке *desire* переведено как *вожделение* («*Страх и вожделение*»).

DESIRE – a desire is a strong wish to do or have something (Collins, www).

ВОЖДЕЛЕНИЕ - страстное желание; сильное чувственное влечение (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

Обращает на себя внимание то, что в английском языке слово *desire* обозначает не столько желание, сколько сильное (активное) желание, поэтому переводчиком выбрана номинация *вожделения*, имеющая семы силы, интенсивности.

Интересный пример перевода, представленный далее, заключается в точной передаче идиоматического выражения: художественный фильм «*Filles bleues, peur blanche*» (досл.: Голубые девочки, белый страх) получает в российском прокате название «*Со страхом и трепетом*». Выражение *peur blanche* (досл.: *белый страх*) или *être blanc de peur* (досл.: *быть белым от страха*) используется в значении испуга, ужаса (*terrorisé; effrayé*), а голубой цвет также отсылает к семантике холода, с которым ассоциируется страх. Поэтому переводчик прибегает к двум номинациям эмоциональных состояний (более и менее активных), что соответствует оригинальному названию художественного фильма на уровне эмоциональной тональности.

Названия художественных фильмов «*Страх и ненависть в Лас-Вегасе*», так же как и «*Страх и ненависть в Аспене*» (2021 г.), представляют частично калькированный вариант перевода иноязычных текстов «*Fear and Loathing in Las Vegas*» («*Fear and Loathing in Aspen*»):

LOATHING – a feeling of great dislike and disgust (Collins, www); a feeling of intense dislike or disgust; hatred (Oxford Dictionary of English, www).

Английское слово *loathing*, в отличие от типичного для номинации ненависти слова *hatred*, вбирает в себя дополнительные конкретизирующие семы отвращения, неприязни, а также данная лексическая единица выражает сравнительно бóльшую интенсивность («*intense dislike*»).

Русский перевод художественного фильма «*Обитель радости*» (2000 г.) представляет собой достаточно свободную интерпретацию оригинального названия «*The House of Mirth*»:

MIRTH – amusement which you express by laughing (Collins, www); amusement, especially as expressed in laughter (Oxford Dictionary of English, www).

Английская номинация эмоции *mirth* подчеркивает сему веселья, увеселенья, а не только радости, которая не должна обязательно сопровождаться смехом. Т.е. при переводе фильмонимов, содержащих номинации эмоций, в переводящем языке рекуррентно снижается интенсивность, наблюдается тенденция к дифференциации с выбором слова, имеющего менее активную степень проявления признака.

Французское слово *colère* (*гнев*) заменяется на менее интенсивную злость («*Les dieux en colère*» (досл.: *Боги в гневе*) переведено как «*Злые боги*»):

ЗЛОСТЬ – чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо; злоба (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

ГНЕВ – чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо; обычно бурно проявляющееся (Большой современный толковый словарь русского языка, www*).*

Интенсивность эмоционального переживания понижается в следующих примерах: название фильма «*The Angry Silence*» получает форму «*Сердитая тишина*». Соответственно более активная эмоция подменяется на сердитость:

СЕРДИТОСТЬ – раздражение; гнев (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

ANGRY - when you are angry, you feel strong dislike or impatience about something (Collins, www).

ANGER - the strong emotion that you feel when you think that someone has behaved in an unfair, cruel, or unacceptable way (Collins, www).

Прием генерализации рекуррентен для фильмонимов с номинациями эмоций. Так, «*Fear Paris*» переведен как «*Париж, я убью тебя*», «*La grande peur dans la montagne*» (досл.: *Большой страх в горах*) получил название

«*Легенда темной горы*», «*Pattie et la colère de Poséidon*» (досл.: *Пати и гнев Посейдона*) – «*Приключения аргонавтов*», а «*Un homme en colère*» (досл.: *Человек в гневе*) – «*Мистер Правосудие*». В данных примерах номинации активных эмоциональных состояний/переживаний (*fear – la peur – страх, la colère – гнев*) либо полностью элиминируются при переводе, либо подменяются на эмотивно окрашенную лексику, отсылающую к иным эмоциям («*убивать*», «*правосудие*», «*приключение*»). Название французского художественного фильма «*Si vous n'aimez pas ça, n'en dégoûtez pas les autres*» (1978 г.) переведено как «*Раз вам не нравится, не мешайте другим*». Данный вариант перевода частично отсылает к советской комедии «Кавказская пленница» (1967 г.), где персонаж, которого сыграл Г.М. Вицин, произносит фразу: «*Тебе неинтересно, не мешай*». Номинация эмоции вытесняется в переводе:

Dégoûter – приедаться, надоедать; внушать отвращение; быть противным 2) (de) вызывать отвращение; отбивать охоту, вкус к чему-либо

Dégoût (m) – отвращение, разочарование, горечь.

Обратная тенденция к интенсификации эмоционального переживания при переводе представлен далее: художественный фильм «*Deep Fear*» (2022 г.) в российском прокате получает название «*Подземный ужас*»

FEAR – an unpleasant emotion caused by the threat of danger, pain, or harm (Oxford Dictionary of English, www).

УЖАС – чувство, состояние очень сильного испуга, страха перед чем-л. необыкновенно страшным.

Но данные примеры дополнительной интенсификация значительно менее частотны.

Отсутствие каких-либо дополнительных лексических конкретизаторов в оригинальном названии фильма приводит к множественности вариантов толкования и перевода. К примеру, художественный фильм «*Rage*» (1966 г.)

переведен как «*Ярость*», а фильм с аналогичным названием, выпущенный в 1995 г. переведен уже как «*Гнев*»:

RAGE – strong anger that is difficult to control (Collins, www); violent uncontrollable anger (Oxford Dictionary of English, www).

ГНЕВ – чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

ЯРОСТЬ – сильный гнев, озлобление (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

Исключение составляет перевод французского художественного фильма «*La rage*» через номинацию «*Исступление*», в которой динамика и высокая активность эмоционального состояния сохранены:

RAGE (f) – ярость, бешенство; исступление; исступлённая страсть

ИССТУПЛЕНИЕ – состояние крайнего возбуждения, чрезмерной необузданности; неистовство (Большой современный толковый словарь русского языка, www).

Конкретизация номинации эмоции *rage* прилагательным не всегда улучшает адекватность передачи эмоциональной тональности: «*Silent Rage*» (1982 г.) – «*Безмолвный гнев*». Будучи конкретизированными более точными прилагательными (*primal, fugitive*) в переводе *rage* передается как ярость: «*Primal Rage*» – «*Первобытная ярость*», «*Fugitive Rage*» – «*Ярость отчаяния*».

Сопоставление особенностей перевода фильмонимов позволяет наблюдать за скрытой диффузной эмотивностью, поскольку фильмоним и его перевод представляют собой стимул и реакцию, которые должны быть рассмотрены неразрывно как единое целое.

Смешанные эмоции представляют собой когнитивно сложный прием экспликации эмоциональных переживаний, в которых один из элементов относится к сфере эмоционального, непосредственно ощущаемого, а второй – рационального. Данные элементы предложено выделять на основе принципа

тема-рематической организации высказывания, где первый элемент смешанной эмоции относится к теме, а второй – к реме. Высокая частотность амбивалентных и отрицательно-оценочных смешанных эмоций обусловлена асимметрией положительной и отрицательной оценочности в языке. Несмотря на попытки определения доминанты смешанной эмоции, следует подчеркнуть, что категориальными характеристиками смешанной эмоции выступают сложность, суммативность, гибкость, динамичность, множественность и неопределенность. Диффузная (неопределенная) эмоционально-смысловая составляющая смешанных эмоций продемонстрирована на основе анализа переводов фрагментов текстов, содержащих случаи экспликации смешанных эмоций, на разных языках, где сохраняется общая оценка, а конститутивные элементы смешанной эмоции рекуррентно варьируются.

3.5. Коммуникативная репрезентация смешанных эмоций и лингвоэкология

Полученные Волгоградской школой эмотиологии [Эмотивная лингвоэкология…, 2013] данные показывают, что семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ могут рассматриваться как критерии отнесения того или иного текста к экологичному или неэкологичному. Семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ присутствуют в семантике каждой лексической единицы, что дает возможность реализовывать поставленные лингвоэкологом исследовательские цели применительно принципиально к любому языковому материалы. Эти компоненты одновременно статичны, поскольку они принадлежат семантике слова, и динамичны в контексте, что поддается наблюдению путем использования лингвистических методов.

Весь лексический состав языка можно условно разделить на три группы по признаку ‘оценка’: положительные, отрицательные, нейтральные слова/словосочетания. Данные характеристики закрепляются конвенционально, т.е. привносятся в семантику извне и через некий период

могут стать ингерентными семантическими компонентами слова. Во многом такое наблюдение послужило основой для создания типологии эмотивов [Шаховский, 2008], в которой выделяются аффективы (слова с эмоциональным значением) и коннотативы (слова с эмоциональным со-значением). Первые два типа являются условно статичными, т.е. будут сохранять свою положительную или отрицательную эмотивность, закрепленную за словом «по договоренности», но только в большинстве контекстов. Третий тип типологии – потенциативы являет собой динамику языковых процессов, поскольку вбирает в себя всю лексику, потенциально способную стать эмотивной в том или ином контексте.

Аффективы, к которым преимущественно относят междометия, зачатую обладают амбивалентной эмотивностью. Кроме того, моновалентные аффективы (слова, служащие для выражения кластера только отрицательных или положительных эмоций) динамичны на условной шкале ‘эмоциональность-нейтральность’, поскольку слова, лишенные логико-предметного значения, способны терять и основное – эмоциональное содержание, что превращает их в нейтральные единицы. Более верным кажется следующее уточнение: оценочно нейтральными аффективы становятся на уровне содержания, воспринимаемого адресатом, когда форма, а также фонационные, интонационные или графические корреляты (что можно обозначить понятием «*паравербальной валентности*») таких слов остаются без изменений. Например, обширная парадигма инвективной лексики объясняется постепенной нейтрализацией или деэмоционализацией (деэмотивизацией) известной лексической единицы и стимулирует создание новой.

В пьесе Э. Йонеско «Лысая певица» содержится следующий фрагмент: одна из главных героинь предлагает рассказать своим собеседникам поразивший ее случай, свидетелем которого она стала. Другие действующие лица со свойственным жанровой организации произведения воодушевлением охотно соглашаются выслушать г-жу Мартин (далее приводится перевод Е.А.

Суриц данного фрагмента пьесы с сокращениями): *Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают... (...) И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он... (...) Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колено и нагнулся. (...) Я подошла поглядеть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались*. Внимание привлекают реплики собеседников рассказчицы, эмоционально реагировавших на достаточно банальный и едва ли заслуживающий внимания рассказ:

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колено и нагнулся.

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит. О-о!

Миссис Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла поглядеть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

В данном примере деэмоционализация является следствием гиперэмоционализации речи, когда любой стимул вызывает эмоциональную по форме реакцию, лишенную своего содержания (такая особенность характеризует, в особенности, Интернет-общение).

Изначально эмотивность рассматривалась как динамичная категория, реализующая свой языковой потенциал в речи/коммуникации. По этой причине выявление эмотивного компонента семантики слова всегда является аппроксимативным, вероятностным. Необходимо избегать категоричности и характеризовать материал исследования как эмотивный с более/менее выраженной положительной или отрицательной оценкой. Не существует экологичных или неэкологичных слов. «Плохие» и «хорошие» слова задают только (не)экологичную тональность текста. Переоценить влияние исключительно лексики на вектор (не)экологичности текста значит искусственно сузить и упростить объект анализа.

Наблюдения за эмотивной динамикой текста позволяют прийти к выводу о том, что любое слово способно актуализировать, приобретать, менять, нейтрализовать, усиливать, понижать свою эмотивную составляющую в зависимости от контекста. В аспекте экологичности/неэкологичности целесообразно исследовать материал не на лексическом, а текстовом (дискурсивном) уровне. Данный подход позволяет проанализировать эмотивную тональность проблемного текстового фрагмента в аспекте формы и содержания, а также определить влияние затекста и подтекста на эмотивную доминанту. Далее следует применять элементы интент-анализа для того, чтобы выявить коммуникативное намерение автора или персонажа на основе анализируемого фактического материала. Нужно учитывать, не только возможную или актуальную неконгруэнтность соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций в диалоге, т.е. внешний уровень средств экспликации эмоций, но и необходимо рассматривать каждого участника диалога как отдельный знак, ведущий внутренний диалог с самим собой.

Эмотивная лингвистика всё более тяготеет к поиску прикладных аспектов применения накопленных знаний в области изучения языковой категоризации эмоций. Это выразилось в использовании теоретико-практических разработок эмотиологии применительно к решению задач экологии языка и речи. Было предложено использовать эмотивную лингвистику в качестве методологической базы для решения практических задач лингвоэкологии [Эмотивная лингвоэкология... 2013]. При этом эмотиология продолжает свое самостоятельное развитие, поскольку ее объект пронизывает абсолютно все сферы соприкосновения языка и действительности.

Эмоции и их языковая категоризация являются реактивными в своей основе, отражая тот или иной фрагмент материальной или нематериальной действительности. При этом один и тот же фрагмент действительности может вызывать противоположно-оценочные эмоции даже у одного человека в зависимости, к примеру, от коммуникативной ситуации, психологического

состояния говорящего и пр. Прямая зависимость экологичности общения от модуса или валентности реализуемых эмоций возможна, но проблематичной остается (не)экологичность диффузных эмоций. В.И. Шаховский подчеркивал, что лингвоэкологам предстоит развить тезис о типах зависимости экологичного общения от амби-, поливалентных эмоций [Шаховский, 2013, с. 60], к которым предложено относить нетипичные случаи экспликации эмоциональных переживаний, явно обнаруживающих противоречия на уровне планов выражения и содержания (например, облить грязью похвал, благородная ярость). Для каждого эмоционального переживания характерны не менее двух противоположно оценочных модусов, когда смешанные эмоции удваивают данный полиоценочный и значит амби-, полиэкологичный потенциал.

Такого рода наблюдения позволили прийти к выводу о принципиальной невозможности сведения всех возможных интеракций в плане эмоциональной составляющей к моделям «отрицательный стимул – отрицательная реакция», «положительный стимул – положительная реакция». В то же время это дало возможность заключить о флуктуативной природе эмотивного компонента семантики, т.е. ее гибкости и подвижности.

Неопределенность, возникающая вследствие одновременного выражения говорящим разнооценочных эмоций, вызывает коммуникативные трудности при декодировании намерения адресанта. На деструктивный аспект эмоциональной неопределенности указывает М.А. Вахрушева при рассмотрении явления гиперноминации (детерминологизация сложных эмоциональных состояний) в педагогическом дискурсе. Исследователь подчеркивает, что неопределенность способна породить проблемные ситуации, поскольку каузирует непонимание интенций друг друга, а предельная (вероятно, неразрешенная и неразрешаемая) неопределенность оказывает деструктивное («деструктирующее») для статусного общения воздействие [Вахрушева, 2023, с. 16].

Смешанные эмоции являются манипулятивным приемом скрытого воздействия на адресата, предвосхищающим возможную негативную реакцию собеседника: смешанные эмоции содержат в себе два противоположных оценочных вектора и, в отличие, например, от высказывания *я тебя ненавижу*, направлены на конструктивное взаимодействие. Выражение смешанных эмоций (*я тебя и ненавижу, и люблю*) предполагает такие условия, как искренность говорящего (номинируя два противоположных эмоциональных полюса, как минимум, один из них соответствует действительности, т.е. реальному эмоциональному отношению говорящего к собеседнику); экспликацию смешанных эмоций сопровождает эффект исповедальности, которым говорящий привлекает собеседника к поиску выхода из сложившейся ситуации, ставшей причиной двойственности эмоций.

С позиции слушающего последний понимает искренность коммуникативного партнера; «исповедальность» собеседника вызывает интерес слушающего и ориентирует его на конструктивное взаимодействие. В результате говорящий добивается согласия собеседника, как минимум, с одной частью выраженных им смешанных эмоций, что составляет общую координату последующего кооперативного диалогического общения. В этом и состоит созидательное воздействие хаоса, однажды дезорганизовавшего систему, что привело к созданию смешанной эмоции, которая становится точкой отсчета при поиске пути конструктивного выхода из конфликтной ситуации. Поэтому интенцией говорящего, выражающего смешанные эмоции, является попытка установления с собеседником общего контекста, комфортных для обоих условий общения (учтены обе позиции, поскольку выражены амбивалентные эмоции). Появление смешанных эмоций маркирует собой определенную ступень развития рефлексии над сферой эмоционального – это путь от осознания двойственности любой эмоции к созданию целостного двойственного эмоционального переживания.

Основываясь на принципе зависимости экологичности/неэкологичности коммуникации от эмоциональной оценки и тональности общения, следует

отметить, что смешанные эмоции являют собой некий лингвоэкологический эталон, если речь идет о контрарных понятиях, объединяемых номинацией *смешанные эмоции*. Последние дают говорящему возможность удовлетворить как собственную потребность в экспликации актуального эмоционального переживания, так и учесть эмоциональное состояние собеседника, т.е. уважаются интересы обоих коммуникативных партнеров, а значит, их общение должно носить конструктивный характер.

Только ситуации кооперативного общения могут характеризоваться как экологичные. Это не означает, что конфликтогенный потенциал коммуникации снижен до нуля или разного рода «неэкологичная лексика» в ней употреблена не будет. Анализ эмотивной составляющей общения позволяет получить доступ к намерению собеседников. А если доминантной интенцией является ориентация на Другого, стремление к диалогу, желание быть услышанным и услышать Другое сознание, то такое общение a priori экологично.

Специфика выражения смешанных эмоций заключается в том, что говорящий а) намерен продолжить коммуникативное взаимодействие с адресатом, что обусловлено, по сути, манипуляцией слушающим по принципу «и нашим, и вашим»; б) говорящий демонстрирует свою заинтересованность не только в коммуникации, но и в личности слушающего, т.е. ориентируется на него, что имеет форму предвосхищения возможной конфликтной ситуации по принципу «я тебя и люблю, и нет»; в) говорящий намерен остаться услышанным и выразить истинное переживание, но форма подобной экспликации будет максимально мягкой при условии сохранения искренности; г) слушающий способен декодировать подобную конструктивную коммуникативную тактику, что приведет к сохранению положительной тональности общения: у коммуникантов появляется общая точка соприкосновения («*Я тебя и люблю, и нет*». – «*Я тебя люблю*». – Интегральный элемент ‘*наличие любви’*). Это позволит совместно устранить причину такого рода эмоциональной дисгармонии.

В ходе коммуникативного взаимодействия понятие смешанной эмоции может обозначать совокупность стимульной и реактивной реплик, репрезентирующих эмоциональное переживание (смешанная эмоция, реализованная в диалогическом единстве). В романе А. Слаповского «День денег» конструируется следующая коммуникативная ситуация:

Есть Роберт, друг по работе и другим делам, он тоже сегодня свободен.

Надо позвонить ему.

Парфенов позвонил.

Ответил приятный баритон друга Роберта, всегда спокойного, знающего цену вещам и людям.

- Здравствуй, Роба, - сказал Парфенов. - Я тут во Владивосток уезжаю.

- Очень хорошо, - сказал Роба. - И сколько надо выпить, чтобы поехать во Владивосток?

- Я слишком трезв. И в трезвом уме говорю тебе, Роба: жаль, но я всегда тебя презирал. Твое спокойствие. И вообще. Ты холоден, как сом. И с усами, кстати.

- Ладно. Завтра поговорим, - ответил Роберт.

- Повторяю: я трезв! Я сегодня ночью уезжаю во Владивосток. И хочу, чтобы ты напоследок знал: ты дерьмо! Я тебя ненавижу.

- Очень жаль, - сокрушенно вздохнул Роберт.

- Сукин сын! - заорал Парфенов и бросил трубку.

Энергия кипела в нем.

Герой романа намерен довериться близкому человеку, поделиться с ним своими страхами и сомнениями. Признаком подобной расположенности к адресату является характеристика Роберта («*Роба*», «*друг по работе и другим делам», «приятный баритон друга»*), которому позвонил Парфенов. Последний не получает ожидаемой реакции, что побуждает его использовать бранную лексику. Эмотивная плотность данной коммуникативной ситуации высока, признаками чего является употребление эмоционально-оценочно-

образных сравнений («*холоден, как сом»*), эмотивов в статусе аффектива («*сукин сын», «дерьмо»*), обширная палитра средств экспликации эмоций, к которым относятся номинация («*я тебя ненавижу», «я всегда тебя презирал»*) и дескрипция («*сокрушенно вздохнул», «заорал», «энергия вскипела»*), усилительные наречия («*вообще»*), которые на фоне других признаков эмотивности текста указывают на невозможность говорящего найти точную форму для выражения своих эмоций.

Возникает вопрос, является ли данная коммуникативная ситуация эмотивно экологичной или зависит ли экологичность текста в целом, т.е. его потенциально конструктивное или деструктивное воздействие на психическое и физическое состояние человека, от превалирующего в нем знака эмоции. С одной стороны, проявляется негативная тональность общения, которую обусловливает выражение кластера отрицательных эмоций персонажа. С другой стороны, нельзя ограничиваться только формой и содержанием в отрыве от смыслового пространства, в котором «плавают» знаковые обозначения (по Г.П. Щедровицкому), определяющие внешнюю структуру высказывания. Сказанное подтверждается, например, неоднократно высказываемым отечественными (см. напр.: [Шаховский 2011]) и западными учеными положением о том, что произнести бранное слово еще не значит оскорбить адресата. Помимо сознательного оскорбления, речь может идти о:

- желании избежать физического насилия посредством вербального наказания (*punition verbale*);
- экстериоризации гнева;
- намерении убедить кого-либо в своей правоте;
- попытке развлечь публику;
- демонстрации близких интимно-личностных отношений;
- способе привлечения внимания и под. [Lagorgette. 2006].

Анализируемая ситуация является примером амортизации конфликта, когда на отрицательный стимул дается нейтральная реакция, в чем можно увидеть попытку адресата понизить уровень негативной тональности

общения. Исходя из особенностей коммуникативного поведения Роберта, ему уже не раз приходилось выслушивать ранее подобные заявления от своего друга. Смоделируем следующую ситуацию: из-за сильных порывов ветра до одного из участников диалога донеслась фраза '*Ненавижу тебя*', произнесенная вторым участником. Подобное высказывание может вызвать как минимум недоумение, а скорее всего это станет поводом к обиде и ответной защитной реакции. На самом деле говорящий сообщил следующую информацию: '*Она сказала мне: «Я его ненавижу!» Тебя это не обижает?*' Такого рода непонимание постоянно происходит в повседневной коммуникации, эмоционально-смысловые границы слова ограничиваются минимальным контекстом. В этом случае внимание обращается на сумму, а не суммативность, когда отрицается универсальное положение о том, что целое больше суммы его частей.

Основной фактор, определяющий (не)экологичность данной ситуации, заключается в том, получает ли один из собеседников от другого или нет желаемый «результат» [Харченко, 2012, с. 27-28], когда Парфенов пытается поделиться своими переживаниями с Другим (Роберт). Однако Роберт своей нулевой реакцией, направленной не на привлечение к себе, а на отстранение от себя Другого, изменяет стратегию дальнейшего коммуникативного поведения Парфенова. Для коммуникации неприемлем эгоцентризм, поскольку это не позволяет почувствовать Другого, отвлечься от формы и содержания, чтобы обратиться к смыслу, скрытому от невнимательного или ориентированного на себя адресата. Интересно, что Парфенов использует одну и ту же тактику – выделение из класса, и когда он звонит другу, и когда оскорбляет его. Причем выделяется именно значимый для говорящего человек, при этом неважно, вызывает ли он положительные или отрицательные эмоции. Роберт допускает же ошибку изначально, когда иронично относится к заявлению своего приятеля. В ходе развития диалога он, вероятно, обижается, но, «*зная цену людям*», не уподобляется Парфенову.

Нейтральная реакция эмотивно неэкологична, поскольку нуль предполагает отправную точку, такая реакция перечеркивает весь предшествующий опыт общения и побуждает к повторению уже пройденных ранее этапов. Негативная реакция Парфенова неэкологична, но она характеризует актуальное событие, а не касается прошлого. Здесь, даже апелляция к ранее сформированному отрицательному мнению о Роберте служит только цели усиления негативной тональности высказывания.

Любое слово может как возвысить, так и унизить человека потому, что в его семантике присутствуют семы ‘эмоция’ и ‘оценка’, конкретизируемые дистрибуцией этой лексической единицы. Сказанное соотносится и с проблемой контекстуальных или речевых синонимов, когда таковыми могут становиться слова *авоська* и *эрудиция*, если то и другое используется для обозначения одного и того же предмета [Фоменко, 1990, с. 65]. Обусловлено это еще и тем, что реакция на человека (положительная или отрицательная) является автоматическим свидетельством бытия данного лица для оценивающего. Опасаться необходимо не столько негативной реакции, а отсутствия таковой вообще. Нулевая реакция указывает на то, что адресат более не существует для говорящего. Нуль поглощает, а не развивает (1+0=1). Напротив, оскорбление имеет в себе конструктивный или регулятивный потенциал, почувствовав который Роберт смог бы поступиться собственной обидой и понять, что реакция его партнера по коммуникации на шутку не совсем адекватна, а далее можно было бы и приступить к совместному поиску причины такого поведения. Исходя из сказанного, эмотивно неэкологично повел себя не тот, кто оскорбил, а инвектум, отказавшийся взаимодействовать с инвектором и конструктивно решать возникшую проблему.

Экологичность/неэкологичность текста зависит от его эмотивной плотности, но не определяется только ей. Одним из факторов экологичности/неэкологичности эмоциональной коммуникации является ориентация на Другого, когда коммуникантам удастся реализовывать и декодировать поливалентный потенциал семантики слова.

Развивая мысль П.С. Волковой, чистота, представляющая собой одну из важнейших идей экологии [Волкова, 2013, с. 99], непременно касается и сферы выражения эмоций, но эмоциональная чистота есть сложный многокомпонентный продукт, который не может быть отделен от внешней и внутренней среды функционирования (обитания). Поэтому ситуация непонимания эмотивного компонента общения становится необходимым препятствием, которое закаляет человека, формирует терпимость к неудовольствию, а внешнее нарушение эмоционального кодекса условно успешной коммуникации становится преимуществом, способствует становлению культуры мышления коммуникативной личности [Там же, с. 111].

Вербализацию смешанных эмоций в аспекте экологии можно рассматривать не как линейное образование, а внутри репликовых ходов, где, например, реплика стимул эксплицирует одно эмоциональное переживание, а реплика-реакция – другое. В итоге, оформляется номинация сложного эмоционального переживания. Рассмотрим следующий пример:

Когда она огорошила меня этой новостью, я повел ее в ближайшее кафе, где мы могли посидеть. В кафе были высокие потолки, беспощадный свет и адский шум.

– Почему ты так поступила? – спросил я.

– Потому что я люблю тебя, – сказала она.

– Как ты можешь любить меня?

– Я всегда любила тебя, с самого детства, – сказала она.

Я обхватил голову руками.

– Это ужасно.

– Я… я думала, что это прекрасно.

– Что же дальше? – сказал я.

– Разве это не может продолжаться?

– О, господи, как все запутано, – сказал я,

– Выходит, я нашла слова, способные убить любовь, – сказала она, – любовь, которую убить невозможно?

– Не знаю, – сказал я. Я покачал головой. – Какое странное преступление я совершил.

К. Воннегут. Мать тьма

В данном фрагмент актуализируется номинация смешанной эмоции, включающей любовь и ужас: активное отрицательно оценочное эмоциональное переживание является реакцией на положительный стимул. При этом интенсивность ужаса снижается вследствие его сочетания с любовью, номинация которой представляет своеобразный пик условной шкалы эмоционального отношения.

Экологичная по форме реакция может являться неэкологичной по содержанию. В качестве примера анализируется коммуникативная ситуация конфликтного, агрессивного общения между незнакомыми лицами. Ситуация оскорбления собеседника здесь предполагает следование последним определенному ритуалу, правилам, которые предлагает говорящий. При этом отклонение от данной схемы эмоциональных ударов («-» на «-» VS «-» на «+») может способствовать не понижению отрицательного эмоционального фона коммуникации, а, напротив, привести к его усилению. Поэтому в ситуации агрессивного общения незнакомцев нулевая реакция (которая сравнительно положительнее актуальной отрицательной и, следовательно, должна считаться конструктивной) будет рассмотрена говорящим как личное оскорбление, поскольку модель его поведения отвергается. И в этом заключается вся парадоксальность и феноменальность языка и коммуникации: когда прямое оскорбление оценивается менее негативно, чем его отсутствие.

Вероятно, ключевым элементом любой коммуникативной ситуации является принцип «ориентации на Другого». Это касается и ситуации конфликтного общения, в котором уважение к оппоненту выражается в принятии «правил игры». Не случайно, что в подобных ситуациях при наличии третьих лиц употребляются предложения, где адресатом становится

наблюдатель (*Ну как с ним разговаривать? О чем с ним можно разговаривать?*). Таким образом, формально оппонент отказался от обоюдных оскорблений, но на уровне содержания вербально ранил противника сильнее, так как им игнорируется в принципе личность оппонента.

Выводы по главе 3

Особенности языковой репрезентации смешанных эмоций, предполагающих объединение в линейное целое двух и более номинаций эмоций, не становились ранее предметом специального исследования. Преимущественно проблема смешанных эмоций (смешанных чувств) рассматривалась в философии, психологии, литературоведении. В основе смешанных эмоций лежит синестезия и синкретичность, процессы синтеза эмоциональных переживаний. Смежными со смешанными эмоциями понятиями выступают диффузность, амбивалентность, фузионность, стяжение.

Любая эмоция обладает поливалентным характером, но степень реализации данной поливалентности разная. Речь может идти о латентном состоянии смешанности и актуально репрезентированном состоянии. Установлено, что смешанные эмоции могут быть трех основных видов - моновалентные, поливалентные и амбивалентные. При экспликации смешанных эмоций имена эмоций из статуса номинативов внутри принципов языковой категоризации эмоций переходят в дескриптивы: с помощью имен эмоций описывается качественно новое эмоциональное переживание, оценочный полюс которого, например, в случае с поли- или амбивалентными эмоциями, остается нечетким.

Особенности перевода случаев репрезентации смешанных эмоций в языке показал, что в результате перевода может сохраняться как целостный состав смешанной эмоции в исходном языке, так и общий оценочный вектор, а эмоциональные конкретизаторы могут меняться на более или менее

интенсивные. Подобная множественность и неопределенность вариантов перевода имен сложных (смешанных) эмоций может объясняться некодифицированным и неконвенциональным характером языковой категоризации смешанных эмоций.

Образование и репрезентация смешанных эмоций в коммуникации, отвечающая требованиям парадигмы сложности, соответствует принципу Поллианны, так как человек стремится к позитивизации общения, но эгоцентрические векторы сознания не позволяют отказаться от личностных, возможно, отрицательных переживаний для успешности коммуникации. В структуре номинации смешанной эмоции (по принципу *X испытывает смешанную эмоцию (S-a) и (S-n)*) предложено выделять рациональный (известный, осознанный) и эмоциональный (новый, актуальный) компоненты. Коммуникативно конструктивный потенциал экспликации смешанных эмоций заключается в том, что, с одной стороны, говорящий выражает свое эмоциональное переживание/отношение, а, с другой – выбирает такую нечеткую форму, которая указывала бы на состояние растерянности, фрустрации, тем самым побуждая собеседника к совместным (совмещенным, смешанным) действиям.

ГЛАВА 4. ИМПЛИЦИТНАЯ ДИФФУЗНАЯ ЭМОТИВНОСТЬ

Когнитивная сложность мышления и онтологическая неопределенность эмоций обусловливают коммуникативное функционирование диффузной эмотивности, которая только начинает принимать очертания, выкристаллизовывать свои форму и содержание. Далее для анализа имплицитной диффузной эмотивности рассмотрены несколько эмоциональных феноменов, а именно симулируемые, совместные, невыразимые, неполные (микро) эмоции, а также анализируются особенности так называемых неоценочных эмоций на примере удивления. Каждая из выделенных плоскостей эмоционального имеет свои сущностные особенности, но общим основанием выступает диффузность, неопределенность, размытость эмоционального содержания, предполагающая попытку человека удержать и объективировать в языке множественную, противоречивую, нестабильную сферу эмоций.

4.1. Диффузная эмотивность в аспекте невыраженной эмоциональности

Внутри диффузной эмотивности выделено два измерения - невыраженная оценочность и невыраженная эмоциональность. Невыраженная оценочность вбирает в себя интеллектуальные эмоции, оценочный вектор (положительный или отрицательный) которых конкретизирует контекст, когда удивление может гармонично ассоциироваться как с положительными, так и с отрицательными переживаниями. Невыраженная эмоциональность включает такие формы репрезентации диффузной эмотивности, при которых получившая языковое воплощение эмоция не соответствует актуальному эмоциональному переживанию говорящего (например, в ситуации симуляции адресантом эмоций или использовании в речи диминутивных форм имен эмоций, содержание и функциональное наполнение которых по причине

добавления к номинации эмоции уменьшительно-ласкательных суффиксов трансформируется).

4.1.1. Коммуникативная репрезентация партисипативных эмоций

В-чувствование [Klann, 2020] (со-чувствие = в-чувствование (*Einfühlung* – *in-feeling*) предполагает способность установления эмоциональной связи с другими объектами окружающей действительности (как людьми, так и предметами искусства, литературой и пр.). Человек может сознательно контролировать уровень эмпатии и регулировать степень сочувствия к другому.

Можно говорить об индивидуальных и партисипативных (совместных) эмоциях в том смысле, что человек способен дублировать наблюдаемые эмоциональные переживания, но языковое отражение получают только отдельные (наиболее явные) аспекты эмоционального состояния. Например, В.Ю. Апресян [2011] пишет о совместных или разделяемых эмоциях (жалость, симпатия, сострадание, радость за кого-то *vicarious joy, pleasure* в английском – радость за кого-то – чувство в результате наблюдения за чужой радостью, а также *Mitfreude* – сорадость). Номинации со-страха, со-отвращения, со-стыда в языке не представлены.

Если рассмотреть оппозицию *страдания* и *сострадания*, то здесь объективируется снижение интенсивности и мена оценочного знака. Данный принцип со-переживаний не распространяется на активные отрицательные эмоции, что в эволюционно-коммуникативном аспекте может быть обусловлено стремлением человека к позитивизации (по Ст. Пинкеру). С. Сонтаг определяет сострадание как «неустойчивую эмоцию»: она исчезает, если ее не актуализируют в действенной форме [Сонтаг, 2022]. Сострадание полиоценочно, потому что вбирает в себя отрицательно-оценочное состояние за кого-то, но оценивается со стороны и самим экспериенцером положительно, социально приемлемо. Т.е. страдание как отрицательное эмоциональное

переживание превращается в положительное. Сострадание, переходящее в страдание, оценивается как отклонение от нормы:

Иногда сопереживание бывает так пронзительно, что сострадание переходит в страдание (Д. Самойлов).

Поэтому, к примеру, ближнюю периферию концепта «соболезнование» составляют такие лексические единицы, как милосердие, забота, беспокойство, любовь, отзывчивость, тепло, душевная теплота [Ресенчук, 2018, с. 63]. К. Роджерс подчеркивал, что сопереживание предполагает восприятие эмоционального состояния другого человека, как если бы субъект эмпатии стал этим человеком, но условие («*как если бы*») обязательно сохраняется [Rogers, 1975, p. 4]. Сопереживание – это механизм, задействующий холодный разум для погружения в субъективность адресата. Сопереживание всегда менее интенсивно, чем стимульная эмоция, а также всегда окрашено дополнительными эмоциональными векторами. Не противоречит сказанному концепция Г.Г. Шпета, в которой симпатическое понимание, основанное на сопереживании и вчувствовании, варьируется у каждого воспринимающего субъекта и не предопределяется качеством исходного (стимульного) переживания [Шпет, 1989, с. 427].

Две составляющие сопереживания (рациональная и эмоциональная), которые выражаются в двух подходах, выделяющих когнитивное и аффективное сопереживание, обусловлены тем, что изначально данное состояние вызывается сознательно некоторым социальным мотивом, а затем субъект сопереживания может индуцировать в себе эмоциональное переживание [Decety, 2005]. Поэтому результаты ассоциативных экспериментов показывают, что на слово-стимул «сопереживание» респонденты реагируют упоминанием как положительно- (милость, человечность, вовлеченность, участие), так и отрицательно-оценочных (печаль, грусть, утрата, страдание, страх) эмоциональных переживаний [Тимохина, Казыдуб, 2023, с. 142]. Эмоциональная эмпатия, позволяющая

испытать схожее чувство (*fellow or vicarious feeling*), развивается раньше когнитивной [Shamay-Tsoory, 2011].

Сострадание имеет два полюса – адресантный и адресатный, где с позиции адресата сострадание соответствует оценочному знаку эмоции, которую испытывает собеседник (*Малодушное сострадание есть нетерпение сердца, желающего поскорее освободиться от груза чужого несчастья*), а с позиции адресанта – это способ почувствовать себя лучше, своеобразный катарсис: высвобождение отрицательной эмоции дает субъектно положительный эффект (*Если погибает центральный герой, сострадание перерастает в катарсис*). «Гашение» отрицательной эмотивности, ее вытеснение и замена на положительную наблюдается и с жалостью. Сострадание [Ashar et all., 2021; Engen et all., 2015], для тренировки которого в последнее время создаются специальные программы, направленные на развитие эмпатии, компенсаторный оптимизм и другие положительно-оценочные эмоциональные реакции на страдания другого, предполагает индуцирование положительно-оценочного эмоционального состояния, это стратегия эмоциональной регуляции, приводящая к эндогенной (внутренней) позитивизации взаимодействия (*the endogenous generation of positive affect*) [Engen, Singer, 2015].

Наблюдается сочетание сострадания с иными номинациями эмоциональных переживаний: восхищение (*Если и был в этом какой-то элемент жертвенности, то он остался во мне навсегда – чтобы полюбить, во мне должны родиться сострадание и восхищение / З. Синявская*), любовь (*Это не любовь, это сострадание / М. Жванецкий*), интерес (*На лицах не сострадание, а простое любопытство / А.А. Уткин*), гнев (*Истории, шокирующие нас, вызывающие гнев и сострадание, происходят постоянно / Прошло пять лет... // «Русский репортер», №3 (181); У него негодование, гнев, сострадание / Л.К. Чуковская; Во время рассказа его сострадание и гнев попеременно наполняли душу Лаптева / К.П. Масальский*), жалость (*Сострадание и жалость мешают собранности / В. Валеева; Жалость и*

сострадание влекли его к ставленнице / Неизвестный. Пламед и Линна), равнодушие (*Повсюду я вызывал сострадание, смешанное с равнодушием / В. Песков, Б. Стрельников*), грусть (*По широкому лицу Тингсмастера прошли грусть и сострадание / М.С. Шагинян*).

Сострадание характеризует низко активные положительные или отрицательные эмоции, поскольку для вызова подобных эмоциональных состояний необходим минимальный стимул:

Печигин же не мог, как ни старался, выдавить из себя сострадание к Фуату, хотя тот и требовал его всем своим видом, – многословное, то смеющееся, то хныкающее безумие замыкало поэта в себе (Е. Чижов).

Покупая себе Свидригайлова, Марфа Петровна отлично понимала, кого она покупает; ею не столько оплачивалось наслаждение или желание властвовать, лелеять, опекать, тешиться или хотя бы мучить, сколько именно добывалось право жаловаться, т. е. по-своему страдать и возбуждать к себе сострадание (И.Ф. Анненский).

В этих туфлях сострадание выглядит естественней (С. Сэ).

Что-то похожее на чувство благодарности я испытала к нему, что-то напоминающее сострадание (К. Сурикова).

Если человек боится змей, состояние страха предположительно будет характеризоваться разной интенсивностью при виде настоящей змеи и при мысли о змеях. Похожесть эмоционального реагирования на минимальный стимул возможна в ситуации симуляции неинтенсивных эмоций:

Служивый нагнулся над нею разглядеть поближе, и искреннее сострадание изобразилось в его чертах (Ф.М. Достоевский).

В лице его выражалось искреннее сострадание. Катерина Ивановна приняла и вежливо, даже церемонно, ему поклонилась (Ф.М. Достоевский).

Например, А.А. Анищенко считает, что одним из критериев притворного сорадования (подробнее о понятии сорадование см. далее) является краткая форма выражения, что не распространяется на междометия в эмотивном статусе аффективов [Анищенко, 2017], дополнительные пара-,

невербальные знаки иного эмотивного комплекса [Анищенко, 2019, с. 12]. Напротив, поддержка «эмоционального благополучия» адресата должна сопровождаться маркёрами искренности, естественности речи.

Сложность создания целостного и внешне воспринимаемого как соответствующего эмоциональному переживанию эмотивного комплекса выражается в отсутствии в языке номинаций для со-ужаса или со-восхищения. Сострадание легко симулировать, поэтому особо ценится искреннее сострадание:

К Зинаиде Ивановне Евгения чувствовала искреннее сострадание, а вот к Мокрухтину – глухую ненависть (Е. Гордеев, В. Гордеева).

А вообще лучше не знать своего отрицательного героя, возникает невольное сострадание (С.Б. Ласкин).

Маленькие жалостливые глазки его щурились, источая искреннее сострадание (Б. Васильев).

В лице его выражалось искреннее сострадание (Ф.М. Достоевский).

В отличие от индивидуальных эмоций партисипативные или совместные эмоциональные переживания социальны и научаемы: если человеку не нужно учиться бояться или радоваться, то у разделяемых эмоций имеется значительный культурный контекст формирования эмпатии, любви к ближнему. Ряд примеров объективирует именно эту характеристику сострадания – его общественность, всеобщность:

Закономерной было общественное сострадание и уважение к разоблачителю народных врагов (А. Пашкевич).

Всеобщее сострадание и сочувствие заставляли меня быть жестоким и холодным, даже слишком много острить и говорить о философских предметах (М. Смирнов).

Общественное сострадание может вызвать только человек, потерявший работу, не по своей воле выключенный из сферы общеполезного производства, - иными словами, временно исключенный из социальной жизни (И. Калинин).

Партисипативные (совместные) эмоции соответствуют понятию смешанных, поскольку, как и в случае с языковой объективацией моно-, амби-, полиоценочных эмоциональных состояний, в их структуре содержится рациональный и эмоциональный компоненты. Компонент ratio представляет собой сформированную мыслительную реакцию на стимул, компонент emotio – переживание человеком стимулируемого эмоционального состояния. Интересно, что антонимичное для сострадания понятие остается неопределенным:

Шеренги персонажей, отягощенных всевозможными проблемами, вызывают не сострадание, а скорее противоположные чувства (Д. Бобылева).

Заметим, что эмоционально-оценочные границы понятия противоположных чувств, в свою очередь, остаются размытыми и строго контекстуальными, к примеру:

- противоположные чувства = радость + обида (*Услышав такое, Игорь испытал совершенно противоположные чувства: с одной стороны, ему было несколько обидно, что сын не хотел с ним разговаривать, с другой стороны, он и сам не знал, что скажет сыну, при этом к горлу Игоря подкатило что-то вроде слезного кома от звука детского голоса, а еще Игорь был рад, что сыну настолько хорошо, что отец ему не особенно-то и нужен / А.Б. Сальников*);

- противоположные чувства = обида + ликование (*В Ласточкине боролись противоположные чувства, ущемленное самолюбие и желание расхохотаться: ведь действительно влипли, что ни говори / Н. Кожевникова*);

- противоположные чувства = презрение + негодование, или радость + грусть (*Взгляд на эти безобразия и трагикомические сцены вызывает прямо противоположные чувства... от презрения переходишь к негодованию, от смеха к слезам и от пренебрежения к отвращению / В.С. Веселовский*);

- противоположные чувства = любовь + привязанность (*В нем страшно боролись два противоположные чувства: любовь юноши и сыновняя привязанность / Е.П. Ростопчина*);

- противоположные чувства = удивление + презрение (*На лице запорожца изображались попеременно совершенно противоположные чувства: сначала, казалось, он удивился и, смотря на странную фигуру поляка, старался что-то припомнить; потом презрение изобразилось в глазах его / М.Н. Загоскин*).

Рациональная составляющая сострадания превалирует: эмотивный симулякр может быть выражен формально и превращаться в эмпатийную эмотивность:

В голове – сострадание, скорбь (С.А. Самсонов).

В. и Н., уже изрядно выпив, решили проявить «сострадание» к своей соседке и помочь «образумить» мужа (Р. Шилов).

Но теперь мне было не до остроумия: по лицу собеседников я понимал, что вызывал у них сострадание (В. Голяховский).

Повидавшая буквально все на своем веку старушка вызывала у Феликса какое-то доброе, глубинное сострадание (А. Ростовский).

Понятие эмпатийной эмотивности имеет ряд интересных особенностей. К примеру, в языке содержатся «эмотивные полуфабрикаты» (уже готовые к использованию» для конвенционального реагирования на боль, радость и пр. в форме этикетной эмоциональности). Статус подобных речевых формул – аффективы или номинации эмоциональных состояний.

Женщины и мужчины по-разному выражают сострадание: женское сострадание притворно (*Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце / М.Ю. Лермонтов*), а мужское – нет (*Считаю, что настоящее сострадание только мужчинам и доступно*). Качественные прилагательные конкретизируют ряд атрибутов сострадания, к примеру, настоящее (*Считаю, что настоящее сострадание только мужчинам и доступно / Форум:*

Мужчина в школ: взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри), элементарное (*Да хотя бы просто элементарное сострадание / С. Шикера*), сердечное (*Это последнее чинный, отменно круглоголовый седьмой «Б» улавливал безошибочно – и Лидино сердечное сострадание ничего не меняло, потому что переживала она не за Женечку, а за умозрительного сироту / О.А. Славникова*), снисходительное (*Принято называть, питая некоторое снисходительное сострадание к бесконечным затратам на музеи / Б. Мессерер*), насмешливое (*Во взгляде ее появилось насмешливое сострадание, как будто она была дорожным инспектором, а он пьяным водителем, и читать следовало его так: «Ну что, дружище / А.А. Уткин*).

В ряду смежных понятий сострадание занимает центральную позицию:

И во взгляде этом, в глазах своего давнего и милого сердцу приятеля, я заметил глубочайшее сочувствие, почти сострадание, я видел совершенно ясно, что ему меня стало жалко (М. Кураев).

Сострадание – не жалость: это способность со-страдать, понести страдание вместе с другим человеком, разделить чью-то муку, разделить чью-то боль (митрополит Антоний).

Сопричастность рациональна и формальна:

Мне радостно осознавать свою сопричастность с его судьбой еще и потому, что продолжением моих дел и забот здесь уже давно и прочно стали дела и заботы моих детей, потому что здесь они росли, получали образование, обзаводились собственными семьями, здесь родились и подрастают мои внуки (В. Голышев).

Как еще недавно кожанка, юнгштурмовка маркировала сопричастность человека к системе новых социалистических ценностей (Н.Б. Лебина).

Мы всем двором, взрослые и дети, наблюдали подъем аэростата – зрелище само по себе ничего не представляло, но сопричастность событию создавала некую «ауру» естественной общности, что ли (В. Гинзбург).

Неопределенная эмоционально-оценочная доминанта сострадания приводит к тому, что у него (сострадания) нет антонима. Для сопричастности важно наличие материального артефакта, который стимулирует эмоциональное состояние. В свою очередь, сопереживание эмоционально, поскольку оппозицией сопереживания является холодность, рациональность, сдержанность:

Трезвый расчет, а не сопереживание – вот что необходимо, если мы действительно хотим помогать другим (О. Матфатов).

Чёрт, мужик, да мне пофиг…» – рассердился на себя за сопереживание и, более того, застеснялся этого чувства как проявления слабости (Г. Ариткулова).

Вероятно, тут срабатывало некое эмоциональное сопереживание (Д. Рубина).

Рассчитанность скорее на читательское интеллектуальное соучастие, нежели на эмоциональное сопереживание (Б. Кутенков).

Это первая эмоция – боль и сопереживание (В. Лейбин).

Снова убеждаюсь: на первом месте не конкретная информация, а эмоциональное потрясение и сопереживание (Т. Коваль).

Сопереживание как социальная эмоция не самодостаточно, а включает в себя ряд составляющих элементов:

Это хорошие качества, от которых, казалось бы, «рукой подать» и до эмоций, выражающих сопереживание, сострадание (А. Яковлев).

Эмоциональное начало в человеке, в особенности его способность к воображению, порождает такие его качества, как эмпатия – сочувствие, сопереживание (Е.Т. Яковлев).

Многогранное «сопереживание» морем твоих чувств и стремлений делает его вечным собеседником (И. Северцев).

Сочувствие относится к базовым концептам языковой картины мира [Миронова, Карпова, 2020, с. 128]. Данное эмоциональное состояние стимулируется неблагоприятным состоянием или событием, с которым

сталкивается человек, синонимизируется с сожалением и состраданием [Кузнецова, 2010, с. 361]. Сочувствие амбивалентно (может быть и положительным, и отрицательным), вбирает в себя сопереживание, в котором переживание предполагает испытание отрицательной эмоции, также сочувствие конкретизируется номинациями эмоциональных состояний с конвенциональным оценочным знаком:

Пьер понял, что князьим Андрей хотел говорить о Наташе, и широкое лицо его выразило сожаление и сочувствие (Л.Н. Толстой).

Поглядел на лицо Pierr'a, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие к счастию своего принципала (Л.Н. Толстой).

Есть люди, которые смотрят на напечатание моих воспоминаний о Бенни совсем не так, как взглянули на это Вы и другие почтенные лица, сочувствие и одобрение которых мне приятно и дорого (Н.С. Лесков).

Но за всем тем в этом подмигивании выражалось не осуждение, а, напротив того, безгранично нежное сочувствие к подвигам Горехвастова (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Наряду с сопереживанием [Кузнецова, 2010, с. 361], сорадование как форма содействия чужой радости, относится к сфере речевой эмпатии. В сорадовании вербальную репрезентацию получает выражение понимания чувств коммуникативного партнера. Сорадование реализуется в пространстве положительной эмотивности и ориентировано на сохранение позитивной доминанты общения, т.е. экспликацию радости в связи с успехом, удачей, счастьем другого лица [Анищенко, 2019, с. 9-10]. Сорадование соответствует условному положительному полюсу шкалы с центром сочувствия:

И собственная мука и сострадание, и братски любовное сорадование чужой радости – да облегчат путь его душе на той дороге, куда открыл его врата смертный час (В.Г. Малахиева-Мирович).

Всякое «сочувствие» — сострадание и сорадование, – как бы поверхностно и мимолетно оно ни было, и даже простая улыбка привета – в

конечном счете даже простая «вежливость», поскольку она не есть внешняя, заученная манера, а истекает из непосредственного «уважения» к человеческой личности, – есть проявление любви в намеченной нами здесь метафизической ее сущности (С.Л. Франк).

Анархия в хозяйстве, в первую очередь, превращает товарища во врага, разрывает узы доверия и готовности к помощи и вызывает в человеке тот страх, который убивает сострадание и сорадование (М.М. Пришвин).

Несмотря на то, что сфера сорадования значительно у́же сопереживания, что обусловливает более частотное проявление эмпатии в связи с негативными событиями [Кузнецова, 2010, с. 363], примечательно, что данная шкала (сопереживание – сочувствие – сорадование) смещена к полюсу положительного: демонстрация положительного или отрицательного эмоционального отношения получает социальную положительную оценку.

Социальный аспект партисипативных или совместных эмоций состоит в привлечении субъекта в социально значимую коммуникативную кооперацию, а сопереживание становится облигаторным минимальным компонентом, позволяющим участникам коммуникативной ситуации взаимодействовать более или менее эффективно. Рассогласованность в выражении эмоционального состояния коммуникативных партнеров выступает одной из причин псевдокоммуникации [Пономарева, 2020, с. 138], бесцельного общения, когда формально выраженное взаимодействие не направлено на достижении основной цели коммуникации (обмена информации), где форма вытесняет, подменяет содержание. Направленность эмоциональных векторов коммуникантов в условно различные оценочные полюсы представляет одну из значимых коммуникативных помех. Однако аналогичный критерий разнонаправленности эмоционально-оценочных векторов в иных коммуникативных условиях (к примеру, юмористический дискурс) сказывается положительно на коммуникации.

Проблема языковой репрезентации партисипативных эмоций имеет такую примечательную перспективу, как эмоциональное резонирование [см.:

Mondillon, Tcherkasof, 2009]. В качестве теоретической опоры могут выступить зеркальные нейроны, представляющие собой особые клетки головного мозга, которые активизируются при наблюдении за другим человеком. Человек склонен непроизвольно копировать эмоциональные переживания Другого, в частности, имитируя выражения лица. Эффект эмоционального резонирования для коммуникации проявляется в направленности данного феномена на позитивизацию общения, поскольку участники общения (агент и наблюдатель) находятся в одном (непосредственно переживаемом и имитируемом) эмоциональном поле. Также интересно, что люди, чей социальный статус низкий, чаще копируют эмоции собеседника, имеющего более высокий статус. Данное правило может нарушаться в межличностной доверительной коммуникации или, напротив, человек переносит привычную модель социального реагирования на интимное общение. Кроме того, человек более высокого социального статуса, вероятно, подавляет естественные процессы «отзеркаливания» эмоций, в результате отказа от открытого выражения эмоций, когда социальное положение становится фактором, мешающим нормальной деятельности мозга.

4.1.2. Коммуникативная репрезентация невыразимых эмоций

Развитие научного знания может быть объяснено синергетической моделью самоорганизации через (не)интенциональное создание внутренней неравновесности. Энтропия соответствует стремлению уточнить, видоизменить или поставить под сомнение устоявшиеся системные свойства и признаки. Поэтому попытки преобразовать сложившуюся концепцию, типологию, методологию должны рассматриваться как естественное динамическое прогрессивное движение, что обладает потенциалом актуализации новых проблемных областей и установления межпарадигмальных связей между объектами.

Базовые эмоции вторичны. В роли первичных выступают диффузные эмоции. Язык отражает данное положение наличием парадигмы способов

экспликации разного рода эмоциональных переживаний: от диффузных неэксплицируемых (*непонятных, смутных* и пр.) к номинациям эмоций (в том числе базовых), которые впоследствии образуют номинации смешанных эмоций (к примеру, *радость и грусть*), а затем язык объективирует новое измерение диффузных эмоциональных переживаний (*радостные эмоции, грустные эмоции* и пр.), где заданы только оценочные границы.

4.1.2.1. Предварительные наблюдения

Сфера эмоционального всегда привлекала внимание философов, психологов и филологов. В настоящее время существует множество типологий эмоций, огромное количество авторских подходов к их анализу. Исключением в данной плюралистической парадигме, на наш взгляд, является концепция языковой категоризации эмоций. Эталонность данной концепции обусловлена инициальным применением основных психологических характеристик эмоций (их кластерность, суммативность, поли- и амбивалентность, субъективность и субъектность) к их языковой объективации. Отсюда, наличие строгой и непротиворечивой структуры языковой категории эмотивности сопровождается допущением о естественном и безграничном потенциале (см.: [Лосев, 1981; Стернин, 2006]) изменений способов экспликации, дескрипции и номинации эмоций. В первую очередь, концепция языковой категоризации эмоций обратилась к базовым эмоциональным переживаниям, но уже на этом этапе обнаруживается неоднозначность как выбора критериев для отнесения той или иной эмоции к базовой, так и числа данных эмоций. В рамках нашего исследования значима идея о том, что базовые эмоции служат основой для последующего производного образования от них небазовых, в том числе сложных, эмоций.

Положение о существовании ограниченной группы базовых эмоций не является общепризнанным. Например, исследователи задают риторические вопросы о том, являются ли базовые эмоции универсальными и образуют ли они путем комбинации эмоциональные бленды и смешанные эмоции (*émotions mixtes*), появляются ли базовые эмоции онтологически раньше небазовых

эмоций [Rivera, 1977, p. 100-106]. Понятие базовых эмоций считается неопределенным, поскольку понятие простой комбинации, элементарного смешения базовых эмоций для образования производных содержит в себе логические нарушения. Выделение базовых эмоций основано не на объективных критериях, а может быть обусловлено интенсивностью эмоционального состояния (по этой причине, возможно, к базовым эмоциям относят гнев и страх). К. Шерер [Sherer, 2005, p. 701] указывает, что так называемые базовые эмоции выделяются по признакам частотности и прототипичности. Поэтому альтернативной номинацией базовых эмоций является такая формулировка, как «модальные эмоции (*modal emotions*).

В критическом обзоре [Ben-Ze'ev, 1990, p. 308] указывается, что эмоциональное отношение является крайне сложным для изучения явлением, поскольку 1) эмоции высоко зависимы от контекста и личности экспериенцера; 2) эмоции продуцируются в зависимости от комплекса факторов (так, любовь это не просто противоположность ненависти, поскольку каждое из названных эмоциональных переживаний является сложным, включает в себя множество значимых оценочных и отношенческих плоскостей); 3) типологическое эмоциональное отношение/переживание включает в себе более одной эмоции (к примеру, можно понять, что вы влюблены, испытывая эмоциональное состояние ревности). Контекстуальность эмоций соотносится с проблемой коннотемизации, под которым предложено понимать образование у слова дополнительного эмоционально-оценочного со-значения через актуализацию потенциальной семы [Кислицына, 2021, с. 34]. Любое слово способно стать коннотативом и даже аффективом. Можно говорить об индивидуально-авторских коннотативах. Как замечает В.И. Шаховский, на современном этапе развития эмотиология всё активнее переходит к изучению именно эмоционально-смыслового пространства языковой личности [Шаховский, 2019, с. 36].

Дж. Аверилл [Averill, 1991] отмечает, что не все понятия находят свое отражение в языке. Постулируется необходимость выделения когнитивных

эмоций, в том числе неосознаваемых (*unconscious emotions*). К примеру, удивление как когнитивная эмоция не имеет определенной оценки (*eliciting conditions*) [Johnson-Laird, Oatley, 1989, p. 30-32]. Понятия или концепты, которые лишены самостоятельного вербального обозначения, автор называет эндоконцептами, куда предлагает относить и эмоциональные переживания, не имеющие имени. Их появление соотносится с процессом взросления, когда появляются как новые идеи, так и увеличивается опыт. Значительная часть поэтических работ, музыкальных произведений или картин могут быть рассмотрены как попытка облечь в слова или иные семиотические образования элементы эмоционального опыта. Личностное эмоциональное развитие [Averill, Thomas-Knowles 1991, p. 269] сопровождается инновациями и изменениями в выражении эмоциональных переживаний. Эмоции сопоставимы с живописью, поскольку обладают и формой, и содержанием, являются результатом внутреннего видения художника и обладают бесконечным потенциалом. Поэтому под эмоциональной креативностью принято понимать развитие эмоциональных переживаний, становящихся новаторскими, непривычными, эффективными, индивидуально-специфичными (оригинальными) [Id., 272].

Диффузные эмоции первичны (по принципу эмоциональных выкриков как первых слов), поскольку в процессе эмоционального познания происходит становление классов эмоциональных типов реагирования, а затем их категоризация в группы, к примеру, базовых эмоций. Материал Национального корпуса русского языка показывает, что процесс языковой категоризации эмоций может инициироваться неопределенными формулами («*что за чувства», «какие-то чувства», «какие-то эмоции»* и пр.):

Люди, бредущие по тропкам меж сугробов, что за чувства владеют вами? (Ю. Гумен).

Вопрос, что ты будешь делать теперь, когда узнал, что я жив. Хоть какие-то эмоции тебя обуревают? — Морду я хочу тебе набить, вот что, — ответил Игорь. (А.Б. Сальников).

Мать перечитывала их снова и снова. Всё пыталась отыскать какие-то чувства. Я-то знал, что это бесполезно… (С. Довлатов).

В нем клокотали какие-то чувства протеста к своим партнерам, к помещению, в котором он работал (А. Эфрос).

Ряд эмоциональных переживаний не имеет систематизированного обозначения. Данные экспликации эмоций объединяются гиперонимом ‘неэксплицируемые’ в подклассы (*приятные, неприятные, любовные, необычные, запутанные, сложные, непонятные, странные* и пр.), к примеру:

Кольцо с лукавым бриллиантом, купленное некогда для Ирочки с большой скидкой и потому до сих пор вызывающее приятные чувства, Женечка пока что оставил дома (О.А. Славникова).

Когда я мчу по трассе, эти венки и кресты порой меня очень сильно пугают, отвлекают от дороги. Сразу какие-то неприятные чувства возникают. Возможно, будет лучше, если дорожные мемориалы канут в Лету (М. Клапатнюк).

Даже испытывая неприятные эмоции, они сохраняют самообладание и контроль над своими действиями (Ю.А. Гагарин, В.И. Лебедев).

В детстве я тоже балован не был душевной настоящей теплотой, но тогда я не встречал еще холодности жестокой со стороны матери — любовные чувства довлели над остальными и, потому, скоро забывались и дикие побои (иногда головой о стенку) и злобные упреки, и бойкот всеми способами (В.Н. Гельфанд).

Потому что ты во мне вызываешь совсем необычные чувства (И. Калабухова).

Мне снятся длинные сложные сны, какие-то запутанные чувства, я и днем почти сплю, потому что это действительно не жизнь, а сон (О.Н. Ковалёва).

Господин и госпожа из Сан-Франциско стали по утрам ссориться; дочь их то ходила бледная, с головной болью, то оживала, всем восхищалась и была тогда и мила, и прекрасна: прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла

необычная кровь, ибо ведь, в конце концов, и не важно, что именно пробуждает девичью душу, — деньги ли, слава ли, знатность ли рода… (И.А. Бунин).

Они долго сохранялись в маленьком кожаном кошелечке; ужасно сложные и непонятные чувства вызывал этот мощный золотой кружок среди грязноватых складок кожи! (Ю.К. Олеша).

Я искал ответ в глазах моей любви и в собственных желаниях; после нашей памятной первой брачной ночи, если только ее возможно так назвать, другие женщины вызывали во мне странные чувства (А. Григорович).

Анализ примеров НКРЯ показал, что репрезентация странных чувств может как сопровождаться пояснением, так и нет. В последнем случае странные чувства остаются неконкретизированными, данное обозначение указывает только на невозможность подобрать узуальное средство экспликации эмоционального переживания. Конкретизация странных чувств происходит либо с помощью номинаций эмоций, либо путем синонимической замены:

Для меня это какие-то странные чувства, чрезмерные... (А. Берсенева).

В данном примере странные чувства синонимизируются с чрезмерными: говорящий обращает внимание адресата на то, что несводимость эмоционального переживания к известной эмоции считается странным, отклоняющимся от условной нормы эмоционального поведения. Чрезмерность, которая в толковых словарях определяется как нечто превосходящее меру; слишком большое, слишком сильное, сообщает объем эмоционального переживания, включающий более одной эмоции. Также интересно, что чрезмерность как синоним странности чувственного опыта может проявляться на фоне социальных границ в выражении эмоций: переживание ограничено быть не может, а средства выражения редуцированы, причем разного рода коммуникативные ситуации дополнительно сдерживают субъекта в трансляции своих переживаний. Т.е. странные чувства есть не только составленные из некоторого множества эмоций, но и

несоответствующие социальной норме применительно к определенной ситуации.

Странные чувства могут быть разделены на амбивалентные и моновалентные. В следующих примерах странность используется для обозначения оценочно противоположных эмоций:

- Ты знаешь, – сказал я сидевшему в соседнем кресле Давиду Кугультинову, – почему-то в полетах я испытываю странные чувства: когда лечу на восток – время тянется нестерпимо долго, душу гнетет тревога, томят дурные предчувствия… Когда же лечу обратно, с востока на запад, совсем иное настроение: душа поёт, время летит, лишь успевай переводить стрелки, меняя часовые пояса, возникает ощущение возвращенной молодости… Я покосился на соседа: не заснул ли от моих велеречий? Но нет, узкие щелки его глаз не были смежены (А.Е. Рекемчук).

Во мне он возбуждал тоже странные чувства: я любил его, как добряка, и боялся, как разбойника. В семье у нас опасались его. Так и в этот раз мы оторопело смотрели на него и ждали, что он ошарашит всех внезапным озорством. Но он вдруг подхватил меня под мышки и вскинул к потолку (Ф.В. Гладков).

Активность и интенсивность эмоций не значима для странных чувств, что показано на примерах объединения тревоги, беспокойства и радости, а также любви и страха. Линейное расположение номинаций эмоций, которые конкретизируют диффузную эмотивность странных чувств, не является значимой.

Частотно в полученной выборке примеров среди номинаций эмоций встречается удивление:

Вызывает у сегодняшнего читателя странные чувства – недоумение, неловкость, раздражение, стыд (А. Окара).

Нехлюдов испытывал странные чувства – и сострадания к тем людям, которые сидели, и ужаса и недоумения перед теми, кто посадили и держат

их тут, и почему-то стыда за себя, за то, что он спокойно рассматривает это (Л.Н. Толстой).

Удивление (недоумение) играет важную роль для конкретизации диффузной эмотивности странных чувств, поскольку объективирует своеобразный стимул, указывающий на несоответствие норме, а затем дополняемый попыткой развернутого описания эмоционального переживания.

Также эффективным приемом экспликации эмоционально-смыслового наполнения странных чувств является отрицание:

Странные чувства овладели теперь Кряжовым: он не сердился, не смел сердиться на дочь за ее резкие слова; нет, напротив того, он еще более понял всю тягость ее положения и страдал за нее более прежнего (А.К. Шеллер-Михайлов).

В представленном примере автор предвосхищает возможную неверную интерпретацию эмоционального переживания через отрицание, но это не исключает того, что в данный момент говорящий переживает неактивные отрицаемые эмоции и активные эмоции, которые выражаются утвердительно; это приведет к созданию амбивалентного эмоционального кластера, состоящего из одобренных и скрытых эмоций.

Следует отметить, что разграничивать необходимо кластеры эмоций (*fixed emotions*) и элементы кластера (*fluid emotions*). Конститутивные элементы кластера могут быть как эксплицитными, так и имплицитными, а несколько кластеров – объединяться в единое целое. Неопределенные эмоциональные переживания выкристаллизовываются в форму базовых эмоций и образуются кластеры базовых эмоций, от которых, в свою очередь, развивается иной вид диффузных эмотивов (*печальные, отвратительные, яростные, радостные, грустные* и пр.) без эксплицитно обозначенного ядра, но с известным кластером (ср.: *грусть и грустные чувства; радость и радостные чувства*):

Но каждый раз, когда вижу я длинную тощую фигуру с головой, чуть склоненной набок, в глубокой задумчивости, — разом оживают во мне веселые и печальные чувства двадцатых годов (Е.Л. Шварц).

Это не важно, – ответим мы, – а вот важно то, что крякать от удовольствия при виде пролития человеческой крови возможно только тогда, когда испытываешь кровожадность, злобу, ненависть, – и если эти низменнейшие, эти отвратительные чувства возникли в нашей душе только потому, что разволновались наши человечнейшие чувства – любовь к страдающему и кроткому герою, если эта дикая озверелость наша тихонечко и незаметно вылезла из растроганности наших благороднейших чувств, которые разбередил в нас театр, – разве не показывает это уже с некоторой ясностью смутную, страшную природу наших душ (М. Агеев).

Данилов опять опечалился, но сейчас же, не желая раскисать, изгнал из себя грустные чувства (Вл. Орлов).

Да еще семейные неурядицы, острые и яростные чувства вторгались в работу, ломая заведенный порядок жизни (И.В. Евдокимов).

Ему непривычно было называть Маняшку женой, но это вызывало радостные чувства, и Артем, засыпая на мягкой постели, приготовленной ему матерью в горнице, несколько раз повторил (Г.М. Марков).

Отдельный интерес вызывают гендерные эмоции (*мужские и женские эмоции*), а также проблема синкретичных эмоций (*сладкие, соленые, невидимые эмоции и чувства*). Нечеткое содержание данных эмоциональных переживаний отвечает явлению смешанных эмоций, которые могут быть моно-, поли- и амбивалентными:

В глазах ее была смесь ужаса и восхищения (К.Л. Селиверстов).

Не спасение, а скорее страх и отчаяние изображает художник (С. Степанова).

Фраза, брошенная мне в лицо, была давно придумана, и в ней были ненависть и презрение, накопленные месяцами и, может быть, даже годами (Ю. Трифонов).

Но блеснувшая на миг радость смешалась с печалью и утонула в печали (В. Гроссман).

Проблема диффузных эмоций является объектом исследований в области автоматического распознавания эмоциональных переживаний по мимике человека. Применение модели неопределенных эмоций позволяет не столько делать выбор по количественному признаку одно из эмоциональных переживаний (согласно, к примеру, концепции П. Экмана, в которой выделяются базовые эмоции радости, грусти, гнева, отвращения, страха и удивления), сколько вычислять представленность качественных компонентов, находящихся в зависимости от квантитативно доминантного признака, но учитываемых при распознавании мимики (к примеру, речь идет о комбинации доминанты в виде гнева со страхом, отвращением или грустью). В итоге, по таким признакам, как положение бровей, глаз, носа, губ, рта вычисляется соответствие компонентов базовым эмоциональным переживаниям и на выходе формируется вывод о наличии у человека неопределенной эмоции [Dewi, Basaruddin, Rahmat, 2019, p. 180].

Сквозь призму нечетких множеств (fuzzy sets) изучается проблема компьютерного моделирования эмоциональных переживаний [Kuo-Kuang Fan, et all, 2015]. В рамках исследования авторы используют модель Р. Плучика, который выделил 8 базовых эмоциональных переживаний (4 пары противоположных эмоций, а именно восторг и горе, настороженность и изумление, восхищение и отвращение, гнев и ужас) и интенсивность данных эмоций (к примеру, гнев – злость, досада; восхищение, доверие, принятие; горе – грусть, печаль).

Также данная модель включает в себе пограничные эмоциональные переживания, представляющие собой смешение базовых эмоций: любовь находится на стыке кластеров восторга и восхищения; покорность – кластеров восхищения и ужаса; трепет – кластеров ужаса и изумления; разочарование - кластеров изумление и горе; раскаяние – кластеров отвращение и горе;

презрение – кластеров гнев и отвращение; агрессия – кластеров настороженность и злость; оптимизм - кластеров восторг и настороженность).

Сведéние всех эмотивов к трем условным группам (аффективы, коннотативы и потенциативы) и к трехчастной классификации по способу языковой объективации эмоции (номинация, дескрипция, экспликация) являет собой способ создания точки опоры для последующих исследований частных проблем эмотиологии. В действительности, эмотивная лингвистика изначально исходила из того, что эмоционально-смысловое наполнение слова безгранично и представляется неопределенным, эмотивы дискурсивны, флуктуативны, вариативны, оценочный знак эмотивов меняется в зависимости от коммуникативной эмоциональной ситуации, соотношение эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций предполагает все возможные модели эмоционального реагирования.

Языковая объективация неопределенной, неявной, диффузной эмотивности соответствует природе эмоций и представляет собой пространство, из которого оформились эмоции, уже имеющие собственное обозначение. Данное пространство позволяет актуализировать в нем дополнительные приемы выражения эмотивности в форме как слов/словосочетаний, обозначающих новые эмоции, так и смешанных, блендированных, сложных, когнитивных, неосознаваемых эмоций. Отдельное внимание следует обратить на базовые эмоции и словосочетания, в которых базовая эмоция становится качественной характеристикой понятия «эмоция» (например, грустные, радостные эмоции), когда семантики базовой эмоции становится недостаточно для категоризации эмоционального переживания индивида. Система языковой объективации эмоций уточняется, что приводит к усложнению и совершенствованию понимания процессов реализации категории эмотивности.

4.1.2.2. Девербализация и деэмотивизация в аспекте невыразимых эмоций

Отражение действительности языковыми средствами является приблизительным, аппроксимативным. Реальность принципиально недостижима для человека по причине того, что вещи есть чистые денотаты, которые существуют в семиотическом вакууме. Соответственно вещи принадлежат регистру Реального, из-за чего они невозможны. Единственная реальность, которая доступна человеку – компульсивно-обсессивная, повторяющаяся, гипертекстовая вымышленная реальность слов, поскольку вещи недоступны человеку, в его распоряжении находятся только слова, благодаря которым он думает о словах [Руднев, 2020, с. 155]. Соответственно мысль о вещи вторична, когда с применением механизма аппроксимации говорящий создает текстовую проекцию, которая преобразовывает ментальные представления о «многомерной жизни» в «многомерную плоскость текста» [Ионова, 2006, с. 5]. В процессе языковой категоризации эмоций создание данной текстовой проекции усложняется дополнительно тем, что говорящему нужно попытаться выразить не столько объективный (принципиально недостижимый по причине условности языка), сколько субъективный мир. Языковая система, в свою очередь, реагирует на данную невозможность тем, что постоянно варьирует уже имеющиеся (на уровне формы и содержания), а также предлагает свободные потенции для создания новых способов экспликации эмоций для приближения к недостижимой эмоциональной реальности.

Переосмысление и трансформация эмоционально-смысловой составляющей слова можно описать через девербализацию. Девербализация является одной из примет современной человеческой коммуникации, при которой слова заменяются языком тела и акциональными знаками [Шаховский, 2020, с. 221]. Процессы девербализации являются внешним проявлением десемантизации, происходящей от неудовлетворенности возможностями языка и/или запрета на использование данных возможностей.

Десемантизация представляет собой «процесс семантического опустошения слова» [Мандрикова, 2015, с. 69-73], это полная или частичная утрата одного или нескольких компонентов лексического значения [Кокошкина, 2011, с. 4]. При полной десемантизации дифференциальные семы утрачиваются, архисема заменяется на более абстрактную, а при частичной – происходит потеря одной или всех дифференциальных сем с сохранением потенциальной семы [Панкина, 2012, с. 84]. Феномен девербализации, предполагающий процесс обеднения языка, упрощения, редукции общения до минимального информативного обмена, имеет и конструктивную составляющую. Девербализация эмоций и мыслей равно и показатель невыразимости, неуловимости, восприятия конвенционального языка как недостаточного для экспликации коммуникативного намерения. В свою очередь, коммуникация строится на презумпции значимости адресата, который определяет смысл. У слова открывается индивидная валентность в виде сочетания слова с человеком как знаком, а вербализованное слово превращается в девербализованное, поскольку его эмоционально-смысловая составляющая не задана, не определена, гибка, флуктуативна [Клушина, 2014, с. 340-341].

Десемантизированные слова (как результат) принято отличать от слов с размытой семантикой, когда последние суть слова, не достигшие предела семантического развития, у них отсутствует иерархия, значения относятся к одному микрополю, слова приобретают безграничное число значений внутри контекста посредством наведения в семантику потенциальных адгерентных сем. Неопределенный интенсионал, конкретизируемый импликационалом, является основной семантической диффузии, на которой основа десемантизация.

Разнообразные новые значения слова, приобретаемые в результате действия на смысловое содержания процесса десемантизации, исследователи относят к подзначениям, употреблениям, оттенкам [Жуков и др., 2003, с.107]. Однако важно, что семантическая диффузия представляется сущностной характеристикой семантики любого слова, когда при условии отсутствия

контекста каждая лексическая единица характеризуется неполнотой, недосказанностью, неопределенностью [Там же, с. 110]. Среди причин диффузии семантики слов рассматривают как технический прогресс, в целом, порождающий новые явления, предметы, лишенные определенного названия, например, paraphernalia, memorabilia, flotsam, jetsam [Желонкина, 2013, с. 112], так и генерализованную семантики слов, зависимость значения слов от контекста, отсутствие четкой предметной соотнесенности и определенного представления о том, что обозначает данное слово [Ulmann, 1962, p. 118]. И.В. Кокошкина отмечает, что помимо контекста катализаторами десемантизации являются устная коммуникация, уровень речевой культуры говорящего, его эмоциональное состояние, дополнительные особенности протекания коммуникативного акта [Кокошкина, 2011, с. 13].

На уровне эмоциональных переживаний также следует говорить о потере и/или преобразовании способов описания эмоций через деэмотивизацию, под которой можно понимать отказ от привычных способов языковой категоризации эмоций и создание новых, неконвенциональных обозначений для мира эмоциональных переживаний. Подобное развитие и, бесспорно, усложнение подсистемы языковой категоризации эмоций является следствием деструктивного внешнего воздействия на нее говорящим.

Интересно, что в психологии подобное состояние деэмоциональности изучается наряду с афазийными (алалия, алексия, аграфия и пр.) расстройствами личности. Алекситимия представляет собой сниженную способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний, когда к характеристикам аклекситимичной личности относят трудность вербального выражения эмоциональных переживаний, неспособность или затрудненность дифференциации эмоциональных переживаний от телесных ощущений, объективность и предметность категоризации в том числе внутреннего мира, отсюда следует бедность воображения или фикциональная упрощенность [Никитин и др., 2006, с. 75]. В своей статье О.В. Петрова обращает внимание на то, что из сознания студентов в настоящее время

пропадает «индивидуальная физиономия» понятий, когда окружающий мир категоризуется, напротив, с использованием абстрактных обозначений, что сопровождается пренебрежением значениями слов, нарушениями лексической сочетаемости, абсурдизации речи [Петрова, 2007, с. 100].

Согласно Торонтской шкале алекситимии Дж. Тэйлора (1985 г.) [прив. по: Понять себя…, 2007, с. 9] при диагностировании алекситимии предлагается пройти опрос по принципу семантического шкалирования, включающий более 25 вопросов. В данных вопросах основное внимание фокусируется на фантазийности, фикциональности, проективности («*Мечты – это потеря времени»; «я редко мечтаю», «Я часто мечтаю о будущем», «Я провожу много времени в мечтах, когда не занят ничем другим», «Я часто даю волю воображению»*), затрудненности контроля («*Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто не знаю, почему я сержусь*») и описания эмоциональных переживаний / состояний («*Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто затрудняюсь определить, какие чувства я испытываю»; «Мне трудно находить правильные слова для моих чувств»; «Я способен с легкостью описать свои чувства»; «У меня бывают чувства, которым я не могу дать вполне точное определение»; «Мне трудно описывать свои чувства по отношению к людям»; «Я не знаю, что происходит у меня внутри*»; «*Когда я расстроен, я не знаю, печален ли я, испуган или зол»*).

Наряду с приведенными выше особенностями среди признаков алекситимичной личности выделяют повышенную тревожность, увеличенную частотность агрессивных способов реагирования, пониженную эмпатийность [Семке и др., 2009, с. 94]. В исследовании Д.С. Никулиной и Д.В. Аднодворцева показана зависимость трудоголизма от алекситимии, поскольку трудоголики испытывают трудности при выражении своих чувств и эмоций, что сопровождается тенденцией к сдерживанию и подавлению эмоциональных переживаний [Никулина, Аднодворцева, 2006, с. 273]. Исследователи отмечают, что люди, страдающие алекситимией, тяготеют к вещественной ориентации и опредмечиванию субъективной

действительности, не испытывают удовольствия от повседневных занятий, обладают завышенным уровнем притязаний (вероятно, это может быть обусловлено собственно акцентом на предметном видении мира), становятся более категоричными и авторитарными.

Проблема алекситимии показана в произведении С. Мурата «Человек-комбини» (2020). В данном романе описывается жизнь сотрудницы комбини – круглосуточного магазина шаговой доступности в Японии. Героиня романа с детства испытывает трудности выражения и адекватного происходящей ситуации переживания эмоций («*Я чувствовала, что мой поступок, наверно, и правда был чем-то непростительным, но почему – для меня оставалось загадкой*»; «*По ходу, я опять облажалась, но как именно – снова не понимала, хоть тресни*»).

Разного рода отклонения от нормы маркируются эмоциональным отношением/состоянием говорящего: к примеру, в таком частном направлении лингвистических исследований, как лингвистика измененных состояний сознания, убедительно доказано, что эмоциональная напряженность воздействует не только на поверхностный синтаксический уровень высказывания, но и на процесс порождения речи, выбора слов для объективации коммуникативного намерения [Спивак, 1985, 1986].

В результате К. Фурукура (главная героиня романа) начинает симулировать «нормальное» поведение окружающих ее людей, вплоть до интонации и манеры речи, превращаясь в *homo kombini*. Среди особенностей коммуникативного поведения данной личности в романе выделены такие характеристики, как симуляция, похожесть, отсутствие эмпатии («*Наверно, своего племянничка я всё же должна ценить куда больше. Но для меня что один, что другой одинаковы, как бродячие кошки <…> оба – всего лишь животные из породы "младенец*"«), подавление актуальных эмоциональных переживаний («*Хотя такое чувство, как гнев, лично мне почти не знакомо*») и демонстрация эмоций по подобию окружающих лиц («*Да, я – безупречная деталь механизма этого мира»; «Придет утро и я опять стану homo kombini*

-и превращусь в шестеренку этого мира. Одно лишь это делает меня "нормальным человеком"»). С целью уподобления «нормальному» человеку героиня романа начинает жить вместе с мужчиной для создания о себе образа соответствующей социальным представлениям женщины, увольняется с непрестижной работы в магазине, где она проработала 18 лет и куда изначально устроилась в качестве подработки. Однако данные изменения приводят к тому, что человек-комбини замыкается в себе, перестает контактировать с окружающим миром. Только возобновление работы в магазине возвращает ей радость жизни («*Я всё поняла. Я не просто человеческое существ. Я – Человек-комбини. И даже если я ненормальна как человек, даже если мне придется сдохнуть от голода в канаве – от самой себя мне не убежать. Каждая клетка моего тела существует только ради комбини*»).

В данном романе неспособность выражать и переживать эмоции, характерные для «нормального» человека, приводит к попытке создания о себе образа среднестатистического человека, когда симулятивная деятельность вытесняет естественное восприятие и реагирование на окружающую действительность. Границы условной шкалы нормы смещаются, а отклонение становится индивидуальной нормой. В анализируемом романе точно показаны не только трудности языковой категоризации эмоций, но и естественная для любого эмоционального переживания неопределенная оценочная и смысловая составляющие, когда конвенциональные эмоции и средства их выражения не воспринимаются говорящим таковыми.

Герой романа Сон Вон Пхён «Миндаль» (2023) с диагнозом алекситимия рассказывает о пути взросления в мире эмоций, показывает, насколько эмоции и эмоциональные реакции важны в повседневной жизни современного общества и насколько неспособность эмоционально выражать свои переживания/отношения губительна для индивида, стремящегося интегрироваться в общество.

(1)

В тот день один человек был ранен, шестеро погибли. Первыми жертвами стали мама и бабуля. <...> А мне оставалось лишь наблюдать за этой сценой, развернушеся прямо перед моими глазами.

Не испытывая при этом никаких эмоций. Впрочем, как и всегда.

(2)

- На фото плачет ребенок, он потерял маму. Как ты думаешь, что он сейчас чувствует?

Я не знаю, что ответить, и беспомощно поднимаю взгляд на сидящую рядом мать.

(3)

Для меня что радость, что грусть, что любовь, что страх - все было размытыми понятиями. И такие слова, как «чувство» или «сочувствие», казались мне не более чем просто непонятными закорючками на бумаге.

Автор художественного произведения пытается показать значимость сферы эмоций в современном мире, несмотря на кажущееся безразличие. Главный герой произведения превращается в своеобразный «эталон» безэмоциональности, для которого конвенциональные эмоциональные переживания представляют собой дискретное образование:

(4)

- Все теряет смысл, если часто повторять. <...> «Любовь». «Любовь». «Любовь». «Лю». «Бофь». «Лююююбоофь». «Любофьлю». «Бофь». «Бофь». <...> И смыслы исчезали. Прямо как у меня в голове, которая изначально была чистым листом.

Отдельное внимание обращает на себя название («Миндаль»), которое интересно не только как пример реализации безграничных эмоционально-смысловых потенций приращения семантики, где нейтральное слово становится эмотивом, но и игрой слов: главный герой должен был есть миндаль, чтобы у него выросли миндалины или амигдалы, ответственные за переживание эмоций.

Ж. Батай затрагивает проблему «смутных внутренних состояний», которые сопровождаются невозможностью либо трудностью экспликации: «Если мы безропотно подчиняемся закону языка, этих состояний (смутных внутренних. – Прим. наше. – А.Ш.) будто бы и нет. Но если – наперекор этому закону – нам доведется столкнуться с собою, мы можем мимоходом остановить сознание на одном из этих состояний, и, прервав рассуждение, задержаться на вызванном им изумлении» [Батай, 1997, с. 37]. В приведенной выше цитате значимым для настоящего исследование выступает не только неопределенный качественный конкретизатор «смутные» для характеристики эмоционального состояния, но и указание на то, что подобные «смутные эмоции» обнаруживают искренние личностные переживания индивида. Для интерпретации таких переживаний необходимо отвлечься от рационального восприятия («*рассуждение*») и довериться эмоциональному импульсу, что может означать поиск новых средств объективации эмоционального переживания (ср.: «*прерывание рассуждения*», где рассуждение строится с использованием конвенциональных приемов экспликации эмоций).

Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что частотно затрудненность вербализации эмоциональных переживаний сопровождает положительные (радость, благодарность), отрицательные (возмущение, изумление) эмоции, а также состояние взволнованности, обеспокоенности, сконфуженности:

Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить своё возмущение (А.Т. Аверченко).

Целую Ваши ручки и Вас, а о благодарности моей за Ваше внимание и заботу просто не могу подобрать слов (Э. Герштейн).

Александра Федоровна в письмах бурно выражала радость: «Мой самый единственный и любимый, я не могу найти слов, чтобы выразить все, что я хочу…» (А. Алексеев).

Я так растерялся, так разбит душой, что не могу найти слов (Л. Спиридонова).

Я понимаю, вы хотите извиниться за то, что тайком перелезли через забор, но от смущения не можете найти слов, — сказал он лукаво (В. Губарев).

Понимала, что я не могла успеть дочитать рукопись, понимала и то, что я растеряна и не могу найти слов (Н.И. Ильина).

К сущностным особенностям любой эмоции относят их неопределенность, амбивалентность, дискурсивность, флуктуативность оценочной составляющей в зависимости, к примеру, от контекста, условий коммуникации и пр. Язык, в свою очередь, отражает данную эмоционально-смысловую подвижность и множественность эмотивов. Так, И.В. Несветайлова указывает, что ревность суть амбивалентная эмоция, где один объект вызывает противоположные эмоциональные переживания [Несветайлова, 2010, с.6]. С.В. Рудакова пишет, что счастье представляется сложным эмоциональным переживанием, которое может объединяться с разнообразными эмоциями (радость, грусть, восторг и пр.) [Рудакова, 2020, с. 143].

Особое внимание следует обратить на затрудненность описания смешанных эмоций, которые можно представить через понятие фракционарного знака по Ш. Балли [Балли, 1955, с. 161-164], в случае которого одно означаемое распределено между несколькими псевдоозначающими, обладающими смыслом только в их совокупности:

Не могу подобрать слов, чтобы описать это ощущение – это смесь восторга, благоговения перед этой красотой, величием действа, в котором я принимаю участие (Ю.В. Усачев).

Здесь происходит, – я задыхался от горя и возмущения и не мог подобрать слов (Б. Левин).

Отличие фракционарности смешанных эмоций заключается в том, что при разделении семантического комплекса, к примеру, фразеологической единицы элементы последней обладают сравнительно бóльшей степенью связности, но обозначение любой смешанной эмоции следует рассматривать

как суммативное, а не суммарное понятие, служащее средством обозначения нового эмоционального переживания (например, радость + грусть ≠ радость и грусть). Реакцией на переживание смешанных амбивалентных эмоциональных переживаний служит возникновение трудностей при номинации эмоционального состояния. Говорящий осознает, что имеющиеся в его распоряжении конвенциональные средства дескрипции или номинации эмоций не соответствуют коммуникативной ситуации, спектру переживаемых им эмоций, что приводит к необходимости поиска адекватных средств кодирования эмоций. Отдельные номинации эмоциональных переживаний девербализуются, чтобы объединиться в новое синергийное целое, аппроксимативно отвечающее коммуникативному намерению говорящего. Соответственно формально выраженное состояние алекситимии на содержательно-функциональном уровне представляет собой попытку упорядочить языковую категоризацию эмоций через ее расширение и обогащение привнесением новых способов экспликации.

4.1.2.3. «Неточные слова» и дискурс невыразимого

По замечанию К.А. Долинина, неточные слова, предметно-логическое значение которых неопределенное и зависит от контекста, являются признаками эмоции. Данное явление цитируемый ученый объясняет тем, что языковые значения не всегда соответствуют личностным смыслам, а если речь идет об эмоциональной речи, то по принципу «воронки» подбор адекватного обозначения для аффективно окрашенного смысла затрудняется. Поскольку эмоциональное переживание, как правило, выступает в позиции ремы, языковое воплощение для данной аффективной реакции трудно вербализовать [Долинин, 1978, с. 258-260]. Аффективные смыслы нужно не сужать до междометий и бранных слов, а распространять до уровня принципиально любой лексической единицы, десемантизируемой относительно ее языкового значения и приобретающей неограниченные эмоционально-смысловые оттенки в зависимости от коммуникативной ситуации. Живая эмоция всегда субъективна и является исключительно достоянием отдельной личности

[Долинин, 2017, с. 270], соответственно средства ее объективации также специфичны и единичны.

Сказанное соответствуют высказанному О.В. Голубевой положению о том, что по причине оперирования говорящим ограниченным набором языковых единиц с кодифицированным значением при выражении «неограниченного числа итогов деятельности» появляются смысловые сдвиги, которые в том числе могут вызывать трудности декодирования у адресата [Голубева, 2020, с. 20]. Согласно подходу Г. Гийома к речевой деятельности последняя может быть рассмотрена в виде речи и языка. В первом случае речевая деятельность суть дискретное явление, которое вмещает дискретные представления. В виде языка речевая деятельность представляет собой потенцию или постоянно существующую (недискретную) возможность [Гийом, 1992, с. 129]. В рамках обсуждения проблемы возможности словесного (не)выражения Г. Гийом указывает на необходимость отдельного рассмотрения: а) преобразования невозможного выразить словами (*indicible*) в возможное (*dicible*); б) преобразования возможного выразить словами в речь (*le dire*); в) преобразования речи в высказывание (*dit terminal*) [Там же, с. 138].

Каждое слово есть одновременно потенция и ее реализация, сочетание множества возможностей и неограниченного количества результатов актуализации. Поиск формы реализации данной потенции может быть как конечным (собственно удовлетворяющий говорящего выбор плана выражения), так и условно конечным (являющий собой дискретную поисковую форму приблизительного обозначения). При попытке поиска говорящим вербализации не имеющих определенного способа выражения в языке смешанных эмоций (например, радость и грусть, любовь и ненависть, отчаяние и восторг) происходит преобразование высказывания в невыразимое.

Ж. Батай полагал, что жизнь человека основана на принципе недостаточности [Батай, 1997, с. 154]. Недостаточность характеризует сферы деятельности человека, в том числе область эмоционального опыта. Человек всегда находится во власти языка, оперирует словами для объективации мира

вокруг себя, своих ощущений и переживаний: «что касается людей, то их существование крепко связано языком. Всякий человек воображает и <...> познает свое существование при помощи слов. Слова приходят к нему в голову, нагруженную множеством человеческих - или нечеловеческих – существований, по отношению к которым проявляется его личное существование» [Там же, с. 158]. В ситуации нехватки слов активизируются иные знаковые системы выражения и перевыражения, в частности, жестикуляция:

Только давай без этих вот штук! – воспротивился Игорь так, что даже замахал руками, пробуя объяснить жестами то, что не мог выразить словами (А.Б. Сальников).

О, Таня, my dear! – сказал Пуппер и, развел руки, точно пытался передать чувства, которые не мог выразить словами (Д. Елец).

Если конвенциональные средства экспликации эмоций недостаточны, используются аффективы, которые, в целом, соотносятся с жестами как эмоциональные жесты:

И, видимо чувствуя что-то большое, чего не мог выразить обычными словами, человек ругался крепкой руганью (М. Горький).

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения (Ф.М. Достоевский).

Но эмоции дискретны, а значит и средства их выражения не могут быть упорядочены. Типологизация эмоций возможна только на уровне базовых активных эмоциональных состояний/переживаний, полюсов шкалы положительное-отрицательное, когда составляющие данную шкалу эмоции неуловимы. Также понятие «шкалы» эмоций с двумя крайними точками плюса и минуса условна, поскольку «шкала» предполагает линейную плоскость, а положительные и отрицательные эмоции могут перекрещиваться, пересекаться, соединяться в единое целое, смешиваться, что превращает «шкалу» в сферу:

Все, кто побывал в «глазе» тайфуна, возвращаются оттуда со смешанным чувством восхищения и ужаса, для описания которого не хватает слов (В.А. Мезенцев).

Тут произошла раздирающая душу сцена горести и отчаяния, описать которую не хватает слов (А.Г. Достоевская).

Я не мог выразить своего состояния словами, что-то меня сильно мучило, что-то просто пугало (Ю. Азаров).

Иным он не мог выразить волнения и радости от того, что Маша с ним и чувствуют и дышат они согласно, как один человек (А.Н. Толстой).

Недостаточность соотносится с невыразимостью как невозможностью выражения и, одновременно, возможностью невыражения. Невыразимость рекуррентно характеризует чувственный эмоциональный опыт, к примеру:

Для выражения родительских чувств еще не хватает слов (М. Эпштейн).

Итак, он решился ждать дня, а между тем, взяв за руку Елизавету, которая от него не отходила, вошел в гостиную, где в камине пылал огонь, сел на софу и хотел что-то сказать удивленной девушке; но язык его не мог выразить всего того, что вмещало сердце (В.Т. Нарежный).

Эмоциональные переживания стимулируют состояние невыразимости (что подтверждает положение о сферичности и кольцевой организации эмоционального):

У него от возмущения не хватает слов, он ловит ртом воздух (В. Катанян).

Эксплицированная невыразимость активизирует множество качественных конкретизаторов эмоционального, в которых на первый план выходят смысловые компоненты нечеткости, размытости:

Облегчающее смутное чувство чего-то неиспытанного, прошедшего в собственной жизни мимо нахлынуло на Поливанова, он бы не мог выразить этого словами, лишь смутно ощущал свое бессилие понять горькое счастье дочери, но теперь знал, что оно есть, есть, именно оно ставит дочь высоко над ним и над его страхами; по его разумению, Захар давно уже должен был выветриться у нее из сердца (П.Л. Проскурин).

В одной из бесед М.К. Мамардашвили касается проблемы невозможных возможностей на примере неуместных чувств (нежность, которая в неподходящей ситуации оценивается отрицательно как неуместная). Невозможные возможности или возможные невозможности используются как метафора для объяснения сложности пребывания человека в мире (жизнь как возможность появиться на свет), наполненном абсурда и хаоса (возможные невозможности, с которым сталкивается человек). Человек вынужден осуществлять невозможные действия (например, по распредмечиванию окружающей действительности с использованием языка), когда действия необходимы и невозможны одновременно [Мамардашвили, 2023, с. 213-215]. Языковая экспликация эмоций, в частности, представляет собой невозможную возможность: внешний акт выражения эмоциональных переживаний предполагает сущностное невыражение (всегда наличествует эмоциональный остаток как уступка между актуальной эмоцией и ограниченными средствами языка для ее трансляции).

Невыразимость означает не отсутствие выражения, а неспособность всех выражений выразить вещь-причину, ощущение иррациональности в экспликации возбудителя [Валери, 1976, с. 201]. Проблема невыразимости, в первую очередь, относится к сфере телесных ощущений и эмоциональных переживаний. Феномен невыразимого привел к появлению в философии такого самостоятельного направления, как антиязык – области философии языка, связанной с невыразимым в слове [Гураль, Петрова, Смокотин, 2018, с. 10]. К основным понятиям данного философского направления изысканий о языке относят собственно антиязык и антислова, которые и являются невыразимыми в естественном языке. Так, любая этимологическая реконструкция праформы суть гипотетична, а, значит, недостоверна, потенциальна [Нилогов, 2016, с. 119]. Отдельным частным подвидом невыразимого в языке является трансцендентальность. Так, Ю.Я. Коваль-Темиковский отмечает, что символизм, скорее, чем естественный язык, способен выразить невыразимое в ситуации, когда

необходима дескрипция потенциально непередаваемых метафизических истин [Коваль-Темиковский, 2005, с. 6]. Ю.М. Михайлова указывает на то, что к семантике невыразимого относятся объекты божественного мира, внутрителесные ощущения человека, мир чувств, ощущений и человеческих отношений [Михайлова, 2015; Михайлова, 2014]. На ассоциативном уровне лексико-семантическое поле невыразимого проявляется в ориентации на сферу чувств и эмоций [Михайлова, 2017, с. 157]. А.В. Нагорная пишет, что все внутрителесные события являются элементом дискурса невыразимого, что цитируемый автор подтверждает проблемой репрезентации разного рода болевых ощущений [Нагорная, 2019, с. 13; 149]:

Однако ему не дали упасть на ленту: другие рычаги подхватили его в воздухе, растянули, повернули, согнули — и ***невыразимая боль*** *вдруг пронзила его (В. Пелевин).*

И вдруг — адская, ***невыразимая боль*** *охватила его ногу, его тело, все его существо (Ф.Ф. Зелинский).*

Железный обруч стягивал мне голову, ***невыразимая боль*** *сжимала мне сердце, я готова была вскрикнуть от боли — и я молчала (Е.И. Апрелева).*

На страсть к логически невыразимому у поэтов прошлого века указывала В.А. Маслова, которая подчеркивала, что содержание того, о чем умалчивают слова, трудноуловимо и содержит в себе пласт разнородной информации, декодирование данной информации позволяет «заразиться» эмоциями, вложенными автором в стихотворение [Маслова, 2013, с. 297]. Потеря целостности, энтропийность и диффузия семантики отчетливо просматривается в поэтике, когда, к примеру, «романтическая картина мира движется по пути потери целостности, разрушения связей между входящими в нее элементами к новому обретению целостности при ином соотношении составляющих» [Абрамова, 2007, с. 5]. Соглашается с данным тезисом А.Р. Лукинова, которая утверждает, что поэты-романтики, которым характерны как попытки выразить тончайшие «душевные движения», так и признание обреченности на непонимание, часто переживают несовершенство

естественного языка, сталкиваются с проблемой необходимости выражения невыразимого [Лукинова, 2010]. А.В. Нагорная также отмечает, что бедность языка есть бедность идиолекта как неспособность ввиду незнания выразить средствами языка актуальное переживание [Нагорная, 2019, с. 150]:

И в эти удивительные минуты, когда хочется писать еще и еще, испытываешь какое-то странное, невыразимое ощущение (М. Шишкин).

Невыразимое ощущение тепла, покоя и слабости овладело измученными людьми, но у них все же хватило энергии развязать тюк с оружием (И.А. Ефремов).

Какая высь в душе просторная. Невыразимое ощущение неповторимости (вот, вот, вот!). Как бьется сердце эти мгновения, может быть, придется и потом видеть и слышать Москву на заре с этими же или с другими (О.А. Бессарабова).

Как только дверцы захлопнулись, молодой офицер почувствовал, что несется к неизбежному, увлекаемый какою-то неизвестною целью — его охватило странное, невыразимое ощущение (Н.Э. Гейнце).

Причину появления дискурса невыразимого А.В. Нагорная видит в том, что словарь интероцепции усваивается иначе, поскольку предоставить перцептивный эталон для его последующего точного обозначения не представляется возможным, а также по причине того, что человек ограничен индивидуальным интероцептивным опытом, воспринимает и выбирает лексические единицы для обозначения только собственных ощущений [Нагорная, 2019, с. 151]. Г.С. Сырица также отмечает диффузность семантики языковых знаков, к чему приводит использование атрибута *невыразимый*. Цитируемый автор приходит к выводу о том, что лексика с семантикой невыразимого чаще всего сочетается с эмотивной лексикой [Сырица, 2009, с. 295]:

Иногда это просто некое необычайное, ***невыразимое состояние****, чаще приятной окраски (В. Леви).*

Г.И. Кустова рассматривала семантико-структурный аспект невыразимого через феномен семантического пассива [Кустова, 1998, с. 29-30], когда главным компонентом становится ощущение, а субъект ощущения не получает синтаксического выражения: семантический пассив делает главным «объектный» компонент, что приводит к элиминированию субъекта (по принципу *ботинок жмет ногу, показалась луна, послышались голоса, заболела спина, Марка огорчила новость*). Источник переживания лежит внутри субъекта, а экспериенцер непосредственно не принимает участие в ситуации восприятия, выражается только отношение человека к данной ситуации [Там же, с. 36-37].

В своем исследовании, посвященном семантике невыразимого, Н.Н. Немич [Немич, 2020, 2021, 2022 (а), 2022 (б), 2022 (в)] указывает, что данная семантика (ее план содержания связан с невозможностью выразить словами), которая имеет репрезентанты «непередаваемый», «невыразимый» (непередаваемый восторг, непередаваемая радость и пр.), описывает тематическую группу 'человек и его внутренний мир', т.е. чувственные ощущения человека, его восприятия. Невыразимое эмоциональное состояние является показателем предельной эмоциональности, указывает на откровенность говорящего. Подобная предельная эмоциональность амбивалентна: положительно-оценочная невыразимая эмоциональность группирует кластеры таких эмоций, как радость, блаженство, восторг, а отрицательно-оценочные – возмущение, разочарование, гнев. Прагматический потенциал семантики невыразимого обусловлен тем, что данный семантический признак паралогичен: при постулируемой невозможности выразить эмоциональное переживание, последнее эксплицируется вербально в форме описания. Подобное ситуативное отклонение от нормы (выраженность через указание на невыразимость) привлекает внимание реципиента и направляет вектор интерпретативных усилий на декодирование семантики, в том числе эмотивной, «выражаемого через невыразимость» эмоционального переживания/состояния. Отсюда происходит

феноменальность невыразимости, где невыразимая эмоция более близка к актуальному переживанию, чем какой-либо иной способ выражения эмоций. Обобщение эмоций (в т.ч. через метафорическую дескрипцию) становится наиболее точным средством трансляции эмоциональных переживаний/состояний.

Присоединение к номинациям эмоций определения ‘невыразимый’ объективирует интуитивно воспринимаемую носителями языка безграничность и неопределенность эмоциональных переживаний, неадекватность имеющихся средств языковой категоризации эмоций. Анализ примеров показал, что подобную невыразимую характеристику получают эмоциональные состояния вне зависимости от их оценочной составляющей:

<…> не верили, знали, что врёт, но в душе опять испытывали невыразимую тоску (А. Варламов).

Так почему же, думаю я снова и снова, почему же нам не пойти прямо к бесконечному и невыразимому счастью, бросив всё остальное? (В. Пелевин).

И вдруг почувствовал такую острую боль, такую невыразимую словами горечь, что даже растерялся (С. Довлатов).

Невыразима была моя грусть по прочтении ликоспастовского рассказа (М.А. Булгаков).

Кроме пользы в этом есть еще и невыразимое удовольствие (Л. Вертинская).

И невыразимая радость от того, что мы – его частица! (М. Штейн).

– Акт? – с невыразимым презрением отозвался Свинецкий (Д. Быков).

<…> заглянул в полные слез и невыразимой обиды глаза Баррикелло (Б. Мурадов).

Потом в каком-то внезапном порыве она притянула его к себе – он прощен, он полон невыразимого восторга (В. Слипенчук).

<…> приходят невыразимое отчаяние героини, смута и ужас (А. Смелянский).

Помимо эксплицитной (по причине наличия эмоциональной доминанты в форме номинации эмоционального переживания) эмотивной невыразимости

в ходе анализа выявлены случаи имплицитной невыразимости, когда говорящий использует описательные конкретизаторы эмоциональных переживаний/состояний без последующего прямого обозначения доминанты:

М*не хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда, гуляя в тропическом лесу или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и в то же время грустишь по родине (А.П. Чехов).*

Никто не шел, и невыразимое чувство животного отчаяния, подымаясь все выше и выше, начало доходить до того предела, когда человеку кажется, что он кричит страшным, пронзительным голосом, на все поле, на весь мир, а он молчит и только судорожно стискивает зубы (М.П. Арцыбашев).

И все чувства, что стеснились в их душах, вдруг пронизало одно невыразимое чувство, более глубокое и сильное, чем ужас за себя, — чувство разверзшейся перед ними бездны конца, конца всему (А.А. Фадеев).

Невыразимое чувство гнева и отвращения охватывает каждого честного человека при чтении обвинительного заключения (Ю.П. Анненков).

Чудное, ясное небо, распростертое надо мною, возбуждает во мне какое-то невыразимое чувство восторга и стремление к высшему совершенству» (Л.К. Туган-Барановская).

Но тут и там невыразимые страх и трепет героев иллюстрируют струение музыки, а не наоборот (З. Абдуллаева).

Представленные виды эмотивной невыразимости соотносятся с предложенной Ю.В. Михайловой классификацией невыразимого на собственную невыразимость и невыразимость с опосредованным выражением, когда с точки зрения синтагматического измерения в правостороннем контексте не происходит нейтрализация значения невыразимости, это не объект раскрытого однозначного свойства [Михайлова, 2014, с. 156-157]. Однако именно в правостороннем контексте на примере представленных выше смешанных эмоций проявляется раскрытие характеристик эмоциональных переживаний в аспекте эмотивных допущений на их последующую конкретизацию. Также внутри имплицитной эмотивной

невыразимости можно выделить моновалентную и поли-/амбивалентную эмотивность. Также среди отличительных особенностей невыразимой эмотивности следует рассматривать необходимость последующей конкретизации невыразимого в правостороннем контексте, имплицитное указание на невыразимость эмоционального состояния/переживания оценивается как информативно недостаточное и приводит к необходимости формального объяснения средствами языка.

Интересны примеры несобственно прямой невыразимости, когда для обозначения невыразимости эмотивного содержания используются иные описательные обороты, к примеру, глагол *вертеться*. Определения данного слова из словарей русского языка показывают, что оно включает в себя качественные наречия интенсивности (*постоянно, быстро, беспокойно, нетерпеливо, часто*):

*ВЕРТЕТЬСЯ – **постоянно** возвращаться к одному и тому же, к одной и той же теме; **быстро** поворачиваться в разные стороны; сидеть, стоять или лежать, **нетерпеливо**, **беспокойно** и т.п. поворачиваясь то в одну, то в другую сторону; **часто** проводить время около кого-либо или чего-либо, **постоянно** находиться вблизи кого-либо или чего-либо.*

Из словарных определений происходит обсессивность действия, обозначенного данным глаголом, соответствующая понятию нарративного диссонанса, который обусловлен одновременными компульсивностью и креативностью речи и мышления, новаторством и стереотипностью каждого отдельного речевого акта на фоне принципиальной труднодоступности выбора адекватных актуальному речевому намерению языковых средств [Руднев, 2020, с. 8]. Корпус примеров показал, что феномен «на кончике языка» (*Tip-of-the-Tongue*) соответствует патапсихологическому явлению анэкфории, что представляет собой невозможность вспомнить о чем-либо без напоминания:

Его название вертелось на языке, я мучительно напрягал память, но не мог вспомнить – ассоциативные связи разрушились, и не у кого было спросить (В.П. Катаев).

Иной раз имя просто вертится на языке, а никак не дается — хоть бейся головой об стенку (А. Макеев, Н. Леонов).

Я прошлую ночь стал вспоминать – вертится на языке, а не вспомню. (Г.В. Иванов).

Данное состояние («*вертится на языке*») предполагает интенциональное сдерживание эмоционального состояния у собеседника:

“Вот эта сучка? – вертелось на языке. – Как трогательно! – Говорит, что он душка и интеллектуал (Н. Щербак).

У Тима вертелось на языке: «А ты лучше помолчи и придержи свои замечания про запас!» (И. Краева).

Шуток и цитат вертелось на языке множество, но все они казались кощунственными (Е. Козырева).

Не исключено, что у отца Ивана и впрямь вертелось на языке что-нибудь в этом роде; пытаясь как-то смягчить форму, он даже придвинулся, чтобы сесть не напротив, как раньше, а для интимности поближе к Муравьеву, но, так и не найдя необходимой интонации дружеского участия, которая могла бы убедить Муравьева, заставить поверить, что товарищ его говорит правду, утомленно откинулся на спинку стула (В.Ф. Кормер).

Так и вертелось на языке, влепить бы прямым текстом, но сдержался (Ю.В. Трифонов).

Боялся произнести то, что вертелось на языке (Г. Полонский).

В висках у него ныло от постукивания колес, и в лад с этим постукиванием все время вертелось на языке: «Ведьма, ведьма, ведьма!» (А.Д. Скалдин).

Вертелось на языке у Ольги, но она удержалась (А.Н. Анненская).

Соответственно к типологии эмотивно невыразимого следует добавить еще два типа: интенциональное и неинтенциональное невыразимое, где первое соответствует феноменам сдерживания, самоконтроля, митигативности, а

второе – особенностям семантической памяти, в целом. Также предложено разграничивать условно эксплицитную (где определение невыразимый объединяется с конкретной номинацией эмоции) и условно имплицитную моно-, поли-, амбивалентную (где определение невыразимый сочетаемость с родовым понятием эмоционального переживания, а далее получает свое синтагматическое развертывание) эмотивную невыразимость.

4.1.3. Коммуникативная репрезентация симулируемых эмоций

Ж. Бодрийяр указал, что общество симулятивно, оно создано из социальных симулякров, которые повседневно актуализируются людьми: *Nous sommes dans un univers où il y a de plus en plus d'informations, et de moins en moins de sens* (J. Baudrillard). Пространство симуляции обширно и распространяется на разного рода сферы деятельности человека, в том числе коммуникативную. Коммуникативная симулятивность пронизывает все дискурсы, поскольку она задает некоторые нормы взаимодействия, т.е. симулякры, которые говорящие наполняют отличным лексическим содержанием. Симулятивность не только строевая, но и функционально-смысловая. Условность языка способствует развитию симулятивного аспекта речевой деятельности: говорящий думает, что выбирает в соответствии со своими коммуникативными намерениями средства их выражения, а на практическом уровне выбирает те симулякры, которые подходят для выбора в рамках настоящей коммуникативной ситуации:

Не будем говорить о неприятном. О чем не говоришь, того как будто и не было. Вот и Гарри всегда твердит, что только слова придают реальность явлениям (О. Уайлд).

Речевое общение всегда сопряжено с оказываемым его участниками воздействия друг на друга (ср.: «Коммуникации без манипуляции не существует» [Черепанова, 1999, с. 8]). Степень и выраженность данного воздействия варьируется от низкой к высокой, способна сопровождаться

отсутствием явно выраженного влияния одного конверсационного партнера на другого или же целью одного (обоих) участников общения является исключительно продуцирование суггестивного воздействия. Воздействие одного участника речевого общения на другого может быть как интенциональным, так и неинтенциональным. В последнем случае актуальной становится проблема эмоционального, шире, эмоционально-смыслового заражения объекта воздействия. Следствием эмоционального заражения, как правило, является особое поведение объекта, имитирующего транслируемые ему партнером по речевому общению смыслы и эмоциональные состояния/переживания.

В психологии постулируется тезис о том, что эмоциональная мимикрия (от греч. *mimikos – подражательный*) имеет социальную природу и этим отличается от поведенческой (инстинктивной) мимикрии [Hess, Fisher, 2014]. Демаркационной линией между смежными с понятием эмоциональной мимикрии терминами эмоционального заражения и аффективной эмпатии являются неконтролируемый бессознательный характер последних, а также особенности поведенческих и эмоциональных реакций объекта воздействия в зависимости от действий субъекта. Аффективная эмпатия представляет собой процесс, когда восприятие эмоционального состояния адресата вызывает у субъекта сходное эмоциональное состояние.

Цитируя П. Флоренского о том, что слово должно быть высказанным и попасть в душу для производства своего действия, И.Ю. Черепанова пишет, что познать суггестивные законы языка означает научиться управлять собой и своим состоянием, научиться защищаться (осуществлять контрсуггестию). К особенностям универсальных суггестивных текстов (на примере анализа заговоров, молитв, мантр, заклинаний, формул гипноза и аутотренинга) автором отнесены скрытые в данных текстах латентные механизмы вербальной суггестии; суггестивный эффект данных текстов обусловлен сочетанием ингерентного потенциала текстов и личности суггестора. Личность является интерпретирующим себя текстом при условии, что

подобный текст-Личность способен к самообогащению, обретению многомерности, «агрегированию» с другими текстами в единое целое [Черепанова, 1999, с. 79]. Механизмы эмоционального заражения во многом обусловлены инициально суггестивной природой коммуникации. Эмоциональное заражение, в свою очередь, может приводить к мене и/или интенсификации инициального эмоционального переживания. К примеру, гнев способен вызывать в окружающих страх (результат запугивания). Процесс эмоционального заражения является автоматическим, неинтенциональным и неуправляемым [Chartrand, Lakin, 2013, с. 291].

Если подробнее проанализировать понятие эмоциональной мимикрии, следует выделить вслед за У. Гесс и А. Фишер [Hess, Fisher, 2014] ее четыре конститутивные особенности: 1) люди невербально выражают схожие эмоции (необязательно, выбирают ли они для этого идентичные или нет каналы); 2) выражение эмоций ограничено во времени и подражание одним лицом эмоциям другого участника интеракции происходит синхронно (обычно с задержкой в одну секунду); 3) выражение эмоций объектом зависит от того, как эмоции выражаются субъектом мимезиса; 4) мимикрируемая эмоция отражает часть оригинальной выражаемой эмоции. Поэтому речь не идет об эмоциональной мимикрии, когда одно событие продуцирует у двух лиц одинаковое эмоциональное переживание. В данном случае речь идет о параллельном извлечении (индуцировании) эмоций.

Социальная природа эмоциональной мимикрии в отличие от поведенческой проявляется в том, что человек может выбирать ту эмоцию, которой он будет подражать. В этом заключается такая важная особенность эмоциональной мимикрии, как ее вторичность. Субъект мимикрии сам выбирает ту эмоциональную константу и облекает ее в языковую форму, которая кажется ему наиболее подходящей для конкретной ситуации общения. Объект эмоционального воздействия в результате взаимодействия с субъектом мимикрии может также выбрать ту модель эмоционального реагирования, которая кажется подходящей. В результате, эмоциональное заражение объекта

замещается имитацией этим объектом эмоционального переживания. Однако положительный аспект мимикрии заключается в том, что, подобно «социальному клею», она объединяет людей, даже если это может противоречить гуманной природе человека:

Я знаю, у меня от этого будет много бессонных ночей. Что нужно Господу? Нужно ли ему добро или выбор добра? Быть может, человек, выбравший зло, в чем-то лучше человека доброго, но доброго не по своему выбору? (Э. Бёрджесс).

Цель имитатора может быть как кооперативной, так и состязательной. Поэтому вербальное поведение по выражению эмоций может иметь множественный характер в зависимости от выбора коммуникативной стратегии: при условии выражения лицом отрицательных эмоций, субъект подражания может: а) нейтрализовать отрицательную эмоциональную оценку события и попытаться рационализировать предмет обсуждения; б) имитировать отрицательные эмоции с целью установления с собеседником общего эмоционального фона для последующей нейтрализации отрицательной эмоциональной тональности и/или мены отрицательного эмоционального фона на положительный; в) имитировать отрицательные эмоции с целью индуцирования в собеседнике более активных отрицательных эмоциональных переживаний; г) выражать положительные эмоции как прием нейтрализации отрицательного эмоционального переживания собеседника; д) выражать положительные эмоции как прием интенсификации отрицательного эмоционального переживания собеседника по причине демонстративного отказа коммуникативного партнера принимать право собеседника испытывать отрицательное эмоциональное переживание на конкретный стимул и пр.

Эмоциональная мимикрия преимущественно реализуется в ситуациях, когда между коммуникативными партнерами имеется социальная близость. В ситуации отрицательных взаимоотношений с собеседником, как правило, эмоциональной мимикрии не бывает:

Фонтаннин разум открыл глаза, зажег светильник, сел в кровати, сердито скрестил руки на груди, нахмурил лоб и устами Фонтанны спросил:

– Что такое?

– Да нет, ничего, – поспешно спохватился Бен, но голос выдавал его тревогу.

«Ну, ничего так ничего», – подумал разум, довольный, что можно спать дальше. И, хоть что-то его неприятно царапнуло, старательно проделал все в обратном порядке: разгладил лоб, опустил руки, лег, погасил светильник и закрыл глаза (Режис де Са Морейра).

В социальном контексте: 1) в случае отсутствия социальной близости выражение эмоций может сопровождаться или нет реактивным выражением схожих эмоций; 2) в случае наличия социальной близости собеседник выражает идентичные по оценки и характеристикам эмоциональные переживания [Hess, Fisher, 2014, с. 48], что приводит к усилению близости, регуляции поведения.

Лица, у которых развита высокая социальная тревожность, чаще используют так называемую вежливую улыбку по причине страха получить негативную внешнюю социальную оценку. Частотность демонстрации ими данного типа улыбки является показателем ощущения своего низкого зависимого социального статуса. Таким образом, вежливая улыбка является средством борьбы с потенциально возможным конфликтом или социальным отторжением [Dijk, Fisher, Morina et all., www]. Значимость эмоциональной мимикрии для целей повседневной коммуникации могут продемонстрировать этикетные речевые жанры. Этикетный речевой жанр (приветствие, благодарность, извинение, поздравление) представляет собой устойчивые речевые реакции на стандартные ситуации общения, целью чего является установление, поддержание или прерывание общения [Тарасенко, 1999, с. 3]. Для речевого жанра поздравления важны такие компоненты, как наличие адресанта и адресата (поздравляющего и поздравляемого), которые связаны особым отношением, предполагающим радость адресанта в связи с некоторым

событием в жизни адресата, а также повода, выступающего темой поздравления [Дудкина, 2011, с. 4]. Цель соболезнования заключается в выражении сочувствия горю, отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, сострадания и жалость к адресату [Митина, 2012, с. 57]. Соболезнование отличается степенью детализированности и достоверности выражаемого отношения. Поэтому пренебрежение говорящим конститутивными особенностями этого речевого жанра влияет на восприятие и оценку данного текста слушающим (к примеру, выделяются искреннее и поверхностное, личностное и официальное соболезнование).

В анализируемом контексте затронем проблему этикетной эмотивности. Она предполагает «следование социальным и моральным правилам и нормам речевого этикета эмоционального поведения в конкретной ситуации» [Ресенчук, 2018, с. 16]. Такая эмотивность основана на выборе в соответствии с коммуникативной ситуацией не столько средств выражения для эмоциональных переживаний, сколько подходящих эмоциональных переживаний, на которые «надевается» языковая оболочка. В.И. Шаховский [2008] затрагивает проблему этикетных эмоций через нулевую коммуникацию. Нулевая степень эмоций проявляется в тот момент, когда эмоция остается невыраженной (сюда можно отнести имитацию/симуляцию эмоций, конвенционально не типичные эмоции, ситуации, где говорящему не хватает слов для выражения эмоций). Такая степень эмоций является значимой, поэтому «нулевая эмотивность» не обедняет полифонию эмоциональных переживаний, а, напротив, акцентирует на них внимание реципиента, который условно приглашается на поиск средств выражения и декодирование эмоционального переживания.

Смежная с симуляцией – проблема рационализации эмоций становится предметом исследования М.А. Вахрушевой, указывающей, что регуляция эмоционального речевого поведения говорящего варьируется в соответствии с эмоциональными нормами для обеспечения сбалансированной и неконфликтной коммуникации; по степени градации выделены полная

(нейтрализация) и частичная рационализация, включающая два направления - на снижение интенсивности и перевод негативного эмоционального состояния в условно [Вахрушева, 2023, с. 6-7, 21]. Указание на условный характер трансформации отрицательной эмоции в положительную значимо: речь идет о поверхностном (выражаемом) уровне, а на внутреннем (выразимом, но интенционально не выражаемом) уровне эмоция «гасится».

Эмоциональная мимикрия сопоставима с симуляцией и имитацией, когда симуляция оценивается отрицательно, а имитация – положительно или нейтрально. П.-М. Бодонньер выделяет следующие признаки, разграничивающие понятия миметизма и имитации: селективность, самосознание и осознание другого. Селективность заключается в том, что мимикрия инстинктивна, а имитация интенциональна: «Имитируют всегда определенное лицо, определенное явление, в определенном месте и в определенное время» [Baudonnière, 1998]. Исследователь отмечает, что мимикрия у человека проявляется под воздействием толпы (поведение на стадионах, концертах, политических собраниях и под.). Сознательная мимикрия, в отличие от инстинктивной, приравнивается к явлению социального облегчения (*facilitation sociale*), когда у индивида имеется намерение извлечь личную выгоду из подражания действиям другого лица.

Проблема имитации рассматривается в исследовании М.В. Шильман [2006] с позиции коммуникативной стратегии речевой маски, под которой понимается временное и ситуативное использование чужого речевого поведения, основанное на стереотипном представлении о типе коммуникантов. Цитируемый автор в качестве основной рассматривает проблему разграничения «своего» и «чужого» слова в ткани текста, когда имитация чужого стиля речевого поведения включает иную манеру речи, лексикон, языковую картину мира. Черты индивидуальности маскируются за обобщенным представлением о речевом поведении некой языковой/коммуникативной личности. М.В. Шильман рассматривает понятие коммуникативной стратегии речевой маски как гипоним к гипериониму

«имитация», но и другие компоненты данного родового понятия, к которым относятся подражание, передразнивание и пародирование. Общим семантико-функциональным основанием для представленных понятий становится чужая речь, однако при пародировании имеет место имитация речи, внешности, мимики и жестов конкретного человека для создания игровой ситуации, что сопровождается, как правило, гиперболизацией характерных черт речи изображаемого в имитативной форме лица; передразнивание ориентировано на выражение отношения говорящего к высказыванию собеседника, когда происходит намеренная актуализация «чужести» речи; подражание сопровождается осознанным или не осознанным намерением выдать чужую манеру речи за свою.

Как следует из результатов исследования М.В. Шильман, имитация многокомпонентна и затрагивает разные уровни языковой системы и различные аспекты коммуницирующей языковой личности, чтобы придать большее правдоподобие стилю речи имитируемого лица.

В написанной в 40 годах XX века работе М.И. Авдеев рассматривает практические способы выявления фактов симуляции на примере лиц, уклоняющихся от военной службы. В своем исследовании автор имплицитно выделяет некоторые ключевые конститутивные признаки симуляции, к которым можно отнести следующие:

- избирательность, при которой поведение лица некоторому набору соответствует лишь стереотипным признакам об объекте симуляции; объективируются, как правило, наиболее яркие элементы, когда вторичные признаки остаются без внимания симулянта;

- ригидность поведения лица;

- интенсификация поведения [Авдеев, 1943].

В исследованиях В.И. Шаховского проблема симуляции эмоций рассматривалась опосредованно через понятие мыслей-эмоций, которое совмещает формальную экспликацию эмоционального переживания и описание испытываемых субъектом истинных эмоций (эмоциональных

мыслей) [Шаховский, 1998, с. 86]. Выделяя категориальные признаки коммуникативного типажа «притворщик», Н.Н. Панченко приходит к следующим выводам: ситуативное или перманентное использование коммуникативной стратегии притворства в целях манипуляции адресатом; когнитивная структура поведения притворщика двуслойна, где сочетается сокрытие и сообщение адресату не соответствующей действительности информации. Отмечается творческий характер поведения притворщика, вводящего адресата в заблуждение [Панченко, 2009, с. 95]. Следует отметить, что притворство, скорее, относится к понятийному полю симуляции, т.е. чего-то менее убедительного, продуманного, спланированного, требующего сравнительно меньших усилий, чем это необходимо в ситуациях имитации поведения некоторого лица. Интересным является представленное в данной работе краткое сопоставление конститутивных характеристик коммуникативных типажей «лицедей» и «симулянт», когда дифференциальной особенностью указанных типов поведения человека является профессиональный характер реализации этого первым и обыденный – вторым, т.е. симулянтом. Именно по этой причине частотны случаи идентификации коммуникативного намерения симулянта ввести адресата в заблуждение.

В.И. Карасик, рассматривая подходы к толкованию знака, указывает на необходимость дифференциации знака и псевдознака или симулякра. Последний, вслед за определениями представителей постмодернистского течения во французской философии, представляет собой, как следствие, копию копии и служит средством еще большего (по сравнению с собственно натуральной семиотической единицей) отстранения говорящего от действительности. Ученый отмечает, что редупликация симулякров культурных смыслов приводит к тяжелым последствиям по причине кроющегося в этом разрушения человеческих ценностей [Карасик, 2012, с. 45]. В своих лекциях М.К. Мамардашвили приводит пример парадокса одного дурака, который может задать столько вопросов, что на них

не ответит и миллион мудрецов. Человек постоянно пребывает в пространстве симуляции, любой ответ есть только тень ответа на вопрос. Всегда существует вербальный мир, но последний порождает только псевдовопросы, псевдомысли, отличить их от истинной мысли невозможно [Мамардашвили, 2023, с. 15].

Симулирование болевых ощущений частотно используется в спорте, когда для достижения командных или личных целей спортсмен искусственно конструирует, как правило, невербальный образ боли, после чего субъект, причинивший данную боль, то есть нарушивший правила игры, будет дисквалифицирован или представляемая им команда будет наказана. Тогда к обязательным условиям симуляции нужно отнести: 1) падение; 2) пара-невербальную демонстрацию боли (крик, закрытые глаза, нахмуренные брови, открытый рот, оскал); 3) прикладывание руки к месту удара:

Все это придает книге о творческой лаборатории редактора сокрушительную силу, перед которой не могут устоять ни эстетствующие снобы, разглагольствующие о мнимой независимости и "самодостаточности" художественной формы, ни те прилитературные бойкие деляги и унылые чиновники, которые, сознавая, что нельзя симулировать талант, пытаются прикрыться «масштабностью» избранных тем (А. Мильчин).

На симуляцию болевых ощущений указывает, в первую очередь, контролируемый и прогнозируемый характер изображения боли. Контролируемость действий проявляется в: а) мимическом или вербальном опережении болевой реакции стимула в виде физической агрессии; б) опережении реакцией демонстрации боли стимула в виде жеста (действия) физической агрессии; в) отсроченности во времени между интерпретацией жеста оппонента как потенциально способного стать способом выражения физической агрессии и непосредственно реагированием на данный потенциальный, но не соответствующий действительности стимул;

г) контролируемом падении, к примеру, выставление рук вперед, вниз или подскоки для выбора удобной ноги перед падением:

– Эй, висельник! Давай-давай, нечего притворяться! Пульс у тебя прощупывается, так что не симулировать! – и ему хорошенько вмазали по щеке, приводя в чувство. – Я отказываюсь делать ему искусственное дыхание еще раз! – сказал кто-то другой (Д.А. Глуховский).

В ряде случаев симуляция болевого ощущения является вынужденной для того, чтобы избежать наказания: данная оборонительная симуляция является ответной на реальное (симулируемое) противником болевое ощущение от контакта с соперником демонстрация последним болевых ощущений. Симулирование как пародирование представляет собой подражание внешним признакам жизненного явления [Пропп, 1976, с. 34], когда содержание данных явлений остается без внимания говорящего. Поэтому пародирование направлено на то, чтобы продемонстрировать отсутствие за формой содержания. В действительности, обнаруживается отсутствие у субъекта симуляции пародируемых им качеств.

Поведение симулянта наглядно отражено в пьесе Мольера. Один из главных героев убежден, что он болен и демонстрирует данное болезненное состояние с использованием вербальных и (пара)невербальных средств. Коммуникативному поведению симулянта свойственно частотное использование восклицательных высказываний, междометий, приемов гиперболизации сообщаемых сведений:

Арган (падает в кресло). Ох-ох-ох! Не могу больше!

Арган. <...> Теперь, чтобы успокоить меня, понадобится не менее десяти лекарств и двадцати промывательных.

Симулянт сосредоточен на собственном физическом состоянии и не терпим к внешним обстоятельствам, отвлекающим его от описания своей болезни:

Арган. Не ори, дрянь ты этакая! У меня сделается сотрясение мозга! Тебе мало заботы, что с больными так громко не разговаривают.

Симулянт избирателен, когда болезненное состояние соответствует только уровню формы, когда на внутреннем смысловом уровне потребность быть здоровым уступает эстетическим (гедонистическим) потребностям:

Туанетта. Сударь, это только растревожит вас, а ведь вас никак нельзя волновать в таком состоянии: всякое сотрясение вредно для вашего мозга.

Арган. Нисколько, нисколько: я люблю музыку, и я буду очень рад... А, вот и она! (Туанетте.) Поди узнай, оделась ли моя жена.

Примечательно, что симулянт использует не только эмоциональные, но и рациональные аргументы в ситуации, когда он характеризует свое состояние, для чего он объективирует причинно-следственные связи:

Арган. Глупейшее рассуждение! Послушайте, братец, не будем больше говорить об этом человеке: это вызывает у меня разлитие желчи, и я могу снова расхвораться.

В приведенном выше примере симулянт, не являющийся врачом, для увеличения воздействующего эффекта на адресата описывает происходящие в его организме процессы и таким образом обнаруживается цель говорящего, направленная не на информирование собеседника, жалобу, призыв о помощи, а на убеждение в своей правоте.

Ближайшее окружение симулянта составляют лица, которые верят ему. В связи с этим коммуникативная тональность общения с ними характеризуется как исключительно положительная, что рекуррентно сопровождается превознесением данных лиц, абсолютной верой в них, доходящей до абсурда:

Арган. Доктор, а сколько крупинок соли нужно класть, когда ешь яйцо?

Арган (думая, что он один, и не замечая Туанетты). Господин Пургон велел мне по утрам ходить по комнате двенадцать раз взад и вперед. Вот только я забыл спросить его, как надо ходить, вдоль или поперек.

(...)

Клеант. А я слышал, что господину Аргану лучше, и я нахожу, что вид у него хороший!

Туанетта. Хороший, по-вашему? Очень плохой. Только какие-то нахалы могли вам сказать, что ему лучше. Ему никогда не было так плохо, как сейчас.
Арган. Она совершенно права.
Туанетта. Он ходит, спит, ест и пьет, как все люди, но тем не менее он очень болен.
Арган. Это верно.

Существует разница между субъектом, проявляющим себя в языке, и субъектом, появляющимся в нем [Журавлев, Журавлева, 2017, с. 53]. Отсюда происходит феномен «краснеть за свои слова» или «хотеть не то сказать», когда говорящий не управляет своим языком, но несет ответственность за произнесенное. Здесь важна проблема не только невыразимости смысла, субличностей человека, но и Ино-образа адресата [Кислякова, 2018], для которого идентичные с собеседником вербальные формы будут наполнены отличным личностным, опытным содержанием, актуализировать иные ассоциации. В рамках данной концепции любая ситуация общения есть только аппроксимативная попытка передать некоторую часть содержания информации собеседнику.

Порождаемые информационным миром симулятивные образы действительности слабо связаны с культурными архетипами, историческим прошлым народа, его ментальностью или лишены вовсе данных связей. Это ложный образ расширяющейся реальности, отличающейся своей практически полной нереферентностью к культурной памяти народа, а значит усиливающей оторванность от действительности [Григорьева, 2010]. Симулякры эмоциональных переживаний опасны, по аналогии, своей способностью не только дистанцировать субъекта от его эмоциональной сферы, но и возможностью закрепления в эмоциональной памяти говорящего.

В рамках обсуждения симулякризации дискурса отмечается, что думать словами, лишенными содержательных смыслов, это характеристика современного общества. Частной формой реализации подобного смыслового «обнищания» выступает риторическое принижение, при котором слова

величественного, сущностно важного низводятся до уровня обыденных смыслов, рефлексия редуцируется до немыслия [Карманова, 2022, с. 351-353]. В эмотиологии, к примеру, известно положение о памяти эмотивов, под которым понимается способность некоторого языкового/речевого знака выступать в роли способа обозначения эмоций и, по договоренности, транслироваться из поколения в поколение. Нарушение эталонной эмотивной составляющей семантики слова приводит как к естественным трудностям на уровне коммуникации, так и к увеличению энтропии смыслового пространства лексической единицы, выведение его из естественного состояния равновесности, баланса. Данную особенность представляется ошибочным интерпретировать как однозначно негативную, поскольку коммуникативные трудности могут становиться не целью, а средством привлечения внимания собеседника к сообщению (любое нарушение нормы каузирует повышение внимания) и к личности говорящего. Однако понятие памяти эмотивов включает в себя и эталонные схемы реактивного поведения в пределах коммуникации (отправление оценочного эмотив-стимула – получение оценочной эмотив-реакции), а также в рамках интериоризованного семиотического взаимодействия объекта действительности и человека как текста: если некоторый стимул вызывает устойчивую реакцию у субъекта, но последний скрывает ее, выражая эксплицитно не соответствующее действительности эмоциональное переживание (симулякр эмоции), подобная модель стимул-реактивного поведения может закрепиться и вытеснить исконную, истинную реакцию. В результате, симуляция эмоции с определенной прагматической целью может превратиться в модель поведения, наложиться на когнитивную схему соответствующей действительности эмоции и встроиться в ее слоты. Кажется, что этим можно частично объяснить феномен потенциального лжеца.

Эмотивы могут быть симулятивными. Успешность эмотивной симуляции будет зависеть от статуса эмотива. К примеру, аффективы проще поддаются симуляции, когда симулятивный аффектив превращается в элемент

фатической коммуникации и теряет свою эмоционально-оценочную составляющую. К примеру, анализ эмоционально-смысловой специфики слова *жесть* показал, что данная лексическая единица, перешедшая из молодежного жаргона в обычный бытовой дискурс, в настоящее время используется в двух функциях: как реактивное междометие, позволяющее выразить эмпатию в связи с трудной (тяжелой) ситуацией, с которой столкнулся собеседник, и как предикатив или атрибутив, который может быть использован самостоятельно (вне связи со стимульной репликой), выражающий удивление относительно трудной ситуации [Gladkova, 2022, p. 978-980]. Высокая частотность использования данного слова в коммуникации лишает этот аффектив своего эмоционального содержания, что приводит к его функционированию как «пустого» слова, симулятивного эмотива.

В контексте проблемы немыслия З.Я. Карманова рассматривает реализацию редуцированной рефлексии в форме появления слов-симулякров, где оно (немыслие) освобождается от смысловой ответственности. К примеру, придание иностранного лоска через замену букв на иностранные, использование иностранной лексики в русской раскладке (*The телки, Самая, Шаг za шагом*) [Карманова, 2022, с. 351-354].

Переложение феномена немыслия в сферу эмотивной лингвистики позволяет выделить проблему неэмотивности (при условии, что эмотивность имманентна языковому знаку, тогда в неэмотивности внимание акцентируется на намеренной маскировке эмоциональных переживаний в акте говорения) или деэмотивности, деэмоционализации коммуникации. Деэмоционализация активирует два плана – внешний и внутренний, выражения и содержания, означающего и означаемого, где экспликация эмоций осуществляется в такой форме, которая вытесняет конвенциональное эмотивное содержание и помещает на первый план иной аспект содержания, выполняющий иную (не собственно экспрессивную) функцию. Рассмотрим следующие примеры:

Меня просто профессиональная зависть мучит, la jalousie de metier (М.А. Алданов).

На лекции Чечулина я его видел мельком и не успел узнать его мнение о лекции: их jalousie de métier просто комична, и поэтому мое любопытство простительно (С.Ф. Платонов).

Если жить, так жить так, чтобы жизнь была без неприятностей, чтобы каждый момент испытывать «la joie de vivre» (В. Сидур).

Joie de vivre, утеха жизнью, заслонила ее смысл, raison de vivre (А.В. Амфитеатров).

Или сразу, – или, как говорится, amour perdu (Л. Сторч).

Excitement было громадно — не у меня, конечно (я в таких случаях всегда спокоен), а у всей этой гигантской массы людей (И.М. Майский).

В приведенных выше примерах нормативно свойственные лексическим единицам рефлексивные векторы оценочности и эмоциональности (*jalousie, joie, amour, excitement*) вытеснены их помещением в «инородную» языковую среду: для адресата, воспринимающего подобные речевые сообщения, которые содержат галлицизмы или англицизмы, подобные слова и словосочетания превращаются в эмотивные симулякры. В ходе анализа примеров из Национального корпуса русского языка были обнаружены случаи использования галлицизма *la haine dans l'amour* (досл.: *любовь в ненависти*), для которого в русском языке (по аналогии с немецким *Hassliebe*, французским окказионализмом *haimer*, совмещающим глагол *aimer* и начальную букву глагола *haïr* со значением ‘ненавидеть’) устоявшегося аналога нет:

Марья Ивановна, передавая все это мне в Москве, верила и тому и другому варианту, то есть всему вместе: она именно утверждала, что все это могло произойти совместно, что это вроде la haine dans l'amour, оскорбленной любовной гордости с обеих сторон и т.д., и т.д., одним словом, что-то вроде какой-то тончайшей романической путаницы, недостойной

всякого серьезного и здравомыслящего человека и, вдобавок, с подлостью (Ф.М. Достоевский).

Данные симулякры являются неадаптированными, поскольку переносятся в иную языковую среду с сохранением написания. Написание словосочетания *jalousie du metier* без диакритического знака (вместо нормативного ~ *du métier*) может быть отнесено к условному третьему типу эмотивных симулякров: квазинеадаптированных. Выбор говорящим иноязычной формы описания своих переживаний разрушает совместный с собеседником языковой код, что указывает на необходимость вычленения интенции говорящего (отказ от конвенциональной формы номинации эмоции влечет за собой поиск причины подобного коммуникативного поведения).

Примерами адаптированных (т.е. графически оформленных русскоязычными коммуникантами кириллицей, а не латиницей) эмотивных симулякров могут служить иноязычные аффективы:

Как папа? Вандерфул! Ковыляет на одной ноге, но по-прежнему бодрый. (А. Хайт).

– Я чувствую себя прекрасно. Риали вандерфул!.. А я в эту минуту чувствовал себя ужасно (С. Довлатов).

– Надья! Ит'з бьютифл, ит'з вандерфул! У меня нет слов! (С. Довлатов).

Не стоит повторять, что когда наши французские братья начали нас посещать — они не способны были ничего другого сказать, как «фантастик», «мервейэ», энкруайябль» и т. п. (Г. Орлов).

– Риали? – удивлялся он фразе каждого из собеседников. И немедленно восхищался: – Фантастик! Страсть к чужим словам у меня началась с китайского языка (Р. Арифджанов).

Обнаружил забавный (но аннойный, блин) глюк (https://forum.ubuntu.ru/index.php?topic=28689.0).

А мы ведь не в казарме, и аннойный тип – не генерал, чтобы его терпеть (https://new.topru.org/konstruktivnye-predlozheniya-ot-zontika/).

Осень и Геленджик Это просто фантастик! По пути на юг, под Ростовом видели «ветряные мельницы» (https://www.drive2.ru/l/5739101612786334 42/).

Сюжет - на бис, ну, просто - бест! … И судьям впарю фантастИк, чтоб сразу ОП!янели (https://stihi.ru/2013/10/02/3202).

Осенью 2019 года фраза "О май гад Данила, ты что крейзи?" стала мемом во "ВКонтакте" (https://memepedia.ru/o-maj-gad-danila-ty-chto-krejzi/).

Не ремембер как-то, чтобы хотя бы раз кто-то был аннойинг или тем более дисгастинг, кроме тех кейсов, когда это автором так было интендид (http://ii.yakuji.moe/a/res/1498516.html).

Обращает на себя внимание частичная ассимиляция подобных симулякров (например, прилагательное *аннойный*) по модели шока и стресса, которые вполне гармонично внедрились в систему языка, выступили основой для последующих образований на их основе глаголов, прилагательных. Основными функциями данных слов могут быть игровая, шуточная, идентифицирующая, но их эмотивная составляющая в исходном языке теряется. Здесь следует учитывать интересный процесс семантических преобразований: аффективы имеют только эмотивное содержание, их сочетание с иной языковой средой активизирует не столько эмотивное, сколько скрытое смысловое содержание.

4.1.4. Коммуникативная репрезентация редуцированных эмоций

Изучение особенностей языковой категоризации эмоций предполагает путь от целого к составляющим его частям: положение о том, что любое слово может быть эмотивом приводит к необходимости выделения облигаторных сем 'эмоция' и 'оценка' в семантической структуре лексической единицы; множество эмоциональных переживаний может быть сведено к группе базовых эмоций, которые, комбинируясь, образуют безграничную палитру эмоциональных состояний; внутри классической для эмотивной лингвистики трехчастной классификации эмотивов на средства языковой номинации,

дескрипции и экспликации эмоций появляются смешанные эмотивы, когда обозначение эмоциональной доминанты становится недостаточным для говорящего при описании своих переживаний. Подобное направление соответствует общей тенденции естественных и гуманитарных наук изучать малые объекты, которые сужают объем понятий и позволяют приходить к более точным выводам.

М.Н. Эпштейн вводит понятие микроники художественной культуры [Эпштейн, 2022, с. 315], к которой следует относить не только исследование малых жанров, однословия, но и частные языковые процессы уменьшения номинируемых объектов и функциональный потенциал этого. Диминутив – измененная форма слова, которая оценивает объект как маленький, меньший, небольшой, обладает положительной либо отрицательной субъективной оценкой и экспрессией [Там же, с. 316]. Диминутивы от номинаций эмоций (микроэмоции по М.Н. Эпштейну), с одной стороны, подтверждают положение о том, что уменьшительные суффиксы – прерогатива чего-то преимущественно отрицательного (ср.: если не полное отсутствие диминутивных форм положительных эмоций, то явное превалирование отрицательных микроэмоций. Это соответствует наблюдению В.Ю. Апресян о том, что идиомы-минимайзеры (*ни на волос, ни в одном глазу, ни в зуб ногой* и пр.) вбирают в себя отрицания и являются отрицательно поляризированными [Апресян, 2019, с. 6]. С другой стороны, микроэмоции демонстрируют внутреннюю попытку понизить «отрицательность» эмоции, деинтенсифицировать эмоциональное переживание (эмоция остается отрицательной, но её интенсивность или эмоциональная валентность понижается).

Цель данного параграфа заключается в описании функционально-семантического аспекта языковых средств выражения недостаточных эмоций в форме диминутивов, образованных от номинаций эмоциональных переживаний (например, *печалька*, *грустинка*). Выбор говорящим подобных способов экспликации эмоций является недостаточным (недостаточным как

средство передачи эмоций). Также следует обратить внимание на то, что форма господствует над личностными и социально-культурными смыслами, которые закрепляются через эмоциональные механизмы сознания [Ионова, 2010, с. 13], где субъект не транслирует смысл через статичную языковую форму, а, скорее, пытается либо выбрать внутри этой формы подходящий вариант, либо поддается искушению подменить личностную значимость конвенциональной оболочкой.

При использовании говорящим диминутивов от номинаций эмоций для характеристики эмоционального переживания основная функция данных диминутов игровая. Эмоция, названная прямым словом (номинация эмоции), является осознанной, а не непосредственно переживаемой. Диминутивная форма эмотива интенциональна: это не вербальная реакция говорящего на стимул, каузирующий эмоциональный отклик, а намеренное речевое действие говорящего, которое не направлено собственно на выражение эмоций.

Инвариант значения диминутивов двойственен: указание на малость предмета и / или выражение эмоционального отношения автора к нему [Иванян, 2015, с. 34]. Диминутивы могут также осложняться дополнительной семой ослабления проявления качества или отрицательного характера оценочной стороны слова [Там же, с. 46], уничижительности [Там же, с. 174]. Основное семантическое значение диминутивов заключается в выражении понятия «малость» и его отдельных признаков: количества, качества, размера [Шедогубова, 2003, с. 98].

Часто при формировании оценочного суждения человек опирается на внешние свойства объекта, его размер, который становится показателем эстетических предпочтений: больше – значит лучше, когда диминутив, по умолчанию, рассматривается как нечто менее значимое, скорее, отрицательное. Для подтверждения данного тезиса можно сослаться на серию экспериментов, один из которых заключался в попытке определить эмоциональное состояние людей, которые получали подарки. Особенность эксперимента состояла в том, что двум группам испытуемых была подарена

карточка с текстом: «*Монетка (złotóweczka – мелкая монета) / Монета (złotówka" – обычная монета) для тебя*»; первая группа испытуемых (те, кто получил монетку) определила свое эмоциональное состояние как менее радостное по сравнению со второй группой (которым досталась монета) [Parzuchowski, Bocian, Gygax, 2016].

Большинство русских диминутивных суффиксов оканчивается на *-к*, которое попадает в позицию перед вокалическими падежными окончаниями. В русском языке возможно образование двойных и тройных диминутивов (*книжоночка, камушечек*). Как отмечает М.Д. Воейкова, первый диминутив приобретает специальное лексическое значение и перестает ассоциироваться с представлениями о малом размере [Воейкова, 2011, с. 38]. На эмоционально-оценочную энантиосемию диминутивов указывает Ю.В. Слабко, которая на примере суффиксов *-онк*, *-ёнк* показала, что данные морфемы могут использоваться для выражения как уменьшительно-ласкательного, так и уменьшительно-уничижительного оттенков [Слабко, 2015, с. 337]. Для диминутивов характерна эмотивная поливалентность. С одной стороны, уровень речевой агрессии, речевой грубости в обществе растет [Пинкер, 2021], что становится одной из причин отрицательной оценки использования индивидом в речи диминутивов, т.е. диминутив может индуцировать отрицательную эмоциональную реакцию. Диминутивы потенциально способны понизить негативную тональность инвективной лексики (ср.: *дурак и дурачок*), что приводит, если не к позитивизации, то к нейтрализации эмоциональной направленности взаимодействия.

Использование слов с исходно положительной коннотацией или тех, которые изначально отмечены уменьшительно-ласкательными суффиксами (например, *мышка, клопик*), характерно для создания ласковых именований [Федорова, 2019, с. 215]. К функциям диминутивов относятся аккумуляция и трансляция эмоций [Голушин, 2008, с. 74]. Диминутивность полифункциональна, используется для выражения уменьшительности, обозначения различных эмоций (ласкательность, сочувствие, симпатия,

ирония, уничижительность), подчеркивания неполноты проявления признака, неточности его описания [Буряковская, 2010, с. 312].

Е.А. Земская не соглашается с мнением о том, что употребление диминутивов свойственно женской речи. Диминутивы могут выполнять различные функции, которые (функции) более или менее частотно реализуются в мужской или женской речи. Например, уменьшительность характерна для разговоров взрослых с детьми, а также для женщин. Использование диминутивов в качестве формул угощения свойственно мужской и женской речи, тогда как диминутив в функции иронии и самоиронии свойственно мужчинам и женщина [Земская, 2014, с. 625-628]. В речи женщин диминутивы имеют эмотивно-прагматическое значение, а в речи мужчин – объективно-логическое значение величины и размера [Звонарева, 2012, с. 513].

Диминутивные слова принято использовать в сфере общения с детьми, что перешло на пространство разговора о детях (детоцентрическая коммуникация по Н.В. Меньковой) в форме «мамкиного» языка (*какашули*, *годовасик* и пр.), когда в условиях современного социума отказ от использования умилительно-ласкательной тональности в разговорах на данную тематику оценивается как отклонение от нормы [Менькова, 2018, с. 128].

Диминутивы обозначают границы между группами своих (известных, знакомых, близких) и чужих (враждебных, неизвестных, незнакомых) [Протасова, 2001, с. 240]. Среди диминутивов выделяют экспрессивные, которые выражают не уменьшительность, а субъективное отношение говорящего к объекту или служат цели установления отношений между собеседниками. Отмечается, что тенденция вытеснения нейтральных существительных экспрессивными диминутивами является устойчивой исторически сложившейся тенденцией русского языка [Фуфаева, 2021, с. 35]. Ласкательность рассматривается как база для выражения различных (в том числе, противоположно оценочных) отношений, например, уничижительность

с речевой «позой преуменьшения», пренебрежительность с уменьшением значимости противника [Там же, с. 16]. Диминутивность рассматривается и как языковой барьер в конфликтных ситуациях, и как актуализация смягчающего значения диминутивов, в которых обладает конструктивным регулятивным потенциалом применительно к участникам взаимодействия [Калашникова, 2017, с. 103].

К диминутивам, обозначающим недостаточные эмоции как «эмоции одного мгновения», следует отнести, например, *грустинку, смешинку, печальку*. Микроэмоции соответствуют тенденции современных коммуникативных практик к замене искренних эмоциональных переживаний на их симулякры, следствием чего становится экспликация поощряемых социумом эмоциональных реакций [Ионова, 2023, с. 24]. В интервью журналисту на вопрос о судьбе мимимишной лексики В. Ефремов подчеркнул, что этот язык, как и язык «падонков», является однодневным, функционирование подобных лексем ограничено конкретным временным срезом [Пичалька, вкусняшка…, www]. В контексте рассматриваемой проблемы значимым становится явление «вербальной сатации», при которой происходит субъективная потеря словом значения (семантических признаков) в результате частотного использования в речи [Леонтьев, 2007, с. 134]. Функциональная недостаточность подобных номинаций для обозначения эмоциональных переживаний приводит к необходимости формального усиления их экспрессии, полноты. Зачастую это происходит через конкретизацию качественным прилагательным или наречием:

Но мы будем стараться, чтобы весь мир нас услышал. А если не получится – большой ***печальки*** *не будет, но огорчение придет;*

Дибров – это ***вообще печалька****, какая-то зануда! Верните душечку Васильева, ну или Цискаридзе;*

– ***Вообще печалька****, я сама в шоке, – вздыхает Ольга. – После чемпионата России мы начали задумываться о том, не стоит ли попробовать себя в командной гонке?*

К частным приемам повышения интенсивности недостаточных эмоций, нашедшим свою реализацию в речи, можно отнести:

а) появление слов-композитов, включающих недостаточное эмоциональное переживание и полную форму номинации другой эмоции: ***Грусть-печалька****… вот делала, что хотела и как хотела. Обязанности кое-какие выполняла, но они были не в тягость и друг появился (М. Радуго);*

б) формальное увеличение слова через многократное написание повторяющейся буквы: ***Печаааалька****. Мне очень нравится один мальчик. Точнее, я в него влюблена. Говорю сразу -: я довольно часто к нему заходила на страницу в Вконтакте;*

в) нарушение норм орфографии: *Котик, где* ***пичалька****? – Туть;*

г) словостяжение через написание в одно слово полных форм двух номинаций эмоции, что сопровождается многократным повтором финальной гласной: ***печальбедааа****;*

д) тавтология через использование атрибута в форме качественного прилагательного, образованного от номинации эмоции: ***Печальная печалька****;*

е) написание слова в форме множественного числа: ***Печальки****. Даже если у нее всё хорошо, она обязательно придумает себе печальку!*; *Отбрось все* ***печальки.***

Выделенные приемы увеличения интенсивности эмоциональных переживаний реактивны на субъективно оцениваемую говорящими недостаточность микроэмоций для выражения эмоционального состояния. Популяризация такого диминутива, обозначающего эмоциональное переживание, как печалька, приводит к появлению аналогичных лексических образований (дериваций креативных паззлов, по В.И. Шаховскому [2022]) согласно продуктивной модели (ниже приводятся примеры популярных мемов):

Печалька? Ну и что! Не смертелька же

Ревновашки - всегда печалька (Сократик)

Печалька. Тоска. Грусть. Обидка.

У кого-то печалька а у меня пофигулька

Страдашки всегда печалька

Блокнытик. Жесть. Тоска. Печалька.

Микроэмоции соответствуют дискурсивной практике новой искренности [Иссерс, 2020] с характерными для нее массовостью, сверхкооперативностью, симулятивностью (псевдоэмоциональность, псевдоискренность, псевдоиндивидуализация), игровой составляющей, отсутствием иерархии, бестактностью, низкой прогнозируемостью последствий для говорящего. Настоящий режим эмоционализации сопровождается появлением эмоционального новояза (скорее, новоязовских эмоций), культурной легитимацией и интенсификацией эмотивности, «обнажением» эмоционального дискурса [Аронсон, 2021, с. 8], когда эмоциональное связывается с аутентичным и наделяется авторитетом [Там же, с. 10]. Виртуальная реальность сопровождается декогнитивацией и сенсибилизацией, при которой повышенная чувствительность подменяет когнитивные процессы [Фортунатов, Воскресенская, 2021, с. 283]. Дискурсивной аксимой становится открытое выражение, легитимизация эмоций, эмоционализация дискурсов, в которых актуализация эмоций ранее рассматривалась как нечто ненормативное, неконвенциональное, т.е. внутри официально-деловой коммуникации эмоции теряют периферийный статус и приобретают дискурсообразующий потенциал [Гладко, 2022, с. 11, 18].

Поиск на базе сервиса Google Books Ngram Viewer, который позволяет построить графики частотности использования языковых единиц в художественной литературе, показал, что первое упоминание слова «печалька» датируется примерно началом 2000 годов и пик употребления отмечается в 2018 году. Сопоставительный анализ частотности употребления слов «печалька» и «пичалька» показал значительно большую встречаемость словоформы «печалька» по сравнению с «пичалька», пик использования которого пришелся на 2017-2018 года.

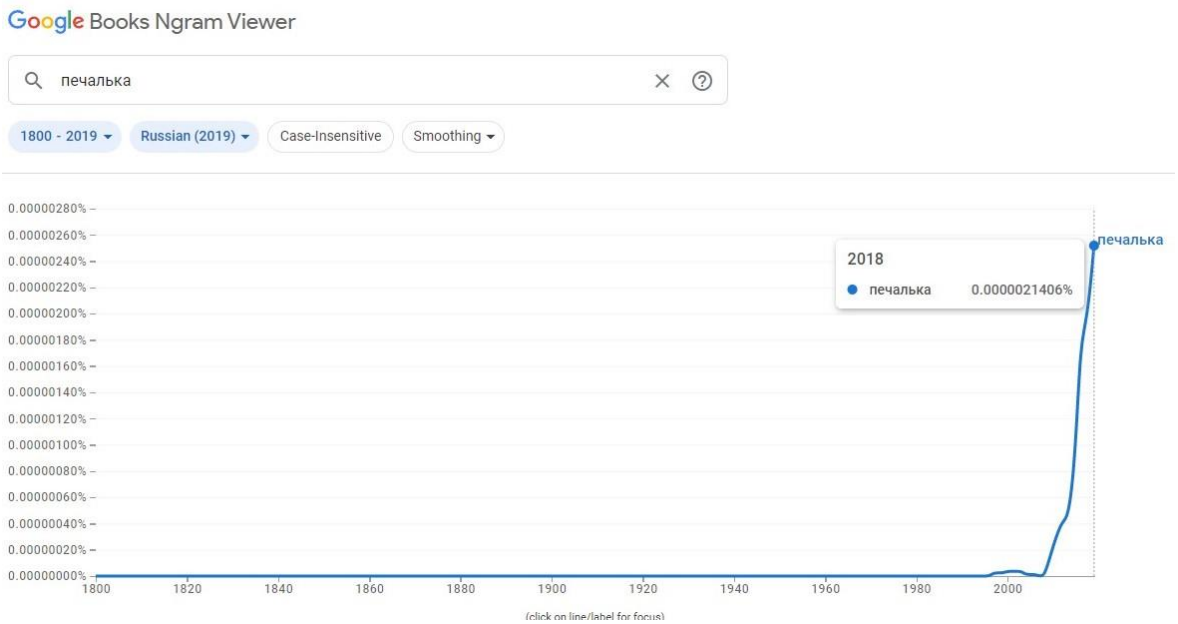

Схема 10. Частотность использования слова *печалька* (по данным Google Books Ngram Viewer)

Схема 11. Частотность использования слов *печалька* и *пичалька* (по данным Google Books Ngram Viewer)

Слово «грустинка» имеет гораздо более диахронически протяженную историю использования в русском языке, первое упоминание в художественной литературе приходится на 1960-е годы, а затем рекуррентность использования снижается, но слово остается в обиходе: *низким густым голосом сказала Грустинка, не узнавая Ивана* (Г. Шторм. Дети

доброй надежды: исторические повести и рассказы, 1960). Популярность слова «печалька» ниже частотности использования слова «грустинка», что подтверждает сопоставительный график встречаемости данных лексических единиц.

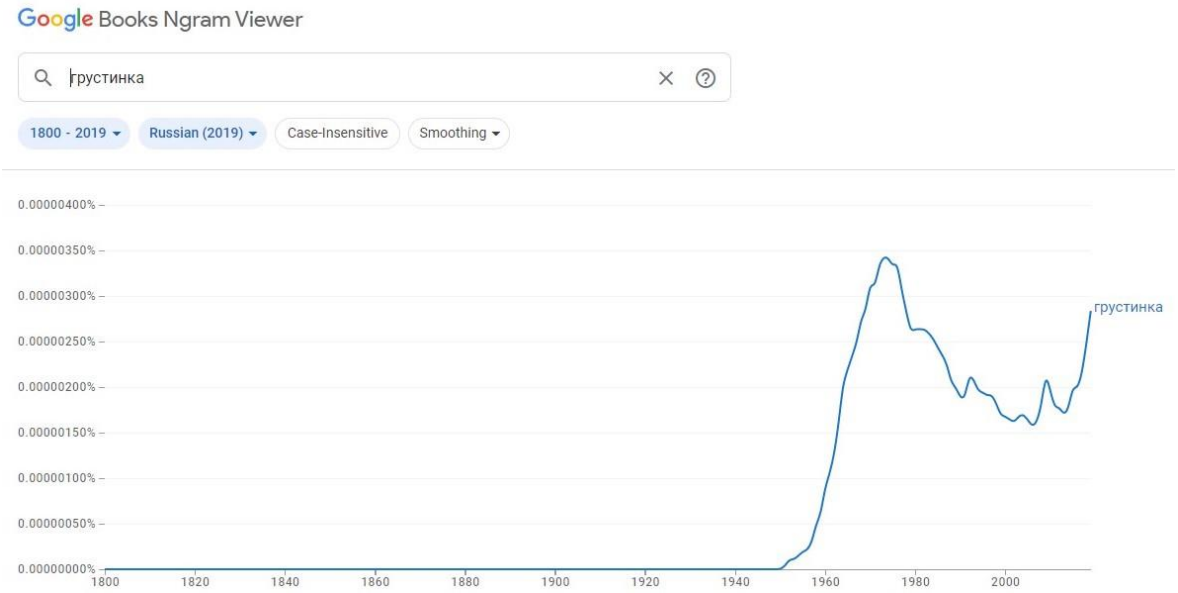

Схема 12. Частотность использования слова *грустинка* (по данным Google Books Ngram Viewer)

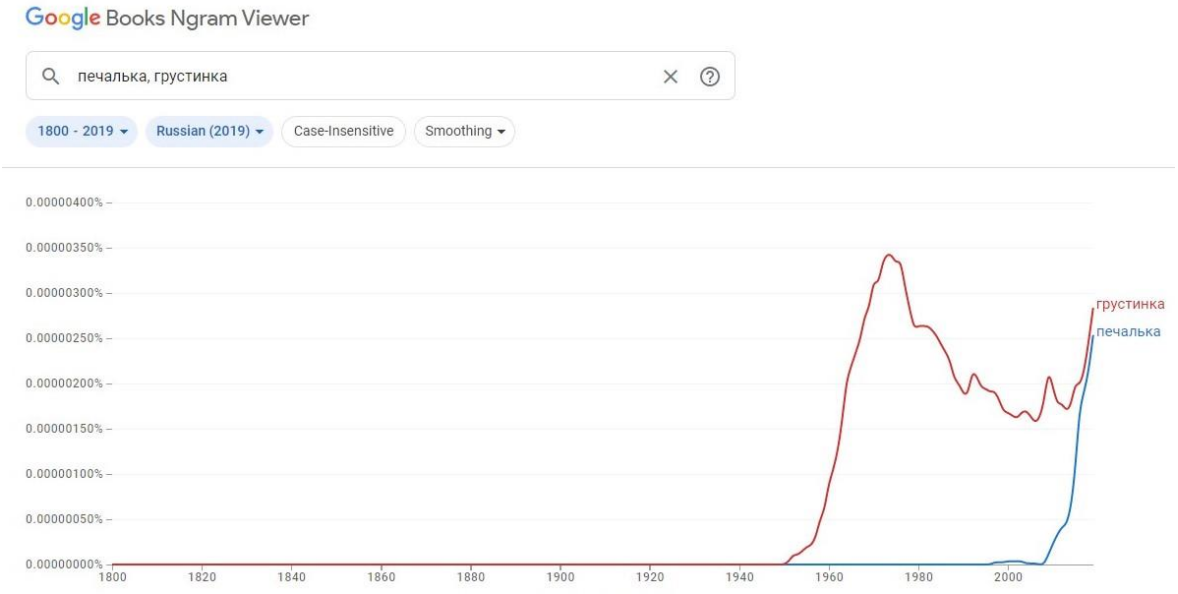

Схема 13. Частотность использования слов *грустинка* и *печалька* (по данным Google Books Ngram Viewer)

Анализ примеров использования слова «печалька» в медиадискурсе показал, что актуализация в речи данной лексической единицы индуцируется контекстом:

«Прикиньте, в аэропорту Стамбула LV не продают вещи русским и тем, кто летит в Россию. Печалька и точка», – поделилась певица;

«Не могу зайти в игру, рвется соединение»; «Печалька, пошла смотреть сериальчик, потом еще попробую загрузнуть», – пишут пользователи игры Guild Wars 2;

«Блокируют контактик на Wi-Fi – ну, печалька, что ж, – улыбается столичная 8-классница Александра Ш. – Но я просто отключу его и посмотрю все, что нужно, по 3G»;

Кстати, печальку часто испытывают ванильки – так в Сети называют романтичных девушек, которые любят пить кофе и носить одежду мягких ванильных цветов. Из их лексики также пришли мимими и няша, ставшие очень популярными;

Ты – это твои друзья», – резонно напоминает приложение напоследок. Забыв, однако, открыть имя того самого - тайного парня, который лайкает меня чаще других. Пичалька, как говорится.

Стилистически сниженная (разговорная) лексика (например, *прикиньте, загрузнуть, контактик, лайкать* и пр.) влечет за собой естественное появление в тексте не конвенциональной номинации эмоционального переживания, а микроэмоции. Микроэмоциональным переживаниям не свойственна формальная или содержательная сложность, что облигаторно, например, для смешанных или сложных эмоций, ср.: *Однако и теперь, едва оправившись, едва голову подняв, я не смог подавить в себе новый приступ и опять дал волю своему бурному негодованию, я сетовал, я кричал, силясь излить все свои страдания, поведать, как он меня изводит, то своей приязнью, то холодностью, то приветливостью, то суровостью без всякой причины, – он просто мучитель, а я привязан к нему всем сердцем, я и люблю его, и ненавижу, и даже в ненависти всё равно люблю* (Ст. Цвейг). В данном

примере реализуется комплекс приемов языковой экспликации неопределенного эмоционального переживания в форме амбивалентной смешанной эмоции, доминантой которого выступает ‘любовь’ («*и даже в ненависти всё равно люблю»*), одновременно сопровождающаяся как положительно-, так и отрицательно-оценочными эмоциями. Следствием неопределенного (смешанного, сложного) характера эмоционального переживания героя становится развернутое описательное выражение эмоций.

Недостаточные эмоции появляются там, где возможно неэмоциональное реагирование, причина экспликации микроэмоций – условная договоренность; недостаточные эмоции суть вынужденные, но их продуцирует не столько языковой, сколько социальный контекст, социальная среда, которая навязывает определенные модели поведения, где реагирование человека гиперэмоционально, значит, деэмоционально, симулятивно. Такой эмотивный комплекс, под которым понимаются коммуникативные единицы, включающие не однопорядковые средства реализации коммуникативной цели, становится несогласованным (см. [Мркаич, 2017]).

Микроэмоции не равно простые эмоции, поскольку последние предполагают связь с базовыми, а являют собой упрощенные способы внешнего поверхностного псевдоэмоционального реагирования. Микроэмоции актуализируются говорящим интенционально с целью создания комического эффекта через их совмещение с обсуждением серьезной, как правило, острой социально-экономической проблемой:

С печалькой отмечаем, что если данная информация стала доступна нам, то с большей степенью вероятности она могла быть доступна и спецслужбам ряда заинтересованных стран».

Именно поэтому «печалька» г-на Мединского по поводу тела Ленина тянет за собой ненужные вопросы – это что, отвлекающий маневр?

С садиками в стране напряженка, свободных помещений меньше, чем нарождающихся мальчишек и девчонок, плюс у регионов не хватает средств

на зарплату нянечкам и покупку горшков... ПИчалька, как говорят в интернете.

А это значит, что не будет новых домиков и машинок у тех, кто привык греть руки на государственных заказах. Печалька.

«Эмоции одного мгновения» оцениваются как нечто несерьезное, проходящее, факультативное:

Настроение сейчас – пичалька…

Пичалька. Каникулы кончились. Счас придется опять вставать в 7 утра.

День сегодняшний вверг меня в полную пичальку.

На моей куртке молния разошлась и это пичалька.

Жизнь моя сплошная пичалька.

Такие «недостаточные» эмоциональные переживания индуцированы «недостаточным» стимулом. На недостаточность микроэмоций указывает и отсутствие у них антонимических пар, когда для поиска контрарного понятия диминутивность микроэмоции нейтрализуется:

Люди перестают считывать нюансы, понимают только печальку и радость. Произошло упрощение восприятия.

В ходе проведенного эмпирического исследования было выявлено, что использование в речи диминутивов, образованных от номинаций эмоциональных переживаний, является избыточным. Такой способ экспликации эмоций поверхностен, строго ситуативен, служит признаком деэмоционализации речи: говорящий вынужден отвечать вызовам и тенденциям общества, в котором наблюдается переизбыток эмоциогенов, что вынуждает строить взаимодействие через облигаторную гиперэмоциональную оценку окружающих человека событий.

Популяризация микроэмоций как симулякров эмоциональных переживаний обусловлена новыми эмоциональными режимами [Кортунов, Саенко, 2022] современной культуры («новая искренность»),

которые приспосабливаются к меняющемуся миру и продуцируют соответствующие лексические единицы.

4.2. Диффузная эмотивность в аспекте невыраженной оценочности

Эмоция удивления является универсальной, т.е. характерной для представителей различных лингвокультур. К конститутивным особенностям удивления К.Э. Изард относил кратковременность, способность притормаживать все мыслительные процессы [Изард, 2007 с. 190]. Поэтому удивление выполняет инструментальную функцию паузы, необходимой для внутреннего сопоставления известной и полученной информации [Михайлова, 2012]. К.А. Долинин рассматривал понятие недифференцированной эмоциональности [Долинин, 1978, с. 265], при которой доступен восприятию только оценочный компонент, а эмоция, стоящая за вербальным средством выражения, является диффузной. Аналогично можно говорить о недифференцированной оценочности, когда говорящий испытывает эмоциональное состояние, но отсутствует уверенность в оценочном знаке.

Удивление выступает реакцией на несоответствие некоторого стимула тому представлению о мире, жизненном опыте, которое сформировано у экспериенцера; нечто непонятное, неожиданное, не совпадающее с представлением вызывает удивление [Анумян, 2021]. Эмоция удивления является интеллектуальной, несмотря на внешнюю противоречивость данного тезиса, поскольку вызывает данное состояние не столько эмоциональный, сколько рациональный стимул (ср.: логическая операция сопоставления предыдущего и нового опыта). Удивление возникает в ситуации недостаточности информации [Островская, 2012 (б)], когда у субъекта возникает диссонанс между имеющимся представлением о чем-то и восприятием актуального сообщения собеседника, оценкой происходящего.

Это приводит к эффекту обманутого ожидания, которое сопровождается эмоцией удивления.

К интеллектуальным эмоциям относят также интерес, внимание, озадаченность. Пространство таких эмоций считают многомерным (что характерно для всех эмоциональных переживаний вне зависимости от степени представленности в них интеллектуальной составляющей. *–Прим. наше.: А.Ш.*), т.е. эмоциональные переживания разложимы на компоненты. Указывается, что интеллектуальные или эпистемические эмоции, которые упрощают познание и научение [Пиотровская, Трущелёв, 2020], комбинируются с иными эмоциями, эксплицитно номинируемыми или имплицируемыми контекстом (к примеру, внимание и интерес, удивление и интерес) [Мальцева и др., 2020]. Удивление эмоционально, но не оценочно, поэтому К.З. Островская наряду с простым удивлением выделила комплексное, в котором оценочная составляющая удивления конкретизируется иными эмоциональными переживаниями, сопровождающими удивление [Островская, 2012 (а)].

Можно предположить, что возникновение смешанной эмоции, в которой сочетаются оценочная эмоция и неоценочное эмоциональное переживание, обусловлено аналогичным эффектом обманутого ожидания: говорящий намеревался реализовать привычную для него модель эмоционального реагирования на определенный стимул, но последний (стимул) актуализируется совместно с дополнительными знаковыми коррелятами, что лишает говорящего возможности транслировать свое эмоциональное состояние известным для него способом. Выделены следующие двух- и трехчастные композиты, в которых удивление объединяется с оценочными эмоциями: *удивление + гнев; радость; восторг; возмущение; страх* (преобладание отрицательной доминанты); *недоумение или удивление + недоумение и страх; недоумение и возмущение; недоумение и гнев* (преобладание отрицательной доминанты) [Островская, 2013, с. 12]. Не противоречит сказанному положение о том, что удивление всегда связано с

другими эмоциями [Островская, 2012 (в), с. 11]. Одновременно речь может идти как о сопровождающих удивление номинациях оценочных эмоций, так и о том, что с помощью удивления можно оценить ситуацию положительно или отрицательно, т.е. удивление амбивалентно [Островская, 2013]:

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что всё это не нужно, что всё это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей, искусных и развращенных, властвовать над собой (Л.Н. Толстой).

«Каково будет удивление и радость Наташи, думал он, шагая на своих стоптанных сапогах по узенькому переулку, когда она вдруг прочтет в «Инвалиде» описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия (Л.Н. Толстой).

Удивление, относящееся к особой группе слов, которые выражают эмоцию в самом общем виде без указания на ее положительный или отрицательный характер [Арнольд, 2016, с. 154], является реакцией на неожиданную, но значимую для получателя информацию [Лепенышева, 2012, с. 7], а лингвокультурная составляющая удивление подтверждает обратное: эмоциональная реакция удивления часто симулируется или носит игровой характер. Примерами такой симуляции могут выступать случаи использования говорящим в фатической коммуникации аффективов (*Да ты что?! Да ну?! Серьёзно?!*).

Анализ примеров из Национального корпуса русского языка показал, что эмоция удивления имеет неограниченный потенциал объединения с иными номинациями эмоциональных переживаний. Результаты поиска по запросу «*удивление и*» по основному корпусу дают более 500 примеров, из которых была составлена подборка, содержащая сочетание удивления и оценочной эмоции. Далее данные отобранные примеры организованы в ментальную карту с помощью сайта mindmeister.com:

Схема 14. Ментальная карта контекстов НКРЯ по запросу «*удивление и*»

Данная ментальная карта удивления состоит из двух измерений (левое – отрицательные эмоции; правое – положительные). Визуальный анализ показывает, что количественная представленность номинаций положительных эмоций, сочетающихся с неоценочной эмоцией удивления низкая. Данные полученной диаграммы связей показывают, что удивление выступает катализатором оценочного переживания. Обратный поиск по запросу «и удивление» показал, что количество примеров значительно ниже.

Также из полученной выборки примеров исключались контексты, в которых союз и использовался как усилительная частица, к примеру:

И было в этом возгласе и удивление, и недоверие, и восхищение (М. Сергеев)

В этом взгляде было и удивление, и одобрение, и восхищение (А. Маринина)

По лицу его в одну минуту пробежали все оттенки душевных волнений: и испуг, и радость, и удивление, и недоумение (В. Курочкин)

Отобранные данные организованы в ментальную карту:

Схема 15. Ментальная карта контекстов НКРЯ по запросу «*и удивление*»

При этом оценочная характеристика идентична: положительно оценочные эмоции значительно реже сочетаются с эмоцией удивления.

Сочетание номинации удивления с номинацией иного эмоционального переживания, линейно оформленное через причастие с семой ‘смешения’, демонстрирует аналогичные указанным выше особенности:

Как я вдруг возненавидел добрейшую Амалию Петровну, ее недоуменный лепет, это искреннее ***удивление, смешанное с ужасом*** *в глазах (М. Шишкин).*

Этот бесстыдный и беззлобный человек, в котором нет и следа елейности, мягкости, коварства, поражает не только Эльмиру -- ***удивление, смешанное с брезгливостью*** *испытывают и зрители, то поддаваясь обаянию Тартюфа, то пугаясь его безобразия (Е. Горфункель).*

На лице женщины мелькнуло ***удивление, смешанное с недоверием*** *(А. Маринина).*

Зато было ***удивление, смешанное с легким страхом*** *(А. Маринина).*

Лицо Фрейлины выражает ***удивление, смешанное с испугом*** *(С.Я. Маршак).*

Случаи конкретизации удивления положительно оценочной номинацией эмоции являются менее частотными, что указывает на вызов удивления, в первую очередь, отрицательно оценочным стимулом.

Так, один из наполеоновских офицеров следующим образом описал свои впечатления при въезде: «...меня охватило ***удивление, смешанное с восхищением****, почти все дома оказались кирпичными и самой изящной и самой новой архитектуры (В. Безотосный).*

Какое-то ***удивление, смешанное почти с благоговением*** *(П.С. Николаев).*

Актуализация в коммуникации эмоции удивления, сопровождающейся оценочными номинациями эмоций, выполняет ряд функций. К примеру, функция ***коммуникативного поглаживания***, что выражается в попытке говорящего снизить степень эмоциональности своего сообщения, когда препозитивная неоценочная эмоция является симулятивной. Таким образом, говорящий не только положительно оценивает адресата (он испытал интерес и восторг), но создает дополнительный претекст, носящий игровой характер (предвкушение и оценка). Сочетание неоценочной и оценочной эмоций в рамках одного суждения может выполнять ***поисковую функцию*** для говорящего, что позволяет ему «нащупать» оценочные границы своего

эмоционального отношения, а неоценочная эмоция дает возможность замедлить экспликацию эмоций (асинхронное реагирование на внешний стимул). Такая асинхронность может привести к последующему отсутствию вербального выражения говорящим оценочной эмоции – ***функция антиципации***: адресант способен ограничиться неоценочной эмоцией удивления или интереса, предвосхищая последующую реакцию адресата, если за неоценочной эмоцией будет объективировано оценочное эмоциональное переживание (попытка избегания говорящим похвалы адресата или, напротив, его критики). Использование же говорящим неоценочной эмоции позволяет ему соблюсти максиму качества общения (собеседник планирует вызвать эмоциональную реакцию – говорящий выражает эмоциональную неоценочную реакцию).

Выводы по главе 4

Диффузная эмотивность может характеризоваться невыраженной эмоциональностью и оценочностью. В качестве примера невыраженной эмоциональности рассмотрены совместные, симулируемые, невыразимые и недостаточные эмоции. Совместные эмоции включают в себя ряд составляющих понятий, как сострадание, сочувствие, эмпатия, со-радование. Примечательно, что совместные или социально одобренные эмоциональные состояния не образуются от активных эмоциональных переживаний (например, не существует со-страха или со-ненависти). В отличие от индивидуальных совместные эмоции благоприятствуют успеху социального взаимодействия субъекта. Диффузность совместных эмоций заключается в том, что в них отчетливо проявляются уровень формы и содержания, когда по форме человек эксплицирует сочувствие, сопереживание, которое содержательно не должно доходить до уровня настоящего страдания (при этом вчувствование будет оценено положительно). Исследовательский интерес представляет проблема этикетной эмотивности, когда в ходе

коммуникативного взаимодействия человек использует «эмотивные полуфабрикаты» и скрывает свое истинное эмоциональное состояние/отношение от адресата.

Поэтому следующий рассмотренный аспект невыраженной диффузной эмотивности – симулируемые эмоции, важность которых первостепенна для коммуникации, поскольку коммуникативная симулятивность пронизывает все дискурсы, задает определенные нормы взаимодействия. Симулируемые эмоции соотносятся с понятием эмоциональной мимикрии, позволяющей человеку подстраиваться под эмоциональную тональность коммуникативной ситуации, актуализировать необходимый для реализации коммуникативного намерения эмоциональный вектор. Интересной проблемой выступает фатический аспект использования аффективов, редукция рефлексии до уровня немыслия при использовании в речи иноязычных слов для характеристики переживаемых эмоций.

Невыразимые эмоции рассматриваются как первичные относительно базовых эмоций: невыразимые эмоции представляют собой своеобразное основание для последующей категоризации эмоциональной сферы человека. Отмечается, что невыразимые эмоции есть ответ активного (деятельностного, рефлексирующего) сознания на отсутствие в языке конвенциональных средств репрезентации актуальных эмоций, а поиск средств экспликации эмоций часто сопровождается дискомфортом (ср.: *вертеться на языке*). Также говорящий может использовать образованное от номинаций базовых эмоций прилагательное и выражать особые эмоциональные переживания (к примеру, *радостные, печальные эмоции и чувства*). К невыразимым эмоциям относятся и синкретичные эмоции: *сладкие, соленые, невидимые эмоции*.

Недостаточные эмоции соотнесены с предложенным М.Н. Эпштейном понятием микроэмоций в форме диминутивов от номинаций эмоций, диффузность содержания которых проявляется в сравнительно более низкой активности эмоциональных переживаний (*печалька*, *грустинка*) и особом функциональном наполнении.

Невыраженная оценочность проявляется у интеллектуальных эмоций, к примеру, удивление, которое является базовой эмоцией, но не имеет четко зафиксированного места на условной оценочной шкале. Поэтому удивление нуждается в конкретизаторах, оформляющих его оценочные границы. Количественная представленность номинаций положительных эмоций, сочетающихся с неоценочной эмоцией удивления низкая; удивление становится катализатором эмоционально-оценочного переживания.

ГЛАВА 5. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДИФФУЗНОЙ ЭМОТИВНОСТИ

Диффузность следует рассматривать как имманентное свойство эмотивности, эмотивным является любой текст внутри устной или письменной коммуникации. Даже потенциально нейтральные жанры официально-деловой или научной, технической коммуникации в сочетании с субъектом и широким контекстом могут становиться эмоциогенными, оставаясь эмотивными. «Генерация эмоции», т.е. эмоциогенность, невозможна без учета положения о внутреннем предзаданном статусе эмотивности.

Язык и дискурс накладывают свои ограничения на реализацию эмотивности. Язык создает конвенцию, которой упорядочивает частотную эмотивность словарных знаков, закрепляет ее в дефинициях слов при помощи словарных помет. Разного рода отклонения от конвенции относятся к пространству речи, которое ошибочно представляется хаотичным, беспорядочным. Рамки дискурсивных пространств также ограничивают эмотивность, например, оттесняют эмотивную составляющую к экстенсионалу либо «выпячивают» эмотивный компонент, когда эмотивность становится дискурсо- и жанрообразующей категорией.

Диада «симулятивность – имитативность» представляется значимой в контексте обсуждаемой проблемы особенностей репрезентации жанровой специфики диффузной эмотивности. Подражание является естественным условием взаимодействия человека со средой, но степень проявления данного условия отличается. Рассматриваемые жанры дискурсивных пространств художественной, интернет и устной коммуникации позволяют предположить возможность систематизации проявлений диффузной эмотивности в трех условных группах дискурсивных пространств:

- намеренной имитации;
- ненамеренной имитации,
- симуляции.

Интернет-дискурс включает разного рода проявления симуляции, когда агенты дискурса интенционально гиперболизируют форму выражения эмоциональных переживаний для привлечения внимания аудитории, увеличения аттрактивности контента.

Художественный дискурс предполагает выверенную, продуманную симуляцию, которая трансформируется в имитацию. Продуктом автора художественного произведения является текст, поэтому на создание его формы направляются усилия пишущего. В художественном произведении эмоциональные переживания намеренно имитируются с попыткой приблизить их к актуальным эмоциям человека внутри ситуации реального живого общения.

Устная коммуникация стимулирует работу говорящего с языком по вербальному оформлению своих мыслей, переживаний. Человек пытается найти способ обозначения внутреннего мира, но ограничен временными рамками симультанной естественной коммуникации и пределами имеющихся в его распоряжении ресурсов, поэтому в устном общении имитация имеет скрытую ненамеренную форму.

Понятие жанр (вид словесности в понимании Г.И. Богина [1997, с. 12]) трактуется далее намеренно расширенно как литературный жанр и жанр речи. Литературный жанр представляет собой вид литературного произведения, имеющий характерные особенности. Литературный жанр гомогенен в своей гетерогенности, т.е., несмотря на идентифицирующие категориальные черты, может видоизменяться с течением времени [Зунделович, 1925, с. 237]. Речевой жанр суть использование комплекса конкретных высказываний в специфических условиях коммуникации и для реализации конкретных коммуникативных целей. Устойчивые типы высказываний, группируемые в единое целое сообразно с коммуникативным намерением и средой, являются речевым жанром [Бахтин, 1996, с. 160]. При этом в понимании А. Вежбицкой со ссылкой на М.М. Бахина речевой жанр является не продуктом, а действием [Вежбицка, 1997, с. 101]. Понятие «речевой жанр» далее используется

обобщенно без учета, например, актуального лигвокультурологического преломления речевых жанров с выделением лакунарных, альтернативных, личных, институциональных речевых жанров [Карасик, 2025, с. 385].

5.1. Диффузная эмотивность в художественной коммуникации

Художественная коммуникация не столько моделирует ситуации реального общения, сколько создает коммуникативные эталоны, показывает, как было бы нужно или (не) следовало бы вести себя в некоторой ситуации, конструирует модели, похожие на реальное общение для достижения воздействующей функции на адресата. Т.е. художественная коммуникация есть приблизительность, некая гипертрофированность эмотивной кажимости. Поэтический текст концентрирует идентичный прозаическому тексту эмоциогенный потенциал в физически меньшем объеме текстового материала. Можно предположить, что художественная коммуникация в формах прозаических и поэтических текстов тяготеет к созданию необычных неконвенциональных моделей вербальной репрезентации эмоционального реагирования внутри макростратегии эстетизации описания. Художественная коммуникация не обнаруживает, а «выпячивает» эмотивный потенциал слов и специализируется на превращении потенции в актуализацию.

5.1.1. Дескрипция диффузной эмотивности в художественной коммуникации

Далее на материале подкурпусов поэтических и прозаических текстов НКРЯ будет осуществлен анализ особенностей описания диффузной эмотивности, исходя из предположения о том, что поэзия a priori «накладывает» на выбор плана выражения ряд жанровых ограничений,

которые заставляют автора отклоняться от общепринятой нормы и «силой слова» побуждать адресата к действенному пониманию; последнее невозможно без привлечения дополнительного внимания адресата нарушением нормы.

5.1.1.1. Диффузная эмотивность в поэтическом тексте

Анализ примеров из НКРЯ по поэтическому подкорпусу, отобранных с помощью запроса 'Слово 1 - морфологический признак - прилагательное и Слово 2 - словоформа - чувства или эмоция', показал, что сочетание прилагательного и слова *эмоция* является низкочастотным (4 примера). Однако даже низкочастотные примеры словосочетаний с компонентом ‘эмоция/ подтверждают предположение о лингвокреативном потенциале поэтического дискурса в сфере языковой категоризации действительности:

– *Какая мощь!*
– *Вот это вещь!*
– *Традиции*
Древней Греции!
– *Сексуальные эмоции!*
– *Я хочу иметь детей*
От коробки скоростей!
Зачала.
И вскорости
На предельной скорости,
Закусив удила,
Родила –
Вертолет.
(Г.В. Сапгир)[2].

[2] Здесь и далее примеры приводятся в авторской редакции; орфография и пунктуация авторов сохранены.

Ура, китайские эмоции!

Продолжение – в милиции

Дело пахнет гашишом.

Гейша

Пляшет нагишом

На столе

Начальника паспортного стола!

(Г.В. Сапгир).

Частотность актуализации в художественном поэтическом дискурсе слова *эмоция* несопоставима со словом *чувство*, что обусловлена теоретичностью первого и обыденностью, общеупотребительностью, традиционностью второго. В поэтическом подкорпусе номинации диффузных чувств наделяются такими характеристиками, как *изношенные, усталые, бессмертные, убитые, бездонные, странные, великаньи* и пр.:

Ласточка, ласточка, дай молока, Дай молока четыре глотка — Для холодного тела, Для тяжелого сердца, Для тоскующей мысли, Для убитого чувства (Ю.П. Мориц).

Ласточка, ласточка, матерью будь, Матерью будь, не жалей свою грудь Для родимого тела, Для ранимого сердца, Для негаснущей мысли, Для бездонного чувства (Ю.П. Мориц).

Футбол смягчает классовые чувства, но он, однако, их не отменяет, и выражалось иногда в подножках презренье крокодилового ранца к облупленности гордой дерматина, и не скрывал, различием терзаясь, кожзаменитель ненависть свою (Е. Евтушенко).

Мы с тобой не играли в любовь, Мы не знали такого искусства, Просто мы у поленницы дров Целовались от странного чувства (Н.М. Рубцов).

Живут великаньи, чувства В натруженном сердце том — Мечта овладеть природой, Планетный покинуть дом (В.А. Луговской).

Я видел мгновенье, в которо заря выходила. Прелестьми юной бессмертной чувства мои обновленны. Тихая светлость объемлет мою умилившуюсь душу Так, как прозрачное облако, в коем покоится солнце, Только омывшись в волнах… (М.Н. Муравьев).

Служить любовникам не ведаю искусства И знатных услаждать изношенные чувства; Я отдаю товар, каков он есть, лицом: Осла ослом зову, Бибриса — подлецом (А.А. Бестужев-Марлинский).

Кипят на дне глухие чувства, Недвижен темных вод покров, И кажется, само искусство Освобождается от слов (И.Г. Эренбург).

Отчетливо семантика неопределенности проявляется в номинациях *неясных, странных чувств*:

Встали тени кругом, шевельнулись толпой Все неясные чувства, мгновения, сны, И я вновь им невольно внимаю с тоской, Отдаваясь таинственной власти луны (П. С. Соловьева).

Я помню, что были томительно-сладки Черемухи вздохи, что звуки дремали, Что странные чувства меня волновали… Те чувства — загадки (В.В. Набоков).

Рекуррентно дескрипция диффузных чувств приобретает характеристики огня, поскольку для реактивного поэтического словотворчества необходим эмоционально активный стимул:

Полюбить ли случалось им — сила искусства Помогала им в каждую душу влагать К их избранницам те же горячие чувства, Тем же сладким недугом весь мир волновать; Имена их избранниц хвалой становились И в ряду знаменитых и славных имен, Сквозь бессильную давность годов, доносились Невредимо и свято до наших времен (С.Я. Надсон).

Все другие Высокие и пламенные чувства Для сердца их не внятны (С.Ф. Дуров).

Не общим желаньем она пламенела, — Нет, заревом чувства ланиты зажглись; С последним лобзаньем в устах ее млело Одно только слово, одно: «возвратись!» (В.Г. Бенедиктов).

Созревши в тишине, На ниве огненного чувства, Они чуждаются прикрас (П.П. Ершов).

Поэтическому дискурсу свойственно использование при описании чувств прилагательного *возвышенный*, что уже содержит в себе идею исключительности, превосходности и специфичности пространства поэзии:

Ты же, ангел мой, ты создан Для утех иного рода, Для возвышенного чувства И для радости высокой (А.Л. Хвостенко).

Посеяли тогда изящные искусства В груди богатырей возвышенные чувства; Окреп полмира властелин, И обрекли его, в воинственной державе, Бессмертию веков, незакатимой славе Петров, Державин, Карамзин! (А.И. Полежаев).

Где милый нрав и ум, возвышенные чувства, Моя отрада, жизнь?.. всё тут! (И.И. Дмитриев).

Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете, Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем; И Муз возвышенных искусства, Счастливец, он не постыдил: Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства, Порывы девственной мечты И прелесть важной простоты. (А.С. Пушкин).

Отдельное внимание следует обратить на словосочетания *вяжущие чувства*, *сладкие чувства*, которые обнаруживают одну из интересных граней диффузной эмотивности – синестезийных эмотивных номинаций.

Эти вот пустые руки, слезы И мяконькие вяжущие чувства, Какие я привык таскать по городу, Я приношу тебе, Венера, на-ка, Их складываю на померкшей травке: Бери и ешь! (М.М. Степанова).

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства, Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных (Н.И. Гнедич).

Синестезия, предполагающая совмещение нескольких органов чувств для описания действительности [Комина, 2006; Ангапова, 2021; Савинова, 2010; Свистова, 2012; Кундик, 1997; Ward, 2004], является отклонением от условного правила ви́дения мира, но несет в себе конструктивный

действенный потенциал, становясь примером укрупнения форм перцепции и ее экспликации.

Синестезия преимущественно интересует специалистов в области психологии, неврологии, психиатрии. Последнее подтверждают многочисленные ассоциации синестетов по всему миру, например, International Association of Synaesthetes, Artists, and Scientists, Российское синестетическое общество», Association Française de Synesthésie и пр. Одной из знаковых психологических работ о синестезии считается «Ум мнемониста» [1994] А.Р. Лурии, в которой описывается опыт исследования способностей к запоминанию Соломона Вениаминовича Ш.

Я узнаю не только по образам, а всегда по всему комплексу чувств, которые этот образ вызывает. Их трудно выразить – это не зрение, не слух… Это какие-то общие чувства… Я обычно чувствую и вкус, и вес слова, и мне уже делать нечего – оно само вспоминается…, а описать трудно.

Для мнемониста, ставшего объектом исследования А.Р. Лурии, рудиментарная для «обычного» человека синестезия стала основным признаком психической жизни. Т.е. эффективность запоминания Соломона Вениаминовича Ш. обусловлена, в первую очередь, возникающими у него чувственными ассоциациями, которые он считывал впоследствии – перенос по синестезически-переживаемым особенностям слов.

Язык не может удовлетворить действенного пользователя своим актуальным, поэтому предлагает в его распоряжение безграничный потенциал возможностей не только словотворчества и лингвокреативности, но и окказионального комбинирования несочетаемых элементов. Такой сложный комплексный способ объективации действительности, для которого целое больше суммы частей, есть попытка сделать то, что конвенционально языку непосильно или не нужно. Исходя из предположения о том, что нормой эмотивности должна быть диффузность (а также множественность, нечеткость, неопределенность, полиоценочность), синестезия при

экспликации эмоций является способом выразить эту диффузность через линейное «нанизывание» семантически не смежных элементов.

5.1.1.2. Диффузная эмотивность в прозаическом тексте

Примеры указанной выше модели словосочетаний с компонентом 'чувства' (‘А + *чувства’*) из прозаических текстов обширнее представлены в НКРЯ. Наиболее частотные словосочетания применительно к общему количеству (более 1400 примеров) отражены на графике ниже.

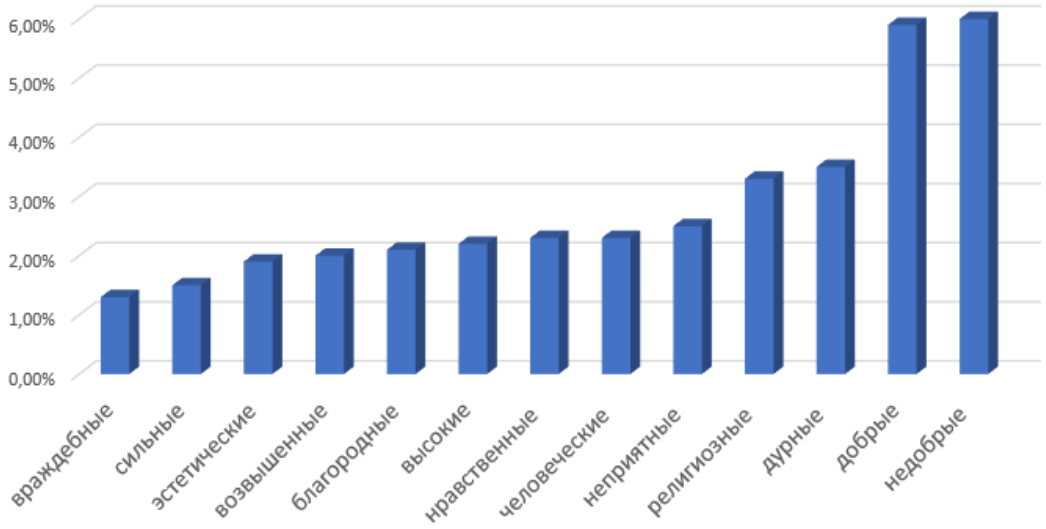

Схема 16. Наиболее частотные словосочетания по модели '(А) + *чувства'* среди прозаических текстов классических произведений

Слово *чувство* употребляется не только применительно к характеристике эмоциональных переживаний/состояний, но понимается широко как понятие, используемое в сферах этики, нравственности, права, эстетики.

Прозаические тексты клишированные, но включают в себя большое количество примеров лингвокреативной деятельности:

Ей вдруг сделалось ясно, что, отказавшись, ради эфемерного чувства любви, от воли, она в то же время предала божий образ и навлекла на себя «божью клятву», которая не перестанет тяготеть над нею не только в

этой, но и в будущей жизни, ежели она каким-нибудь чудом не «выкупится» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Он робко и с радостной надеждой покосился на бенуар, возле которого были его кресла, и вздрогнул от самого неприятного чувства (Ф.М. Достоевский).

Во всяком случае, это последнее письмо, в котором я позволил себе выражать такие экзальтированные чувства, экзальтированные для равнодушных, а вы сумеете их оценить (Л.Н. Толстой).

Они и теперь не могут говорить о нем без особого чувства; припоминают каждое его слово, что он ел, что любил (Ф.М. Достоевский).

Костюмы французские, мысли французские, чувства французские (Л.Н. Толстой).

Самые разнокалиберные чувства и помыслы копошились в его отуманенных мозгах и ноющей душонке (А.П. Чехов).

Проникновение диффузной эмотивности в прозаический корпус текстов выражается в номинациях:

- смешанных чувств:

Меня обуревали самые смешанные чувства: я был рад, что ненавистное письмо, которого я так долго ждал и опасался, – теперь мне уже более не страшно; я чувствовал прилив самых теплых и благодарных чувств к матери за деликатность, с которою она освободила меня от тяжких самобичеваний за это письмо, представив все дело совсем не в том свете, как оно мне представлялось, – а главное: я ощущал неодолимые укоры совести за те недостойные мысли, какие я было начал питать насчет материного характера (Н.С. Лесков);

- противоположных чувств:

Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время—и уж конечно не по моей воле (Ф.М. Достоевский).

- неиспытанных чувств:

Я всё это видел, но не приписывал этому никакого другого значения, кроме того, что она испытывала то же, что и я, что и ей, как и мне, открылись, как будто вспомнились новые, неиспытанные чувства (Л.Н. Толстой);

- разнообразных чувств:

Каждый вечер лились шумные и живые речи, приправленные скромной чашкой чая; каждый вечер обсуждались самые разнообразные и смелые вопросы политической и нравственной сферы; от этих бесед новая жизнь проносилась над душою, новые чувства охватывали сердце, новая кровь сладко закипала в жилах… (М.Е. Салтыков-Щедрин).

- смутных чувств:

Только темносинее высокое небо, усеянное пропадающими в пространстве звездами, заиндевшая борода кучера, захватывающий дыхание, щиплющий за лицо воздух и скрип колес по морозному снегу напоминали те холодные, но поэтические Святки, с которыми мы с детства привыкли соединять какие-то смутные чувства – любви к заветным преданиям старины, темным народным обычаям и – ожидания чего-то таинственного, необыкновенного…… (Л.Н. Толстой).

На фоне современных художественных произведений, уже в своих названиях содержащих эмотивы (например, Р. Валиуллин. «Где валяются поцелуи? Венеция»; Р. Валиуллин. «Сукалюбовь»; Д. Байгужин. «Сука. Роль, которую продиктовала жизнь»; Н. Нестерова. «Жребий праведных грешниц»; Д. Рубина. «Больно только когда смеюсь»), трудно соглашаться с мнениями о том, что современная литература характеризуется снижением эмоциональности [Ивницкий, 2023, с. 37].

Опредмечивание «размывания» эмотивного содержания номинаций и дескрипций эмоциональных переживаний выражается в использовании гиперонимических кластеров вместо гипонимических видовых элементов данных «пучков». Например, в корпусе актуализируются кластеры таких

эмоциональных состояний/переживаний, как грусть, радость, злость, мучение, неприязнь, обида, отчаяние, ревность, тревога, ужас, любовь:

Не будет он иметь против меня злого чувства? (Л.Н. Толстой).

Я не говорю про себя, но домашние примут вас с той радостью, которая остается за вычетом неприятного чувства – приезда союзника мне, с которым все воюют, хотя я давно сложил оружие (Л.Н. Толстой).

И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело (Л.Н. Толстой).

Никогда не испытывал такого радостного чувства, как нынче (Л.Н. Толстой).

Сочетание прилагательного, задающего эмоционально-оценочные границы кластера, со словом *чувства* позволяет автору «размывать» содержание при условии сохранения семантических ориентиров, когда имя эмоции становится недостаточным для адекватного отражения актуального переживания.

5.1.2. Экспликация диффузной эмотивности в художественной коммуникации

Целостное пространство художественной коммуникации может быть представлено как реакция на стимул действенного активного творящего сознания. Письменная форма фиксации, сопровождающаяся качественной обработкой текста, его постоянным преобразованием, способствует актуализации множественных семантических векторов слова, которые скрыты за планом выражения языка. Опредмечивание неопределенной, нечеткой, диффузной эмотивности в тексте художественного произведения выступает

дискурсо- и жанрообразующей характеристикой, значимой для раскрытия персонажа, реализации творческого замысла автора, направления понимания читателя.

5.1.2.1. Диффузная эмотивность в жанре драмы[3]

Количественная выборка примеров не всегда является показателем качества, поскольку окружающее человека информационное пространство во многом повторяет идентичные (схожие) сюжеты, умножает и бесконтрольно рассеивает их. Полагаем, что для демонстрации тенденции, которую реализует художественная коммуникация в аспекте диффузной эмотивности, количество источников анализа не будет значимо.

Выбор художественного произведения для осуществляемого дальнейшего эмотивного анализа обусловлен рядом экстралингвистических факторов, среди которых следует выделить популярность автора за рубежом, положительные оценки читателей на специализированных сайтах, высокий тираж произведения, наличие перевода на иностранные языки, объем продаж. В романе «*Не слушай мамин плач*» (*N'écoute pas maman pleurer* par Léna Beymond) драма совмещается с элементами психологического триллера и детектива, что усложняет жанр и предписывает скрытые требования к текстовой составляющей, т.е. усложненная форма предполагает усложненное содержание.

По сюжету малоизвестному адвокату поступает запрос от клиента на представление его интересов в суде по подозрению в убийстве и похищении детей. Впоследствии выясняется, что данный клиент является братом адвоката; около двадцати лет назад клиент убил своих двух сестер, ранил мать, а адвокат (третья сестра), которая уцелела от гибели, потеряла память. В финале романа оказывается, что убийцей была мать, а отец семейства решил

[3] Трехчастная типологизация родов литературы на эпос, лирику и драму не является значимым для настоящего исследования; понятие жанра трактуется широко, как «архижанр» или главный нарративный жанр [Николаев, 2021], драматическое произведение, изображающее процесс действия.

уговорить своего сына взять вину на себя, отправиться в психиатрическую лечебницу, чтобы спасти свою мать от наказания. Такой сложный сюжет предполагает не только создание комплексного характера персонажей, но и их естественную эволюцию по ходу прочтения романа. Эмоции выступают сюжетообразующим и удерживающим внимание читателя фактором, они пронизывают действия и поведение персонажей, их описание множественно, разнообразно и интенсивно.

Диффузная эмотивность представляется как норма, естественное состояние эмоциональной жизни людей:

Ему нравилось, добравшись после работы до дома, любоваться мирным покоем, контрастировавшим с шумными ссорами детей. Джон вспомнил о них впервые за день: о том, как они смеются, как ругается с сестрами Том, а жена не может их утихомирить (Здесь и далее внутри параграфа цитаты примеров приведены из указанного романа «Не слушай мамин плач». – Примечание наше. – А.Ш.).

Экспликация эмоциональных переживаний персонажей описывается линейно в форме последовательного развертывания номинаций сменяющих друг друга эмоций:

Счастливый конец - самый желанный из всех концов. Особенно в Рождество. Но сегодня отчаяние заняло место радости.

Эмоциональная тональность в примере со знаком «–», поскольку положительно-оценочное состояние вытесняется отрицательным, а интенсивность увеличивается по причине замены низкоинтенсивной *радости* на активную эмоцию *отчаяния*. Положительная оценочность радости оттеснена на дальнюю периферию, но не исчезает полностью, что следует учитывать при попытке определения тональности данного примера диффузной эмотивности.

В анализируемом романе эмоциональной доминантой остается эмоция страха, которая сочетается как с однооценочными, но более интенсивными

эмоциональными состояниями, так и номинациями противоположных по оценочной составляющей эмоций:

Тревога мгновенно сменилась ужасом, когда доктор Ховард увидел неподвижное тело старшей дочери в луже крови.

В супружеской спальне он сразу заметил ключ в замочной скважине тумбочки, потянул дрожащей рукой на себя и обнаружил... пустоту. Подавленность переросла в ужас.

В представленных примерах эмотивная диффузность эксплицируется на содержательном уровне через превращение низкоинтенсивных эмоций (тревога, подавленность) в ужас, а на содержательном такой эффект достигается за счет слов *сменяться* и *перерастать* с семами ‘изменение’, ‘преобразование’:

СМЕНЯТЬСЯ – проходить, уходить, исчезать, заменяясь кем-либо, чем-либо, уступая место кому-либо, чему-либо другому.

ПЕРЕРАСТАТЬ – развиваясь, превращаться во что-либо другое.

Следует также заметить, что экспликация диффузных эмотивов занимает в примерах пре- и постпозитивные части, т.е. актуализация диффузной эмотивности может выступать как стимульным, так и реактивным элементом повествования.

Интересно, что диффузные эмотивы не ограничены ни формой их экспликации, ни количеством составляющих элементов внутри сложного эмотивного композита, состоящего из нескольких имен эмоциональных переживаний:

Помимо изумления, даже разочарования, лицо Кэрол выражало неприкрытую враждебность.

Использование соматических метафор необходимо для точного (или приближенного к точному) описания эмоциональных переживаний:

Гнев в его голосе мешался с покорностью судьбе.

Доктор окаменел от страха, ноги стали ватными, так что пришлось прислониться к стене.

Внимание привлекает совмещение метафор жесткости-мягкости, когда и окаменелость, и ватность характеризуют потерю контроля, опоры.

Симуляция используется как один из частных способов актуализации эмотивной диффузности, когда эксплицитно обозначается неприемлемое эмоциональное переживание, а имплицируется притворная, ложная эмоция, которая может прямо не обозначаться:

Ради Шэрон ей приходилось скрывать свою печаль и выглядеть беспечной, заковав себя в броню бесчувственности.

Соренсен стиснула зубы, пытаясь спрятать страх за внешней холодностью.

Способами сокрытия в данных примерах выступает невербальное поведение в формах демонстрации нейтральности, сдержанности или напряжения через усиленное сжимание челюсти.

Языковое сознание связывает активные негативные эмоции с физически затрудненными кинетическими реакциями. Неопределенное эмоциональное переживание может приводить к параличу, невозможности осуществлять физические действия:

Сьюзи застыла на месте, объятая горем и страхом.

В данном примере комплекс интенсивных переживаемых персонажем эмоций приводит к невозможности движения. Но телесные реакции не всегда «правильно» выражают эмоциональные переживания. Тогда необходима вербальная экспликация, без которой понимание будет затруднено:

Шэрон встретилась с ледяным взглядом клиента, и ее пробрала дрожь. Она вонзила ногти в ладони, пытаясь справиться с ужасом и отвращением.

Тремор (дрожь) тела может быть вызван не только активным состоянием страха, но и неприязнью, что показано в примере.

Экспликация диффузной эмотивности выглядит как интенсификация по сравнению с конвенциональными формами эмоционального реагирования: «нанизывание» нескольких номинаций эмоций сопровождается использованием усилительной частицы с элементами полисиндетона:

Шэрон невольно восхитилась талантом фотографа, сумевшего уловить на ее лице и раздражение, и нежность.

Еще одна особенность эмотивной диффузии состоит в том, что ее нечеткий (неопределенный) характер предполагает объединение не только номинаций эмоций, но и иных поведенческих состояний:

Вы смотрели на девочек, из-за них на вашем лице были раздражение, ирония, властность и теплота.

Диффузная эмотивность позволяет эксплицировать внутренний мир человека, поскольку переживание эмоции всегда комплексно, эмоциональное реагирование разнооценочно, отличается интенсивностью и степенью выраженности признака:

- Но ты выглядела ужасно потерянной и напуганной, а когда поняла, кто я, твое отвращение превзошло все мои ожидания. Я жаждал не жалости, но ненависти, а потом не открывал правды.

В примере, представленном выше, неактивное состояние подавленности, испуга сопровождается номинацией отвращения, которое граничит с ненавистью, т.е. представляет собой крайний полюс условный шкалы эмоционального.

В драматическом художественном произведении представлено множество способов и актуализованы разные типы эмотивной диффузности; художественное произведение реализует искусство вербального отражения эмоций.

Для анализа одного из примеров в романе следует обращаться к комплексному описанию ситуации:

Кейт почему-то ужасно разозлилась, увидев, как подчиненный спокойно вешает пиджак на спинку стула.

Здесь нейтральное действие героя романа вызывает активную отрицательную эмоциональную реакцию. Нулевая оценка интерпретируется собеседником как отрицательная, поскольку нуль будет указывать на равнодушие, бесчувственность, незаинтересованность в общем деле.

Пространство художественного дискурса апеллирует к сочетаниям несочетаемого для удержания внимания читателя:

Том с трудом справлялся с эмоциями. - Я предвкушал удовольствие, которое испытаю. Всему виной статья о вас в газете. Выдающийся юрист Лиам Соренсен, его очаровательная супруга и их треклятое счастье... Я мог думать лишь об одном - как его разрушить.

Перечень атрибутов счастливой жизни становится стимулом, реакцией на который выступает демонстрация героем намерения разрушить счастье; диффузия выражается в сочетании двух оценочных полюсов в единое целое.

Частотно неоценочные эмоции (например, удивление) конкретизируются и сочетаются с элементами, эмоциональная и оценочная составляющие которых известны:

Изумление сменилось яростью. Питер никогда не говорил ей об этих снимках. Она не чувствовала, что за ней наблюдают.

Том Ховард несказанно удивился, увидев за стеклом сестру, и гневным жестом схватил телефонную трубку.

Таким образом, анализ художественного произведения показал высокую концентрацию примеров реализации эмотивной диффузности как в эксплицитной, так и имплицитной формах, т.е. представляющих собой линейное сочетание нескольких номинаций эмоциональных переживаний и нетипичные способы экспликации эмоций. Семантическая (и эмотивная) диффузность необходимы для создания интриги, сюжетной линии, образа персонажей; диффузная эмотивность первична, поэтому без ее реализации в художественном произведении условной уровень доверия автору снизится.

5.1.2.2. Диффузная эмотивность в жанре пьесы

Пьеса как литературное произведение предназначена для постановки на сцене, поэтому отдельное внимание уделяется не подробному описанию

экстралингвистического контекста взаимодействия персонажей, но прямой речи. Этим пьеса сближается с естественной коммуникацией, вбирает в себя черты одновременно устного и художественного общения. В качестве материала выбрано две условно современных пьесы, для которых характерны умеренно высокие критические оценки; пьесы, которые стали основами для театральной реализации: «Экспонаты» Вячеслава Дурненкова и «Психоз 4.48» Сары Кейн («4.48 Psychosis» в переводе Т. Осколковой).

Наблюдение за эмотивным наполнением данных текстовых произведений показало высокую концентрацию активных (интенсивных) эмоций, которые частотно вербализуются в формах аффективов. Использование инвективной лексики становится одной из общих характеристик лексического оформления анализируемых текстов пьес. Попытки маскировать инвективы путем замены отдельных букв пропусками дополнительно увеличивает воздействие на адресата, последовательному пониманию которого ненадолго препятствует буквенное «зияние», заполняемое читателем самостоятельно:

(…)

ГЕНА (вскакивает). Ты мне вот что скажи. Я что, своему ребенку зла желаю? Я, что, мать плохая? Так, Юра?

ЮРА. Я не про тебя…

ГЕНА. Юра, ты, б…, понял, что сказал? Я за него глотку порву! Любому!

ЮРА. Успокойся.

ГЕНА. Да я как рыба об лед! Одна! Все сама! И я что не мать?! Что ты про это знаешь?! Ты мне хоть как-то помог? Ты думаешь, что мне живется легко? Ты по себе людей не меряй!

ЮРА (встает). Не ори на меня!

ГЕНА. Да не хозяин ты, а мудак самый настоящий!

(…)

ВОРОНЬКО. Извините, если мы вас в чем-то оскорбили. Я так понимаю, нам сейчас лучше уйти. Опять же хочу напомнить, что все наши предложения

остаются в силе. Я, правда, очень благодарен вам. И надеюсь, что мы как-то смогли друг друга услышать. До свиданья.

Воронько и Черновицкий уходят.

ЮРА. Ты ох…а.

ОЛЯ. Нет, Юра, не я. И давай об этом больше не будем.

(...)

<…> Мы и ваш дом в порядок приведем. Возле крыльца можно будет деревья новые посадить. Скамейки резные. Вот здесь на эскизе есть. Посмотрите, какая красота. (Интуитивно понимая, что Клим здесь главный, протягивает ему эскиз.)

КЛИМ. Пошел на х…

В пьесе «Экспонаты», действие которой разворачивается в небольшом городке, образы персонажей даны неполно, лишены целостности, упрощены. «Портретная» симплификация затрагивает и языковой уровень: на лексическом уровне предпочтение отдается бытовой стилистически сниженной лексики (как разговорной, так и вульгарной):

(…)

ЮРА. Она работник музея, за прилавком ей стоять нечего. Когда меня нет дома, ты автоматически становишься моим заместителем. И на этом все.

МИША. Завтра экскурсии не будет, а мне там стрёмно торчать. Что я, барыга, что ли?

ЮРА. А кто ты?

МИША (расправляя плечи). Я жених.

(…)

ВАЛЯ. Да иногда можно было бы. Я девочка, мне нравится, когда на меня смотрят. (Смеется.)

РОМАН. Девочка. Самой смешно…

ВАЛЯ. А кто цветы на крыльцо положил?

РОМАН. Валь, тебе не хер больше спрашивать?

ВАЛЯ. Я знаю, что ты. Мне было очень приятно. Спасибо.

(…)

КЛИМ. Я тут за всеми присмотрю. Я ни тебя, ни Ромку в обиду не дам. Со мной, как за пазухой.

ГЕНА. Защитник хренов.

КЛИМ. Я, наверное, здесь останусь. Не могу я больше там жить. Не жизнь это. Пробовал, но никак не получается. Так что такие дела. Короче, я вернулся. Теперь заживем.

Несмотря на внешнюю кажущуюся простоту коммуникативного поведения, вербального оформления своих намерений, персонажи испытывают комплекс сложных эмоциональных переживаний, трансляция которых приводит к созданию пространства эмотивной диффузности:

(…)

САША. Да, хорошо, батя не слышит. Дожили...

ГЕНА. Вы меня не слышите.

САША. Нас уже вообще за людей не считают.

КЛИМ. Этого я так не оставлю. Это я вот перед батей обещаю. (Поворачивается к Деду.) Над Зуевыми еще никто не смеялся. Ты пап, не переживай. Мы их, сука, всех раком поставим.

(…)

КЛИМ. А мне по х...

ОЛЯ. Мне не по х… Я спокойной жизни хочу. Как я обо всем жалею, кто бы знал.

КЛИМ (встает, улыбается). Ладно.

(…)

ЧЕРНОВИЦКИЙ. А может, все-таки проводка?

Юра медленно качает головой.

ВОРОНЬКО. Кого-то конкретного подозреваете?

Юра кивает. Воронько и Черновицкий переглядываются и отходят в сторону.

ВОРОНЬКО. Б…, только этого не хватало.

ЧЕРНОВИЦКИЙ. А мне кажется, проводка.

Можно наблюдать две характерные тенденции: упрощение языкового оформления высказываний персонажей и усложнение эмоциональной составляющей поведения персонажей посредством актуализации сложной диффузной эмотивности.

По сюжету пьесы у одного из состоятельных жителей города сгорел магазин. Свои переживания он описывает далее следующим образом:

ЮРА (встает, смотрит на свою семью). А что ребята, хороший магазин ведь был? Ну, небольшой конечно, но хороший. Вот так вот надо что-нибудь – пожалуйста, все есть. А я еще химию хотел. Ну, чтобы еще всякую химию продавать. Дезодоранты там, краски. Не успел, а то сейчас бы так е…ло, ничего бы не осталось. А хуже бы все равно не было. Ну что вы на меня смотрите? Что молчите? Б…, десять лет. Я ведь сюда всё… Завтра куда я пойду? Я ведь утром встаю и сразу сюда. А сейчас что? Зачем вообще просыпаться? Десять лет. (Вале.) Тебе тогда десять было, Мишке – восемь. Я ведь даже не заметил, как вы выросли. Я ведь все время здесь. Но я для вас все это делал, мне оно зачем? Мне этого не надо! Мне для себя ничего не надо! Ничего не надо!

Диффузная эмотивность эксплицируется здесь через приемы воздействующей коммуникации (апелляция к собеседнику, риторические вопросы, восклицания, вопросно-ответная форма повествования и пр.), кластер выражаемых эмоций варьируется от низкоактивной грусти до интенсивного отчаяния, непрямо репрезентируемых через неполные предложения, дословные повторы, экспрессивную пунктуацию.

Если в драматическом прозаическом произведении автор «беспокоится» о качестве эмотивной реализации текста, направляет усилия на выражение сложных эмоциональных переживаний персонажей, тем самым создает комплексный образ персонажей, то в пьесе акцент ставится на грубой «силе эмоций». Персонажи ведут себя немотивированно агрессивно, их реакции на низкоинтенсивный стимул избыточно активные, образ персонажей упрощен

по принципу предоставления «простым» героям из числа жителей провинциального города «простого» языка:

(…)

ВАЛЯ. Это отец. У нас дома сейчас…

РОМАН. Я знаю.

ВАЛЯ. Прямь как в пьесе сраной.

РОМАН. Чем тебе пьесы не нравятся?

ВАЛЯ. На жизнь-то все равно не похоже.

(…)

КЛИМ. Помню. Я им Генке Маслову ляжку пропорол.

САША. А влетело мне.

КЛИМ. А не хер было ябедничать.

(…)

ВОРОНЬКО. Дерьмо ты.

КЛИМ. Повтори.

ВОРОНЬКО. Дерьмо. Был и будешь. У тебя, б…, фантазия дальше коленок и водки не идет. Это твой предел. Тебе другого ни в жизнь не придумать.

КЛИМ. А ты бы как поступил?

(…)

РОМАН. Когда-нибудь я на тебе женюсь.

ВАЛЯ. Это все не то.

РОМАН. Валя! У меня из жопы сыпется мокрый порох! Я не смогу взлететь! Сделай хоть что-нибудь!

ВАЛЯ. Дурак ты.

РОМАН. А ты подруга дурака, тоже неплохо устроилась.

Пьеса «Психоз 4.48» характеризуется авторским акцентом на описании сложных преимущественно отрицательных эмоциональных переживаний героини:

Это было недолго, я была там недолго. Но когда я пью горький черный кофе я слышу запах лекарств смешанный с запахом старого табака и я чувствую

как что-то прикасается к этому все еще болезненному месту и рана двухлетней давности вновь открывается будто оживший труп и давно похороненный стыд с ревом вырывается из нее отвратительным гниющим горем.

Актуализация положительных эмоций в тексте низкочастотна, коммуникативные усилия концентрируются на эмотивном комплексе с отрицательной эмоциональной доминантой:

… смотрел в глаза, смеялся над моим шутками висельника, стоящего на краю могилы, который мило шутил, когда я побрила голову, который врал и говорил, что рад меня видеть. Врал. И говорил, что рад видеть. Я верила тебе, я любила тебя и мне больно не потому, что я тебя потеряла, а потому что под предлогом медицинских советов ты, еб твою мать, бессовестно врал.

Лексическое оформление текста отличается от текста пьесы «Экспонаты» бóльшей сложностью, но использование стилистически сниженной лексики остается значимым:

Я верила, что ты не такой, как они и что иногда тебе, может быть, даже бывало больно, и страдание, грозя выплеснуться наружу, пробегало по твоему лицу, а ты, оказывается тоже спасал свою жопу. Как любой другой жалкий ничтожный мудак.

(…)

после того, как я умру, в следующей жизни я стану твоим ребенком только в пятьдесят раз хуже и столь же безумным, что и сейчас со всем говном, что я вытворяю я сделаю из твоей жизни настоящий ебаный ад

Эмотивная диффузность проявляется не только экспликативно через характеристику переживаний героини, но и с помощью дескрипций с компонентом ‘чувство’, а также качественной конкретизации номинаций эмоций:

- Почему ты порезала руку?

- Потому что это, блядь, грандиозное ощущение. Потому что это, блядь, изумительное чувство.

(…)
Найди меня
Избавь меня
от этого
разъедающего сомнения
бесплодного отчаяния
спящий ужас

Сочетание несочетаемого при экспликации эмоций представляется естественным для внутреннего мира человека:

Я всегда любила тебя,
даже когда ненавидела

Прямая форма выражения эмоций свойственна ситуации моделирования устной коммуникации (в данном случае разговор с самим собой) в тексте пьесы.

Общим основанием проанализированных текстов пьес в аспекте диффузной эмотивности является описание речевого поведения персонажей, приближенного к естественному, что наделяет речь большим количеством стилистически сниженной лексики, эмотивно огрубляет речь. Но функционирование пьесы внутри художественного дискурса не исключает качественного оформления прямой речи. Эмотивная тональность текстов пьес преимущественно отрицательная, положительные эмотивы используются для контраста, как примеры иной потенциальной желаемой реальности.

5.2. Диффузная эмотивность в интернет-коммуникации

Современное пространство интернет-коммуникации обладает своими конститутивными особенностями: клишированность, клиповость, упрощенность, быстрота и небрежность. В первую очередь, общение, опосредованное социальными сетями, представляет собой форму устной письменной речи, где письмо есть лишь способ выражения, но не цель

говорящего. Такая коммуникация остается ускоренной, что не позволяет адресанту оформить подходящим способом свое коммуникативное намерение.

5.2.1. Дескрипция диффузной эмотивности в интернет-коммуникации

Сверхэмоционализация интернет-общения подтверждается высокой долей используемых пользователями эмотиконов и их вариаций, порой, подменяющих собственно вербальное общение, появлением самостоятельных жанров, которым свойственны как актуализация и индуцирование определенных эмоций у адресата, так и превращение эмоций в жанрообразующие факторы, избыточная, неуместная (сообразно с коммуникативной ситуацией) эмоционализация общения. Можно говорить о происходящей из сверхэмоционализации тенденции – деэмоционализации, когда за формальной демонстрацией активных интенсивных эмоций пользователями социальных сетей скрывается отсутствие актуального переживания этих эмоциональных состояний, т.е. выражение эмоций становится правилом поведения, нормой, но не отражает намерений говорящего.

Примеры из подкорпуса социальных сетей НКРЯ показали, что пользователи пытаются интенсифицировать форму выражения своих эмоциональных переживаний, что выражается в использовании таких прилагательных, как *чрезмерный, яркий, красочный, невероятной силы, незабываемый, восторженный*:

Ощущение "как обухом по голове". Крайние эмоции невероятный силы. Стресс и накал (Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2022).

Рутина затягивает и может подорвать организм не меньше стрессов, поэтому нам нужны новые впечатления, яркие эмоции и возможность эмоциональной разрядки (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект (2022).

Отличный сервис и новые красочные эмоции обеспечены! (SKYXXBAR. Бизнес, зрелища и развлечения (2022))

Чрезмерные эмоции и эгоизм приводят к разбалансировке отношений (Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2022).

Мы рады из года в год дарить нашим гостям незабываемые эмоции (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект (2022).

Листайте карусель, чтобы услышать невероятные отзывы и увидеть восторженные эмоции от наших гостей ball# ball (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект (2022).

Цель интенсификации не ограничена стилистической нормативностью, поэтому случаи использования элементов разговорного стиля речи частотны:

ну или просто яркие офигенные эмоции мне гарантированы (Радости суперсвободных (2016-2020).

🌞 С пожеланием прекрасного настроения, почаще восхищаться собой и посильнее обожать себя любимую, вновь спрашиваю 🤲 Есть ещё такие, кто хочет ощутить кайфовые эмоции и желает нарастить реснички у наилучшего мастера европейского уровня (CypRus Helpers. telegram CypRus Helpers (20.08.2022).

Ускоренность и сближение с естественной спонтанной речью приводит к тому, что для выражения эмоций осуществляется поиск новых форм (кажется, это становится общей тенденцией вне зависимости от коммуникативного пространства):

Ты задел мои сяомишные чувства (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (05.06.2019)).

Как правило, план выражения удаляется от конвенционального, превращается в обобщенный, генерализованный.

Интересной особенностью можно считать создание соматических метафор (что нормативно в концепциях отелесненного ума и корпореальности), но данные метафоры упрощены:

– кубками – голые чувства, любовь к людям, хорошая компания (Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж).

Для сверхэмоционализации используют превосходную степень прилагательных, что являет простой и эффективный способ интенсификации: *pavelll07, Ты у нас к патронам питаешь нежнейшие чувства, точнее к их составляющей, подумалось, может гильзы у меня гнулись от того что патроны мощные? (Охота и рыбалка в Воронеже и области. Охотничий клуб (2010-2020).*

Что-то стало в сознанье не так, Притупились добрейшие чувства, Жизнь не стоит и медный пятак, Отчего так становится грустно (Валентина Артемчук. Дневники Валентины - Ангела света (2019).

Частотны случаи вербальной репрезентации смешанных эмоций, форма которых соответствует требованиям простоты, доступности и несоответствия норме:

Смешанные чувства после прочитанного ахахаха (Чат для художников. telegram Чат для художников (18.09.2021).

Камеры улучшили относительно прошлого улучшили что-то честно сказать не знаю… какие то смешанные чувства после просмотра (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (29.06.2021).

«Второй пресс-секретарь» гордумы в телеге Пирогов-Спойлер, питающийся остатками областных инсайдов из немытой тарелки морального деградантa Нечаева, строчит с такой интенсивностью и уверенностью, смешивая реальность и вымысел, что у читателя может вызвать смешанные чувства (АБЫРВАЛГ. Новости, общественная жизнь, право (2020).

Стадион СКА тогда и сейчас. Смешанные чувства, даже сказать пока нечего. Ждем, когда он станет похож на свой проект.# (Лёха Ростовский. Блог Ростова (01.01.2018).

Мы поездили вокруг застрявшего российско-американского чуда на низких передачах, чем вызвали достаточно смешанные чувства на лице бравого пилота, и решили, что контактные туфли не совсем подходящая обувь для вытаскивания из грязи Шнивы (Алексей Ионов. Мысли вслух (2017).

Сочетание имен существительных с номинациями эмоций и чувств показало высокую частотность использования слов с семантикой объединения, включения, что указывает на восприятие эмоциональных переживаний как комплексного явления:

Просто потому что огромный спектр эмоций вам обеспечен (fedor_artefakt Channe).

Во взаимоотношениях эта карта представляет собой совокупность эмоций, которые присутствуют в паре (Владислав Чумаков).

Каждое состояние отвечает за определенный набор эмоций (Елена Кириллова. Психология (2022).

Вот мы и приехали. Куча эмоций. Планов в работе (Восточно-европейские овчарки (2009-2021).

Боже, что за новые потрясающие ощущения?! ❄️⛰️ *Куча эмоций, дикая усталость. Ну в общем, подготовилась к сегодняшней ночи* ✅*(Ангелина Мельникова).*

На укрупнение эмотивов в медийном дискурсе указывает П.П. Глазко, который пишет об экспликации эмоций с помощью экспрессивно-эмотивных комплексов с опорой на экстериоризацию эмоций через их отелеснение [Глазко, 2024, с. 12-13]. Гиперболизацию эмоций в рамках опосредованного социальными сетями общения подтверждает высокая рекуррентность слов, интенсифицирующих дополнение, которое выражено словами *эмоция* или *чувство*:

Кира, это вихрь эмоций и ураган любви (Юрий Шамарин).

ООО!!! У нас буря эмоций и восторга!!! Профсоюзная молодёжь Липецкой области сделала экстремальную трассу 5 км на Стальной Характер (Стальной характер Воронеж).

Всем желаю испытать такой же прилив эмоций который я испытала при выборе платья!!! (Свадебное платье: отзывы о салонах, фасоны, цены).

Происходит просто взрыв💥 эмоций💥, которым заражаются все зрители и главное, молодожёны, да@ instakatesss? ❤️. (Наталья Майская).

При вихревых ухаживаниях, поток эмоций настолько стремителен и мощен, что восприятие другого человека по причине шока отключается (Астанина Надежда).

Заявленная тема выступления вызвала у меня, как и многих других, шквал эмоций (vk (06.05.2016)).

Использование слов *вихрь, буря, прилив, взрыв, поток, шквал* позволяет направить семантику и «ассоциативный шлейф» слов на интенсификацию эмоциональных переживаний, указать на отсутствие или слабый контроль говорящим своего эмоционального состояния, подчеркнуть природный стихийный характер сферы эмоций.

Репрезентация эмоциональных переживаний в интернет-коммуникации подчеркивает стремление к искренности и новизне:

"Кудри очень к лицу малышке Kaily – а её искренние и выразительные эмоции только украшают этот фотосет (Модельное агентство SIGMA Воронеж. Модельное агентство (2022)).

Обожаю малышей, из фотографировать одно удовольствие, такие искренние эмоции, такие разные… (Наталья Бражникова. Фотограф Воронеж / Блогер (28.03.2021)).

Скромное платье, уютный ужин в кругу семьи и самые искренние эмоции💍 (dr.povolotskaya. Блог о медицине (24.12.2020).

Отличный сервис и новые красочные эмоции обеспечены! (SKYXXBAR. Бизнес, зрелища и развлечения (2022).

И мы счастливы каждый раз получать восторженные отзывы наших гостей и дарить им новые неповторимые эмоции (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект (2022)).

Привлечение внимания к необходимости поиска новых и искренних эмоций/чувств может быть следствием фиктивности, избыточной

симулятивности окружающей действительности и побуждения собеседника к созданию пространства, выходящего за рамки изжившей себя нормы.

В интернет-коммуникации кластерные эмотивы актуализируются крайне редко; чаще речь идет о более широких обозначениях, например, *положительные, отрицательные, приятные, разные, хорошие, свежие*:

Доброе утро! Пусть день принесёт только положительные эмоции! (Тамбовский трутень. Канал для жителей Тамбовской области (26.07.2023)

Вам рекомендуют принять на себя удар боли, ярости или другой отрицательной эмоции (Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2022).

Вот такой добрый, весенний конвертик принесёт своему обладателю возможность побыть творцом, подарит приятные эмоции и красивые керамические изделия на память (kruti verti studio. Студия керамикм (2022)

Бывают разные состояния, разные эмоции, ведь это жизнь 🥰 *(Элис Корнякова. Спорт (2022)).*

Главное — получить хорошие эмоции и заряд мотивации на новый год, которые помогут мечтам осуществиться (Тамбовский трутень. Канал для жителей Тамбовской области (21.12.2022).

Ты не можешь загрузить фотографию с устройства, значит все твои снимки – это здесь и сейчас, это свежие эмоции и мысли (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (02.03.2021).

Данная тенденция общения в социальных сетях указывает на то, что пишущий минимально редактирует текст сообщений, речевая продукция потоковая, ускоренная; выбор «общих слов» для описания внутреннего мира остается эффективным способом сохранить откровенность, но не сопровождается серьезным анализом особенностей эмоциональной жизни и их описания.

5.2.2. Экспликация диффузной эмотивности в интернет- коммуникации

Далее рассматриваются случаи актуализации диффузной эмотивности в речевых жанрах комментария и обзора. Выбор данных жанров интернет-

коммуникации обусловлен несколькими причинами. Количественно материал широко представлен в пространстве опосредованного сетью интернет-общения. Качественно субъекты данных жанров прикладывают коммуникативные усилия для популяризации «личного бренда» (куда относятся не только популярные блогеры, но и отдельные комментарии, направленные на привлечение внимание адресата к собственным страницам в социальных сетях). Характер речевого поведения субъектов интернет-общения остается смежным и колеблется между естественной и подготовленной речью, что значимо для наблюдений за эмоциональным поведением.

5.2.2.1. Диффузная эмотивность в речевом жанре комментария

Комментарий превратился из факультативного дополнения к основному сообщению в самостоятельный жанр; комментарий обладает особой функциональной и прагматической значимостью, что подтверждают многочисленные побуждения блогеров оставлять комментарии, поскольку последние выступают способом продвижения, популяризации цифрового контента. С позиции отправителя комментарий становится способом выразить свою точку зрения, высказаться, продемонстрировать осведомленность в разных сферах жизни и пр. В настоящее время всё чаще комментарии к публикациям в социальных сетях являются не личностными, а искусственно созданными для привлечения внимания лиц, читающих данные комментарии, т.е. комментарий оставляют для того, чтобы человек, ознакомившийся с этими комментариями, далее продолжил изучение профиля пользователя, оценочно охарактеризовавшего некоторую публикацию. С данной целью комментарии превращаются из содержательных в исключительно эмоциональные для того, чтобы данный эмотивный текст комментарии был применим к большому числу публикаций.

Поэтому далее будет рассмотрена одна из значимых особенностей интернет-комментария в социальных сети – инструментализация эмоций:

эмоциональные переживания эксплицируются в тексте комментария для привлечения внимания, демонстрации эмпатии или для воздействия на адресата через его «заражение» желаемым спектром эмоций, вызов в собеседнике жалости, сострадания. Эмоции выступают простым связующим элементом, который понятен и доступен коммуникативным партнерам вне зависимости от их убеждений, намерений, установок; экспликация эмоций проще, чем поиск общего смыслового знаменателя, уступок, принятия, согласия.

Анализ публикаций в социальных сетях показал, что эмоциональной доминантой таких «искусственных» (хвалебных) комментариев становится радость, восхищение:

Как здорово! Пусть волшебство длится как можно дольше!

Как трогательно! 💥 *Обязательно напишу!*

Да, очень классно 🔥

Ой, да, такой же! 😊 *Это просто прелесть!*

Автор комментариев выражает исключительно положительные эмоциональные переживания, использует для этого избыточно интенсивную форму. Жанр комментария имеет зонтичную структуру и может включать в себя жанры комплимента, похвалы:

Вы просто сказочная красавица!

Красиво очень! Если есть настрой - надо делать!

Очень хорошее средство 👍

Классное средство 👍

Просто кайф 🤩

Составитель комментариев демонстрирует свою эмпатию, поддержку автора публикации:

Как здорово! 💥 *Уверена, у тебя всё получится!*

Какая же вы классная мама *я всегда вами восхищаюсь* *я свою малышку бужу только когда нам рано на самолёт* *а так она просыпается сама.*

Доброе утро! *Ты такая смелая! Поддержу тебя, обязательно зайду!*

Ох, как понимаю тебя! *Это непросто, держись!*

Да уж, ситуация действительно просто ужас, как после такого ходить ещё к ней на концерты?

Низкочастотными становятся примеры, когда преимущественно эмоциональный текст дополняется содержательной частью, которая располагается в постпозиции:

Супер!Это действительно очень важная тема,что то много внезапностей сейчас навалилось,спасибо!

Как здорово! *Мягкое пробуждение - это так важно!*

Нельзя забывать, что цель подобных комментариев состоит в побуждении потенциального читателя перейти в профиль лица, оставившего положительный отзыв под публикацией. В таком случае важно количество оставленных комментариев, значит при их составлении учитывается возможность потенциального использования идентичного текста к разным публикациям разных пользователей, поэтому содержательные части таких публикаций минимальны.

На искусственный характер анализируемых комментариев имеются прямые указания в форме комментария-предложения услуг автору публикации:

Здравствуйте , как вы смотрите на то , чтоб сделать взаимную подписку друг на друга с проявлением актива на постах?

Частотно публикации в социальных сетях содержат в себе рекламные интеграции товаров и услуг, а комментарии служат для демонстрации заинтересованности в рекламируемом предложении, представляют собой речевые акты обещания использовать предложение:

Звучит здорово! Обязательно загляну к Тахмине.

Сохраню себе этот отель 💔

Обожаю IS Clinical! Результат не заставляет ждать! 💖

Классно! Тоже хочу попробовать 💮

Таким образом, значимый пласт комментариев к публикациям в социальных сетях представляют собой тексты, искусственно созданные для привлечения внимания к собственным страницам автора комментария. Таким комментариям свойственна искусственная эмоциональность. Искусственный или симулятивный характер эмотивной составляющей текстов комментариев подтверждает, например, высокая частотность аффективов, поскольку междометный пласт внутри лексического уровня языка легко поддается симуляции. Линейная развернутость искусственных комментариев низкая, когда их цель не состоит в выражении мнения или суждения, а направлена на прагматическую функцию. Также показателем симулятивности комментариев становится хронология их появления: самые первые комментарии содержат преимущественно исключительно эмоциональную реакцию, а время для обдумывания содержания публикации не требуется.

Диффузный характер эмотивности заключается в том, что формально эксплицируемые эмоции авторов комментариев не соответствуют тональности публикации, не являются эмоциональными переживаниями, которые актуально испытывает пишущий.

По форме комментарии к публикациям рекуррентно состоят из аффективов, представляют собой восклицательные предложения:

Как же круто

вау, какое насыщенное лето 😍😍

Как же красиво 😍

Ну как красиво 😍👄

красотка🔥🔥

ВАУУУУУУ 😍 *какая ты умничка*

Как в е эстетично

Какая красота 😍

Вау 🎀

Комментаторы прибегают к похвале авторов публикаций, что способствует увеличению аттрактивности и располагает потенциального читателя к переходу в профиль комментатора:

Звучит здорово! 💖 *Люблю заботу о волосах!*

Как здорово, что ты нашла любимые продукты! 💖

Случаи использования номинаций эмоций в тексте комментария подтверждает искусственный характер такого формально эмотивного текста, так как эмоция, названная прямым словом, не переживается, а является осознанной:

Восторг! 💖 *Отличный уход!*

Таким образом, эмотивный текст заменяется на формально номинирующий эмоциональное переживание, но не характеризующий актуальное эмоциональное отношение пишущего. Комментарии, которые помимо поощряющей части направлены на попытку продолжения общения, не получают вербального ответа автора публикации; вероятно, последний отдает себе отчет в причине и направленности текстов таких комментариев:

Как здорово видеть изменения! Какой момент вас больше всего впечатлил? ✨

Какой продукт из списка самый любимый? 😊

В ходе анализа были обнаружены комментарии, которые не были связаны с содержанием текста публикации, но имеют общую с рассмотренными выше искусственными комментариями – побудить потенциального читателя посетить профиль автора комментария:

Здравствуйте. Я хочу поделиться с вами историей, которая разрывает мое сердце на части. Это история о моем сыне, Никите. История, пропитанная болью, отчаянием, но и невероятной, почти нечеловеческой

силой духа. Я обращаюсь к вам, чтобы найти поддержку, чтобы спасти жизнь моего ребенка.

18 сентября 2024 года… Этот день навсегда выжжен каленым железом в моей памяти. Никита ехал на питбайке, когда его жизнь безжалостно оборвал удар Нивы. Хладнокровно. Цинично. Жестоко. Этот человек, словно обезумев от собственной важности, просто не захотел уступить дорогу. Не потрудился даже включить поворотник. Он вылетел на встречную полосу, словно хищник, бросившийся на свою жертву, прямо в моего ребенка.

Такие тексты комментариев обширно маркированы эмотивами, эмоциональная тональность поливалентная, когда автор выражает кластер разнооценочных эмоций, которым свойственна разная степень активности, интенсивности. Средством экспликации эмоций выступает не только лексический, но и синтаксический уровень, текст обильно окрашен стилистическими средствами.

Пространство интернет-коммуникации гипертрофирует форму эмоционального реагирования пользователей. Наряду с принципиально положительными комментариями встречаются отрицательные, которые могут становиться составной частью жанру флейминга. Флейминг представляет собой жанр интернет-коммуникации, в котором говорящий проявляет активную речевую агрессию без определенной цели (спор ради спора); важным условием остается провокация собеседника и последующее отрицательно-оценочное деструктивное коммуникативное взаимодействие [Моисеева, Титлова, 2022]. К формам реализации флейминга относят немотивированную критику, враждебное вербальное поведение, грубое разоблачение, эмоциональный всплеск [Бабук, 2022, с. 86]. Наличие у инициатора ситуации конфликтного общения намерения вступать в интеракцию с коммуникативным партнером указывает на своего рода перверсивное желание общения, которое маскируется за деструктивной формой. Поводом для флейминга выступает отрицательно-оценочный

комментарий, а последущее инициирование диалогической или полилогической коммуникации становится агональным [Шестопалова, 2021, с. 420].

Рассмотрим примеры реализации данного жанра. Видеозапись мотивационного характера сопровождается комментариями, непосредственно не связанных с темой видеосообщения:

- А ты мудрый человек, наверное еще и зарплата 30к в месяц, жизнь вообще не видел. Тебе вообще рот нельзя открывать и писать. Даже по твоему тексту понятно, что ты неудачник, который пытался сейчас оправдать свою бедную жизнь.

(...)

- Какие ты можешь дать советы… Где купать хлеб дешевле или как выживать на маленькую зарплату?

- Твои проекции мне не интересны) и судя по тому, что ты общаешься, это действительно так) на видео просто обычная база и этого достаточно, для того чтобы стать успешным) удачи прибывать во влажных мечтах).

Провоцирование адресата субъектом флейминга осуществляется с помощью речевых актов запрета, предписания, прямых и косвенных побуждений, отрицательно-оценочных суждений, манипулятивных приемов воздействующей коммуникации. Ответные реплики указывают на «заражение» партнера деструктивной отрицательной тональностью общения, но значительного развития конфликтная ситуация не получает, что указывает на ее искусственный характер.

Для флейминга характерна высокая скорость распространения отрицательной эмоциональной тональности интеракции, а стимулом может быть абсолютно любое сообщение:

Ага... Ну тогда и времена были получше.. (Ковид не в счёт)

Писать научись (смеющийся смайлик)

В каком месте у меня ошибки??

А какое тебе дело, дружок

(...)

А. тебе как я разница, тебя это волнует

+

иди н.

С точки зрения активных участников флейминга коммуникативные партнеры используют в адрес друг друга формы деструктивной коммуникации, что выполняет функцию высвобождения социально подавляемых эмоций и являет собой положительный аспект флейминга. Но если собеседник не готов к подобной тональности взаимодействия, то воздействующий потенциал флейминга будет исключительно отрицательным.

Проведенный анализ позволяет построить условную типологию искусственных (коммерческих, прагматических) комментариев к публикациям в социальных сетях:

а) гомогенный по тематике и эмоциональной тональности (текст комментария повторяет идентичную эмоциональную направленность с автором публикации и актуализирует тему, которая инициирована в публикации);

б) гомогенный по эмоциональной тональности (в комментарии отсутствует или минимизирована содержательная часть, но эмоции поддерживают актуализованную автором тональность);

в) гетерогенный по тематике и эмоциональной тональности (текст комментария не соответствует ни тематике, ни эмоциональной тональности публикации, под которой пользователь оставляет комментарий).

5.2.2.2. Диффузная эмотивность в речевом жанре обзора

Жанр обзора (его популярная вариация «распаковка» (см.: [Бычкова, 2019]) имеет множество разновидностей; подобные видеосообщения могут быть лишены аудиоряда, когда зрители просто наблюдают за процессом. Популярность таких видеозаписей в том числе объясняется создаваемым эффектом, похожим на катарсис: возможность

обладания подменяется наблюдением за желаемым объектом. Человек привык взаимодействовать с окружающими его симулякрами, которые дополняют личную среду наблюдателя.

Материалом для дальнейшего анализа выступили несколько выпусков видеоблога, где автор вербально взаимодействует со своей многочисленной аудиторией (количество подписчиков превышает несколько миллионов человек). Для упрощения взаимодействия и повышения степени потенциальной успешности интеракции точкой опоры между блогером и зрителем становятся эмоции. Эмоциональные переживания используются как прием манипуляции, упрощают и ускоряют вызов эмоционального отклика у адресата.

Проведенный анализ позволяет выделить высокий уровень симулятивности эксплицируемых эмоциональных переживаний, что выражается в выборе диминутивных форм:

закупилась очень хорошенько на «Озоне»

такого вот чего-то прикольненького

конечно, будут вкусняшки наши с вами любимые и немножко одежды.

это у нас ложка для обуви, огромная, просто длиннющая. Ложка у нас черного цвета. Железная. И есть у нее вот такой вот крючочек.

в каждой коробочке по 200 грамм. Ах, как их много! прикинь! Сколько интересного в одной коробке. Давай абрикосик попробуем. Ой, это всё вот так вот просто свёрнуто в спиральку.

Элементы «мимимишного» языка, который не остается актуальным в настоящее время, являются показателем коммуникативного намерения автора установить доверительную тональность общения с адресатом. Частотно используются англицизмы или галлицизмы, которые могут варьироваться внутри основной коммуникативной тактики диминутивизации:

С абрикосом самая лайтовая, она такая просто сладенькая. А эта и кисленькая, и немножко вяжет.

Бело-красный вообще, да, имбушечка.

в целом рекомендасьон.

Автор видеоблога в процессе обзора эксплицирует преимущественно положительные эмоции, что сопровождается выражением удивления от демонстрируемых товаров:

Нашла такую коричневенькую. Ой, прикольно.

Это лонгсливчик такой. Просто нежнейший.

Контакт с потенциальной аудиторией принципиально важен, поскольку жанр обзора является развлекательным, подражает телевизионным передачам, где ведущий контролирует и направляет внимание адресата. Это намерение говорящего выражается в использовании контактоустанавливающих реплик, речевых актах предложения, совета, риторических вопросах, условных предложениях:

Очень, да, хорошенькие?

Может быть в тгшке с вами поделюсь.

Если хотим порадовать себя вот такой блестяшкой.

Здесь такая базка.

Вне зависимости от типа товара автор реализует ригидную модель коммуникативного поведения, использует положительно-оценочные атрибуты для указания на преимущества продукта:

К вкусняшкам нужен чай.

Если у вас есть денюжка, если вы покупаете себе надолго держатель для полотенец.

Но это моя вторая баночка.

Всякие приколдесики.

Но приятно, кофиёк.

Милейший крабик для волос.

Очень плотненькая, хорошенькая.

Подушечку вставил и будет просто красота.

Но мне нравится, приятненько.

Есть просто кармашек.

Да, это моя любимая «заринка».

Просто потрясающий костюмчик.

Такие милые цветочки.

Примечательно, что продукты питания, предметы декора, бытовые товары и медийные личности характеризуются автором идентично:

когда ходили к Егорику Криду на концерт.

Но нет, здесь крабики для волос. Аля жемчужинки.

А тут нашлись такие же от бифришечки.

Это укороченное пальтишко.

Те самые с объемными тыковками.

Еще одна покупочка с «Алиэкспресс».

Использование разговорной лексики сочетается с индивидуально-авторскими идиомами:

Это просто разрыв, это просто сердечко моё они забирают.

Как же я такое любить обожаю.

Обращает на себя внимание избыточная гиперболизация демонстрируемого положительного эмоционального отношения, что соответствует идентификационному критерию симуляции, при которой признак (симптом) получает крайнюю высокую степень выраженности.

Отрицательные характеристики товаров менее частотны; автор может высказывать отрицательно-оценочные суждения в адрес себя, критикует выбранные товары по причине неудовлетворительного качества, но такие примеры значительно реже встречаются, сами критические суждения сдержанные:

Качество плохое. Не советую.

Не очень вкусно, не буду заказывать.

Три из десяти. Мне не понравилось.

Следует отметить, что выявленные репрезентативные особенности жанра обзора внутри специфики экспликации диффузной эмотивности могут быть обусловлены идиостилем автора. Но общая тенденция на стратегию

поддержания контакта с аудиторией, привлечение внимания, манипулирования сознанием остается. Кроме того, гиперболизация в репрезентации эмоций и симуляция эмоциональных переживаний частотно встречаются в популярных жанрах интернет-коммуникации (например, жанр флейминга, цель которого заключается в вызове активных отрицательных эмоций у собеседника).

5.3. Диффузная эмотивность в повседневной коммуникации

Материалом исследования для данного параграфа выбраны текстовые фрагменты из корпуса устной речи НКРЯ, состоящего из текстовых расшифровок записей публичной и бытовой повседневной устной речи и включающего около 15 млн. слов. В качестве подкорпуса целенаправленная выборка ограничена следующими типами текстов: спор, ссора, беседа, разговор (праздный разговор, разговор о выходных, о каникулах, на прогулке, домашние разговоры, разговор подруг и пр.).

Соотношение в корпусе словосочетаний *положительные эмоции* и *отрицательные эмоции* в корпусе устной речи примерно равно. Выявлен ряд показательных для изучения специфики диффузной эмотивности примеров.

И поэтому / ну я не знаю / конечно / когда я вижу / что люди сознательно э-э гробят общие достижения / конечно / мне печально / и вызывает это во мне не только печаль / но и какую-то там злость / иногда ярость / какие-то такие большие эмоции (Беседа с журналистом Станиславом Кулибиным).

Словосочетание *большие эмоции* представляет собой попытку «схватить» постоянно ускользающий эмоционально-смысловой ореол мысли, ощущения, впечатления. Говорящий синтагматически развертывает описание своего эмоционального переживания, что выражается в смешанной эмоции печали, злости и ярости.

Направленность коммуникативных усилий говорящего на экспликацию диффузной эмотивности, естественная ограниченность устной коммуникации

во времени и происходящая из этого (нехватка времени для поисковой деятельности, неудовлетворенность «нормативными» речевыми формулами) подмена конвенциональных форм выражения на нетипичные, неординарные приводят к генерализации. Создание подобных обобщенных форм выражения диффузной эмотивности не всегда допустимо на уровне лексической сочетаемости:

В любом деле главное чувство / вовлечение. Максимальное вовлечение гарантирует только максимальное чувство. Чувство первого порядка / необходимость (Разговор на улице. № 1).

В данном примере сочетание прилагательного *максимальный* со словом *чувство* ведет к созданию парадоксальной речевой конструкции.

МАКСИМАЛЬНЫЙ – наибольший, наивысший в ряду других подобных.

ЧУВСТВО – внутреннее, психическое состояние человека, то, что входит в содержание его душевной жизни.

Словосочетание *максимальное чувство* предоставляет коммуникативному партнеру возможность неограниченной интерпретации (например, речь идет об интенсивном эмоциональном переживании, эмоциональном переживании, получающем выражение вербально и невербально), хотя даже указание на максимальную степень выраженности конкретного эмоционального переживания (*максимальная ярость, максимальная печаль*) предполагает условное прагматическое, но не семантическое ограничение.

Прием генерализации для репрезентации диффузной эмотивности эффективен, поскольку позволяет говорящему эксплицировать доминанту эмоционального переживания и оставить неконкретизированным интерпретативное поле:

У меня неприятное чувство до сих пор осталось (Праздные разговоры (2006). Валя).

Вот я/ короче/ раздражаюсь – это не-негативная эмоция (Разговор по Skype о прошедшем дне (2020). Екатерина Дмитриевна П.).

Народ так расслабился/ получил поло от меня положительные эмоции/ сразу ко мне расп расположился/ и дальше всё идёт по накатанной/ уже как бы без конфликтов (Случаи из нотариальной практики (2022). Ирина Анатольевна Р.).

Для одних/ одни видят её ну/ с одной стороны/ а другие с другой. У кого-то они вызывают плохие эмоции… (Беседа с педагогом о воспитании (2012). Заида).

Художественная коммуникация – обострение, гипертрофированная форма выражения и представления действительности. Акцентуированный характер такой репрезентации обусловлен лингвокреативной деятельностью автора, его элитарной языковой культурой, стремлением к оказанию на читателя воздействующего эффекта через комплекс приемов стилистического оформления повествования. Ординарный участник ситуации повседневного общения ограничен во времени, не всегда руководствуется воздействующими намерениями (хотя коммуникация без воздействия невозможна). Повседневная коммуникация отражает диффузную эмотивность с использованием обобщенных конструкций, нетипичные способы экспликации эмоциональных переживаний являются низкочастотными.

Анализ показал, что в устном корпусе частотны случаи использование лексических единиц с обобщенной, неопределенной семантикой:

Ну / в одном каком-то месте было / что «возможно / что это от большого чувства ко мне…» (Александра Вениаминовна Азарх-Грановская, жен, 81, актриса).

Если новые мысли и новые чувства произошли от перемены убеждений/ то откуда могла взяться эта перемена? (Табаков Олег Павлович, муж, актёр).

Это и есть самые настоящие / нормальные чувства (№ 4, жен, 59, 1944, пенсионер).

Данный прием позволяет автору а) отказаться от недостаточной конвенциональной модели выражения эмоций; б) расширить объем понятия и сделать содержание менее четким.

В следующем примере интересно индивидуальное значение словосочетания *технические эмоции*, которое без широкого контекста частично доступно для толкования:

И отрицательных эмоций соответственно перехлест идет через положительные или даже чисто технические эмоции (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Новосибирск; № 8, муж, 55, водитель).

Можно предположить, что этим словосочетанием говорящий намеревался выразить такие эмоциональные переживания, которые являются рекуррентными, возможно, этическими, имеют конвенциональную форму выражения. Но сама тенденция совмещения технического (рационального) и сферы эмоций представляет собой наивную попытку определить специфику пространства эмоций и их языковой репрезентации.

Наблюдаются рекуррентные случаи интенсификации эксплицируемого диффузного эмоционального переживания:

Мне кажется пацаны… ну / чаще так говорят / что пацаны не могут сказать «Я тебя люблю» потому что они считают / что это прям самое такое высокое чувство / а «Я тебя обожаю» / это запросто могут там вот в SMSках написать / просто / «О / я тебя обожаю!» (Праздный разговор (2006). Светлана).

Но мне как/ мне с ним…ну прям очень дружеские чувства/ прям такие очень (Разговор о выходных (2014). Наташа).

Форма выражения усиления упрощена, реализуется с помощью наречия *очень*, которое употребляется как усилитель степени проявления свойств, качеств и совмещается с частицей *прям* для выражения однозначности, несомненности. В другом примере указанная частица объединяется в «интенсифицирующий блок» с превосходной формой прилагательного и местоимением, усиливающим степень качества. Диффузность

эмоционального переживания выражается через прилагательное с семой ‘увеличение’:

Типа/ у неё было повышенное чувство эмпатии/ что она вот прям себя ставила на место их (Разговор о любимом фильме, книге, игре и музыке (2023)/ Дарья Андреевна К.).

Усилительная частица сопровождает экспликацию диффузного эмотива и конкретизирует эмоциональное переживание.

Интересной особенностью повседневной коммуникации при описании эмоций является функциональная значимость их линейного развертывания:

Но такого сильного негатива тоже нет / но радости такой особой тоже не испытываю / средние чувства (Праздный разговор. № 1, муж, 25, экономист).

Данный пример позволяет наблюдать, как говорящий в ситуации устной коммуникации пытается эксплицировать свои эмоциональные переживания, для оформления которых не находит готового предзаданного языкового шаблона. Тогда адресант начинает с описания того, что не соответствует его состоянию, а затем актуализирует обнаруженную номинацию для доминанты эмоционального переживания в форме создания словосочетания *средние чувства*.

Показательным для специфики экспликации диффузной эмотивности является следующий пример:

Только мне кажется / все пока не совсем понятно / но ты сегодня вечером во всем разберешься… У меня такой вопрос… правда / я понимаю / что ты можешь сама вполне не знать / но… у тебя к нему было просто такое теплое дружеское чувство / такое / знаешь / ну…может быть даже такое… ну / немного братское / когда так спокойно / легко / так уютно вместе или какое-то трепетное / такое особое такое… ну / ты понимаешь / о чем я говорю? (Разговоры на прогулке (2006). Лена).

В данном примере вербальное выражение эмоционального переживания/отношения последовательно конкретизируется и прирастает

новыми «гранями», которые кристаллизуют диффузный эмотив, совмещающий в себе ряд оценочных прилагательных, каждое из которых не имеет четких семантических границ:

ДРУЖЕСКИЙ – свойственный другу, характерный для него; основанный на дружелюбии, доброжелательности; преисполненный дружелюбия, доброжелательности.

БРАТСКИЙ – свойственный братьям, характерный для них; родственный; дружеский, товарищеский.

Далее говорящая использует прилагательное *трепетный*, которое конкретизирует интенсивность эмоционального переживания:

ТРЕПЕТНЫЙ – Дрожащий, колеблющийся. 2. Испытывающий волнение, трепет под влиянием какого-либо сильного чувства, переживания.

Затем диффузный эмотив теряет содержательные контуры, трансформируется в неопределенное эмоциональное переживание («*такое особое такое»*).

К неопределенным конкретизаторам диффузной эмотивности можно отнести отраженные в следующих примерах прилагательные *непередаваемый, необъяснимый*:

Я очень благодарна людям/ которые со мной там/ которые создают/ в принципе/ эту коптилку/ потому что это непередаваемые эмоции/ и я прям могу точно сказать/ что я люблю этих людей (Разговор подруг о жизни в маленьком и большом городе (2019). Аурелия М.).

Тетя: Да нет / это надо испытать.

Таня: Спасибо.

Тетя: Это необъяснимое чувство. [нрзб] Вот она когда в прошлый раз / в прошлом году делала / она там долго была / и все там долго были (Домашние разговоры (2006)).

Упрощенная, обобщенная форма экспликации диффузной составляющей эмотивности в повседневной коммуникации сопровождается стремлением к искренности, неподдельности:

Потому что есть люди/ которые очень скрытые/ они могут не показывать свои настоящие эмоции (Беседа о жизни, об обучении в колледже (2023). Максим Г.).

Такое коммуникативное намерение значимо в контексте выдвинутого предположения о том, что повседневная коммуникация соответствует понятию ненамеренной имитации, когда подражание и аппроксимация при создании вербальной репрезентации действительности являются неотъемлемыми и обязательными характеристиками речевого поведения.

Выводы по главе 5

Специфика жанровой репрезентации диффузной эмотивности показана на примере элементов художественного, интернет и устного дискурсивных пространств.

Специфика жанровой репрезентации диффузной эмотивности выявлялась на примере анализа данных письменного и устного корпусов НКРЯ, а также использовались примеры из прозаических произведений, текстов пьес, речевых жанров комментария и обзора. Одним из ключевых выводов стало предположение о том, что исследуемые дискурсивные пространства объединяет подражание, которое реализует себя в формах намеренной или ненамеренной имитации, а также симуляции. Человек пытается выразить совершенный эмоциональный мир несовершенным языком, поэтому всегда пребывает в состоянии естественного (ненамеренная имитация в случае устного бытового/повседневного общения), моделируемого (намеренная имитация в художественном дискурсе) приближения к эмоциональной реальности или притворности (симуляция интернет-коммуникации).

Внутри художественной коммуникации языковое творчество реализует себя как сложный механизм опредмечивания эмоциональных переживаний,

вокруг которых создается интрига, которые необходимо раскрывают личности персонажей. В жанре современной пьесы наблюдается преобладание отрицательной эмоциональной тональности с разной степенью конкретизации (либо через подражание устному бытовому общению представителей низкостатусных социальных слоев общества, либо путем ограничения отрицательными переживаниями вербализуемой рефлексии персонажа).

Анализ особенностей актуализации диффузной эмотивности в поэтических текстах позволил продемонстрировать ожидаемую тенденцию к усложнению языкового оформления эмоциональных переживаний, что может быть обусловлено характерной для поэзии концентрацией смысла на единицу текста.

Коммуникативная направленность на обобщение объединяет интернет и повседневное общение, поскольку для данных дискурсивных пространств характерна ограниченность реакции на стимул во времени, что усложняет процесс эмоциональной категоризации действительности. Интернет-общение тяготеет к сверхэмоционализации, но подобная эмотивная гипертрофированность является признаком потери эмоций, их симуляции, поскольку эмоции становятся фактором «допуска в группу», модным веянием. Пространство устной коммуникации представляет собой максимальную вербализуемую синхронность эмоционального переживания и его языковой объективации, что эксплицируется в упрощении плана выражения для эмоции. Однако общая тенденция к выходу за пределы языковой конвенции при поиске средств вербализации эмоциональных переживаний сохраняется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмотивная лингвистика выделилась в отдельное самостоятельное направление языковедческих исследований, несмотря на неоднократно высказываемые ранее упреки в ее адрес в нелингвистичности, психологичности и пр. Внимательный взгляд на предметное поле эмотиологии позволяет развеять эти филологические претензии и увидеть за лингвистикой эмоций частную семантическую проблему. Решение последней - построение типологии эмотивов, т.е. лексических средств трансляции эмоций, позволило обнаружить множество более масштабных задач вплоть до создания нового междисциплинарного направления социогуманитарных исследований – эмотивной лингвоэкологии.

Эмотивность, выступающая семантической и коммуникативной категорией, имманентно предзадана, что аргументируется теоретически положением о наличии в семантике любого знака явных или скрытых сем «эмоция» и «оценка» и логически, поскольку энергия не может образоваться из пустоты, небытия. Конвенционально нейтральные слова, становящиеся эмотивами внутри различных коммуникативных пространств, не могли бы претерпеть подобной эволюции без наличия у них скрытой потенции к эмоционально-смысловым преобразованиям (термин «эмоционально-смысловой» намеренно подменяет здесь термин «эмотивный» для указания на более широкий и менее конкретный характер возможного развития слова на уровне семантики и его эмотивной маркированности). Аргументы же о том, что классические методы семантического анализа (компонентный анализ) не позволяют увидеть у нейтральных слов, упомянутых ранее, облигаторных сем, указывает только на несовершенство метода, его неполную применимость к решению актуальной задачи. Усложняет анализ эмотивности множество подходов и гетерогенность, иногда противоречивость высказываемых специалистами мнений о природе и сущностных характеристиках

эмотивности (например, предметные границы понятий «коннотация», «экспрессивность», «эмоциогенность» и пр.).

В таком контексте оформились ставшие базовыми положения эмотивной лингвистики, благодаря чему создается точка опоры для конвенционального подхода к эмотивному анализу. В трудах лингвофилософов находим многократные указания на широту семантики, ее несводимость к формальным инструментальным основаниям, необходимость наблюдать за семантическими изменениями внутри разных плоскостей сочетаемости. Внутренний энергийный действенный потенциал семантики объективируется в формах развития семантики, в том числе эмотивной, слов. Поэтому было сформулировано предположение о том, что имманентность эмотивности семантики следует конкретизировать до ее (эмотивности) характеристики – говорить о диффузной эмотивности. Язык остается одновременно идеальным и несовершенным инструментом категоризации действительности, что отчетливо проявляется в репрезентации эмоциональных переживаний. Последние существуют в индивидуальном восприятии как нечто неделимое, целостное, а попытка выделить из этого суммативного образования частные состояния/переживания неизменно приводит к недостаточности получаемых экспликантов.

Точность языковой категоризации действительности обусловливается априорной невозможностью отражения средствами одной знаковой системы особенностей функционирования другой. Такое метапредметное положение позволяет объяснять множественность, широкозначность, неопределенность и диффузность семантики, ее энергийное начало, действенный хаос, оформляющий систему, границы которой одновременно статичны и динамичны.

Понятие «диффузность» выбрано как центральное в аспекте рассмотрения общей проблемы неопределенной эмотивности, поскольку оно прошло активную апробацию в лингвистических исследованиях, не индуцирует препятствующих нейтральному восприятию терминопонятия

негативных ассоциаций, а также соотносится с важным для данного исследования понятием нечетких множеств (fuzzy sets). Последнее не только способствует развитию межпарадигмального потенциала исследования, но и подчеркивает природу эмотивного (дискурсивную, флуктуативную, кластерную, полиоценочную, нестатичную).

Смещение центрального фокуса внимания к проблеме коммуникативной репрезентации смешанных эмоций обусловлен практической потребностью продемонстрировать указанные особенности эмотивности в их функционировании внутри различных коммуникативных ситуаций преимущественно бытового общения. Номинации смешанных эмоций включают в себя имена эмоциональных переживаний, которые не являются эмотивами. Но в рамках смешанной эмоции номинации отдельных частных эмоциональных состояний становятся средством экспликации комплексного эмоционального состояния, т.е. из статуса номинативов экспликанты эмоций превращаются в дескриптивы. Смешанная эмоция оформляет суммативное целое, когда простое суммирование частных компонентов эмоционального переживания недостаточно для определения его специфики. Последовательность составляющих номинацию смешанной эмоции элементов не является случайной, поскольку линейное расположение элементов внутри имени эмоции семантично и прагматично. Также парадокс номинаций смешанных эмоций и их коммуникативного функционирования состоит в том, что имена эмоций ставят говорящего в рамки конвенции, а сочетание двух и более имен эмоций для выражения смешанной эмоции преодолевает данные границы, т.е. одни и те же лексические единицы одновременно наделены семантическими ограничениями к использованию и лишены их.

Выбор иных частных форм проявления диффузной эмотивности в виде партисипативных, неэксплицируемых (но выражаемых), симулируемых и прочих эмотивов определяется составленной подборкой практического материала, не имеет ни прескриптивного, ни лимитирующего характера.

Соответственно к перспективам исследования можно отнести изучение иных форм репрезентации диффузной эмотивности. Интересным является также исследование дискурсивного потенциала эмоций, когда эмоциональные переживания не просто мотивируют деятельность говорящего по опредмечиванию действительности, но и формируют особое эмоциональное пространство (например, ярость, ненависть, отвращение и пр.). Актуальным представляется изучение синестезийных эмотивов, качественные прилагательные в которых будут отсылать к восприятию таких органов чувств, как слух, зрение, вкус. Отдельной задачей исследования является поиск и реализация прикладных аспектов, например, мониторинг социальных сетей для определения комплекса доминантных эмоциональных переживаний пользователей и предотвращения возможных депрессивных состояний, определения группы риска подростков, или разработка механизмов идентификации намеренно или неинтенционально скрытых эмоциональных переживаний.

Репрезентация диффузной эмотивности имеет жанровую специфику, о чем свидетельствует анализ текстов художественной (поэтические и прозаические произведения), устной повседневной/бытовой и интернет-коммуникации (речевые жанры комментарий, обзор).

На основе анализа художественной коммуникации показана специфика репрезентации диффузной эмотивности в прозе и поэзии, когда поэтический текст концентрированно синтезирует эмоциональное переживание, предлагает нетипичную форму для выражения эмоций. В рамках прозаических произведений рассмотрены жанры драмы и пьесы. Яркая тенденция современных пьес состоит в преимущественной характеристике отрицательных эмоциональных переживаний, кластировании эмоций с доминантой *ненависть, отвращение, неприязнь*, создании монооценочных диффузных эмотивов.

Пространство опосредованной сетью Интернет коммуникации предполагает сближение с естественной речью, но имеет ряд особенностей. На

основе жанров комментария и обзора показана такая характерная черта экспликации диффузной эмотивности, как гиперболизация. При этом избыточная эмоционализация речи и эмотивизация текста приводит к деэмоциональному восприятию по причине создаваемого эффекта искусственности, неестественности, симулятивности.

Устный корпус Национального корпуса русского языка, включающий различные жанры устной речи, показал низкую частотность нетипичных форм экспликации эмоций, что может быть обусловлено естественным характером протекания речевого общения и ограниченностью во времени; значимой характеристикой экспликации диффузной эмотивности в устной коммуникации становится линейный последовательный характер создания говорящим сложного эмотива, что позволяет субъекту остаться внутри языковой конвенции и расширять способы выражения эмоций.

В заключении отметим, что теоретическое положение о безграничных эмоционально-смысловых валентностях любого знака позволяет практически объяснить принципиальную возможность бесконечных семантических преобразований. Значимая часть таких трансформаций смыслового содержания обусловлена личностным смыслом и объективацией действительности через себя, свою перцепцию, путем «отелеснение» действительности. Мыслительная деятельность индивида энергийна, что предполагает потенциал заражения семантики модификациями, которые противостоят конвенциональной норме значения. Человек всегда находится в состоянии фрустрации, поскольку его взаимодействие суть столкновение с действительностью, которая по-разному поддается воздействию на нее извне. Но фрустрация представляет собой стресс, который либо приводит к поражению, либо дает возможность собраться с силами и бороться. Подобная «борьба» с семантикой знаков указывает на развитие, оживление языковой системы. Преобразование семантической действительности создает иллюзию контроля, что несет в себе конструктивный потенциал для человека. Феномен укрупнения пронизывает язык и мышление, семантику и эмотивность, но

укрупненные эмотивы не являют собой громоздкие неудачные формулы, а сближают человека с особенностями архаичного восприятия действительности, т.е. указывает на первичность и имманентность сложной неопределенной и незаданной эмотивности. Укрупнение и усложнение есть способ обнаружить «чистый предмет» (по Г.Г. Шпету), приблизиться к актуальному, постоянно ускользающему от человека, который использует несовершенный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 238 с.
2. Авдеев М.И. Пособие по судебной медицине для военных юристов и военных врачей. М.: Юриздат, Медгиз, 1943. 110 с.
3. Агапова О.В. Синестезия в искусствоведческом дискурсе (на материале русского и французского языков): автореф. ... канд. филол. наук, Саратов, 2021. 23 с.
4. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент: Фан, 1973. 216 с.
5. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988. 119 с.
6. Альбеков Н.Н. Поле эмерджентности как модель определения потенциала нечетких лингвистических множеств // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9. С. 105-108.
7. Андреев С.Н., Борисов В.В., Коршунова К.П. Метод нечеткого анализа динамики стилей в стихотворных текстах // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. №3. С. 78-90.
8. Анищенко А.А. Эмоциональный аспект имплицитного речевого акта сорадования // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: материалы V Международной очно-заочной научно-практической конференции, Челябинск, 2017. С. 39-44.
9. Анищенко А.А. Эмоциональный и эмотивный потенциалы речевых актов сорадования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 8-16.
10. Антонова Н.Ю. Проблема понимания инструкций к лекарственным препаратам адресатом-неспециалистом // Научный диалог. 2019. № 10. С. 29-41.

11. Анумян К.С. Эмоция удивления как объект исследования прагмалингвистики // Актуальные проблемы филологии. 2021. № 22. С. 278-283.

12. Апресян В.Ю. Всегда ли плюс противоположен минусу? Об асимметрии между положительно и отрицательно поляризованными единицами в русском языке // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии: тезисы докладов международной конференции Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. Москва, 2019. С. 5-8.

13. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19-51.

14. Апресян В.Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 26-56.

15. Апресян В.Ю., Апресян Д.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27-35.

16. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.

17. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 443 с.

18. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Флинта,: Наука, 2016. 384 с.

19. Аронсон П., Будрайтскис И., Великодворская Е. и др. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Индивидуум, 2021. 284 с.

20. Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Комос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 3-10.

21. Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005. 145 с.

22. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 608 с.

23. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

24. Бабук А.В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе // Российский девиантологический журнал. 2022. № 1. С. 85-92.

25. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с третьего франц. издания Е.В. и Т.В. Вентцель. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.

26. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал, УРСС, 2001. 392 с.

27. Бархударов Л.С. 12 вещей, 12 названий // Русский язык за рубежом. 1969. № 4. С. 79-80.

28. Батай Ж. Внутренний опыт / Пер. с франц., послесловие и комментарии С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Миф-рил, 1997. 336 с.

29. Батай Ж. Ненависть к поэзии: Романы и повести / Пер. с фр.; Сост. С. Зенкин. М.: Ладомир, 1999. 614 с.

30. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5. – С.159-206.

31. Белая Е.Н. Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 23 с.

32. Берлизон С.Б. Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии «язык-речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. II. Отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск: изд-во НГУ, 1973. С. 89-98.

33. Берталанфи Л. Общая теория систем. М.: Системное моделирование, 1969. 520 с.

34. Бовина И.Б. Семантический дифференциал // Социальная психология. Практикум / Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект пресс, 2006. С. 90-106.

35. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. 2001. [Электронный ресурс] // URL: http://www.klex.ru/2s6 (дата обращения: 09.01.20).

36. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации текста // Жанры речи. 1997. № 1. С. 12-23.

37. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37-44

38. Борисова И.В. Семантика эгоцентрических категорий: Liebe, Hass и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Абакан, 2003. 24 с.

39. Брильц О.А. Смысл и значения и их интерпретация в рамках предметно-энергийного подхода // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374). Вып. 37. С. 22-25.

40. Бринев К.И. Эссенциалистские теории значения: когнитивная теория категоризации и теория прямой референции: монография. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2023. 203 с.

41. Буданов В.В. Синергетика и теория сложности: междисциплинарный подход. Часть 1. Принципы. Методология. Образование: монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 180 с.

42. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 30-51.

43. Бычкова М.Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. № 1. С. 127-131.

44. Валери П. Смесь // Валери П. Об искусстве. Пер. с франц. Изд. подг. В.М. Козовой. М.: «Искусство», 1976. С. 191-208.

45. Ван Дейк Тён. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М: URSS, 2015. 352 с.

46. Вардзелашвили Ж.А. Наносемы как латеральный компонент значения слова // Acta Linguistica. 2007. Т.1. № 1. С. 55-62.

47. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт; пер. с англ. К. Тулуповой. М.: Фонд «Сохрани Тибет», 2023. 456 с.

48. Васильев И.А. К вопросу о возникновении эмоций в структуре мыслительной деятельности // Психология технического творчества: Тезисы докладов симпозиума, г. Москва. М.: МГУ, 1973. С. 225-230.

49. Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебно-методическое пособие по РКИ – М.: Мир науки, 2021. Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf – Загл. с экрана.

50. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. 1997. № 1. С. 99-111.

51. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры», 1999. 780 с.

52. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 5-24.

53. Виноградова В.С. К вопросу о лексико-семантическом уровне и его единицах // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Вып. II. Волгоград: изд-во ВГПИ. 1981. С. 62-69.

54. Волкова П.С. Синестезия как опыт вхождения в пространство духа: методологический аспект // Вопросы музыкальной синестетики: история, теория, практика: Сборник статей. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2018. С. 7-17.

55. Волкова П.С. Эмотивность как принцип экологичной коммуникации: методологический подход // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред.

проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 98-115.

56. Волкова Я.А. «Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М.: .- Ярославль: Изд-во Канцлер, 2018. С. 23-29.

57. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

58. Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Издательство «Международные отношения», 1966. 336 с.

59. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 39 с.

60. Гарькавец С.А., Яковенко С.И. Гендерные особенности инсталляции обиды // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Серія «Психологія». 2016. Вип. 59. С. 59-64.

61. Гарькавец С.А., Яковенко С.И. Особенности возникновения и проявления обиды на разных этапах онтогенеза личности // Теоретичні і прикладні проблеми психології: зб. наук. праць Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. Сєвєродонецьк: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2015. Т. 2. №3(38). С. 105-116.

62. Гацура Н.И. Перевод средств создания эмотивности с английского языка на русский в романе Д. Мойес «До встречи с тобой» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 238-243

63. Гашков А.В. Повышение точности определения морфологических признаков неизвестных слов методом аналогий с помощью нечётких множеств // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7. С. 20-23.

64. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. 190 с.

65. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический проект, 2012. 237 с.

66. Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Академические проект, 2014. 235 с.

67. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

68. Гладко М.А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 7-21.

69. Глазко П.П. Структура и прагматика экспрессивно-эмотивных комплексов в русскоязычном медиадискурсе Беларуси // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2024. № 2 (129). С. 7-14.

70. Го Лицзюнь, Щетинина А.В. Актуальная эмотивная лексика в русском и китайском языках: новые слова и значения // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1. С. 36-49.

71. Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков: «Выща школа», 1989. 96 с.

72. Голубева О.В. «Пятьдесят оттенков» смысловой неопределенности // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 4. С. 17-23.

73. Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Тверь, 2016. 48 с.

74. Горбатовский А.С., Олейник М.А. Моделирование культурного пространства художественного текста: лексико-семантический аспект. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. 192 с.

75. Грибова Н.Н. Концептуальное пространство в аспекте теории нечетких множеств // Достижения вузовской науки: сборник XVI Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: ЦРНС, 2020. С. 193-166.

76. Григорьева Н.И. Имиджи и симулякры в социально-коммуникативной среде современной цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2010. 23 с.

77. Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Изд-во «Наука», 1983. С. 113-119.

78. Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 744 с.

79. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 396 с.

80. Гураль С.К., Петрова Г.И., Смокотин В.М. Выразить невыразимое: возможности синергетических усилий лингвистики и философии // Язык и культура. 2018. № 42. С. 6–18.

81. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение. М.: Академический проект, 2019. 489 с.

82. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.

83. Гуссерль Э. Феноменология. М.: Наука, 1987. 283 с.

84. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

85. Долинин К.А. Интерпретация текста. Учеб. пособие. М.: «Просвещение», 1985. 288 с.

86. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Учеб. пособие. Л.: «Просвещение», 1978. 344 с.

87. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 128 с.

88. Дудкина Н.В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 202 с.

89. Душенкова Т.Р. Обида: психолого-лингвистический «портрет» чувства в удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 1. С. 64-68.

90. Ефремов В.А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 18-37.

91. Желонкина Т.П. Существительные с «размытым» значением в современном английском языке // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 111-115.

92. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1990. 81 с.

93. Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 25. С. 106-111.

94. Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 48-61.

95. Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений; пер. с англ. Н.И. Ринго. М.: Мир, 1976. 168 с.

96. Заде Л.А. Предисловие // Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. М.: «Радио и связь», 1982. С. 6-7.

97. Залевская А.А. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании // Cultural heritage in knowledge ... / Chief editor: Pavlov V.V. London, 2013. С. 89-92.

98. Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.

99. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис. 2005. 543 с.

100. Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь: Калинин. гос. ун-т, 1991. С.73-82.

101. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 378-397.

102. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.: «Просвещение», 1965. 498 с.

103. Зимина Н.В. Лексические средства выражения неопределенности в современном немецком языке: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2001. 200 с.

104. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

105. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур. 2010. 588 с.

106. Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 108 с.

107. Зунделович Я. Жанр // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. - Т. 1. А-П. – С. 237-238.

108. Ивницкий Е.И. Категория эмотивности в современной русской литературе // Филология и культура. 2023. № 4 (74). С. 31-38.

109. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.

110. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 1340 с.

111. Ильинова Е.Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. 513 с.

112. Ильинова Е.Ю. Стилистический аспект семантической модуляции значения слова в ироничном контексте // Вестник Волгоградского государственного университет. Сер. 2: Языкознания. 2013. № 3 (19). С. 40-47.

113. Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А. Дискурсивная гибридность контактного разговора в англоязычной фатической лингвокультуре // Актуальные проблемы языкознания. 2022. Т. 1. № 1. С. 90-97.

114. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 40 с.

115. Ионова С.В. Дискурсивные эмоции: кооперация и диссонанс. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. 504 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 197-201.

116. Ионова С.В. Эмоции в новой коммуникативной реальности // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. монография / Отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2010. С. 7-20.

117. Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 13-27.

118. Ионова С.В., Шаховский В.И. Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект // Антропология языка. The Antropology of Language: сб. статей. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 137-149.

119. Иссерс О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6: Журналистика. С. 216-227.

120. Кабановская Е.Ю. Психолингвистические механизмы выражения эмоций в картине мира личности: автореф. ... дис. канд. психол. Наук. Чита, 2004. 24 с.

121. Кабановская Е.Ю. Современные подходы к исследованию эмотивного значения // Язык в различных сферах коммуникации: Материалы II Международной научной конференции: Забайкал. гос. ун-т. 2016. С. 96-98.

122. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 43 с.

123. Калинин Э.Ю., Черновицкая Ю.В. Реальность сложности или сложность реальности (информационно-коммуникативный подход) // Философия науки. 2013. № 1. С. 111-125.

124. Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики речевых жанров // Жанры речи. 2025. № 4. С. 380-387.

125. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). С. 43-50.

126. Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29-42.

127. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.

128. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М: Гнозис, 2010. 319 с.

129. Карманова З.Я. Принципы феноменологической лингвистики: монография. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. 400 с.

130. Карманова З.Я. Слово в контексте феномена интенциональности // Человек в информационном пространстве: Сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 9-16.

131. Карманова З.Я. Слово в контексте феноменологического инсайта // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции. Т. 2. Челябинск, 2016. С. 59-63.

132. Карманова З.Я. Феномен сознания vs феномен слова // Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017: материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 361-372.

133. Карманова З.Я. Феноменология грамматики или феноменологическая грамматика // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: Изд-во Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 294-303.

134. Карманова З.Я. Феноменология слова: слово VS мысль. М.: ТЕЗАУРУС, 2010. 390 с.

135. Катермина В.В. Эмотивная лексика и перевод // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 82-91.

136. Квасюк И.И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: на материале разных частей речи современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1983. 254 с.

137. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа, 2007. 22 с.

138. Киселева Л.А., Шевченко В.Д. Эмотивная компетенция как составляющая коммуникативного портрета современника // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. материалы XII Международной научно-практической конференции. Астана, 2025. С. 210-215.

139. Кислицына Н.Н. Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект). Симферополь: ООО «Антиква», 2022. 328 с.

140. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: научное Издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. 250 с.

141. Клаус Г. Сила слова: гносеологический и прагматический анализ языка / Пер. с нем. Н.Г. Комлева. М.: «Прогресс», 1967. 215 с.

142. Клушина Н.И. Кроссвордное письмо: девербализация эмоций в современной медиакультуре // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя прафесара А.І.Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. У 2-х т. Т. 1. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. С. 338-343.

143. Князева Е.Н. Инновационная сложность / Отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. 608 с.

144. Князева Е.Н. Когнитивная сложность // Философия науки. 2013. № 1. С. 81-94.

145. Князева Е.Н. Неопределенность как вызов для исторического творчества // Мир человека: неопределенность как вызов / Отв. ред. Г.Л. Белкина. Ред.-сост. М.И. Фролова. Предисл. С.Н. Корсакова и М.И. Фроловой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 111-124.

146. Коваль-Темиковский Ю.Я. «Облако Незнания» и Образы Невыразимого: О символизме анонимного английского трактата: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 221 с.

147. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

148. Козеренко А.Д. Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом // Русская речь. 2019. № 5. С. 47-58.

149. Кокошкина И.В. Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификация, факторы употребления: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 24 с.

150. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: URSS, 2020. 200 с.

151. Кольцова Л.М. Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 284-298.

152. Комина Э.В. Синестезийные опыты в творчестве В.Набокова: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2006. 142 с.

153. Кортунов В.В., Саенко Н.Р. Новые модусы эмоций в современной культуре // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Volume 6. Number 3. С. 53-67.

154. Котова Н.С. Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 43 с.

155. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 507 с.

156. Красавский Н.А. Эмоциональный концепт «Отвращение» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 114-118.

157. Кротов Я. Революция пробела. XI век: революция в пении, революция в чтении // [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/yakov/history/11_moi/revoluzia_probela.htm (дата обращения: 10.02.2022).

158. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 4-е, стер. М.: ЛЕНАНД, 2018. 176 с.

159. Кузнецова А.А. Иллокутивные типы вербального проявления эмпатии (на материале французского языка) // Вестник Башкирского университета. 2010. № 2. С. 360-363.

160. Кундик О.И. Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997. 164 с.

161. Кустова Г.И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Изд-ва «Школа «Языки русской культуры» и «Русские словари». 1998. № 36. С. 19-40.

162. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Изд-во «Наука», 1983. С. 5-20.

163. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2017. 216 с.

164. Лепенышева А.А. Языковая репрезентация эмоции удивления в английском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. 26 с.

165. Ли Ин. Сравнение нечеткости русского и китайского языков в теории прототипа // Научные исследования и современное образование: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чебоксарский гос. ун-т, 2019. С. 116-120.

166. Лихачева О.Н. Особенности градуальных антонимов в русском и английском языках // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГТУ». 2015. № 9. С. 17-28.

167. Логиновская Ю.В., Черникова И.В. Язык как творческий инструмент сознания // Язык и культура. 2022. № 60. С. 57-81.

168. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1988. С. 5-19.

169. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Изд-во АСТ, 2021. 448 с.

170. Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия РАН. Серия Литературы и языка. Т. 36. № 1. 1977. С. 3-8.

171. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // ИАН, сер. Литературы и языка. 1981. № 5. С. 403-412.

172. Лосев А.Ф. Русская философия // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 67-95.

173. Лосев А.Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли // Известия РАН. Серия Литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. С. 395-407.

174. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры. 1999. 464 с.

175. Лукинова А.Р. Развитие представлений о «невыразимом» в творчестве А.А. Фета // Филология. М.: МГППУ, 2010. С. 33-48.

176. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 211-215.

177. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики: монография. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.

178. Лысенко О.М. Семантически диффузные высказывания в английской разговорной речи: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 1987. 16 с

179. Львов М.Р. Опыт систематизации лексических антонимов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь: Пермский ун-т, 1999. С. 307-311.

180. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.

181. Маклакова Е.А. Семная семасиология: история становления // Евразийский союз ученых. 2014. № 7. С. 59-61

182. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): автореф. … дис. д-ра филол. наук. Воронеж. 2014. 52 с.

183. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография. Воронеж: «Истоки», 2013. 277 с.

184. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Типы семантических компонентов. Аспектный подход к семантике слова // Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: «Истоки», 2013. С. 38-62.

185. Малахова С.А. Концепт «обида» в английском языке (лексикографический аспект) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (70). С. 80-83.

186. Малахова С.А. Семантика обиды в русской лингвокультуре // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота 2010. № 6 (37). С. 174-176.

187. Мальцева Н.Б., Карташкова Ф.И., Бондаревская А.В. Интерес и родственные эмоции в художественной прозе // Филология и культура. 2020. № 1. С. 79-85.

188. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 576 с.

189. Манакин В.Н. Семантические преобразования слов в художественном тексте (на материале произведений А.П. Чехова): дис. … канд. филол. наук, Кировград, 1984. 175 с.

190. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2015. № 2. С. 68-73.

191. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. Москва: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.

192. Маркина М.В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 24 с.

193. Масленникова Е.М. Читательская проекция текста как его интерпретация: «живое знание» и внутренний контекст // Этнопсихолингвистика. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 1 (8). С. 35-49.

194. Маслова В.А. Значение и смысл в поэтическом тексте // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2011. № 1. С. 162-166.

195. Маслова В.А. Русская поэзия: эмоциональный аспект // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 294-298.

196. Матарыкина Н.Д. Неологизмы немецкого молодежного сленга на рубеже XX-XXI веков: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 16 с.

197. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

198. Мезенцева Т.А. Эмотивная лексика в оригиналах и переводах художественных произведений // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. № 1. С. 75-83.

199. Мельчук И.В. К понятию словообразования // Известия Академии наук СССР, сер. литературы и языка. 1967. Вып. 4. С. 352-362.

200. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.: Изд-во АН СССР, 1978. 238 с.

201. Миронова Е.А., Карпова А.С. Перлокутивный эффект «иллокуции вынуждения к сочувствию» в немецкоязычном и русскоязычном обществах // Science and Education: Problems and Innovations: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 127-130.

202. Митина Е.А. Речевой жанр «соболезнование» в русской лингвокультуре // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 2 (256). С. 56-58.

203. Михайлова Е.А. Основные способы отражения эмоции удивления в русском языке // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 29-31.

204. Михайлова М.Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестник Башкирского университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2015. Т. 20. № 3. С. 1072-1079.

205. Михайлова М.Ю. Местоимения как средство передачи семантики невыразимого // Инновационные процессы современности: Сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф. Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. С. 149-153.

206. Михайлова М.Ю. Характеристика поля семантики невыразимого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 156-158.

207. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: издательство Уральского университета, 1998. 240 с.

208. Могутова Н.В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.2. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 88-93.

209. Моисеева А.В., Титлова А.С. Флейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 2 (30). С. 1-4.

210. Морозкина Е.А., Алтынгужин Т.Р., Демина О.Ф. Герменевтический «круг» эмотивности в оригинале и переводе романа Ж.-П. Сартра «Тошнота» // Вестник Башкирского университета. 2018. № 3. С. 800-805.

211. Мркаич М.Б. Репрезентация эмотивных комплексов в русском языке (на материале телевизионных ток-шоу): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Москва, 2022. 25 с.

212. Муллагаянова Г.С. Экспликация эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения: автореф. … дис. канд. филол. наук. Тобольск, 2010. 24 с.

213. Муравьева Л.Е. Нарратология эмоций: репрезентация эмоций в художественном нарративе // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 259-279.

214. Муратова Е.Ю. Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста: автореф. … дис. д-ра филол. наук. Архангельск. 2016, 45 с.

215. Мюллер Т. Полифония: учебник. М: Музыка, 1988. 335 с.

216. Мягкова Е.Ю. Познание, эмоции, культура, язык: вместе или врозь? // Этнопсихолингвистика. М.: ИНИОН РАН, 2023. № 3 (14). С. 75-89.

217. Мягкова Е.Ю. Эмоции: особенности исследования в разных научных парадигмах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 2 (81). С. 54-59.

218. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. 247 с.

219. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений. М.: URSS, 2019. 320 с.

220. Найдич Л.Э., Павлова А.В. Магия парности (на материале русской поэзии) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М., 2019.С. 120-133.

221. Немич Н.Н. (а) Паралогичность семантики невыразимого в газетном дискурсе // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Киров, 2022. С. 17-21.

222. Немич Н.Н. (б) Семантика невыразимого в газетном дискурсе: денотативная область // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве:

материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой юбилеям известных представителей Самарской лингвистической школы А.Н. Гвоздева и Е.М. Кубарева / Отв. редактор Т.Е. Баженова. Самара, 2022. С. 142-156.

223. Немич Н.Н. (в) Характеристика эмотивной составляющей конституентов семантики невыразимого (на примере фразеологизма «нет слов») // Поволжский педагогический вестник. 2022. Т. 10. № 4(37). С. 20-28.

224. Немич Н.Н. Проблема изучения семантики невыразимого в современном газетном дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3. С. 109-117.

225. Немич Н.Н. Эмоциональный потенциал семантики невыразимого в газетном дискурсе // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. М., 2020. С. 258-261.

226. Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореф. … дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

227. Нечай Ю.П., Линке Н.О. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания в художественной прозе Э.М. Ремарка // Гуманитарные и социальные науки. – 2024. Т. 104. № 3. С. 118-123.

228. Никабадзе О.С. Обида и обидчивость как антропологический феномен педагогического взаимодействия // Развитие системы педагогического образования в современной России: антропологический аспект. Материалы XI Международной научно-практической конференции / Под ред. Л.Л. Редько, С.В. Бобрышова, Е.Г. Пономарева. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2015. С. 244-247.

229. Никандров В.В. Экспериментальная психология: учебное пособие. СПб: Речь, 2003. 480 с.

230. Никитин Е.А., Шкленник С.М., Цой В.С. Соотношение агрессивности, алекситимии и типа поведения у военнослужащих // Вестник психотерапии. 2006. № 17 (22). С. 73-78.

231. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

232. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 357 с.

233. Никишина И.Ю. Выражение концепта anger («гнев») в современной английской и американской художественной литературе: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Москва, 2008. 21 с.

234. Николаев А.В. Драма в пространстве литературы: сокращенная поэтика // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 60-69.

235. Никулина Д.С., Аднодворцев Д.В. Изучение проявления феномена алекситимии у субъектов с разной степенью выраженности трудоголизма // Известия ТРТУ. 2006. № 14 (69). С. 271-275.

236. Нилогов А.С. Дискурс антиязыка (от философии языка к философии антиязыка) // Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 118-124.

237. Нилогов А.С. Что такое философия антиязыка? // Философия и культура. 2016. № 1. С. 49-59.

238. Новиков А.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М.: Наука, 1990. 135 с.

239. Новиков А.Л., Новикова И.А. Семантический дифференциал как метод изучения отношения к родному и русскому языкам в контексте межкультурной адаптации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1175-1188.

240. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1993. 290 с.

241. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2001. 676 с.

242. Новиков Л.А. Что стоит за слитным написание *не-* с глаголами у А.А. Потебни. Об одной особенности орфографии ученого // Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001, с. 642-652.

243. Огаркова А., Сориано К., Лер К. Культурная специфика называния переживаемых эмоций в эмоциональных сценариях: исследование злости, стыда, вины и гордости в пяти европейских языках // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. монография / Отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2010. С. 71-84.

244. Орлова Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.

245. Острикова Г.Н. Коммуникемы с противоположными значениями в немецком языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №4 (24). С. 26-35.

246. Островская К.З. (а) Анализ речевой ситуации «простого» удивления с позиции двух видов реакции удивления // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-2. С. 38-42.

247. Островская К.З. (б) Речевая ситуация удивления с позиции скрытой речевой стратегии удовлетворения/неудовлетворения прагматических ожиданий получателя текста (на материале русских и немецких народных сказок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 23 (277). С. 95-99.

248. Островская К.З. (в) Эмоциональная составляющая речевой ситуации удивления (на материале русских и немецких сказок) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 8 (72). С. 11-15.

249. Островская К.З. Прагмалингвистический аспект категории удивления: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 27 с.

250. Панкина М.Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. №1. С. 83-85.

251. Панченко Н.Н. Коммуникативный типаж 'притворщик' // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып.30. С. 94–98.

252. Петрова О.В. Неточные слова или размытость понятий? // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 5. С. 98-106.

253. Петрова Ю.А. К проблеме перевода эмотивной лексики // Язык и культура. Сборник статей XXIX Международной научной конференции. Томск, 2019. С. 241-246.

254. Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 991–1016.

255. Подлесова О.А. Английские лингвокультурные концепты положительных эмоций joy, exultation // Вояджер: мир и человек. 2013. № 3. С. 129-132.

256. Полева С.В. Семантические преобразования лексемы «идиот» в одноименном романе Ф.М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 259-262.

257. Полуэктова Т.Д. Реализация семантики статуса в русском языке (на материале номинаций лиц медиа-политического текста): автореф. … дис. канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 21 с.

258. Пономарёва И.В. Псевдокоммуникация: монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. 172 с.

259. Понять себя: тест на алекситимию // Астма и аллергия. 2007. №1. С. 8-9.

260. Попова О.И., Лебская Д.А. Прагматический аспект перевода эмотивной лексики в политическом дискурсе (на материале текстов

выступлений Э. Макрона) // HOMO LOQUENS: вопросы лингвистики и транслятологии: сборник статей. Волгоград, 2021. С. 66-76.

261. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: «Алетейя», 2007. 521 с.

262. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. 300 с.

263. Привалова И.В. «Расширение чувств»: когнитивный механизм участника электронной коммуникации // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: коллективная монография / Отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. М.: Волгоград: ООО «ПринТерра-Дизайн», 2020. С. 102-116.

264. Пропп В.Я Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.

265. Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.

266. Ресенчук А.А. Этикетная коммуникация: дискурс соболезнования: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2018. 120 с.

267. Роговская Е.Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 20 с.

268. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Академический Проект; Трикста. 2006. 800 с.

269. Рудакова С.В. Счастье как эмоциональное переживание (на материале лирики Е.А. Баратынского) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции. М.: ИИЯ РАН, 2020. С. 141-146.

270. Руднев В.П. (при участии К. Пранъич). Нарративный диссонанс: язык против реальности: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2020. 165 с.

271. Рябов О.Р., Николаева И.В. Город как экспозиция эмоций // Дизайн-ревю. 2018. № 1-4. С. 85-93.

272. Савина А.П. Прагмема как средство выражения оценки: семантика, деривация, грамматика: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. 23 с.

273. Савинова А.Г. Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 201 с.

274. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

275. Свистова А.К. Синестезийная метафоризация как способ развития полисемии: на материале русской и немецкой поэзии XIX - XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 201 с.

276. Семке В.Я., Брель Е.Ю., Стоянова И.Я. Психологическая модель алекситимии в ракурсе факторного анализа // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 1 (52). С. 93-95.

277. Сердобинцева Е.Н. В поисках сути // «Экология языка». 7-я Международная научная конференция. Пенза, 2014. С. 15-17.

278. Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 805-821

279. Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: дис. ... д-ра филол. наук, Смоленск, 2013. 610 с.

280. Смирнова О.А., Попова С.Н. Проблема перевода эмотивно-окрашенной лексики с английского языка на русский. Сущность экспрессивно-эмоциональной конкретизации // Перспективы развития науки в современном мире. Сборник трудов по материалам XII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. В 2 частях. Ч. 1. Уфа: изд. НИЦ Вестник науки, 2023. С. 240-245.

281. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем, 2022. 176 с.

282. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука. 1986. 92 с.

283. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50-57.

284. Станиславский К.С. Работа актера над ролью. М.: АСТ, 2010. 557 с.

285. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. М. URSS, 2002. 359 с.

286. Стернин И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 171-179.

287. Стернин И.А. Из наблюдений над вероятностными семами в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1980. С. 14-20.

288. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж. 1985. 138 с.

289. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 45 с.

290. Стефанский Е.Е. Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. №1. С. 172-182

291. Султанов А.Х. Слово как вещь явленная в смысле // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: сборник статей. М.: «Азбуковник», 2001. С. 276-293.

292. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГОУ, 2009. С. 294-295.

293. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. … дис. канд. филол. наук., Красноярск, 1999. 22 с.

294. Таттерсол И., де Салль Р. Человек неожиданный: генетика, поведение и свобода выбора / Пер. с англ. Н. Пахмутовой. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. 232 с.

295. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: «Наука», 1986. 144 с.

296. Терентьева И.Н. Человек перед лицом сложности: коммуникативные следствия антропного принципа // Антропологическая аналитика. сборник научных трудов. Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2015. С. 33-35.

297. Тимохина Л.Р., Казыдуб Н.Н. Категория сопереживания в русском языке: семантический и функциональный аспекты // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сборник научных трудов. Вып. 6. Иркутск, 2023. С. 139-146.

298. Третьякова И.Ю. Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. №4. С. 139-142.

299. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.

300. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448с.

301. Федорова Л.Л. *Лапушка* и *лапочка*: к мотивации традиционных обращений // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. Москва: ИИЯ РАН, 2019. С. 214-221.

302. Федосов О.И. *Басовый ключ*, *творог* и *мебельный склад* как «эмоциональные отдушины» в венгерском языке // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. Москва: ИИЯ РАН, 2019. С. 222-230.

303. Фельдман М. Обида и лежащая в ее основе эдипальная конфигурация // Журнал практической психологии и психоанализа». 2015. № 1. С. 39-46.

304. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

305. Фортунатов А.Н., Воскресенская Н.Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285.

306. Фуко М. Психическая болезнь и личность. М.: Гуманитарная академия. 2009. 320 с.

307. Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 200 с.

308. Харченко В.К. Современная повседневная речь. М.: Либроком, 2012. 184 с.

309. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: «КСП+», 1999. 416 с.

310. Черникова Н.В. Аспекты изучения семантических неологизмов. Мичуринск: Мичуринский гос. пед. ин-т, 1998. 80 с.

311. Чернов А.В. Конструкции с междометием в формальном и семантическом аспектах (на материале современного английского языка): дис. … канд. филол. наук. Саранск, 1998. 136 с.

312. Шаров А.В. *Sajnos* и *kár*, или о выражении сожаления в современном венгерском языке // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2018. С. 142-144.

313. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград, изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

314. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 192 с.

315. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале английского языка): автореф. … дис. д-ра филол. наук. Москва, 1988. 40 с.

316. Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 324-333.

317. Шаховский В.И. Мат в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 6. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 2011. С. 303-307.

318. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 53-61.

319. Шаховский В.И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка: автореф. … дис. канд. филол. наук. Москва, 1969. 25 с.

320. Шаховский В.И. Семиотика пробела / пустоты / белого пятна в СМИ-дискурсе// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 2. С. 21-45.

321. Шаховский В.И. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 34-52.

322. Шаховский В.И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология.2020. № 22. С. 217-225.

323. Шаховский В.И. Эмотивное значение и методы его описания. Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. 96 с.

324. Шаховский В.И. Эмоции в нулевой коммуникации // Человек в коммуникации: лингвокультурология и прагматика: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С. 75-82.

325. Шаховский В.И. Эмоции-мысли в художественной коммуникации как стилистический прием // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГСПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 81-91.

326. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1 С. 35-43.

327. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие. Волгоград: «Перемена», 2009. 170 с.

328. Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 138-163.

329. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.

330. Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1998. 207 с.

331. Шестопалова А.А. Флейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации // Трибуна ученого. 2021. № 5. С. 416-423.

332. Шмульская Л.С., Мамаева С.В. Эмотивный концепт «обида» в художественном пространстве // Успехи современного естествознания. 2012. № 7. С. 118-121.

333. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

334. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1989. 603 с.

335. Шпет Г.Г. Язык и смысл [Электронный ресурс] URL:https://www.phantastike.com/philosophy/yazik_i_smisl/html/ (дата обращения: 10.09.2023).

336. Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 22 с.

337. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 книгах. Книга 2. Понимание и мышление. Смысл и содержание. М.: Восточная литература, 2005. 352 с.

338. Эйчисон Дж. Лингвистическое отражение любви, гнева и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1995. С. 76-91.

339. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол. Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

340. Эпштейн М.Н. Отрицание как утверждение. Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи // Культура письменной речи [Электронный ресурс] URL: http://www.gramma.ru/RUS/?id=1.90 (дата обращения: 10.03.2020).

341. Эпштейн М.Н. Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 16-24.

342. Эрцикова Г.А. Неполные и контекстуальные антонимы в произведениях Н.В. Игнатьева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 1. Т. 13. С. 20-25.

343. Яблокова Т.Н. Концептуализация эмоциональной амбивалентности (на материале современного английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1(77). С. 184-189.

344. Ягодкина М.В. «Агрессивные точки» в современной интернет-коммуникации // Art Logos. 2021. № 3 (16). С. 55-60.

345. Aros M. Narváez G. The semantic differential for the discipline of design: a tool for the product evaluation // Selected Proceedings from the 13th International Congress on Project Engineering, 2009. PP. 422-433

346. Ashar Y.K., Andrews-Hanna J.R., Halifax J, Dimidjian S., Wager T.D. Effects of compassion training on brain responses to suffering others // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2021. Volume 16. Issue 10. PP. 1036-1047

347. Averill J.R. The Emotions. An Integrative Approach // Hogan R., Johnson J., Briggs St. Handbook of Personality Psychology. Oxford: Academic Press, 1997. PP. 513-541.

348. Averill J.R., Thomas-Knowles C. Emotional creativity // International review of studies on emotion. 1991. Vol. 1 London: Wiley. PP.269-299

349. Baudonnière P.-M. Le mimétisme et l'imitation : Un exposé pour comprendre, un essai pour réfléchir. Flammarion: Dominos. 1998. 128 p.

350. Ben-Ze'ev A. Describing the emotions: a review of The Cognitive Structure of Emotions by Ortony, Clore and Collins // Philosophical Psychology. 1990. Vol. 3. № 2. PP. 305-317.

351. Berrios R.A. Mixed Emotions: An Investigation of Their Source, Induction and Consequences for Well-Being: a thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. 2015. 296 p.

352. Bharaj P.K. and Jeon M. The Dominance of Blended Emotions: A Qualitative Study of Elementary Teachers' Emotions Related to Mathematics Teaching // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. PP. 1-20.

353. Bisiach E. Language without thought // Thought Without Language / Edited by L. Weiskrantz. –A Fyssen Foundation Symposium. – Oxford: Clarendon press , 1988. – PP. 464-483.

354. Chartrand T.L., Lakin J.L. The antecedents and consequences of human behavioral mimicry. Annual Review of Psychology. 2013. № 64. PP. 285-308.

355. Dalton P., Maute Ch., Oshida A., Hikishi S., Izumi Y. The Use of Semantic Differential Scaling to Define the Multi-Dimensional Representation of Odors // Journal of Sensory Studies. 2008. Volume 23, Issue 4. PP. 485-497.

356. Danesi M. The Semiotics of Love. Canada: Palgrave Macmillian, 2019. 178 p.

357. Decety, J. Une anatomie de l'empathie // Psychologie Et Neuropsychiatrie Cognitives. 2005. № 3. PP. 16-24.

358. Dewi Y.L., Basaruddin T., Rahmat M. Fuzzy Emotion Recognition Using Semantic Facial Features and Knowledge-based Fuzzy // International Journal of Engineering and Technology. 2019. 11(2). PP. 177-186

359. Diaz M.L. La parole approximative // Verba. 2003. Vol. 30. PP. 411-430.

360. Dijk C., Fisher A., Morina N., et all. Effects of Social Anxiety on Emotional Mimicry and Contagion: Feeling Negative, but Smiling Politely // Journal of Nonverbal BehaviorAims and scope. 2018. Vol. 42. PP. 81-99.

361. Engen H.G., Singer T. Compassion-based emotion regulation up-regulates experienced positive affect and associated neural networks // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2015. Volume 10. Issue 9. PP.1291-1301.

362. Esme W.-F. Les changements sémantiques et les ambiguïtés au niveau du discours : l'exemple du fr. on // Congrès Mondial de Linguistique Française CMLF, 2012 P. 247-259

363. Feildel B. Émotions et critique urbaine : les affects en jeu dans la production des espaces. Anne Clerval; Camille Gardesse; Jean Rivière. Inégalités et rapports de pouvoir en ville. Actualité de la critique urbaine, Editions de l'oeil d'or, 2023. PP.179-202.

364. Firbas J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge University Press, 1992. 240 p.

365. Firbas J. Some Aspects of the Czechoslovak Approach to Problems of Functional Sentence Perspective // Papers on Functional Sentence Perspective. Prague: Academia, 1974. PP. 11-37.

366. Francis D.C., Hong J., Liu J., Eker A., Lloyd K., Jeff T. Larsen, Hal E. Hershfield, James L. Cazares, Candice L. Hogan and Laura L. Carstensen. Meaningful Endings and Mixed Emotions: The Double-Edged Sword of Reminiscence on Good Times // Emotion. 2021 № 21(8). PP. 1650-1659.

367. Gladkova A. Emotions and attitudes in present day Russian through the prism of new words: cultural semantics of zhest' and related concepts // Russian Journal of Linguistics. 2022. № 4. P. 970-994.

368. Hess U., Fisher A. Emotional Mimicry: Why and When We Mimic Emotions // Social and Personality Psychology Compass. 2014. № 8/2. PP. 45-57.

369. Ilson R.F. The lexicography of concepts: emotions // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 131-135.

370. Jamrozik E. De la subjectivité dans le lexique // Langages. 1988. № 89. PP. 87-96.

371. Johnson-Laird P.N., Oatley K. The language of emotions: An analysis of a semantic field // Cognition and Emotion. 1989. № 3(2). PP. 81-123.

372. Kenny N. Lueur urbaine : réverbères, émotions et vie nocturne, années 1880 à 1910 // Écrire la ville. Pouvoirs, urbanités et modernités dans l'espace québécois (XIXe-XXe siècles). - 2023 URL: https://ecampusontario.pressbooks.pub/ecrirelaville/chapter/lueur-urbaine-reverberes-emotions-et-vie-nocturne-annees-1880-a-1910/#footnote-42-7

373. Klann E. Cognitive Empathy: its Development, Genetic Influence, and Mechanisms of Control // Journal of Young Investigators. - 2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.jyi.org/2020-september/2020/9/1/cognitive-empathy-its-development-genetic-influence-and-mechanisms-of-control (дата обращения: 17.03.2024).

374. Konurbaev M.E. Redefining Neutrality in Language and Speech // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 379-389.

375. Kuo-Kuang Fan, Shuh-Yeuan Deng, Chung-Ho Su, Fu-Yuan Cheng. Theory of Variable Fuzzy Sets for Artificial Emotions Prediction // Mathematical Problems in Engineering. 2015. Vol. 1. PP. 1-4.

376. Lagorgette D. Insultes et conflit: de la provocation à la résolution – et retour? // Les Cahiers de l'École Savoie. 2006. № 5. PP. 26-44.

377. Laplane D. La pensée d'outre-mots: la pensée sans langage et la relation pensée-langage. – Plessis-robinson: Institut Synthelabo, 1997. – 182 p.

378. Larsen J.T., Coles N.A., & Jordan D.K. Varieties of mixed emotional experience // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2017. № 15. PP. 72-76.

379. Larsen J.T., McGraw A.P. Further Evidence for Mixed Emotions // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. № 6. PP. 1095-1110.

380. LeDoux J, The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life. New York: Simon and Shuster Paperbacks, 1996. 384 p.

381. Leontovich O.A. New forms of urban discourse as a reflection of social change // Communication studies. 2019. № 3. P. 645-654.

382. Lutz C.A. Unnatural emotions: Everyday sentiments on a Micronesian atoll and their challenge to western theory. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 320 p.

383. Mergen F., Kuruoglu G. Lateralization of emotion word in the first and second language: Evidence from Turkish-English bilinguals // Russian Journal of Linguistics. 2023. V. 27. № 2. PP. 316–333.

384. Mondillon L., Tcherkassof A. La communication émotionnelle. Quand les expressions faciales s'en mêlent // Revue électronique de Psychologie Sociale. 2009. № 4. PP. 22-27.

385. Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris: Odile, 2005. 158 p.

386. Ngai S. Ugly feelings. London: Harvard University Press, 2005. 422 p.

387. Oloukoi Ch. « La marche urbaine : un outil pour appréhender les émotions a Johannesburg ? «, Carnets de géographes [En ligne], 9 | 2016, mis en ligne le 30 novembre 2016, consulté le 24 juillet 2024. URL : http://journals.openedition.org/cdg/576 ; DOI : https://doi.org/10.4000/cdg.576

388. Ortony A., Clore G.L., Collins A. The Cognitive Structure of Emotions. Oxford: Cambridge University Press, 1999. 207 p.

389. Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning by Urbana. Illinois: University of Illinois Press, 1957. 342 p

390. Otter Ch. The Victorian Eye: a political light and vision in Britain. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 329 p.

391. Ploder A., Eder A. Semantic Differential // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Science / Editor: James D. Wright. 2nd Edition. 2015. P. 563-571.

392. Plutchik R. The Nature of Emotions // American Scientist. 2001. Vol. 89. PP. 344-350.

393. Pugh Z.H. et all. Emotion depends on context, culture and their interaction: evidence from effective connectivity / Zachary H. Pugh, Sanghyun Choo, Joseph C. Leshin, Kristen A. Lindquist, Chang S. Nam // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2022. 17. PP. 206-217.

394. Rivera de J.A Structural Theory of Emotions // Psychological Issues. Monograph 40. 1977. № 4. PP. 120-146.

395. Rogers C. R. Empathic: An unappreciated way of being //The counseling psychologist. 1975. Vol. 5. №. 2. PP. 2-10.

396. Russell J.A. Culture and the Categorization of Emotions // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 110. № 3. PP. 426-450.

397. Shamay-Tsoory S. The neuropsychology of empathy: evidence from lesion studies // Revue de neuropsychologie. 2015. 4. PP. 237-243.

398. Shamay-Tsoory SG. The neural bases for empathy // Neuroscientist. 2011. 17. PP. 18-24.

399. Sherer K.R. What are emotions? And how can they be measured // Social Science Information. 2005 Vol. 44. № 4. PP. 695-729.

400. Simon E. Processus de conceptualisation d'« empathie» // Recherche en soins infirmiers. 2009. № 3 (N°98). PP. 28-31

401. Smith T.W. The Book of Human Emotions: from Ambiguphobi to Umpty - 154 Words from Around the World for How We feel. New-York: Little, Brown and Company, 2016. 336 p.

402. Tcherkassof A. Les émotions et leurs expressions. PUG, 2009. 144 p.

403. Tsai J.L., Levenson R.W. Cultural influences on emotional responding: Chinese American and European American dating couples during interpersonal conflict // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1997. 28. P. 600-625.

404. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford: Blackwell, 1962. 278 p.

405. Ward J. Emotionally mediated synaesthesia // Cognitive Neuropsychology. 21 (7). 2004. P. 761-772.

406. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. J.B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. – 217 p.

407. Wierzbicka A., Jamrozik E. L'amour, la colère, la joie, l'ennui. La sémantique des émotions dans une perspective transculturelle // Langages. 1988. № 89. PP. 97-107.

Список лексикографических источников

1. Большой современный толковый словарь русского языка / под общ. ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс] URL: gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 10.10.2022).

2. Новый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс] URL: https://www.efremova.info/ (дата обращения: 09.03.2022).

3. Collins English Dictionary [Электронный ресурс] URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 10.10.2022).

4. Larousse. Dictionnaire de français [Электронный ресурс] URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (дата обращения: 01.09.2022).

5. Oxford Dictionary of English [Электронный ресурс] URL: https://www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 10.10.2022).